

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА

Факультет
государственного
управления

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ISSN 2070-1381

ЭЛЕКТРОННЫЙ ВЕСТНИК

PUBLIC ADMINISTRATION
E-journal (Russia)

98

2023

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».

Издатель:

Факультет государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Редакция:

Никонов В.А. — главный редактор, доктор исторических наук, декан факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова;

Петрунин Ю.Ю. — зам. главного редактора, доктор философских наук;

Сухарева М.А. — ответственный секретарь, кандидат экономических наук;

Федько М.В. — редактор, кандидат филологических наук;

Ребрикова А.Г. — технический редактор.

Редакционная коллегия:

Никонов В.А. — доктор исторических наук (МГУ, Россия);

Петрунин Ю.Ю. — доктор философских наук (МГУ, Россия);

Ван Слайк Д. — PhD (Сиракузский университет, США);

Ван Яарсвелд Л.С. — PhD (Университет Южной Африки, ЮАР);

Барабашев А.Г. — доктор философских наук (НИУ ВШЭ, Россия);

Воронов А.С. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Глазьев С.Ю. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Григорьева Н.С. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Дубровская Ю.В. — кандидат экономических наук (ПНИПУ, Россия);

Зайцева Т.В. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Зуб А.Т. — доктор философских наук (МГУ, Россия);

Кудина М.В. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Купряшин Г.Л. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Лексин И.В. — доктор юридических наук (МГУ, Россия);

Леонтьева Л.С. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Лившин А.Я. — доктор исторических наук (МГУ, Россия);

Логинов А.В. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Машкова А.Л. — кандидат технических наук (ОГУ, Россия);

Михайлова О.В. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Нарбут Н.П. — доктор социологических наук (РУДН, Россия);

Осипов В.С. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Осипов Е.М. — доктор социологических наук (МГУ, Россия);

Певная М.В. — доктор социологических наук (МГУ, Россия);

Полюшкевич О.А. — кандидат философских наук (ИГУ, Россия);

Попова С.С. — кандидат юридических наук (МГУ, Россия);

Сидоров А.В. — доктор исторических наук (МГУ, Россия);

Смакотина Н.Л. — доктор социологических наук (МГУ, Россия);

Соловьев А.И. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Сторчевой М.А. — кандидат экономических наук (НИУ ВШЭ, Россия);

Судас Л.Г. — доктор философских наук (МГУ, Россия);

Сухарева М.А. — кандидат экономических наук (МГУ, Россия);

Угнич Е.А. — кандидат экономических наук (ДГТУ, Россия);

Федько М.В. — кандидат филологических наук (МГУ, Россия);

Халиков М.С. — доктор социологических наук (РАНХиГС, Россия).

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре как сетевое издание (свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Эл № 77-6880 от 10 апреля 2003 года и Эл № ФС77-56592 от 26 декабря 2013 года).

Международный стандартный серийный номер журнала **ISSN 2070-1381**.

Издание входит в систему РИНЦ на платформе eLIBRARY.ru (сублицензионный договор № 19-10/09 от 12 ноября 2009 года). Журнал входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются Высшей аттестационной комиссией России (ВАК РФ) при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по экономике, социологии, и политологии (с 22 октября 2010 года). Журнал выходит 6 раз в год. Все номера находятся в свободном доступе на сайте: e-journal.spa.msu.ru/.

Статьи журнала доступны в открытом доступе на основании принятой Лицензии Creative Commons:: **Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0)**.

Адрес редакции: 119992, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, каб. А-701. Тел.: +7 (495) 930-85-71.

E-mail: e-journal@spa.msu.ru

Founding Organization:

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M.V. Lomonosov Moscow State University.

Publisher:

School of Public Administration Lomonosov Moscow State University.

Editors:

Vyacheslav A. Nikonov — Editor-in-chief, DSc (History), Dean of School of Public Administration;

Yury Y. Petrunin — Deputy editor-in-chief, DSc (Philosophy);

Maria A. Sukhareva — Executive Secretary, PhD;

Maria V. Fedko — Editor, PhD;

Anastasia G. Rebrikova — Layout editor.

Board of Editors:

Vyacheslav A. Nikonov — DSc (History), Dean of School of Public Administration (MSU, Russia);

Yury Y. Petrunin — DSc (Philosophy) (MSU, Russia);

Alexey G. Barabashev — DSc (Philosophy) (HSE, Russia);

Sergey Yu. Glaziev — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Natalia S. Grigorieva — DSc (Political Science) (MSU, Russia);

Julia V. Dubrovskaya — PhD (PNRPU, Russia);

Tatyana V. Zaytseva — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Anatoliy T. Zub — DSc (Philosophy) (MSU, Russia);

Liza Ceciel van Jaarsveld — PhD (University of South Africa, RSA);

Manir S. Khalikov — DSc (Sociological Sciences) (RANEP, Russia);

Marianna V. Kudina — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Gennady L. Kupryashin — DSc (Political Science) (MSU, Russia);

Vladimir I. Leksin — DSc (Juridical Sciences) (MSU, Russia);

Alexander Y. Livshin — DSc (History) (MSU, Russia);

Lidiya S. Leontieva — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Andrey V. Loginov — DSc (Political Science) (MSU, Russia);

Aleksandra L. Mashkova — PhD (OSU, Russia);

Olga V. Mikhailova — DSc (Political Science) (MSU, Russia);

Nikolay P. Narbut — DSc (Sociological Sciences) (RUDN, Russia);

Vladimir S. Osipov — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Egor M. Osipov — DSc (Sociological Sciences) (MSU, Russia);

Maria V. Pevnaya — DSc (Sociological Sciences) (MSU, Russia);

Oxana A. Polyushkevich — PhD (ISU, Russia);

Svetlana S. Popova — PhD (MSU, Russia);

Alexander V. Sidorov — DSc (History) (MSU, Russia);

David Van Slyke — PhD (Syracuse University, USA);

Natalia V. Smakotina — DSc (Political Science) (MSU, Russia);

Alexander I. Solovyev — DSc (Political Science) (MSU, Russia);

Maxim A. Storchevoy — PhD (Political Science) (MSU, Russia);

Larisa G. Sudas — DSc (Philosophy) (MSU, Russia);

Maria A. Sukhareva — PhD (MSU, Russia);

Ekaterina A. Ugnich — PhD (DSTU, Russia);

Aleksandr S. Voronov — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Maria V. Fedko — PhD (MSU, Russia).

The journal is officially registered with the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation. International serial number of the magazine is ISSN 2070-1381.

“E-journal. Public Administration (Russia)” is included into RISC (Russian Index of Scientific Citation) and a Higher Attestation Commission (VAK) list.

The goal of “E-journal. Public Administration (Russia)” is to use the possibilities of Internet to promote cutting-edge theoretical and practical developments in public, municipal and corporate administration. All issues are available on the website: ee-journal.spa.msu.ru/.

The articles published in the journal are available on the basis of Creative Commons: **Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0)**.

Address: 119992, Moscow, Lomonosovskiy prospekt 27/4, room A-701. Telephone: + 7 (495) 930-85-71.

E-mail: e-journal@spa.msu.ru

Содержание

**Экономические вопросы управления
Economic issues in administration**

Ефимова Екатерина Андреевна

Формирование новейших отраслей экономики: мировые тенденции и положение в России..... 7

Ekaterina A. Efimova

Formation of Emerging Industries of Economy: World Trends and Situation in Russia

Логунцова Ирина Вячеславовна

Особенности креативной экономики Китая 21

Irina V. Loguntsova

Special Features of China's Creative Economy

Львова Ольга Александровна

Инструментарий превентивной реструктуризации для предупреждения банкротства компаний..... 31

Olga A. Lvova

Preventive Restructuring Toolkit for Business Bankruptcy Prevention

Титов Иван Андреевич; Бобылева Алла Зиновьевна

Трансформация роли экосистем в контексте современных условий развития цифровой экономики в России 48

Ivan A. Titov; Alla Z. Bobyleva

Transformation of Ecosystems' Role in the Context of Current Conditions of Digital Economy Development in Russia

Юсупова Гульшара Ниязовна ; Югай Нина Аркадьевна ; Чогулдуров Муктар Дуйшёнович

Налоговый потенциал малого предпринимательства в Кыргызской Республике: основные направления вывода из теневой экономики 62

Gulshara N. Yusupova; Nina A. Yugai; Muktar D. Choguldurov

Tax Potential of Small Business in the Kyrgyz Republic: The Main Directions of Mitigating Shadow Economy

**Проблемы управления: теория и практика
Administrative issues: theory and practice**

Наумов Александр Олегович ; Белоусова Марина Владимировна

К вопросу о применении технологий «острой силы» в современном мире..... 73

Alexandr O. Naumov; Marina V. Belousova

On the Issue of Sharp Power Technologies in the Modern World

Сидорова Александра Александровна

Организационная амбидекстрия: концептуальные основы и современные подходы..... 86

Aleksandra A. Sidorova

Organizational Ambidexterity: Conceptual Foundations and Modern Approaches

Щербаков Артем Сергеевич

Преимущества фактической модели оценки человеческого капитала в целях государственного управления..... 96

Artem S. Shcherbakov

Advantages of Factual Model of Human Capital Assessment for Purposes of Public Administration

**Правовые и политические аспекты управления
Legal and political aspects of governance**

Полунов Александр Юрьевич

Этнополитическая стабильность, форма правления и территориальное устройство государства: особенности и механизмы взаимосвязи 114

Alexander Yu. Polunov

Ethno-political Stability, Form of Government and Territorial Structure of the State: Features and Mechanisms of Interconnection

Селезнева Антонина Владимировна; Томаев Азамат Хамзатович; Хаткевич Александра Анатольевна
Молодежное политическое лидерство в институциональном измерении: среда формирования и особенности развития..... 123

Antonina V. Selezneva; Azamat Kh. Tomaev; Alexandra A. Khatkevich

Youth Political Leadership in Institutional Dimension: Shaping Environment and Development Features

Скипин Николай Сергеевич

Развитие инвайронментализма и экологической политики Японии, Франции и США в 1950–2000 гг. 138

Nikolai S. Skipin

The Development of Environmentalism and Environmental Policy in Japan, France and the United States in 1950–2000

**Социология управления
Management sociology**

Андреюк Денис Сергеевич; Фадеева Екатерина Александровна; Кузнецова Екатерина Александровна
Как измерить культурный код? Количественный анализ семантики в сказках А.С. Пушкина и в ценностях российской молодежи..... 151

Denis S. Andreyuk; Ekaterina A. Fadeeva; Ekaterina A. Kuznetsova

How to Measure the Cultural Code? Quantitative Analysis of Semantics in A.S. Pushkin's Fairy Tales and Values of Russian Youth

Кулькова Варвара Юрьевна ; Миннуллин Юлай Римович; Юзеф Хайтам Аббас Мохамед

Социальные детерминанты партнерского финансирования в региональных практиках (кейс Республики Татарстан) 162

Varvara Yu. Kulkova; Yulay R. Minnullin; Haitham Abbas Mohamed Youssef

Social Determinants of Partnership Financing in Regional Practices (Case Study of the Republic of Tatarstan)

Михайлова Ольга Владимировна; Шао Цзысюань

Социально-культурные аспекты коррупционного поведения. Опыт Китая 178

Olga V. Mikhaylova; Shao Zixuan

Sociocultural Aspects of Corrupt Behavior. The Experience of China

**Стратегия цифровой экономики
Digital economy strategies**

Лобкова Елена Валерьевна

Методические аспекты оценки цифровых проектов для их ранжирования и отбора в целях включения в стратегические документы цифровой трансформации субъектов Российской Федерации 191

Elena V. Lobkova

Methodological Aspects of Evaluating Digital Projects for Their Ranking and Selection for Inclusion in Strategic Documents of the Digital Transformation of the Subjects of the Russian Federation

Экономические вопросы управления
Economic issues in administration

DOI: 10.24412/2070-1381-2023-98-7-20

Формирование новейших отраслей экономики: мировые тенденции и положение
в России

Ефимова Екатерина Андреевна

Доктор экономических наук, профессор, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, РФ.

E-mail: ekaterina_efimova@ssau.ru

SPIN-код РИНЦ: [2270-9488](#)

ORCID ID: [0000-0002-5145-2168](#)

Аннотация

Объектом изучения в данной статье являются отрасли экономики, формирующиеся с середины XX века (примерно с 1950-х гг.), в основе которых лежит использование цифровых технологий. На основе анализа зарубежных исследований и сведений из открытых источников сети Интернет, в частности аналитических отчетов компаний Precedence Research, Allied Market Research, Market Research Future, автором определены отрасли экономики, которые можно считать новейшими (формирующимися). В рамках данного исследования в качестве таковых рассматриваются следующие отрасли: искусственный интеллект, виртуальная реальность, цифровое здоровье, производство водородных автомобилей, кибербезопасность, аддитивное производство, Интернет вещей, частный космический туризм и производство цифровых двойников. Новейшие отрасли экономики представляют собой совокупность секторов и фирм, создающих прорывные технологии и/или обладающих огромным рыночным потенциалом. Автором выявлены основные особенности новейших отраслей экономики и рассчитаны коэффициенты опережения роста их отраслевого рынка по сравнению со средними показателями роста мировой экономики в целом и Индустрии 4.0, частью которой они являются. В статью также представлена информация о развитии новейших отраслей экономики в России, однако данная информация носит весьма ограниченный характер в силу отсутствия единых методических подходов к определению формирующихся отраслей. На основе сопоставления развития новейших отраслей в России с зарубежными странами автором предложена классификация рассматриваемых отраслей на несколько групп. По итогам проведенного исследования разработаны рекомендации по совершенствованию условий развития новейших отраслей экономики в России.

Ключевые слова

Новейшие отрасли, цифровизация, искусственный интеллект, цифровое здоровье, виртуальная реальность, кибербезопасность, цифровой двойник, аддитивное производство, космический туризм, водородные автомобили, Интернет вещей.

Formation of Emerging Industries of Economy: World Trends and Situation in Russia

Ekaterina A. Efimova

DSc (Economics), Professor, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russian Federation.

E-mail: ekaterina_efimova@ssau.ru

ORCID ID: [0000-0002-5145-2168](#)

Abstract

The object of study in this article is the industries of the economy that have emerged since the middle of the 19 century (approximately since the 1950s), which are based on the use of digital technology. Based on the analysis of foreign studies and information from open sources on the Internet, in particular the analytical reports of Precedence Research, Allied Market Research, Market Research Future, the author identifies the industries of the economy that can be considered as the emerging. In this study, the following industries are considered as the emerging: artificial intelligence, virtual reality, digital health, hydrogen car manufacturing, cyber security, additive manufacturing, Internet of things, private space tourism and digital twin manufacturing. Emerging industries are the sectors and firms that create disruptive technologies and/or have huge market potential. The author explores the main features of the emerging industries of the economy and calculated growth rates of their industry market compared to average market growth rates. The article also provides information on the development of the emerging industries of the economy in Russia, but this information is very limited due to the lack of unified methodological approaches to identifying the emerging industries. Based on comparison of the emerging industries development in Russia with foreign countries, the author proposes a classification of the Russian emerging industries into several groups. As a result of the study, recommendations for improving the conditions for developing the emerging industries of the economy in Russia are given.

Keywords

Emerging industries, digitalization, artificial intelligence, digital health, virtual reality, cyber security, digital twin, additive manufacturing, space tourism, hydrogen vehicles, Internet of things.

Введение

Отраслевая структура экономики постоянно подвержена изменениям. В настоящее время роль основного фактора структурной динамики экономики отводится научно-техническому прогрессу. Значимость данного фактора подтверждается успехами развития экономики США и стран Европы. Существует точка зрения, что те изменения, которые мы сейчас наблюдаем в экономике, необходимо рассматривать не как структурные, а как трансформационные [Islam, Iversen 2018]. В отличие от структурных изменений, трансформационные носят более глубокий характер, поскольку затрагивают основы формирования и развития многих процессов и явлений в экономике. Так, развитие отраслей промышленности всегда происходило за счет внедрения новых технологий. Однако те технологии, которые использовались ранее, были связаны с «машинной» мощностью, но при этом они требовали участия человека для управления основным процессом производства. Развитие сектора услуг до недавнего времени также предполагало расширение использования человеческого ресурса (для оказания большего числа услуг требовалось большее количество работников). Внедрение современных цифровых технологий меняет саму суть производственного процесса и процесса оказания услуг: участие человека теперь сводится к минимуму, ручной труд также минимизируется или вовсе исключается, рабочая сила имеет ценность не просто как человеческий, а как интеллектуальный ресурс. Цифровые технологии на современном этапе можно рассматривать как отраслеобразующий фактор. В рамках данной статьи объектом исследования будут выступать новые отрасли экономики, которые образовались в середине XX века и в основе которых лежит использование цифровых технологий.

В иностранной литературе для обозначения новой, еще только формирующейся отрасли экономики используется термин *emerging industry* [Forbes, Kirsch 2011], который можно перевести как «возникающая отрасль», «появляющаяся отрасль» или «развивающаяся отрасль». Сразу отметим, что в рамках данной статьи все указанные термины будут использоваться как синонимы.

Особенности развивающихся отраслей

Развивающаяся отрасль — это группа компаний, бизнес которых сформирован на базе нового продукта, новой услуги, новой технологии или даже просто новой идеи, которые находятся на ранних стадиях разработки [Li et al. 2022]. Развивающаяся отрасль представляет собой совокупность секторов и фирм, создающих прорывные технологии и/или обладающих огромным рыночным потенциалом [Gong et al. 2022]. Новые отрасли экономики часто возникают в период смены одной технологии другой, при этом продукт, услуга или технология, вокруг которых формируется новая отрасль, могут быть малоизвестны или вообще пока неизвестны на рынке. Этот факт сильно затрудняет сбор сведений и проведение исследований о новейших отраслях экономики, так как они часто еще не включены в действующие экосистемы, а предприятия, входящие в них, не имеют существенной клиентской базы. Рассмотрим основные особенности развивающихся отраслей (Таблица 1).

Таблица 1. Особенности развивающихся отраслей экономики¹

Особенность	Характеристика
Стадия жизненного цикла	<i>Проектная.</i> Очень часто предприятия, входящие в новейшие отрасли экономики, образуются в форме стартапов, не имеют значительного дохода, выстроенной системы поставщиков и наработанной клиентской базы.
Конкуренция	<i>Низкая.</i> Конкуренция в формирующихся отраслях минимальная. Зачастую вся отрасль может быть представлена несколькими предприятиями, разрабатывающими новый продукт или технологию.
Потенциал роста	<i>Высокий.</i> Новейшие отрасли могут быстро расширяться при условии востребованности производимой продукции, приносить значительную прибыль ее участникам, что будет привлекать в отрасль новых производителей.
Уровень риска	<i>Высокий.</i> Развитие бизнеса в развивающейся отрасли рискованно, так как у предприятий не всегда достаточно средств для покрытия текущих затрат. Участникам формирующейся отрасли бывает сложно найти инвесторов для своих проектов, а испытания новых продуктов и технологий на начальной стадии может закончиться неудачей.
Уровень цен	<i>Высокий.</i> Предприятия, работающие в развивающейся отрасли, находятся в процессе создания эффективной цепи поставок и поиска новых каналов сбыта, поэтому они не могут производить свою продукцию в большом количестве и не могут снизить затраты за счет эффекта масштаба производства.
Барьеры для входа на рынок	<i>Низкие.</i> Поскольку конкурентов в формирующейся отрасли немного, то вход на рынок может быть легким. Единственными барьерами для входа новых участников, как правило, являются финансовый (недостаточность финансовых средств) и технологический (незнание новой технологии, используемой участниками рынка для производства продукта и услуг).

Как видно из Таблицы 1, некоторые особенности новых отраслей связаны с характеристиками, которые также относятся к рынку. В этой связи остановимся на отличии отрасли от рынка. Отрасль формируется производителями того или иного товара, в то время как рынок предполагает, помимо производителей, также участие покупателей товара. Для развивающихся отраслей экономики возможна ситуация, когда производители товара в экономической системе уже начали вести свой бизнес, а рынок товара еще не сформировался. В этой связи весьма показательным примером различий между отраслью и отраслевым рынком является производство электромобилей. Рынок электромобилей в последние годы развивается огромными темпами во всем мире, включая Россию, о чем свидетельствуют маркетинговые отчеты² и публикации российских и зарубежных ученых [Преснякова 2021; Фасхиев 2020; Kempton, Letendre 1997]. Однако сама отрасль по производству электромобилей имеет более чем столетнюю историю. Так, первые электромобили появились в США еще в конце XIX века, а в 1900 году в США было произведено 1575 электромобилей, что превышало производство автомобилей с ДВС (936 автомобилей) [Vascan, Szabo 2022, 19]. Тем не менее рынок электромобилей в США в начале XX века так и не сформировался. В 1903 году Генри Форд образовал свою автомобилестроительную компанию, а уже в 1908 году началось массовое производство автомобилей с бензиновым двигателем. На фоне низкой цены на бензин того времени потребители тут же сделали свой выбор — покупать электромобили стало совсем невыгодно: в 1912 году автомобиль с бензиновым двигателем стоил всего 650 долларов, в то время как электромобиль стоил 1750 долларов [Там же, 20]. И только тенденции последнего десятилетия XXI века, связанные с развитием зеленой экономики и поиском альтернативных источников энергии, заставили производителей вновь обратиться к электромобилям. Существенно выросшая цена на бензин способствовала

¹ Составлено автором.

² Electric Vehicles Report // IEA [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iea.org/reports/electric-vehicles> (дата обращения: 22.03.2023); Electric Vehicle Market // Allied Market Research [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alliedmarketrese arch.com/electric-vehicle-market> (дата обращения: 22.03.2023).

тому, что покупатели стали активнее приобретать электромобили, что и привело к развитию рынка данного товара. Таким образом, формирование новой отрасли еще не означает развитие ее отраслевого рынка.

Новейшие отрасли в экономике зарубежных стран

Как уже отмечалось, в рамках данной статьи будут исследоваться отрасли экономики, которые начали появляться с середины прошлого века, то есть примерно за последние семьдесят лет. Теоретическую базу исследования составили труды зарубежных ученых, посвященные проблемам исследования развивающихся отраслей экономики. Эмпирическая база исследования будет строиться на данных аналитических отчетов компаний [Precedence Research](#), [Allied Market Research](#), [Market Research Future](#), которые регулярно публикуют сведения о развитии отраслей и секторов экономики. Свой выбор в пользу зарубежных источников информации автор хотел бы обосновать тем, что, во-первых, в трудах российских исследователей сведения о развитии новейших отраслей экономики носят, как правило, больше описательный характер, связанный с особенностями применения той или иной технологии в промышленности или в каком-то секторе экономики, а не с экономическими оценками развития самой отрасли и ее рынка, а, во-вторых, труды российских ученых, которые содержат такого рода оценки, сами имеют отсылки к зарубежным первоисточникам, и, как будет показано в статье далее, информация о новейших отраслях экономики в России носит весьма разрозненный характер.

Проведенное автором исследование позволило выделить следующие отрасли экономики, которые стали формироваться в обозначенный период времени:

1. Искусственный интеллект (Artificial Intelligence), известный также как машинный интеллект, — это область знаний, которая фокусируется на разработке технологий (и управлении ими), которые могут обучаться на основе определенных алгоритмов, делать выбор, а также самостоятельно выполнять транзакции, которые ранее считались исключительной прерогативой человека. Искусственный интеллект относится к теории компьютерных систем или созданных человеком роботов, запрограммированных на выполнение задач, как у людей, таких как обучение, обобщение и рассуждение. Началом формирования отрасли можно считать 1950–1956 гг. Первая научная работа в области искусственного интеллекта появилась в 1950 году. В этот год А. Тьюринг опубликовал книгу «Вычислительные машины и интеллект», в которой рассматривался вопрос, могут ли машины думать. Позже был разработан Тест Тьюринга, который измерял машинный (искусственный) интеллект. Разработка Тьюринга позволяла проверить способность машины мыслить, как человек³. Однако разработка и создание интеллектуальных программ началось только в 1956 г.

2. Виртуальная реальность (Virtual Reality) — это создание с помощью компьютера звуков и изображений, передаваемых человеку через специальные технические устройства (VR-шлемы, наушники, джойстики и т.д.). Погружаясь в виртуальную реальность, человек испытывает все те же эмоции, ощущения, чувства, как если бы это было в обыденной жизни. Эта технология особенно полезна в сфере разработки и производства, чтобы понять сложность продукта путем виртуального взаимодействия с ним. В 1962 году М. Хейлиг запатентовал первый в мире виртуальный симулятор под названием «Сенсорам», что считается отправной точкой в развитии технологии виртуальной реальности⁴.

³ Mijwel M.M. History of Artificial Intelligence. P. 1, 3 // Researchgate [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/322234922_History_of_Artificial_Intelligence (дата обращения: 22.03.2023).

⁴ From Sensorama to Extended Reality: the history of VR // IDG Connect [Электронный ресурс]. URL: <https://www.idgconnect.com/article/3612909/from-sensorama-to-extended-reality-the-history-of-vr.html> (дата обращения: 22.03.2023).

3. Кибербезопасность (Cyber Security) — это совокупность процедур и процессов, разработанных для защиты компьютерных сетей, подключенных к Интернету, систем и баз данных от взломов, атак и несанкционированного доступа. Кибербезопасность связана с защитой конфиденциальной информации и позволяет организациям немедленно реагировать на кибератаки, которые могут произойти или происходят. Предприятиям нужна кибербезопасность для защиты своих данных, денег и интеллектуальной собственности. Началом развития отрасли кибербезопасности считается 1970 год, когда был запущен проект The Advanced Research Projects Agency Network (ARPANET), соединяющий между собой компьютеры ведущих университетов нескольких американских штатов (прообраз будущего Интернета). В это же время Б. Томас определил, что может быть создана компьютерная программа, которая будет перемещаться по сети ARPANET. Он назвал эту программу Creeper: попадая на чужой компьютер, она печатала короткое сообщение: «Я Крипер: поймай меня, если сможешь». Именно это сообщение подтолкнуло Р. Томлинсона к разработке другой программы, которую он назвал Reaper, которая могла бы преследовать и удалять Creeper и которая стала прообразом будущего антивируса⁵.

4. Производство цифровых двойников (Digital Twin). Цифровой двойник — это цифровой аналог физического объекта, системы или процесса, который подразумевает синхронизацию с физическим объектом в режиме реального времени. Цифровой двойник нужен, чтобы смоделировать изменения в физической системе при воздействии тех или иных внешних условий, а также чтобы оценить масштаб затрат, потерь или выгод от тех или иных изменений в физическом объекте, системе или процессе. Цифровой двойник помогает повысить эффективность и общую производительность организации или системы. В 2002 году в Мичиганском университете впервые была представлена технология цифрового двойника (автором ее считается М. Гривз) для управления жизненным циклом продукта. И хотя сама технология в то время еще не называлась цифровым двойником, но в ней содержались все элементы, относящиеся к этой технологии: реальное пространство, виртуальное пространство и обмен потоками данных и информации между ними [Grieves 2016].

5. Цифровое здоровье (Digital Health) определяется как использование информационных и коммуникационных технологий в сфере здравоохранения для лечения заболеваний в отдаленных районах, испытывающих нехватку медицинского персонала, или технологии, которые позволяют потребителям проводить раннюю диагностику опасных для жизни заболеваний, регулярный мониторинг состояния своего здоровья и лечение хронических заболеваний. Рынок цифрового здравоохранения включает мобильное здравоохранение (mHealth), носимые (носительные) устройства (Wearable Devices), телемедицину (Telehealth), медицинские информационные технологии (Health Information Technology) и персонализированную медицину (Personalized Medicine). Началом развития отрасли цифрового здоровья можно считать 1965 год, когда впервые была разработана онлайн-компьютерная система истории болезни LINC⁶. Рост мирового рынка цифрового здравоохранения в настоящее время в основном обусловлен увеличением спроса на услуги удаленного мониторинга, например, в период вспышки COVID-19; увеличением финансирования от частных организаций для запуска мобильного здравоохранения на фоне растущего спроса на мобильные приложения для здоровья; ростом распространенности хронических заболеваний и развитием технологий в сфере здравоохранения.

⁵ History of Cyber Security // Cyber-Security.Degree [Электронный ресурс]. URL: <https://cyber-security.degree/resources/history-of-cyber-security/> (дата обращения: 22.03.2023).

⁶ Narayanan K., Bakshi A. History and Future of Digital Health. P.8 // ИТИНААСА [Электронный ресурс]. URL: https://itihaasa.com/public/pdf/History_and_Future_of_Digital_Health_in_the_World_and_India.pdf?v=1.1 (дата обращения: 22.03.2023).

6. Аддитивное производство (Additive Manufacturing), иначе называемое 3D-печатью, — это способ создания трехмерного объекта из компьютеризированной 3D-модели или модели САПР (системы автоматизированного проектирования). Аддитивное производство работает, добавляя материалы для изготовления изделия, создавая его слой за слоем. К таким материалам относятся металлические порошки, пластмассы или керамика. В аддитивном производстве объект планируется с использованием программирования (автоматизированного проектирования) или путем сканирования объекта, который будет напечатан. Эта технология впервые появилась в 1987 году вместе со стереолитографией, когда Ч. Халл впервые разработал 3D-принтер и основал компанию 3D Systems⁷. Прогнозируется, что рынок промышленного аддитивного производства будет развиваться значительными темпами, что в первую очередь связано с растущим использованием технологий аддитивного производства в автомобильной и аэрокосмической промышленности.

7. Частный космический туризм (Private Space Tourism) — это полеты людей, не являющихся профессиональными астронавтами, в космос с рекреационными целями. Космический туризм — это вид отдыха, когда путешественники платят за свой полет в космос. Первым космическим туристом в истории космонавтики стал Д. Тито в 2001 году [Chang 2015]. Прогнозируется, что развитие индустрии частного космического туризма будет подпитываться технологическим прогрессом: технологические достижения в области космических путешествий стимулируют разработку космических кораблей и более совершенных ракет ускоренными темпами. Кроме того, ожидается, что усиление конкуренции в секторе космического туризма приведет к снижению цен. Несмотря на то, что космические полеты успешно осуществляются уже более 50 лет, существует множество технических опасностей, связанных с коммерческими массовыми космическими полетами, используемыми для космического туризма.

8. Производство водородных автомобилей (Hydrogen vehicle). Водородный автомобиль — это транспортное средство, которое использует водород в качестве топлива для движения. Силовые установки гибридных автомобилей преобразуют химическую энергию в механическую либо путем сжигания водорода в двигателе внутреннего сгорания, либо путем реакции водорода с кислородом в топливном элементе для запуска электродвигателей. Первый водородный автомобиль — Electrovan — был произведен еще в 1966 году компанией General Motors⁸. Автомобиль разогнался до 70 миль в час и имел запас хода около 120 миль, однако он не был предложен на рынке потребителям из-за соображений безопасности. Со временем технология была доработана, и первым массовым автомобилем на водородных топливных элементах стал автомобиль Mirai компании Toyota, который был запущен в массовое производство в конце 2014 года в Японии.

9. Интернет вещей (Internet of Things) — это технология, позволяющая соединять через Интернет различные технические устройства, которые могут собирать, анализировать и передавать данные по беспроводной сети другим объектам без участия человека⁹. Развитие Интернета вещей связано с развитием умных технологий (Smart Technology), которые позволяют в режиме реального времени отслеживать изменения параметров объектов, с которыми они связаны, и искусственного интеллекта. Так, системы «Умный офис» и «Умный дом» являются примерами использования Интернета вещей. Сам термин «Интернет вещей» был придуман

⁷ Wohlers T., Gornet T. History of additive manufacturing // Wohlers Report 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://wohlersassociates.com/wp-content/uploads/2022/08/history2015.pdf> (дата обращения: 22.03.2023).

⁸ Perry T. History of Hydrogen Cars and Technology, from 1802 to present! // Green Car Future [Электронный ресурс]. URL: <https://www.greencarfuture.com/misc/history-of-hydrogen-cars> (дата обращения: 22.03.2023).

⁹ Industrial IoT Market // Precedence Research [Электронный ресурс]. URL: <https://www.precedenceresearch.com/industrial-iot-market#:~:text=The%20global%20industrial%20IoT%20market,forecast%20period%202022%20to%202030> (дата обращения: 22.03.2023).

в 1999 году ученым-компьютерщиком К. Эштоном. Работая исполнительным директором AutoIDCentre, Эштон предложил устанавливать чипы радиочастотной идентификации (RFID) на товары, чтобы отслеживать их движение по цепи поставок [Suresh et al. 2014, 2]. В настоящее время технология Интернета вещей находит широкое применение во всех сферах деятельности и экономики (логистика, здравоохранение, розничная торговля и т.д.).

В Таблице 2 представлены основные сведения об участниках (фирмах-производителях) новейших отраслей экономики и времени начала формирования рассмотренных выше отраслей.

Таблица 2. Новейшие отрасли экономики (формирующиеся с 1950 г.)¹⁰

Отрасль	Время начала формирования отрасли	Наиболее крупные производители в отрасли (и страна базирования материнской компании)
Искусственный интеллект	1950–1956 гг.	Amazon Web (США), Apple Inc. (США), Google LLC (США), IBM Corporation (США), Intel Corporation (США), Microsoft Corporation (США), SAP SE (Германия), Siemens (Германия).
Виртуальная реальность	1962 г.	Google LLC (США), Microsoft Corporation (США), NEXT/NOW Agency (США), HQ Software LTD (Великобритания), EON Reality Pte LTD (США), NVIDIA Corporation (США), Samsung Group (Южная Корея), HTC Corporation (Тайвань), Sony Group Corporation (Япония).
Цифровое здоровье	1965 г.	BioTelemetry Inc. (США), eClinicalWorks (Индия), Allscripts Healthcare Solutions Inc. (США), iHealth Lab Inc. (США), AT&T Inc. (США), Honeywell International Inc. (США), Athenahealth Inc. (США), Cisco Systems Inc. (США), McKesson Corporation (США), Koninklijke Philips Electronics N.V. (Нидерланды), AdvancedMD Inc. (США).
Производство водородных автомобилей	1966 г.	Toyota Motor Corporation (Япония), Hyundai Motor Company (Южная Корея), Honda Motor Co. Ltd. (Япония), Daimler-Benz AG (Германия), BMW (Германия), Ford Motor Company (США), VOLVO (Швеция).
Кибербезопасность	1970 г.	Armor Defense Inc. (США), McAfee Inc. (США), IBM Corporation (США), Forcepoint LLC (США), FireEye Inc. (США), AT&T, Inc. (США), BAE Systems (Великобритания), Stratus Technologies Inc. (США), Capgemini (Франция), Transputec Ltd. (Великобритания), HCL Technologies Limited (Индия), Tata Consultancy Services (Индия), Tech Mahindra Limited (Индия).
Аддитивное производство	1987 г.	3D Systems Inc. (США), 3DCeram (Франция), Arcam AB (Швеция), FormLabs Inc. (США), Autodesk Inc. (США), Canon Inc. (Япония), Stratasys Ltd. (США), HP Inc. (США), Desktop Metal (США), EnvisionTEC Inc. (США), Ultimaker (Нидерланды), EOS GmbH (Electro Optical Systems) (Германия), Nanoscribe GmbH (Германия), MarkForged (США), ExOne (США), Proto Labs Inc. (США), Voxeljet AG (Германия).
Интернет вещей	1999 г.	ABB Ltd. (Швеция), General Electric (США), IBM Corporation (США), Intel Corporation (США), Rockwell Automation, Inc. (США), Siemens (Германия), Microsoft Corporation (США), Cisco Systems, Inc. (США), NEC Corporation (Япония), KUKA AG (Германия).
Частный космический туризм	2001 г.	Blue Origin LLC (США), Virgin Galactic (США), SpaceX (США), Airbus Group SE (Франция — Германия), Boeing (США), Zero Gravity Corporation (США), Axiom Space Inc. (США), Bigelow Aerospace (США), Orion Span (США), Space Adventures Inc. (США), Space Perspective (США), World View Enterprises (США), Zero 2 Infinity (Испания).
Производство цифровых двойников	2002 г.	ABB Group (Швейцария), ANSYS Inc. (США), Accenture plc (Ирландия), Autodesk Inc. (США), Bentley Systems Inc. (США), AVEVA Inc. (Канада), Bosch Rexroth AG (Германия), Oracle Corporation (США), Rockwell Automation Inc. (США), Schneider Electric SE (Франция).

Как уже отмечалось ранее, формирование отрасли еще не означает рост ее рынка сбыта. Именно поэтому все возможные оценки развития отраслевых рынков новейших продуктов, услуг и технологий являются весьма условными. Данные, представленные в Таблице 3, были собраны автором из аналитических отчетов указанных ранее компаний, при этом следует отметить, что даже текущие оценки размера отраслевого рынка в 2021–2022 гг. для одной и той же отрасли могут существенно отличаться в отчетах различных компаний. Расхождение же в прогнозных

¹⁰ Составлено автором.

значениях объемов отраслевых рынков к 2030 году носит еще более масштабный характер. Например, размеры рынка искусственного интеллекта в 2022 году компанией Precedence Research оцениваются в 119,78 млрд долл. с последующим ростом к 2030 году до уровня 1597,1 млрд долл.¹¹, в то время как компания Market Research Future для 2022 года дает оценку в 128,1 млрд долл. с ростом отраслевого рынка к 2030 году только до 1589,6 млрд долл.¹² Несмотря на имеющиеся расхождения в оценках аналитиков, данные об отраслевых рынках новейших продуктов, услуг и технологий являются весьма актуальными, поскольку позволяют сформировать представление о приблизительной структуре мировой экономики и оценить масштаб структурных изменений в обозримом будущем (Таблица 3).

При составлении Таблицы 3 автор отдавал предпочтение данным аналитических отчетов компании Precedence Research, но при отсутствии таковых обращался к отчетам компаний Market Research Future и Allied Market Research. Коэффициент опережения в Таблице 3 был рассчитан на основе соотношения прогнозируемого совокупного годового темпа роста рассматриваемых отраслевых рынков, прогнозируемого совокупного годового темпа роста мировой экономики в период 2019–2030 гг. (данный показатель, согласно среднему варианту прогноза, составляет 3,0%¹³) и прогнозируемого совокупного годового темпа роста Индустрии 4.0 в период 2022–2030 гг., частью которой данные отрасли и являются (рассматриваемый показатель составляет 21,0%¹⁴).

Таблица 3. Тенденции развития отраслевого рынка¹⁵

Отрасль	Объем отраслевого рынка в 2021–2022 гг., млрд долл.	Ожидаемый объем отраслевого рынка к 2030 г., млрд долл.	Прогнозируемый совокупный годовой темп роста объема отраслевого рынка до 2030 г., в %	Коэффициент опережения	
				к темпам роста мировой экономики в целом	к темпам роста Индустрии 4.0
Искусственный интеллект	119,78	1597,10	38,10	12,70	1,81
Виртуальная реальность	35,14	345,90	33,09	11,03	1,57
Цифровое здоровье	332,53	1354,68	19,40	6,47	0,92
Производство водородных автомобилей	1,10	12,30	45,11	15,04	2,15
Кибербезопасность	216,10	478,60	9,50	3,17	0,45
Аддитивное производство	16,75	76,16	20,80	6,93	0,99
Интернет вещей	392,85	1742,80	20,47	6,82	0,97
Частный космический туризм	0,60	9,35	37,50	12,5	1,79
Производство цифровых двойников	11,55	159,77	38,87	12,96	1,85

¹¹ Artificial Intelligence (AI) Market // Precedence Research [Электронный ресурс]. URL: [https://www.precedenceresearch.com/artificial-intelligence-market#:~:text=The%20global%20artificial%20intelligence%20\[AI,Key%20Takeaway](https://www.precedenceresearch.com/artificial-intelligence-market#:~:text=The%20global%20artificial%20intelligence%20[AI,Key%20Takeaway) (дата обращения: 22.03.2023).

¹² Artificial Intelligence (AI) Market Research Report // Market Research Future [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marketresearchfuture.com/reports/artificial-intelligence-market-1139> (дата обращения: 22.03.2023).

¹³ Average annual GDP growth by scenario, 2019–2030 // IEA [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics/charts/average-annual-gdp-growth-by-scenario-2019-2030> (дата обращения: 22.03.2023).

¹⁴ Industry 4.0 Market Research Report // Market Research Future [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marketresearchfuture.com/reports/industry-4-0-market-2375> (дата обращения: 22.03.2023).

¹⁵ Составлено автором.

Развитие новейших отраслей экономики в России

Основной источник информации о развитии отраслей экономики в России — это статистические сборники, выпускаемые Росстатом, однако они не содержат информации о новых, еще только развивающихся отраслях экономики. Поэтому для изучения данного вопроса автор использовал информацию из открытых источников, которая весьма ограничена.

В 2020 году Правительство Российской Федерации утвердило Концепцию развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года¹⁶, в которой отмечается, что «одним из основных препятствий для расширения применения систем с использованием искусственного интеллекта и робототехники является отсутствие достаточной степени доверия к ним со стороны общества». Концепция содержит также описание основных сфер применения технологий искусственного интеллекта и указывает на правовые проблемы в регулировании данной отрасли экономики. Одной из таких проблем является собственно определение того, что считать искусственным интеллектом, поскольку от этого зависит круг организаций, которые можно считать участниками данной отрасли, а также объем отраслевого рынка, развитие которого желает поддерживать Правительство РФ. Отсутствие единого методического подхода к определению искусственного интеллекта приводит к существенным расхождениям в оценках развития данной отрасли. Например, заместитель председателя Правительства РФ Д.Н. Чернышенко по состоянию на 2022 г. оценивает объем рынка искусственного интеллекта в России примерно в 10 млрд руб. с перспективой его увеличения к 2030 году минимум до 20 млрд руб.¹⁷ Одновременно с этим Центр компетенций Национальной технологической инициативы на базе МФТИ по направлению «Искусственный интеллект» оценивает развитие рынка искусственного интеллекта в России в 2021 году в 550 млрд руб.¹⁸

Такие же значительные расхождения в оценке объема рынка в России имеются для Интернета вещей. По данным за 2018 год, объем этого рынка мог составлять от 3,67 млрд руб. до 60 млрд руб., а в 2022 году — 113,9 млрд руб.¹⁹

В июле 2021 года в России была утверждена Стратегия развития аддитивных технологий в Российской Федерации на период до 2030 года²⁰, которая предполагает трехэтапное развитие аддитивных технологий в России с выходом на зарубежные рынки реализации. Согласно Стратегии, объем российского рынка аддитивных технологий в 2019 году составлял всего 3,1 млрд руб. К 2030 году прогнозировался рост рынка аддитивных технологий до 13,2 млрд руб. (согласно целевому прогнозу) или до 58,2 млрд руб. (согласно инновационному прогнозу).

Развитие рынка кибербезопасности в России можно считать одним из наиболее успешных. По состоянию на конец 2021 года объем рынка оценивался в 185,9 млрд руб. При этом совокупная доля услуг составляла 27% всего объема рынка, а поставки средств защиты информации, в том числе программных, — 73%²¹. Однако уход из России в 2022 году большинства ИТ-компаний, производителей ПО, привел к изменению прогнозов развития данной отрасли.

¹⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19.08.2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/129505/> (дата обращения: 22.03.2023).

¹⁷ Чернышенко спрогнозировал рост российского рынка ИИ-технологий к 2030 году // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230116/ii-1845241370.html> (дата обращения: 22.03.2023).

¹⁸ Альманах «Искусственный интеллект». Индекс 2021 года. Аналитический сборник № 10. С. 20 // Альманах «Искусственный интеллект» [Электронный ресурс]. URL: https://aireport.ru/ai_index_russia-2021 (дата обращения: 22.03.2023).

¹⁹ Интернет вещей, IoT, M2M рынок России // Tadviser [Электронный ресурс]. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Интернет_вещей._IoT._M2M_\(рынок_России\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Интернет_вещей._IoT._M2M_(рынок_России)) (дата обращения: 22.03.2023).

²⁰ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.07.2021 г. № 1913-р «Об утверждении Стратегии развития аддитивных технологий в Российской Федерации на период до 2030 года» // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/135700/> (дата обращения: 22.03.2023).

²¹ Прогноз развития рынка кибербезопасности в Российской Федерации на 2022–2026 годы. С. 6 // ЦСР [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/13f/ufleu9rg5z3c3ldu66srtq3a89j0mrve5.pdf> (дата обращения: 22.03.2023).

В целом прогнозируется рост объема рынка кибербезопасности за период 2021–2026 гг. примерно в 22%, для отечественных производителей рост рынка составит 33%, а для зарубежных — падение в 19%. На долю российских производителей придется 343,6 млрд руб., или 95% всего объема рынка средств защиты информации. Объем рынка услуг в сфере кибербезопасности в 2026 году оценочно составит 107,3 млрд руб., из которых на долю российских участников придется 102 млрд руб., при этом для отечественных компаний этот рост составит 28%, а для зарубежных — падение в 23%²².

Пока что в России не сформировался рынок водородных автомобилей, однако сама отрасль уже развивается: так, в России спроектирован и планируется к выпуску водородный автомобиль Augus (внедорожник премиум-класса), разработанный Центральным научно-исследовательским автомобильным институтом ФГУП «НАМИ»²³. До Augus в России еще в начале 2000-х годов были разработаны два водородных автомобиля на базе предприятия АвтоВАЗ — АНТЭЛ-1 и АНТЭЛ-2²⁴, которые, однако, уступали по своим характеристикам автомобилям с бензиновым двигателем, а отсутствие необходимой инфраструктуры для эксплуатации таких автомобилей сделало невозможным их продажу на рынке. В настоящее время запуск в производство водородомобилей находится под пристальным вниманием Правительства РФ, которое также планирует инвестировать средства в инфраструктуру, что должно помочь сформировать рынок таких автомобилей в России.

Сложная ситуация сложилась в России с отраслью частного космического туризма. В России данная отрасль была представлена одной единственной фирмой «КосмоКурс», существовавшей в 2014–2021 гг., но так и не сумевшей организовать ни одного суборбитального полета из-за бюрократических трудностей и больших рисков для инвесторов²⁵. Опыт компании «КосмоКурс» весьма показателен, и вряд ли стоит ожидать развитие данной отрасли в России в ближайшее время, пока не будут устранены все правовые и административные риски для подобного рода проектов. В этой связи отметим, что так называемые полеты в невесомости, которые в настоящее время предлагаются несколькими частными российскими компаниями с использованием самолета ИЛ-76 МДК, не относятся к категории космического туризма, поскольку создание «невесомости» на борту самолета достигается лишь за счет особой «параболической» траектории полета.

Оценок развития рынка цифровых двойников в России автору обнаружить не удалось, однако имеются сведения, что данная технология в России развивается и ее уже применяют «Газпром нефть» и «Роснефть»²⁶.

Объем рынка цифровой медицины в России в 2018 году составлял 14,6 млрд руб., при этом к 2023 году прогнозировался его рост до 90 млрд руб.²⁷ Инвестиции в российское цифровое здравоохранение в 2021 г., по оценке компании Webiomed, составили 50,2 млн долл.²⁸, что существенно меньше, чем в большинстве зарубежных стран. Наиболее быстро растущим сегментом отрасли цифрового здоровья является телемедицина.

²² Там же. С. 14.

²³ Производство водородных автомобилей в России начнется в 2024 году // Комсомольская правда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/online/news/4352424/> (дата обращения: 22.03.2023).

²⁴ АНТЭЛ // За рулем.РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://wiki.zr.ru/АНТЭЛ> (дата обращения: 22.03.2023).

²⁵ «В одиночку перлишь»: глава «КосмоКурса» рассказал, почему не удалось отправить туристов в космос // Газета.RU [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/science/2021/04/06_a_13549028.shtml?updated (дата обращения: 22.03.2023).

²⁶ Россия потратит 145 млрд рублей на «цифровых двойников» // Секрет фирмы [Электронный ресурс]. URL: <https://secretmag.ru/news/rossiya-potratit-145-mlrd-rublei-na-cifrovyykh-dvoynikov-18-10-2019.htm> (дата обращения: 22.03.2023).

²⁷ Анализ рынка DigitalHealth в России: отчет компании Discovery Research Group // Discovery research Group [Электронный ресурс]. URL: <https://drgroup.ru/2623-Analiz-rynka-DigitalHealth-v-Rossii> (дата обращения: 22.03.2023).

²⁸ Цифровая медицина находится на пороге «большого скачка» // С-news [Электронный ресурс]. URL: https://www.cnews.ru/reviews/it_v_zdravoohraneni_2021/articles/tsifrovaya_medsina_nahoditsya_na_poroge (дата обращения: 22.03.2023).

Российский рынок дополненной и виртуальной реальности в 2020 году оценивался в 1,4 млрд руб. Из них на сегмент виртуальной реальности пришлось 1,1 млрд руб., на сегмент дополненной реальности — 0,3 млрд руб.²⁹ Российский рынок виртуальной реальности находится на начальной стадии развития, большая его часть формируется в виде стартапов и частных проектов. При этом уже сейчас сформировался обширный пул разработчиков, включающий разработчиков ПО, создателей аппаратного обеспечения — от небольших студий до подразделений в ведущих отечественных ИТ-компаниях.

Таким образом, согласно имеющейся информации о развитии новейших отраслей в экономике России их можно классифицировать на следующие группы (Рисунок 1).

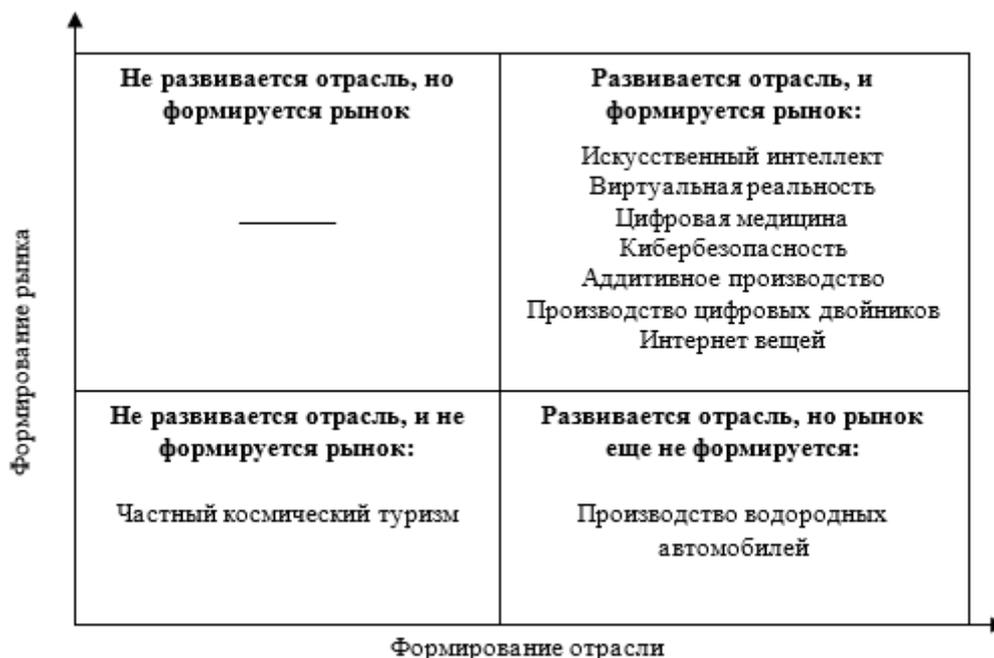

Рисунок 1. Классификация новейших отраслей экономики по их развитию в России³⁰

Данная классификация предложена автором на основе сопоставления развития отраслей в России с зарубежными странами. Автором выделены четыре возможные группы:

- 1) ни рынок, ни отрасль не развиваются — такая ситуация может иметь место, если какие-то технологии, продукты или услуги еще не были привезены в Россию и на российском рынке не представлены, их производство в России также не начато;
- 2) отрасль не развивается, но рынок уже формируется — такое возможно, если в Россию поступают из-за рубежа новейшие технологии или продукты, которые используются местными предприятиями, но российских производителей таких технологий и продуктов в экономике еще нет;
- 3) развивается отрасль, но рынок еще не формируется — российские производители недавно начали производство какой-то технологии, продукта или услуги, но потребителям на рынке она еще не была представлена;
- 4) развивается отрасль и формируется рынок — такая ситуация характерна для новейших технологий, которые уже представлены потребителям, при этом в отрасль приходят новые производители товара, привлекаемые перспективой ее роста.

²⁹ Российский рынок дополненной и виртуальной реальности (AR/VR) // Huawei [Электронный ресурс]. URL: <http://tmt-consulting.ru/wp-content/uploads/2021/02/TMT-HW-AR-VR-2020.pdf> (дата обращения: 22.03.2023).

³⁰ Составлено автором.

Выводы и рекомендации

Как следует из проведенного исследования, формирование новейших отраслей экономики в России отстает от стран США и Европы. Существенной проблемой для Правительства РФ при разработке нормативно-правовой базы развития и регулирования таких отраслей является отсутствие единого методического подхода к пониманию и оценке масштабов новых отраслей. Без этого невозможно четко определить, где мы находимся сейчас и куда нам необходимо развиваться. Более того, наличие единой методики выявления и определения формирующихся отраслей экономики позволило бы Правительству РФ оказывать адресную поддержку тем компаниям, которые ведут (или только начинают вести) свой бизнес в рамках этих отраслей, поскольку именно такие отрасли в будущем будут определять конкурентоспособность России на мировых рынках.

Не меньшей проблемой для развития новейших отраслей экономики в России является недостаток финансирования. Инвесторы могут отказаться вкладывать средства в новейшую отрасль экономики, поскольку не уверены в успехе ее дальнейшего развития, возможности получения прибыли ее участниками и, как следствие, возможности возврата инвестированного капитала. Ярким примером здесь является опыт компании «КосмоКурс», рассмотренный нами выше. Для преодоления недостатка финансирования формируются специальные венчурные фонды, призванные инвестировать свой капитал в бизнес-проекты на начальных стадиях развития. Имеется также группа инвесторов — бизнес-ангелы, которые, как правило, инвестируют свой собственный капитал в различные стартап-проекты для получения прибыли. Однако даже наличие венчурных фондов и бизнес-ангелов не всегда способно решить проблему нехватки денежных средств у предприятий развивающейся отрасли. Именно поэтому очень многие предприятия покидают рынок, находясь в стадии стартапов. Так, по данным «РБК Тренды», 90% стартапов терпят неудачу, причем 10% — в течение первого года своего существования³¹. Для решения данной проблемы, по мнению автора, необходимо отделять стартапы в новейших отраслях экономики от прочих стартапов, а также разработать для них специальные условия получения финансирования от венчурных компаний (например, возможность получения финансирования при более высоком проценте риска бизнес-проекта).

Наконец, необходимо отметить сложности доступа к сырью и комплектующим для предприятий новых отраслей. В зависимости от того, что представляет собой новый продукт или технология, компаниям новейших отраслей может быть сложно найти поставщиков сырья и комплектующих для запуска производства, особенно если такой доступ ограничен не экономическими, а политическими причинами (например, введение эмбарго на поставку некоторых товаров в те или иные страны мира). Вероятно, что из-за действия экономических санкций темпы развития новейших отраслей экономики в России будут еще больше отставать от европейских стран. Выходом в этой ситуации может быть только формирование новых цепочек поставок и поиск новых поставщиков.

Список литературы:

Преснякова Е. Мировой рынок электротранспорта: потенциал роста и риски // Наука инновации. 2021. № 1. С. 12–17.

Фасхиев Х.А. Рынок электромобилей — маховик раскрутился // ЭКО. 2020. № 2. С. 102–122. DOI: [10.30680/ECO0131-7652-2020-2-102-122](https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-2-102-122)

³¹ От идеи до единорога — стартапы России и мира в 22 цифрах // РБК Тренды [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5f04aeac9a79479c0727f494> (дата обращения: 20.03.2023).

- Chang Y-W. The First Decade of Commercial Space Tourism // *Acta Astronautica*. 2015. Vol. 108. P. 79–91. DOI: [10.1016/j.actaastro.2014.12.004](https://doi.org/10.1016/j.actaastro.2014.12.004)
- Forbes D.P., Kirsch D.A. The Study of Emerging Industries: Recognizing and Responding to Some Central Problems // *Journal of Business Venturing*. 2011. Vol. 26. Is. 5. P. 589–602. DOI: [10.1016/j.jbusvent.2010.01.004](https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2010.01.004)
- Gong H., Binz C., Hassink R., Trippel M. Emerging Industries: Institutions, Legitimacy and System-Level Agency // *Regional Studies*. 2022. Vol. 56. Is. 4. P. 523–535. DOI: [10.1080/00343404.2022.2033199](https://doi.org/10.1080/00343404.2022.2033199)
- Grieves M. Origins of the Digital Twin Concept // Florida Institute of Technology. Working Paper. 2016. Vol. 8. DOI: [10.13140/RG.2.2.26367.61609](https://doi.org/10.13140/RG.2.2.26367.61609)
- Islam S.N., Iversen K. From “Structural Change” to “Transformative Change”: Rationale and Implications // DESA Working Paper. № 155 ST/ESA/2018/DWP/155. URL: https://www.un.org/esa/desa/papers/2018/wp155_2018.pdf
- Kempton W., Letendre S.E. Electric Vehicles as a New Power Source for Electric Utilities // *Transportation Research Part D: Transport and Environment*. 1997. Vol. 2. Is. 3. P. 157–175. DOI: [10.1016/S1361-9209\(97\)00001-1](https://doi.org/10.1016/S1361-9209(97)00001-1)
- Li Y., Wei Y., Li Y., Lei Zh., Ceriani A. Connecting Emerging Industry and Regional Innovation System: Linkages, Effect and Paradigm in China // *Technovation*. 2022. Vol. 111. DOI: [10.1016/j.technovation.2021.102388](https://doi.org/10.1016/j.technovation.2021.102388)
- Suresh P., Daniel J.V., Parthasarathy V.A., Aswathy R.H. State of the Art Review on the Internet of Things (IoT). History, Technology and Fields of Deployment // *International Conference on Science, Engineering and Management Research (27–29 November 2014)*. Chennai: IEEE, 2014. DOI: [10.1109/ICSEMR.2014.7043637](https://doi.org/10.1109/ICSEMR.2014.7043637)
- Vascan I., Szabo L.A. Brief History of Electric Vehicles // *Journal of Computer Science and Control Systems*. 2022. Vol. 15, Is. 1. P. 19–26.

References:

- Chang Y-W. (2015) The First Decade of Commercial Space Tourism. *Acta Astronautica*. Vol. 108. P. 79–91. DOI: [10.1016/j.actaastro.2014.12.004](https://doi.org/10.1016/j.actaastro.2014.12.004)
- Fashiev Kh.A. (2020) Electric Car Market — Spinning Flywheel. *ECO*. No. 2. P. 102–122. DOI: [10.30680/ECO0131-7652-2020-2-102-122](https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-2-102-122)
- Forbes D.P., Kirsch D.A. (2011) The Study of Emerging Industries: Recognizing and Responding to Some Central Problems. *Journal of Business Venturing*. Vol. 26. Is. 5. P. 589–602. DOI: [10.1016/j.jbusvent.2010.01.004](https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2010.01.004)
- Gong H., Binz C., Hassink R., Trippel M. (2022) Emerging Industries: Institutions, Legitimacy and System-Level Agency. *Regional Studies*. Vol. 56. Is. 4. P. 523–535. DOI: [10.1080/00343404.2022.2033199](https://doi.org/10.1080/00343404.2022.2033199)
- Grieves M. (2016) Origins of the Digital Twin Concept. *Florida Institute of Technology*. Working Paper. Vol. 8. DOI: [10.13140/RG.2.2.26367.61609](https://doi.org/10.13140/RG.2.2.26367.61609)
- Islam S.N., Iversen K. (2018) From “Structural Change” to “Transformative Change”: Rationale and Implications. *DESA Working Paper*. No. 155 ST/ESA/2018/DWP/155. Available: https://www.un.org/esa/desa/papers/2018/wp155_2018.pdf
- Kempton W., Letendre S.E. (1997) Electric Vehicles as a New Power Source for Electric Utilities. *Transportation Research Part D: Transport and Environment*. Vol. 2. Is. 3. P. 157–175. DOI: [10.1016/S1361-9209\(97\)00001-1](https://doi.org/10.1016/S1361-9209(97)00001-1)
- Li Y., Wei Y., Li Y., Lei Zh., Ceriani A. (2022) Connecting Emerging Industry and Regional Innovation System: Linkages, Effect and Paradigm in China. *Technovation*. Vol. 111. DOI: [10.1016/j.technovation.2021.102388](https://doi.org/10.1016/j.technovation.2021.102388)
- Prasniakova A. (2021) The Global Electric Transport Market: Growth Potential and Risks. *Science of Innovation*. No 1. P. 12–17.

Suresh P., Daniel J.V., Parthasarathy V.A., Aswathy R.H. (2014) A State of the Art Review on the Internet of Things (IoT). History, Technology and Fields of Deployment. *International Conference on Science, Engineering and Management Research* (27–29 November 2014). Chennai: IEEE. DOI: [10.1109/ICSEMR.2014.7043637](https://doi.org/10.1109/ICSEMR.2014.7043637).

Vascan I., Szabo L.A (2022) Brief History of Electric Vehicles. *Journal of Computer Science and Control Systems*. Vol. 15, Is. 1. P. 19–26.

Дата поступления/Received: 24.03.2023

Особенности креативной экономики Китая

Логунцова Ирина Вячеславовна

Кандидат экономических наук, доцент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: loguntsova@spa.msu.ru

SPIN код РИНЦ: [8414-0525](#)

ORCID ID: [0000-0002-1131-0878](#)

Аннотация

Сближение России и Китая в современном геополитическом контексте обуславливает актуальность научных исследований, направленных на изучение национальных особенностей экономик обеих стран. В фокусе настоящего исследования — специфика креативной экономики Китая как драйвера социально-экономического развития не только этой страны, но и государств Азии в целом. Еще совсем недавно активное развитие креативного сектора экономики было присуще экономически развитым странам. Бытовала точка зрения о том, что структура развивающихся и переходных экономик не позволяет эффективно осуществлять переход к постиндустриальным формам экономики. Однако опыт Китая опровергает данное предположение. Успехи китайского креативного рынка во всем мире заставляют глубже задуматься об их причинах и о том, действительно ли свобода творчества и мультикультурализм являются обязательным условием успешного развития креативной экономики. Особенности данного сектора в Китае являются сильная государственная поддержка, огромный внутренний рынок, большая роль регионов и муниципалитетов в стимулировании креативности и инноваций, уникальное сочетание китайских традиций и западных тенденций в создании креативных продуктов. К числу ключевых проблем относятся слабая защита интеллектуальной собственности, государственная цензура, бюрократические барьеры и др. Обмен опытом и знаниями в сфере развития креативных индустрий между нашими странами может существенно обогатить имеющиеся практики и в конечном счете привести к синергетическому эффекту, а также стать элементом реализации политики «мягкой силы» как Китая в России, так и нашей страны в КНР.

Ключевые слова

Креативная экономика, креативные индустрии, креативная экономика в Китае, креативные индустрии в Китае, «мягкая сила».

Special Features of China's Creative Economy

Irina V. Loguntsova

PhD, Associate Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: loguntsova@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0002-1131-0878](#)

Abstract

The convergence of Russia and China in the modern geopolitical context makes scientific research aimed at studying the national characteristics of the economies of both countries relevant. This research focuses on the specifics of China's creative economy as a driver of socio-economic development not only in China, but also in Asian countries as a whole. Until quite recently the active development of the creative sector of economy was inherent to economically developed countries. There was a widely held view that the structure of developing and transition economies does not allow for an effective transition to post-industrial forms of economy. However, China's experience refutes this assumption. The successes of the Chinese creative market all over the world force us to think more deeply about their causes and whether freedom of creativity and multiculturalism are really a prerequisite for the successful development of the creative economy. The peculiarities of this sector in China are strong state support, huge domestic market, large role of regions and municipalities in stimulating creativity and innovation, unique combination of Chinese traditions and Western trends in creating creative products. Among the key problems are weak protection of intellectual property, state censorship, bureaucratic barriers, etc. The exchange of experience and knowledge in the development of creative industries between our countries can significantly enrich the existing practices and eventually lead to synergies and become an element of the implementation of "soft power" policy of both China in Russia and our country in the PRC.

Keywords

Creative economy, creative industries, creative economy in China, creative industries in China, "soft power".

Введение

В современном постиндустриальном мире одной из самых перспективных и быстрорастущих отраслей является креативная экономика, которая может оказывать существенное влияние на экономический рост и занятость, а также стимулировать социальное и культурное развитие. Данный вид экономики возник на стыке коммерции, творчества и высоких технологий, которые все больше переплетаются между собой. Принято считать, что первой страной в мире, которая использовала концепцию креативной экономики в государственной политике (начиная с конца XX века), стала Великобритания. Постепенно этот успешный опыт стал

развиваться и расширяться во многих других регионах и государствах мира (например, в США, Канаде, Германии, Франции, Италии и др.); 2001 год был объявлен ООН годом креативной экономики и устойчивого развития.

Сегодня значительный вклад к развитию креативного сектора как в странах Азии, так и во всем мире вносит Китайская Народная Республика (КНР), которая активно инвестирует в креативные индустрии и инновационные стартапы, тем самым повышая свою конкурентоспособность на международной арене. Согласно рейтингу «Кто есть кто в креативной экономике?», самый большой объем экспорта креативной продукции в мире у КНР: еще в 2015 году он составил 196,4 млрд долл. (за этот год доступны наиболее полные данные)¹.

Современный Китай входит в топ-10 государств с наибольшей численностью креативных лидеров, уступая только США, Великобритании, Италии, Франции и Германии. В 2021 году КНР занимала 1-ое место в мире по числу поданных заявок на патенты, 2-ое место по внутренним затратам на исследования и разработки².

Целью данного исследования является анализ особенностей креативной экономики Китая. Понимание этих особенностей должно способствовать укреплению российско-китайского сотрудничества в одном из самых перспективных секторов современной экономики.

В сентябре 2021 года в России была принята Концепция развития креативных индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года³, а годом позже был утвержден план по ее реализации на 2022–2024 годы⁴. В настоящее время идет работа по созданию специального закона о креативных индустриях.

По оценке Агентства стратегических инициатив, вклад креативного сектора в экономику России сегодня составляет 4,8% ВВП. В креативных индустриях работает около 760 тыс. юридических лиц, 1,5 млн чел. занятых, а общий объем выручки составляет 12,6 трлн руб. С точки зрения вклада в социально-экономическое развитие страны регионы России сильно дифференцированы⁵. Так, например, креативная экономика Москвы соответствует уровню крупнейших мировых креативных центров (наряду со значительным промышленным потенциалом). Добавленная стоимость креативных индустрий Москвы составляет 6,29 ВРП. В целом в столице создается порядка 54% добавленной стоимости креативных индустрий в России. В креативном секторе города выделяют три кластера организаций: информационный (разработка программных продуктов и видеоигр, издательская деятельность, реклама), «технологически ориентированный» медиакластер (исполнительские искусства и музыка, кино и анимация, телерадиовещание, арт- и фотоиндустрии), дизайн-кластер (архитектура, мода, дизайн и ювелирное дело)⁶.

¹ Рейтинг «Культуры»: кто есть кто в креативной экономике? // Газета «Культура» [Электронный ресурс]. URL: <https://portal-kultura.ru/articles/country/332788-reyting-kultury-kto-est-kto-v-kreativnoy-ekonomike/?ysclid=lg51n81z9q689356561> (дата обращения: 07.03.2023).

² От «сделано в Китае» к «создано в Китае» // ИСИЭЗ [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/news/791075231.html?ysclid=lg51hc5ewh234350210> (дата обращения: 07.03.2023).

³ Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2021 года №2613-р // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVIxBCjIAtAya8FAVDUFP.pdf> (дата обращения: 07.03.2023).

⁴ План мероприятий по реализации в 2022–2024 гг. Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.08.2022 № 2290-р // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/142659/> (дата обращения: 07.03.2023).

⁵ В 49 регионах России отмечен низкий вклад креативных индустрий в ВВП // АСИ [Электронный ресурс]. URL: <https://asi.ru/news/192324/?ysclid=lg4xkb9at0755859231> (дата обращения: 07.03.2023).

⁶ Креативная экономика Москвы в цифрах // ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://measurecreativity.hse.ru/mirror/pubs/share/478437657.pdf?ysclid=lg4xyx06lr368747700> (дата обращения: 07.03.2023).

Однако российская креативная экономика развивается не только в Москве, но и во многих других городах и регионах страны. Так, например, ставку на креативные индустрии в своем развитии сделали Республика Саха (Якутия), Республика Татарстан, Нижегородская область, Ульяновская область, Ханты-Мансийский автономный округ (Югра) и многие другие.

Со стороны бизнес-сообщества развитию креативного предпринимательства, защите интеллектуальной собственности и совершенствованию налогового законодательства в этой сфере в России способствует деятельность Комитета по интеллектуальной собственности и креативным индустриям Российского Союза промышленников и предпринимателей (РСПП).

В последние годы активно формируется профессиональное сообщество в сфере креативной экономики. Так, например, в 2021 году была создана Федерация креативных индустрий в РФ. Регулярно проходят креативные недели как в Москве, так и в других городах России. Учреждена национальная премия в сфере креативных индустрий Russian Creative Awards. Все это свидетельствует об актуальности развития креативного сектора в РФ. На наш взгляд, Россия обладает огромным креативным потенциалом.

Как уже было сказано выше, концепция креативной экономики обратила на себя внимание не только в нашей стране, но и во многих других государствах мира среди не только государственных управленцев, но и научного сообщества. Изначально ее распространение началось среди европейских стран и в США, чему посвящено достаточное количество исследований. Что касается стран Азии, в большинстве из которых популярность креативной экономики проявилась немного позже, то количество исследований здесь пока не так велико.

Источниковая база, которая использовалась в настоящей работе, представляет собой несколько составляющих. Работы зарубежных англоязычных авторов, отражающие западноевропейский подход к пониманию концепции креативной экономики и получившие большую популярность во многих странах мира. В этих работах дается разъяснение ключевым терминам креативного сектора, изучаются предпосылки перехода к новым формам экономики в постиндустриальном обществе, выделяются условия успешного развития креативного капитала в различных городах и регионах. Отдельную группу составляют научные труды российских авторов, анализирующих специфику креативного рынка в нашей стране. В свете проблематики настоящей работы особый интерес представляют исследования российских и китайских ученых, посвященные изучению особенностей развития креативных индустрий в КНР.

Еще одной составляющей источниковой базы настоящей работы являются популярные интернет-ресурсы, освещающие актуальные вопросы развития креативных индустрий, в числе которых [сайт](#) Федерации креативных индустрий, [сайт](#) Российской креативной недели, [сайт](#) Агентства креативных индустрий, [сайт](#) сети креативных городов ЮНЕСКО и многие другие.

В статье использовались различные методы исследования: анализ литературы, метод обобщения, сравнительный анализ.

Практическая значимость настоящей работы заключается в том, что ее выводы способствуют более глубокому пониманию специфики развития креативного сектора Китая как основы для взаимовыгодного сотрудничества и еще большего экономического и политического сближения между нашими странами в столь сложном геополитическом контексте, как в настоящее время.

К вопросу о сущности креативной экономики

Впервые термин «креативная экономика» был использован в 2000 году в журнале Businessweek. Годом позже вышла одноименная книга Дж. Хокинса, в которой автор называет креативную экономику ключевой формой экономики XXI столетия [Хокинс 2006].

Креативная экономика представляет собой такой вид экономики, который основан на интеллектуальной собственности в различных областях общественной жизни: научно-технической, культурной и творческой⁷. Ядром креативной экономики выступают креативные индустрии, к которым принято относить музыку, кинематограф, телевидение, архитектуру, театр, литературу, дизайн, моду, компьютерные игры, рекламу и другие творческие направления профессиональной деятельности. Существует множество классификаций креативных индустрий, отличающихся друг от друга в зависимости от политических, экономических и культурных особенностей конкретных государств, что само по себе затрудняет межстрановой сравнительный анализ по креативной экономике.

Креативные индустрии положительно воздействуют на развитие рынка труда, способствуя появлению новых и гибких форм занятости, что актуально для самых разных категорий населения, например молодежи или женщин с детьми.

Креативный сектор способствует возникновению новых рынков, формированию спроса за счет добавленной символической ценности. Кроме того, креативные продукты и услуги стимулируют возникновение «межотраслевых» инноваций. Так, развитие цифрового контента ведет к росту рынка мобильных устройств [Титов и др. 2019, 130].

Креативный продукт — товар или услуга, созданные в результате творческого процесса и имеющие экономическую ценность. Такие продукты являются объектами интеллектуальной собственности [Хокинс 2006, 101].

Значение креативных индустрий в экономике заключается не только в их непосредственном активном развитии, но и во влиянии этих индустрий на различные стороны общественной жизни: социальной, политической, культурной и т.д.

Помимо экономических показателей, развитие креативных индустрий способствует повышению качества жизни и устойчивому развитию, распространению культурных ценностей, раскрытию творческих способностей людей.

Для успешного развития креативной экономике требуются определенные условия. Р. Флорида называет их «триада Т» экономического развития: технологии, талант, толерантность. Каждое из этих слагаемых — необходимое, но не достаточное условие процветания, для которого обязательно наличие всех трех «Т». Города и городские агломерации, которые смогут создать такие условия, станут местами притяжения для креативных и талантливых людей, которые имеют тенденцию концентрироваться в ограниченном количестве мест. Таким образом, эти города и городские агломерации превращаются в мировые креативные центры, активно формирующие инновационные процессы.

Вместе с тем, по мнению известного социолога, креативную экономику на данном этапе не стоит воспринимать как универсальное средство от всех проблем социально-экономического развития. С одной стороны, у нее огромный потенциал, с другой — она не сможет в одночасье устранить бедность и безработицу и привести наше общество к полному счастью и гармонии.

⁷ Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2021 года № 2613-р // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVIxBCjIAtAya8FAVDUfP.pdf> (дата обращения: 07.03.2023).

В работах Р. Флориды и его коллег большая роль отведена так называемому креативному классу, особой социальной группе, занимающей центральное место в новой экономической системе, чьей целью является создание новых идей, продуктов и технологий. В структуре креативного класса выделяется «суперактивное ядро» (ученые, писатели, художники, актеры, дизайнеры, архитекторы, режиссеры и т.д.), а также «креативные специалисты» (представители смежных видов профессиональной деятельности, например врачи, юристы, менеджеры и т.д., для которых создание новых идей, продуктов и технологий не входит в круг их основных обязанностей) [Florida et al. 2007, 16]. Наряду с креативным классом в общей социальной структуре общества выделяется также рабочий класс и «обслуживающий» класс (занятые в сфере услуг) [Mellander et al. 2011, 4].

Существенный вклад в развитие концепции креативной экономики внес британский урбанист Ч. Лэндри. По его мнению, ключевым ресурсом городов современных стран являются люди и их творческие способности или креативность, что становится важнее, чем, например, географическое местоположение, природные ископаемые и доступ к рынку этих городов. Ч. Лэндри призывает отойти от устоявшегося представления о том, что творчество и креативность — прерогатива художников. Креативность — широкое понятие, которое применимо и к, на первый взгляд, не самым творческим областям — экономике, социологии, политике и т.д. Известный урбанист вместе с коллегами вводит понятие «креативного города», который отличается «смелыми общественными инициативами», «рискованными частными инвестициями», «сетями, образующими плотную ткань взаимосвязанных коммерческих и общественно полезных проектов» [Landry, Bianchini 1995, 25–31].

Особую роль в развитии креативной экономики играет государство. Прежде всего речь идет о создании благоприятных экономических условий для развития креативного рынка в той или иной стране. Можно выделить две модели государственной политики в сфере креативных индустрий: неолиберальную модель и политику культурного исключения. Различие мер и механизмов поддержки связано в первую очередь с разными целями этих моделей. Неолиберальная модель предполагает, что креативная сфера не нуждается в каком-либо особом регулировании со стороны государства и развивается по законам рынка. В этом направлении основные меры поддержки заключаются в развитии честной конкуренции и продвижении национальной креативной продукции. Политика культурного исключения основана на защите культурной идентичности нации, например, путем протекционистских мер в сфере кинематографа. Другими словами, первая модель направлена на чисто экономические цели, вторая ориентирована на развитие коллективных благ [Зеленцова, Гладких 2021, 118–123].

Креативная экономика в современном Китае

Начиная с 2015 года в КНР была запущена стратегия «нового движения в производстве», нацеленная на переход к высокотехнологичному, инновационному и экологически устойчивому производству, в котором ключевая роль закреплена за креативным сектором. Современный Китай активно развивает такие направления, как изобразительное искусство, архитектура, дизайн, литературное творчество, мода, компьютерные игры, индустрия развлечений, информационно-коммуникационные технологии и др. Многие из перечисленных индустрий имеют растущий рынок и большой потенциал для развития.

Так, например, современная китайская индустрия моды прошла путь от производства недорогой одежды для массового потребителя до создания уникальных и качественных брендов от дизайнеров, которые сочетают в себе как китайские традиции, так и западные тренды. Дизайнерские китайские марки модной одежды, например Li-Ning, Shein, Anta и другие, известны далеко за пределами страны.

КНР стремительными темпами развивается в области высоких технологий, таких как искусственный интеллект, виртуальная и дополненная реальность и т.д., что открывает новые возможности для креативного сектора. Кроме того, в Китае сегодня много крупных интернет-компаний (Alibaba, Tencent, Baidu), оказывающих существенное влияние на развитие креативной экономики.

Процессы глобализации, с одной стороны, способствуют увеличению объема экспорта китайской креативной продукции, что ведет к росту национальной экономики и занятости. С другой стороны, глобализация усиливает конкуренцию со стороны зарубежных компаний и может привести к утрате культурной идентичности продуктов и услуг из Китая.

В настоящее время осуществляется переход от концепции «Сделано в Китае», которая используется в промышленном производстве, к концепции «Интеллектуальное производство в Китае», что подразумевает интенсивное развитие креативной экономики и, соответственно, производство инновационных продуктов [Погорлецкий, Дай 2020, 769].

Можно выделить несколько этапов развития культурной политики в Китае, тесно связанной с вопросами развития креативных индустрий в стране:

- 1) подготовительный этап (1978–1997 гг.);
- 2) этап реформирования системы государственной власти. Усиление роли культуры в государственной политике (1998–2022 гг.);
- 3) запуск пилотных проектов в креативном секторе (2003–2011 гг.);
- 4) этап интенсивного развития креативных индустрий (2011 – по н/в) [Фэн, Сергеев 2019, 56].

Впервые в истории КНР креативные индустрии были обозначены в политической повестке в 2001 году, когда был принят десятый пятилетний план. Чуть позже, в 2006 году, вышла в свет первая «Синяя книга» о креативных индустриях в стране «Отчет о развитии креативных индустрий Китая», что стало официальным началом их дальнейшего развития [Тарбаева, Яманова 2021, 331]. Стоит добавить, что общее экономическое развитие и рост среднего класса в КНР привели к росту спроса на креативные товары и услуги.

В это же время в стране началась реализация концепции «мягкой силы» через сферу культуры. Была поставлена задача создать привлекательный образ Китая, вставшего на путь открытого государства, интегрированного в мировое глобальное пространство, одновременно с сохранением собственных геополитических интересов и идеологии социализма.

Политика «мягкой силы» предполагает активизацию ресурсов традиционной культуры и их использование на качественно новом уровне производства. Современный Китай таким образом пытается расширить свои горизонты, в том числе путем внедрения новых технологий и адаптации продуктов традиционной культуры для зарубежных рынков [Фэн, Сергеев 2019, 154]. Правительство Китая использует механизмы субсидирования экспортеров креативных продуктов. Что касается популяризации китайской культуры и языка, то данную функцию успешно

выполняет Институт Конфуция, имеющий сотни представительств по всему миру⁸. Активное экспортирование китайской культуры помогает увеличивать прибыль и улучшать имидж страны в мире.

Одними из особенностей развития креативных индустрий в КНР являются:

- восприятие культуры и творчества как средства гармонизации в обществе в отличие от западного «ресурсного» подхода;
- отсутствие четкого деления культуры в целом и культурных продуктов на массовый и элитарный сектора [Там же, 155].

Кроме того, стоит сказать о значительной роли государства в развитии креативного сектора экономики. При этом речь идет не только о централизованном планировании «сверху вниз», но и о поощрении местных инициатив и частного бизнеса, идущих «снизу вверх». Примечательно, что китайские креативные индустрии по большей части развиваются не столько в рамках общегосударственных программ, сколько на уровне отдельных регионов и муниципалитетов [Титов и др. 2019, 134]. Децентрализация креативной экономики отражена в документах стратегического планирования, в которых обязанность по стимулированию ее развития возложена на регионы и города. Например, активно развиваются креативные кластеры в таких городах, как Шэньчжэнь, Гуанчжоу, Шанхай, Гонконг, Пекин.

Государственная поддержка осуществляется по следующим направлениям: финансовая поддержка, налоговые льготы, обучение и поддержка талантливых людей, культурный туризм и т.д.

Стоит заметить, что в Китае есть огромный внутренний рынок, поэтому креативная экономика имеет возможность развиваться на основе внутреннего спроса вне зависимости от экспорта.

Еще одной отличительной особенностью Китая является относительная закрытость креативных индустрий, ограничение числа компаний, задействованных в этом секторе. Эксперты отмечают, что уровень толерантности и развития человеческого потенциала в стране не очень высок. Возможно, это связано с опасениями о том, что излишняя открытость мышления может стать причиной оппозиционных настроений в обществе [Шахтрина, Дремин 2021, 359].

В числе проблем, препятствующих развитию креативной экономики в Китае, назовем следующие: высокий уровень конкуренции, сложное вхождение на рынок новых игроков, бюрократические барьеры, государственная цензура, культурные и языковые барьеры, связанные с китайским языком [Задворная 2019, 310]. Кроме того, существует недостаточный уровень защиты прав на интеллектуальную собственность, сравнительно невысокий объем инвестиций, несмотря на активную поддержку креативной экономики со стороны правительства. В целом развитие креативного сектора в стране неоднородно, зависит от конкретного региона или муниципалитета и может отставать в бедных районах.

Несмотря на указанные проблемы, еще в 2013 году объем экспорта из Китая креативной продукции (дизайн, художественные промыслы, медиа и др.) был вдвое больше соответствующего показателя в США⁹.

⁸ Невская А. Экспорт продукции креативных индустрий: опыт ЕС, США и Китая // Международная жизнь [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1821?ysclid=lfqni68x41523194920> (дата обращения: 07.03.2023).

⁹ Там же.

Заключение

Итак, как отмечают многие эксперты, креативная экономика в ближайшем будущем станет одной из ключевых форм социально-экономического развития и одновременно инструментом раскрытия творческого потенциала людей.

В последние годы китайская креативная продукция все больше завоевывает мировые рынки, играет существенную роль в укреплении «мягкой силы» КНР и ее влиянии на международной арене. Креативная экономика способствует экономическому росту и занятости в стране, а также обладает значительным потенциалом для дальнейшего успешного развития. Для этого потребуются продолжать инвестировать в креативный сектор, стимулировать инновации, создавать благоприятные условия для ведения предпринимательской деятельности и защиты интеллектуальной собственности.

Креативный сектор Китая имеет свои особенности, которые в первую очередь выражаются в сильной государственной поддержке этой отрасли и огромном внутреннем рынке, который сам по себе может не зависеть от внешнего экспорта. Китайские креативные продукты и услуги сочетают в себе как уникальный культурный колорит этой страны, так и западные тенденции. Практическая реализация концепции развития креативных индустрий в Китае, который остается социалистическим государством, не совсем соответствует связанным с ней принципам свободы творчества, толерантности и мультикультурализма, которые так популярны в западных странах.

Осмелимся предположить, что китайский вариант развития креативного сектора экономики трансформирует популярную модель «трех Т» Р. Флориды (talents, technologies, tolerance) в расширенную версию «четырех Т» (talents, technologies, traditions (Chinese), trends (Western)).

Помимо этого, заметим, что для роста креативной экономики необходимо развивать международное сотрудничество, обмениваться знаниями и опытом. Для нашей страны рассмотрение китайского опыта развития креативного сектора очень полезно с точки зрения поиска новых направлений для взаимовыгодного сотрудничества. Политика «мягкой силы», предполагающая предложение китайских креативных продуктов и услуг в том числе на российский рынок, должна быть дополнена встречным соответствующим предложением российских креативных предпринимателей. На наш взгляд, подобный двусторонний характер реализации политики «мягкой силы» может дать синергетический эффект.

Как уже было сказано выше, в Китае, наряду с сильной государственной поддержкой, наблюдается выраженная децентрализация в развитии креативной экономики. Это способствует интенсивному межрегиональному обмену. Внедрение подобной практики в России представляется целесообразным решением в связи с большим разнообразием культурных и экономических особенностей многочисленных субъектов РФ.

На наш взгляд, в настоящее время имеется много предпосылок для того, чтобы утверждать, что в экономике будущего креативный сектор как России, так и Китая будет играть значительную роль.

Список литературы:

Задворная Е.С. Культурные индустрии КНР // Трансграничные рынки товаров и услуг: проблемы и исследования. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. Школа экономики и менеджмента. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2019. С. 306–311.

Зеленцова Е., Гладких Н. Творческие индустрии: теории и практики. Москва: Т8 Rugram, 2021.

Погорлецкий А.И., Дай С. Опыт развития и перспективы сотрудничества Китая и России в сфере креативной экономики // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10. № 2. С. 757–772. DOI: [10.18334/vinec.10.2.100928](https://doi.org/10.18334/vinec.10.2.100928)

Тарбаева М.Б. Яманова Э.Б. История развития креативных индустрий в Китае // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы третьей региональной научно-практической конференции. Иркутск: Репроцентр А1, 2021. С. 329–333.

Титов С.А., Кокорина А.О., Быков П.А., Горбачев Е.С., Шарипов Ф.Ф. Креативные технопарки в постиндустриальной трансформации экономики Китая // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 3. С. 125–146. DOI: [10.14530/se.2019.3.125-146](https://doi.org/10.14530/se.2019.3.125-146)

Фэн Ц., Сергеев Д.В. Современное состояние культурных индустрий в Китае // Дизайн, мода, культурные индустрии. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Чита: Забайкальский государственный университет, 2019. С. 53–159.

Хокинс Дж. Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги? Москва: Классика – XXI, 2006.

Шахтрина Ю.Д. Дремин М.А. Развитие творческих профессий для креативных индустрий в Китае // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы третьей региональной научно-практической конференции. Иркутск: Репроцентр А1, 2021. С. 357–360.

Florida R., Mellander Ch., Stolarick K. Inside the Black Box of Regional Development: Human Capital, the Creative Class and Tolerance // Journal of Economic Geography. 2007. Vol. 8. Is. 5. P. 616–649. DOI: [10.1093/jeg/lbn023](https://doi.org/10.1093/jeg/lbn023)

Landry Ch., Bianchini Fr. The Creative City. London: Demos, 1995.

Mellander Ch., Florida R., Rentfrow J. The Creative Class, Post-Industrialism and the Happiness of Nations // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2011. Vol. 5. Is. 1. P. 31–43. DOI: [10.1093/cjres/rsr006](https://doi.org/10.1093/cjres/rsr006)

References:

Fen Z., Sergeev D.V. (2019) The Current State of Cultural Industries in China. *Dizayn, moda, kul'turnyye industrii. Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Chita: Zabaykal'skiy gosudarstvennyy universitet. P. 153–159.

Florida R., Mellander Ch., Stolarick K. (2007) Inside the Black Box of Regional Development: Human Capital, the Creative Class and Tolerance. *Journal of Economic Geography*. Vol. 8. Is. 5. P. 616–649. DOI: [10.1093/jeg/lbn023](https://doi.org/10.1093/jeg/lbn023)

Howkins J. (2006) *The Creative Economy. How People Make Money from Ideas?* Moscow: Klassika – XXI.

Landry Ch., Bianchini Fr. (1995) *The Creative City*. London: Demos.

Mellander Ch., Florida R., Rentfrow J. (2011) The Creative Class, Post-Industrialism and the Happiness of Nations. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. Vol. 5. Is. 1. P. 31–43. DOI: [10.1093/cjres/rsr006](https://doi.org/10.1093/cjres/rsr006)

Pogorletskiy A.I., Dai X. (2020) Development Experience and Prospects of Cooperation of China and Russia in Creative Economy. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki*. Vol. 10. No. 2. P. 757–772. DOI: [10.18334/vinec.10.2.100928](https://doi.org/10.18334/vinec.10.2.100928)

Shakhtrina Yu.D., Dremmin M.A. (2021) Development of Creative Professions for Creative Industries in China. *Kreativnyye strategii i kreativnyye industrii v ekonomicheskom, sotsial'nom i kul'turnom prostranstvakh regiona. Materialy tret'yey regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Irkutsk: Reprotsentr A1. P. 357–360.

Tarbayeva M.B. Yamanova E.B. (2021) History of Development of Creative Industries in Russia and China. *Kreativnyye strategii i kreativnyye industrii v ekonomicheskom, sotsial'nom i kul'turnom prostranstvakh regiona. Materialy tret'yey regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Irkutsk: Reprintsentr A1. P. 329–333.

Titov S.A., Kokorina A.O., Bykov P.A., Gorbachev E.S. (2019) Creative Industrial Parks in Post-Industrial Transformation of China Economy. *Prostranstvennaya ekonomika*. Vol. 15. No. 3. P. 125–146. DOI: [10.14530/se.2019.3.125-146](https://doi.org/10.14530/se.2019.3.125-146)

Zadvornaya E.S. (2019) Kul'turnyye industrii KNR [Cultural industries of China]. *Transgranichnyye rynki tovarov i uslug: problemy i issledovaniya. Sbornik materialov III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Shkola ekonomiki i menedzhmenta*. Vladivostok: Dal'nevostochnyy federal'nyy universitet. P. 306–311.

Zelentsova E., Gladkikh N. (2021) *Tvorcheskiye industrii: teorii i praktiki* [Creative industries: Theories and practices]. Moscow: T8 Rugram.

Дата поступления/Received: 13.03.2023

Инструментарий превентивной реструктуризации для предупреждения банкротства компаний

Львова Ольга Александровна

Доктор экономических наук, доцент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: lvova@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [3516-5230](https://elibrary.ru/3516-5230)

ORCID ID: [0000-0001-9835-3418](https://orcid.org/0000-0001-9835-3418)

Аннотация

Наличие эффективно работающих досудебных механизмов предупреждения банкротства компаний в статье рассматривается как условие обеспечения устойчивости бизнеса. Гипотезой, нашедшей подтверждение в исследовании, является утверждение: способом, позволяющим участникам отношений несостоятельности снизить временные и материальные издержки погружения в полноценный судебный процесс банкротства, является превентивная реструктуризация проблемного бизнеса, осуществляемая в рамках корпоративного управления на предбанкротной стадии. В статье выявлены особенности существующих форм реструктуризации — превентивной (внесудебной и гибридной) и судебной, акцентировано внимание на преимуществах и условиях для проведения превентивной реструктуризации с учетом позиций заинтересованных сторон, раскрыты основные стадии процесса. В ходе анализа определены неотъемлемые инструменты превентивной реструктуризации, необходимые для включения в законодательство и популяризации применения данного механизма: утверждение плана реструктуризации долгов до инициирования банкротства, деление кредиторов на классы, возможность навязывать план несогласным кредиторам, стимулирующие нормы о предоставлении нового и промежуточного финансирования, сохранение полномочий менеджмента на период превентивной реструктуризации. Процесс институционализации механизма превентивной реструктуризации рассмотрен на примере малоизученного в русскоязычной литературе опыта Нидерландов, где в 2021 году были успешно внедрены рекомендации из Директивы Еврокомиссии. В результате обобщения прогрессивного зарубежного опыта и актуальной российской практики превентивной реструктуризации проблемных компаний автором предложены векторы стимулирования использования механизмов предупреждения банкротства компаний в России: законодательное закрепление возможностей проведения гибридной реструктуризации под защитой суда; совершенствование аналитического инструментария оценки состояния проблемного бизнеса накануне банкротства; обеспечение доступности информации о проблемных активах; развитие института независимых антикризисных консультантов; формирование судебной практики, поощряющей досудебное оздоровление; предоставление методической помощи участникам в разработке форм документов; развитие культуры превентивной реструктуризации в обществе.

Ключевые слова

Предупреждение несостоятельности (банкротства), превентивная реструктуризация, подготовленное банкротство, финансовое оздоровление должника, внесудебная и гибридная реструктуризация, слияния и присоединения с участием проблемных активов (компаний), Директива Еврокомиссии по превентивной реструктуризации и второму шансу, закон Нидерландов WHOA.

Preventive Restructuring Toolkit for Business Bankruptcy Prevention

Olga A. Lvova

DSc (Economics), Associate Professor, School of Public Administration, Moscow, Russian Federation.

E-mail: lvova@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0001-9835-3418](https://orcid.org/0000-0001-9835-3418)

Abstract

The presence of effective out-of-court mechanisms for bankruptcy prevention is considered in the paper as a condition for ensuring business sustainability. The hypothesis confirmed in this study is the statement: preventive restructuring of distressed business allows the main stakeholders of business insolvency relationships to reduce the time and financial costs of immersion in full-fledged court bankruptcy proceedings. Preventive restructuring should be carried out within the framework of corporate governance at the pre-bankruptcy stage. The paper identifies the features of existing forms of restructuring — preventive (out-of-court and hybrid) and judicial, focuses on the advantages and conditions for preventive restructuring for interested parties, discloses the main stages of the process. In the study the essential tools of preventive restructuring necessary for inclusion in the legislation and popularization of the use of this mechanism are identified: approval of the debt restructuring plan before bankruptcy commencement, introduction of creditors' classes and cramdown tool, stimulating provisions for new and interim financing, preservation of management powers for the period of preventive restructuring. The process of institutionalization of the preventive restructuring mechanism is considered on the example of the understudied experience of the Netherlands, where the EU Directive was successfully implemented in 2021. As a result of generalization of progressive foreign experience and current Russian practice of preventive restructuring of distressed companies, the author suggests directions to intensify the use of preventive mechanisms to avoid business bankruptcies in Russia: legislative consolidation of the hybrid restructuring possibilities under the court protection; improvement of analytical tools for assessing the state of a distressed business on the bankruptcy eve; ensuring the availability of information about distressed assets; development of the institute of independent consultants on crisis management; formation of judicial practice encouraging out-of-court rescue; provision of methodological assistance to participants in the documents' preparation; development of a preventive rescue culture in society.

Keywords

Insolvency (bankruptcy) prevention, preventive restructuring, prepackaged bankruptcy, distressed business rescue, informal workouts, out-of-court and hybrid restructuring, mergers and acquisitions of distressed assets (companies), EU Directive on preventive restructuring and second chance, WHOA law of the Netherlands (Dutch WHOA law).

Введение

Ориентация на превентивное оздоровление компании-должника, имеющей финансовые трудности и одновременно обладающей антикризисным потенциалом, сегодня является основным трендом развития института банкротства во всех странах мира. Такой подход позволяет восстановить, а не ликвидировать жизнеспособный бизнес, сохранить рабочие места, вернуть долги, что оказывает позитивный эффект на экономику [Львова 2019]. Важно, что превентивный механизм предупреждения банкротства способствует снижению трансакционных издержек: прямое снижение судебных расходов возможно за счет установления обязанности должника и кредиторов договариваться во внесудебном порядке в рамках предупреждения банкротства; косвенное снижение — за счет возможности для несостоятельных фирм привлекать новое финансирование или возможности для прежнего менеджмента сохранить контроль над фирмой, так как имеющийся управленческий опыт может повысить ее стоимость.

Предупреждение банкротства посредством превентивной реструктуризации имеет значимые преимущества перед судебными процедурами и доминирует в статистике банкротств компаний в других странах. Так, в 2017–2018 гг. во Франции судебные процедуры реорганизации составляли около 29% всех дел, превентивная «защита должника» — около 2% случаев, в 2021–2022 гг. — 23% и 2,78% соответственно. В Германии в те же годы реструктуризация в судебных процедурах банкротства имела место в 5% случаев, процедура превентивной реструктуризации — в 3% случаев, 64% дел о банкротстве 50 самых крупных компаний проводилось в превентивном виде «самоуправления» [The Insolvency Review 2018, 84, 92; The Insolvency Review 2019, 93, 115; The Insolvency Review 2022]. В США в 2020 г. четыре из двадцати крупнейших банкротств компаний были «подготовленными» (англ. prepackaged)¹, в 2021 г. доля согласованных заранее планов реструктуризации крупнейших компаний достигла 50%². В последние годы внимание к предупреждению банкротства приобрело наднациональный характер: принятая в середине 2019 г. Еврокомиссией «Директива по превентивной реструктуризации и второму шансу»³ № 2019/1023 предусматривает, что члены Евросоюза должны провести реформы по внедрению процедуры превентивной реструктуризации в национальное законодательство о банкротстве в течение следующих 2–3 лет. В 2021 г. положения Директивы были успешно интегрированы в законодательство Германии, Нидерландов, Франции.

В России система предупреждения банкротства и реабилитации проблемного бизнеса за последние 20 лет так и не сформировалась и характеризуется низкой результативностью [Львова 2021а, Львова 2021б]: к реабилитационным процедурам банкротства обращаются всего в 1–2% случаев; в реформаторских законопроектах, широко обсуждаемых с 2017 г., предупреждению несостоятельности и досудебной санации не уделяется достаточно внимания; обеспечение адекватного возврата долгов кредиторам (более текущих 5–6%) затруднено из-за неэффективности торгов по продаже имущества должников (обычно с дисконтом до 60–70%), длительности процедур (около 2–3 лет), сохранения практики криминальных банкротств.

¹ Trends in large corporate bankruptcy and financial distress // Cornerstone [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cornerstone.com/Publications/Reports/Trends-in-Large-Corporate-Bankruptcy-and-Financial-Distress-2005-Q3-2020> (дата обращения: 01.02.2023).

² The Year in Bankruptcy: 2021 // Jones Day [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jonesday.com/en/insights/2022/01/the-year-in-bankruptcy-2021> (дата обращения: 01.02.2023).

³ Directive (EU) 2019/1023 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on preventive restructuring frameworks, on discharge of debt and disqualifications, and on measures to increase the efficiency of procedures concerning restructuring, insolvency and discharge of debt (Directive on restructuring and insolvency). P. 18–55 // EUR-Lex [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32019L1023&qid=1627999081060> (дата обращения: 30.01.2023).

В данной связи актуальным представляется обобщение передовой практики предупреждения банкротства для предложения конкретных направлений по активизации применения инструментов превентивной реструктуризации для проблемных компаний в России.

Формы реструктуризации проблемного бизнеса

В теории корпоративных финансов понятие реструктуризации охватывает широкий спектр сделок, включая продажу направлений бизнеса или покупку компаний, изменение структуры капитала за счет увеличения доли заемного финансирования, изменение внутренней организации компании [Bowman, Singh 1993]. Аналогичным образом П.А. Гохан выделяет три формы корпоративной реструктуризации: дивести́рование (англ. *divestiture*) — распродажа активов и расщепление капитала; корпоративное сокращение (англ. *downsizing*) — реструктуризация затрат и рабочей силы; финансовая реструктуризация — изменение структуры капитала [Гохан 2023, 23]. Другие ученые также понимают под реструктуризацией компании тип стратегических сделок, которые направлены на сокращение масштабов бизнеса («распад компании»), акцентируя внимание на приобретении контроля посредством выкупа фирмы с помощью заемного финансирования (англ. *leveraged buyout, LBO*) [Eckbo, Thorburn 2013]. Л.Н. Павлова выделяет судебную и внесудебную формы корпоративной реструктуризации, которая может включать финансовую рекапитализацию, реорганизацию, приобретение и ликвидацию бизнеса [Павлова 2020, 6]. В других работах авторы рассматривают реструктуризацию компаний, официально признанных банкротами, и выделяют две основные формы (по составу бухгалтерского баланса): реструктуризацию активов и реструктуризацию капитала и обязательств [Altman et al. 2019].

В специализированных международных изданиях по банкротству выделяется три формы реструктуризации как способа спасения проблемного бизнеса: внесудебная реструктуризация, гибридная реструктуризация, формальные (судебные) процедуры банкротства (реорганизация или ликвидация). Все они различаются между собой не только набором инструментов, но и эффективностью, которая может быть оценена через временные рамки (ранняя или запоздалая инициация при усугублении финансового состояния должника), уровень затрат, вероятность успеха процесса реструктуризации, допуск к управлению прежнего менеджмента должника, уровень прозрачности процедуры по подготовке плана реструктуризации, степень участия суда и применяемый инструментарий (Таблица 1).

Таблица 1. Формы реструктуризации проблемного бизнеса⁴

Признак	Внесудебная реструктуризация	Гибридная реструктуризация	Судебные процедуры банкротства
Появление признаков неплатежеспособности во времени	Ранние, первые признаки несостоятельности	Более заметные, усиливающиеся признаки несостоятельности	Достигнуты формальные признаки банкротства (можно инициировать дело) / неплатежеспособность усугубляется / превентивные мероприятия безуспешны
Затраты на процедуру	Низкие (досудебные переговоры с кредиторами)	Средние (привлечение специалистов-консультантов)	Высокие (судебные издержки, длительность процесса)
Вероятность успеха	Высокая	Средняя	Низкая

⁴ Составлено автором по: [McGowan, Andrews 2016, 16; Carcea et al. 2017, 261; Garrido 2012, 20, 47–49; Rescue of Business in Insolvency Law 2017, 208–209].

Прозрачность (открытость) процедуры	Полная конфиденциальность	Конфиденциальность на стадии переговоров, открытость после утверждения плана судом	Открытая процедура
Полномочия руководителя должника	Полномочия сохраняются	Полномочия ограничены, контроль суда	Полномочия переданы арбитражному управляющему. Возможно их частичное сохранение («должник во владении»)
Участие суда	Отсутствует	Частичное (утверждение плана, контроль со стороны суда)	Полное
Применяемый инструментарий	Широкий спектр гибких инструментов, используемых по соглашению сторон (без официальных сроков и законодательно установленных правил): продажа активов должника, списание части долга, изменение графика платежей, реструктуризация финансовых обязательств, реструктуризация бизнеса, обмен долга (на акции или на другие обязательства) и т.д.	Возможно, в том числе в комбинации мер: — привлечение специалиста по переговорам — медиатора; — установление конечного срока проведения переговоров с кредиторами, когда должник не обязан подать заявление; — ограничение действий кредиторов по взысканию задолженности; — предварительное согласование с кредиторами плана реструктуризации / продажи бизнеса; — утверждение судом достигнутого соглашения	Фиксированный национальным законодательством о банкротстве перечень мероприятий — в зависимости от характера введенной процедуры (реструктуризация или ликвидация). Типичные меры в рамках реструктуризации: — мораторий на удовлетворение требований кредиторов («автоматическая остановка»); — привлечение арбитражного управляющего в качестве руководителя; — разработка плана оздоровления бизнеса

Важно понимать, что расположение этих форм на шкале времени в четкой последовательности от внесудебной к судебной реструктуризации не является корректным. Так, при неудаче переговоров о внесудебной реструктуризации может быть две возможности: привлечен внешний консультант (например, медиатор), и тогда формально реструктуризация перейдет в стадию гибридной (суд лишь осуществляет контроль и утверждает достигнутое соглашение, но пока дело о банкротстве не возбуждено); либо сразу начата стадия судебного производства (Рисунок 1). В то же время, если гибридная реструктуризация так и не приведет к соглашению, может быть инициирована судебная процедура банкротства, также имеющая два потенциальных исхода, среди которых во всем мире более распространенным остается ликвидация.

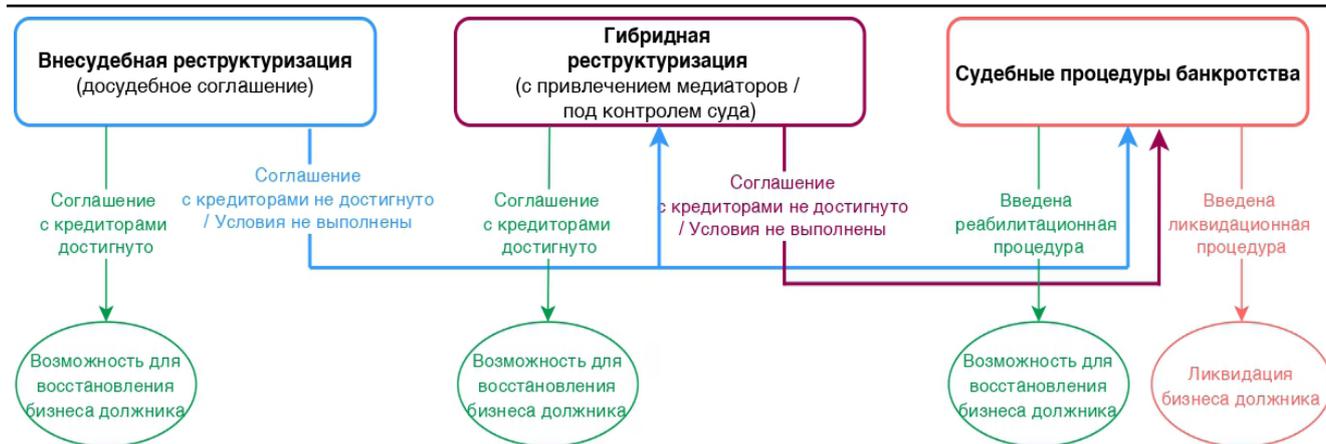

Рисунок 1. Последовательность применения форм реструктуризации проблемного бизнеса и их возможные результаты⁵

Представляется, что в агрегированном виде к превентивной реструктуризации можно отнести не только первую форму — чисто внесудебные соглашения, достигнутые в результате неформальных переговоров должника с кредиторами, но и следующую — гибридную, где также применяется управленческий инструмент оздоровления, а влияние суда ограничено. Отличие гибридной реструктуризации от внесудебной заключается в том, что порядок гибридной частично закреплен в законодательстве, имеются практические успешные кейсы, что позволяет рассчитывать на содействие компетентных специалистов. В данной работе в превентивной реструктуризации объединены две — внесудебная и гибридная.

Превентивная реструктуризация: преимущества, условия проведения и основные стадии процесса

В международной практике мероприятия в рамках предупреждения банкротства описываются через синонимично употребляемые англоязычные термины: добровольные переговоры о реструктуризации (англ. voluntary restructuring negotiations) — в Руководстве для законодательных органов по несостоятельности ЮНСИТРАЛ 2005 года⁶; внесудебная реструктуризация долга (англ. out-of-court debt restructuring) — в докладе Всемирного банка [Garrido 2012]; внесудебные, неформальные соглашения (англ. out-of-court settlements, informal workouts) — в материалах рабочих групп ОЭСР [McGowan, Andrews 2016]; превентивная, подготовленная реструктуризация (англ. preventive pre-pack) — в аналитическом обзоре ассоциации INSOL Europe⁷. Исторически актуализация механизмов превентивной реструктуризации связана с переориентацией системных кредиторов (банков) на более дешевые и быстрые инструменты урегулирования задолженности в периоды крупных финансовых кризисов 1998 и 2008 годов [Westbrook et al. 2010], а также с институционализацией превентивной реструктуризации в законодательстве США о банкротстве в начале 1990-х годов.

Основным преимуществом превентивной реструктуризации является более высокая скорость и гибкость принимаемых решений: так, по оценкам Европейского института права, при тщательной подготовке сама процедура продажи бизнеса должника может занять 24–48 часов

⁵ Составлено автором.

⁶ Legislative Guide on Insolvency Law. P. 21 // United Nations Commission on International Trade Law (UNCITRAL) [Электронный ресурс]. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/05-80722_ebook.pdf (дата обращения: 30.01.2023).

⁷ Richter T., They A. INSOL Europe Guidance Note on the Implementation of Preventive Restructuring Frameworks under EU Directive 2019 / 1023: Claims, Classes, Voting, Confirmation and the Cross-Class Cram-Down // Business Reorganisation Assessment [Электронный ресурс]. URL: <https://ebrd-restructuring.com/storage/uploads/documents/949e7c96318c69cea1b2c8207f4cc469.pdf> (дата обращения: 30.01.2023).

с момента открытия официальной процедуры банкротства [Rescue of Business in Insolvency Law 2017, 295]. К другим преимуществам относятся более низкие затраты в сравнении с банкротством (на судебные издержки и внешнее администрирование); снижение риска обесценивания активов должника; возможность получения должником краткосрочной «передышки» в виде временного моратория принудительного взыскания со стороны кредиторов для облегчения переговоров⁸; конфиденциальность, непубличность процесса; низкие репутационные потери для проблемной компании, которая собирается продолжить деятельность и не обязана прерывать ее на время проведения переговоров; снижение нагрузки на судебную систему (так как большинство процедурных шагов может быть сделано во внесудебном порядке); эффект на макроуровне в виде формирования более защищенной экономической среды для расширения кредитования (как до наступления несостоятельности, так и после).

Условиями для проведения превентивной реструктуризации выступают два основных критерия: 1) текущая (но временная) или будущая предполагаемая неплатежеспособность компании; 2) множественность кредиторов (так как в случае с одним кредитором применяются индивидуальные мероприятия и нет необходимости в примирении многих сторон), основными из которых являются банки. Среди дополнительных предпосылок для превентивной реструктуризации можно выделить:

- готовность сторон к переговорам (в том числе внутри сообщества кредиторов), основанная на принципе добросовестности и включающая готовность предоставлять информацию о своем финансовом состоянии (как со стороны должника, так и кредиторов);
- понимание сторонами, что переговорный процесс может принести больше пользы всем участникам как менее длительный и затратный, чем официальная процедура банкротства;
- готовность кредиторов к сотрудничеству между собой по предоставлению достаточной отсрочки в исполнении обязательств (англ. standstill period) и других льгот;
- для проблемной компании — отсутствие необходимости в получении защиты от кредиторов в судебной процедуре банкротства (мораторий на удовлетворение требований, возможность неисполнения незавершенных контрактов и т.д.);
- наличие потенциала для оздоровления проблемного бизнеса, его жизнеспособность, наличие антикризисного бизнес-плана.

Описанные предпосылки частично отражены в 8 принципах проведения эффективных переговоров при большом числе кредиторов, разработанных ассоциацией INSOL International⁹ в целях увеличения информационной прозрачности, согласованности, координации действий кредиторов.

Обычно процесс превентивной реструктуризации включает следующие 10 стадий (Рисунок 2).

⁸ К примеру, упомянутая Директива Еврокомиссии предусматривает отсрочку на срок до 4-х месяцев.

⁹ Technical Projects // INSOL International [Электронный ресурс]. URL: <https://www.insol.org/Focus-Groups/Financiers-Group/Technical-Projects> (дата обращения: 12.02.2023).

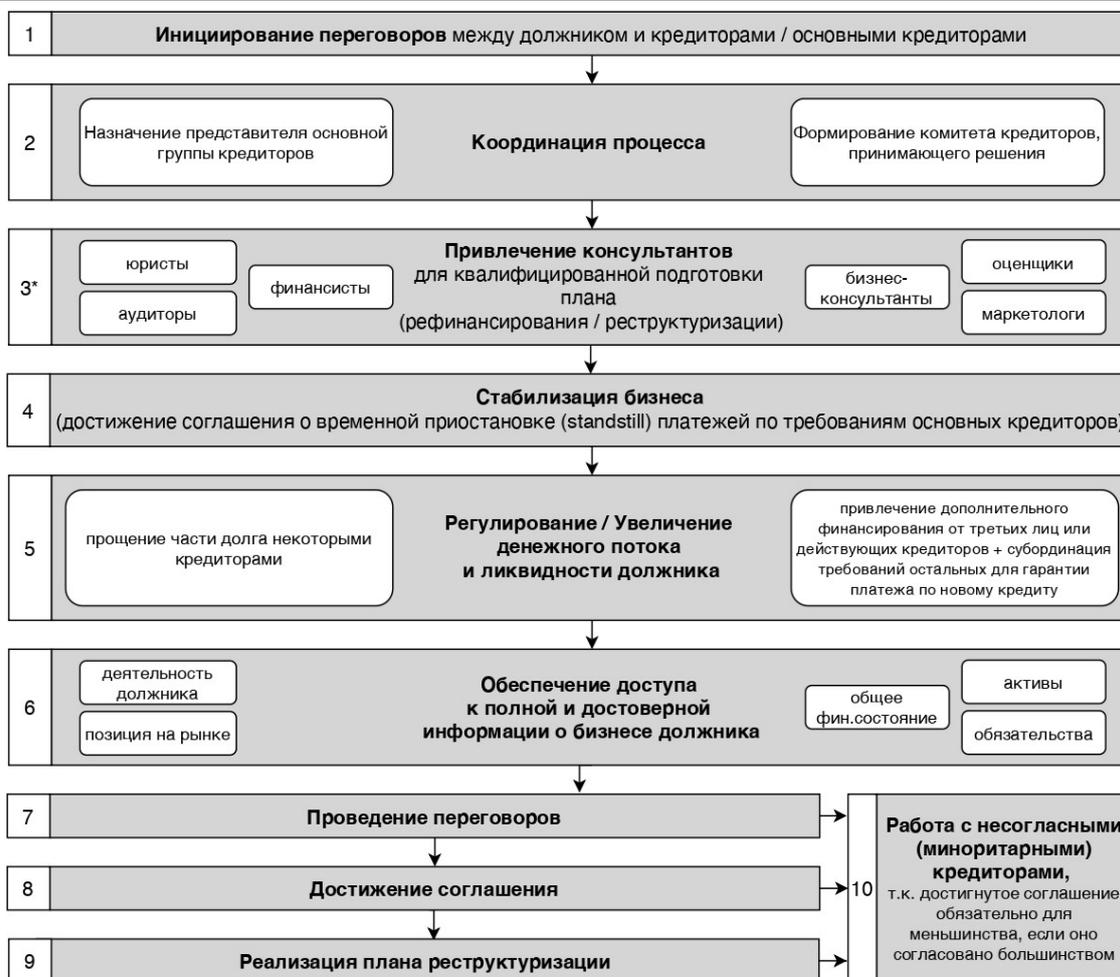

Рисунок 2. Стадии процесса превентивной реструктуризации¹⁰

При инициации переговоров с кредиторами о превентивной реструктуризации важным вопросом становится определение как текущего состояния проблемного бизнеса, так и его перспектив. Однако в мировой и российской практике отсутствуют универсальные методические документы, позволяющие четко классифицировать финансовое состояние компании как: а) подходящее для начала превентивной реструктуризации; б) жизнеспособное с точки зрения сохранения бизнеса и погашения обязательств. Таким образом, методические подходы к анализу остаются на усмотрение сторон и могут быть адаптированы на основе предложений, изложенных в работе А.З. Бобылевой [Бобылева 2017].

Инструменты превентивной реструктуризации проблемного бизнеса

Внедрение механизма превентивной реструктуризации в законодательство предполагает соответствие ряду условий, часть из которых в мировой практике одновременно признается инструментами превентивной реструктуризации, без которых институционально закрепленный механизм лишен смысла. К ним относятся следующие:

- 1) утверждение плана реструктуризации долгов (с элементами отсрочки или их частичного погашения) до инициирования банкротства (то есть в период, пока должник не является банкротом);
- 2) деление кредиторов на классы (англ. class formation) со специфичным порядком голосования за план реструктуризации;

¹⁰ Составлено автором по: [Garrido 2012, 3–6, 47–49]. Примечание: 10-я стадия по работе с несогласными кредиторами проводится параллельно со стадиями 7–9. Результатом превентивной реструктуризации являются стадии 8 и 9 — принятие и реализация плана реструктуризации.

- 3) возможность навязывать план несогласным кредиторам (англ. cramdown, cross-class cramdown) при условии защиты их интересов;
- 4) нормы о предоставлении нового и промежуточного финансирования (англ. new and interim financing) со стороны существующих или новых кредиторов и обеспечение их приоритетного положения при удовлетворении требований;
- 5) сохранение полномочий менеджмента на период превентивной реструктуризации (англ. debtor-in-possession — должник во владении).

План превентивной реструктуризации может включать комбинацию мер из двух основных направлений: реструктуризации бизнеса (операционной) и реструктуризации обязательств (финансовой). Так, инструменты реструктуризации бизнеса включают:

- продажу непрофильных или убыточных активов с целью получения дополнительных средств для финансирования непрерывной деятельности компании. Если же на продажу выставляются прибыльные активы, важным этапом становится их оценка по справедливой (рыночной) стоимости и юридическое сопровождение сделки во избежание оспаривания (если дело дойдет до судебной процедуры банкротства);
- отделение / выделение (англ. hive-down) прибыльных активов в отдельное предприятие — проектную компанию (англ. special purpose vehicle, SPV), доли в которой передаются кредиторам в счет погашения долгов.

Второе направление — реструктуризация обязательств — может включать комбинацию следующих инструментов:

- пересмотр сроков исполнения обязательств (предоставление отсрочки по внесению периодических платежей, продление срока погашения), когда происходит новация долга относительно старых условий его погашения. Может быть изменена процентная ставка или продлен срок исполнения обязательств (при прежней ставке);
- конвертация валюты долга;
- снижение процентной ставки (фиксированной или плавающей) по обязательствам с последующей новацией долга;
- отказ (временный или постоянный) от санкций по договорам займа и(или) отмена текущих штрафов за нарушение условий договора;
- изменение (смягчение) финансовых ковенантов, предусмотренных кредитным договором, таким образом, чтобы их соблюдение стало посильным для проблемной компании, но одновременно позволяло кредитору отслеживать изменение ее финансового состояния;
- использование гибридных (конвертируемых) ценных бумаг — свопов, предусматривающих конвертацию долга в акции (англ. debt-to-equity swap), реже — конвертацию в другие обязательства (англ. debt-to-debt swap)¹¹;
- предоставление нового кредита с «защитным» обеспечением, компенсирующим риски. В разных странах это может быть приоритет при удовлетворении требований, запрет на оспаривание сделки в случае перехода к судебной процедуре банкротства. Подобное обеспечение может применяться не только к предоставленному новому финансированию, но и к реструктурированному долгу;
- «прощение» процентов по текущим (прошлым) обязательствам;
- частичное или полное списание долга как крайняя мера со стороны кредиторов, которая может выражаться в прощении заемщику оставшейся части долга, в результате чего оформляется новация первоначальных обязательств, их замена на меньшую сумму или полное списание долгов.

¹¹ Балюк И.А. Современный международный долговой рынок: теория и практика функционирования: дисс... док. наук. М., 2019. С. 189–200.

Обобщенно инструментарий превентивной реструктуризации описан в Таблице 2. Часть из рассмотренных выше мер включается в судебные процедуры банкротства: к примеру, в России продажа активов должника и замещение активов (аналог *hive-down*) являются мероприятиями судебной процедуры банкротства — внешнего управления. Описанные меры также могут стать элементом достигнутого соглашения с кредиторами, выраженного в форме подготовленного и согласованного до суда плана реструктуризации (столбец 2 Таблицы 2) или утвержденного в судебной реабилитационной процедуре банкротства (столбец 3 Таблицы 2).

Таблица 2. Инструментарий превентивной реструктуризации (Р) проблемного бизнеса в мировой практике¹²

Инструмент	1. Достижение неформального соглашения об условиях восстановления бизнеса	2. Предварительное согласование с кредиторами плана реструктуризации	3. Подготовленная продажа проблемного бизнеса целиком как действующего
Международное наименование	Informal workout, Contractual workout	Pre-arranged, Prepackaged, Pre-negotiated plan	Pre-packaged sale
Суть механизма и результат переговоров	Переговоры должника и кредиторов проводятся при участии приглашенных консультантов. Результат переговоров: оформленное соглашение, сочетающее меры операционной и финансовой Р.	Подготовка и предварительное согласование плана Р с кредиторами. Результат переговоров: официальный план Р, подлежащий утверждению судом. Далее должник подает заявление о своем банкротстве и сопроводительные документы: реестр кредиторов, план Р, подтверждение согласия кредиторов с планом.	В процессе переговоров находится покупатель для действующего бизнеса должника, имеющего хорошие перспективы дальнейшей работы. Результат переговоров: подготовка сделки по продаже бизнеса до открытия процедуры банкротства. Далее должник подает заявление о банкротстве, суд утверждает такую продажу на ранней стадии судебной процедуры, выручка распределяется между кредиторами.
Утверждение плана Р судом	Не требуется, но соглашение (как договор) имеет юридическую силу.	Требуется.	Требуется.
Владелец бизнеса должника	Остается прежним (или происходит размывание его доли при использовании свопов как механизма финансовой Р).	Остается прежним (или происходит размывание его доли — при свопах).	Меняется (бизнес приобретается новым собственником).
Примеры из мировой практики	Англия: «Лондонский подход» — рекомендации для переговоров и сохранения ценности работающего бизнеса; неформальное соглашение должника и незалоговых кредиторов (CVA) до суда. Франция: превентивная реорганизация (safeguard proceedings) в форме примирения (conciliation) или предварительных переговоров (ad hoc).	Подготовленное банкротство (досудебная разработка плана Р): США, Англия. Согласованное банкротство: США.	Подготовленная продажа (pre-pack sale): Англия, Испания, США. Германия: защита от банкротства (Schutzschirmverfahren) — подготовка плана Р, обычно включающего продажу компании или ее части.

¹² Составлено автором по: [Garrido 2012; Бобылева, Львова 2019; Rescue of Business in Insolvency Law 2017].

В некотором роде описанные выше достоинства превентивных процедур являются одновременно и недостатками, ибо подобные процедуры подходят только для случаев, когда полная «защита» проблемного бизнеса в рамках судебного производства по делу о несостоятельности не требуется: «закрытость» превентивных процедур может как повлечь за собой ущемление прав миноритарных кредиторов и(или) должника, так и привести к необоснованному выбору покупателя проблемного бизнеса; высока цена ошибки при проведении анализа финансового состояния (входящего в due diligence) и оценки перспектив бизнеса должника на ранних этапах переговоров; менеджмент фирмы сложнее привлечь к ответственности за недобросовестное поведение; сложнее регулировать трудовые отношения при необходимости увольнения работников.

В мировой практике основным направлением развития превентивных механизмов является рассмотрение возможности обеспечения ускоренного процесса преобразования неофициального плана реструктуризации, достигнутого в ходе предварительных переговоров, в официальный план реорганизации в случае обращения к процедуре банкротства. Это позволяет объединить «лучшее из обоих миров» таким образом, чтобы производство по делу о несостоятельности вызывало минимальное нарушение деловой активности должника, сочетая эффективность, скорость, стоимость и гибкость неформальной превентивной реструктуризации с эффектом официального производства по делу о несостоятельности — в случаях, когда необходимо участие суда.

Пример внедрения механизма превентивной реструктуризации в Нидерландах

«Эталон» реорганизации бизнеса является Глава 11 Кодекса США о банкротстве. Этот опыт исчерпывающе описан во многих научных работах и часто берется за основу другими странами, которые обычно стараются внедрить возможность обращаться к реорганизации напрямую, используя процедуру банкротства как защиту от кредиторов, дать возможность прежнему менеджменту сохранить руководство фирмой-должником. Реже адаптируется упомянутый выше порядок голосования за план реорганизации внутри классов кредиторов, возможность «навязать» план несогласным кредиторам.

При этом в отечественной научной литературе не описан опыт Нидерландов — гораздо менее изученной, но прогрессивной страны, где закон о банкротстве 1896 г. (нид. Faillissementswet) является одним из старейших в мире. Наше исследование показало, что процедура реструктуризации здесь была обновлена сравнительно недавно (в 2017 г.) и теперь включает весь комплекс важнейших элементов восстановительного механизма: правом предложить план реструктуризации обладают и должник, и кредиторы (в некоторых случаях); план может распространяться как на всех, так и на часть кредиторов и третьих лиц (поручителей); кредиторы делятся на классы, каждый из которых голосует за план большинством в 2/3 голосов, после чего план должен получить одобрение суда; суд может обязать несогласных кредиторов следовать плану (механизм cramdown); на досудебной подготовительной стадии вся процедура носит конфиденциальный характер. По мнению голландских экспертов по банкротству, принятые изменения окажут положительный эффект, ускорят производство по делам о несостоятельности, придадут им гибкость¹³.

¹³ Conference report: Insolvency proceedings within the EU: latest developments, ERA, June 8-9, 2017 // Conflict of Laws [Электронный ресурс]. URL: <https://conflictoflaws.net/2017/conference-report-insolvency-proceedings-within-the-eu-latest-developments-era-8-to-9-june-2017/?print=print> (дата обращения: 03.02.2023).

Одним из первых государств, успешно внедривших комплекс предложенных Еврокомиссией мер, стали именно Нидерланды: 1 января 2021 г. вступил в силу Закон об утверждении внесудебных планов реструктуризации (нид. *Wet homologatie onderhands akkoord, WHOA*)¹⁴, который теперь считается альтернативой американской Главе 11. Необходимость реформы обусловлена развитием «банкротного туризма», при котором должники намеренно обращались в другие юрисдикции с более мягкими условиями списания долга, а также нереалистичностью предшествующего регулирования достижения соглашения с кредиторами до начала судебной процедуры¹⁵. Закон WHOA позволил суду «навязывать» несогласным кредиторам план реструктуризации, однако такая неоднозначная, с точки зрения кредиторов, мера подкрепляется балансирующими механизмами:

- деление кредиторов на классы осуществляется с учетом интересов и прав кредиторов (вне и в рамках плана), когда для небольших поставщиков создается отдельный класс, а требования залогового кредитора могут включаться в несколько классов;
- порядок голосования внутри классов кредиторов, когда план считается одобренным, если 2/3 (по размеру) требований от принявших участие в голосовании его поддержало, а количество кредиторов не имеет значения;
- тест «максимального учета интересов кредитора» (англ. *best interest of creditors test*) по принципу «не навреди»: план реструктуризации не может ухудшать позицию несогласных с ним кредиторов по сравнению с альтернативным (ликвидационным) сценарием по продаже активов должника;
- тест соблюдения планом очередности удовлетворения требований кредиторов (англ. *absolute priority rule*), отклонение от которой возможно, только если для этого имеются разумные основания;
- защита отдельных классов кредиторов: в утверждении плана может быть отказано по заявлению кредитора несогласного класса, если (1) выплата малым предприятиям-поставщикам будет менее 20% от суммы их требований; (2) план не позволяет незалоговому кредитору получить возмещение в размере выплат при ликвидации (англ. *cash-out right*); (3) залоговый кредитор не имеет права выбрать компенсацию в форме, отличной от участия в капитале (например, в форме долгового инструмента).

Кроме механизма *scamdown*, внесудебная реструктуризация по Закону WHOA характеризуется следующими основными положениями¹⁶:

- план утверждается вне формальной процедуры банкротства, полномочия руководителя должника сохраняются, контроль со стороны суда минимален;
- план может затрагивать всех или часть кредиторов и/или участников должника, но не может изменять права его работников;
- есть два варианта процедуры — публичный и конфиденциальный, имеющие аналогичный набор инструментов, но разные правила в части международной юрисдикции судов;
- доступ к процедуре имеет проблемный бизнес, который находится в ситуации, когда можно разумно предположить, что он не сможет продолжать отвечать по своим обязательствам (надвигающаяся неплатежеспособность);

¹⁴ New Dutch scheme: The act of court confirmation of extrajudicial restructuring plans // De Brauw [Электронный ресурс]. URL: <https://www.debrauw.com/articles/new-dutch-scheme-the-act-on-court-confirmation-of-extrajudicial-restructuring-plans> (дата обращения: 03.02.2023).

¹⁵ По планам реструктуризации, утверждаемым в досудебном порядке, требовалось единогласное одобрение кредиторов, при отсутствии которого инициировалась полноценная процедура банкротства, долгая и дорогая.

¹⁶ Кокорин И.В. Голландский опыт реформирования законодательства о банкротстве и поиск баланса интересов кредиторов и должника (группы должников) в процедуре реструктуризации // Доклад на Научно-практической конференции «Институт несостоятельности (банкротства) на пути реформ: вектор развития, 8 апреля 2021 г.

- кредиторы и/или должник могут ходатайствовать об утверждении эксперта по реструктуризации, в компетенцию которого входит разработка и обсуждение плана реструктуризации;
- план может включать отсрочку уплаты долга, сокращение долговой нагрузки, обмен долга на акции, контролируруемую ликвидацию и т.д.

Другой страной, успешно внедрившей механизм превентивной реструктуризации в законодательство, стала Германия, где также в 2021 г. вступил в силу Закон о дальнейшем развитии регулирования санации и несостоятельности (нем. SanInsFoG), который выступает «надстройкой» к действующему Закону о стабилизации и реструктуризации предприятий (нем. StaRUG). Закон SanInsFoG по своей сути похож на голландский Закон WNOA и дает возможность провести санацию в досудебном порядке под контролем суда с участием приглашенного консультанта (или без него), устанавливает аналогичные правила голосования за план, то есть обеспечивает гибкость процесса предупреждения банкротства [Madaus 2021, 11].

Таким образом, адаптированная указанными странами Директива Еврокомиссии по превентивной реструктуризации как модельный закон задает вектор преобразования систем управления банкротством, что делает предупреждение банкротства равнозначно важным наряду с совершенствованием судебных механизмов и позволяет субъектам корпоративного управления применить их, пока бизнес еще можно спасти.

Особенности практики предупреждения банкротств компаний в России

Из рассмотренных в Таблице 2 и принятых в мировой практике способов превентивной реструктуризации в России применяется только первый — достижение неформального соглашения с кредиторами вместо официальной процедуры банкротства. Два других варианта с предварительным согласованием плана, который затем утверждается судом в официальной процедуре банкротства, не используются; до суда дело предпочитают не доводить. Процессы предупреждения банкротства находят свое выражение в форме реструктуризации задолженности, а также сделок с проблемными и непрофильными активами должника по их продаже инвестору или в рамках слияния или присоединения (M&A) [Бобылева, Львова 2019]. Объем этого рынка оценить трудно по причине непубличности большинства сделок, которые, по сути, являются превентивной реструктуризацией проблемных компаний. Так, сделки с участием банков-кредиторов попадают в публичный доступ, только если банк квалифицировал «реструктуризацию задолженности» проблемного заемщика именно в этой формулировке (а не как «выдачу нового кредита после погашения предшествующего») либо в силу публичности долга или огласки в СМИ. Кредиторы не заинтересованы в раскрытии информации: так, по данным KPMG за 2018 г., признаваемый российскими банками в отчетности уровень проблемных корпоративных долгов составлял около 7%, а по неформальным оценкам он достигал 30%¹⁷. По официальной информации Банка России, объем просроченной задолженности корпоративного сектора в декабре 2018 г. составлял 6,3% кредитного портфеля российских банков, в декабре 2020 г. — 7,1%, а к декабрю 2022 г. снизился до 4,9%¹⁸. В то же время на фоне экономических потрясений растет объем реструктурированной задолженности юридических лиц, который в конце 2021 г. составлял около 10% совокупного портфеля банков, а к ноябрю 2022 г. достиг 17%.

¹⁷ Рынок M&A в 2019 году: санкционные угрозы и рост российского сегмента // Право.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/story/210933/> (дата обращения: 06.02.2023).

¹⁸ О развитии банковского сектора в Российской Федерации в декабре 2022 // Банк России [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/43685/razv_bs_22_12.pdf (дата обращения: 01.02.2023).

В России сделки по превентивной реструктуризации проблемных компаний реализуют четыре группы участников, рассмотренные ниже.

1. Банки-кредиторы, создающие специальные подразделения по работе с проблемными активами, занятые разработкой и реализацией стратегий. Основные способы реструктуризации здесь следующие:

- рефинансирование кредита на новых льготных условиях, которые заемщик в силах выполнять (обычно для крупных компаний). Банки выбирают этот способ как меньшее из зол, потому что другие варианты предполагают возврат на уровне 30% (как залоговому кредитору) либо продажу долга с дисконтом примерно за половину стоимости;
- купля-продажа долга в рамках сделок с другими кредиторами (покупка прав требований), реже — продажа долга специализированным сторонним фондам, не обладающим равной с кредиторами информацией;
- участие в антикризисном управлении проблемным заемщиком в качестве квазиакционера. Приобретение квазиакционерного контроля осуществляется не только посредством обмена долга на акции, но и за счет усиления позиций банка после консолидации долга (покупка долга у других кредиторов с дисконтом) и получения личного поручительства акционера. Однако этот способ в последние годы применяется реже из-за накопленного негативного опыта по признанию убытков от последующей консолидации активов и нежелания банка участвовать в операционном управлении проблемным бизнесом;
- продажа бизнеса заемщика инвестору в рамках сделки по слиянию / поглощению (M&A). Поиск инвестора обычно проводится после получения квазиакционерного фактического контроля над заемщиком, что подтверждает наличие прочной связи между рынком реструктуризации и M&A в России.

Отдельные банки не только работают со своими проблемными заемщиками, но и оказывают консультационные услуги по реструктуризации кредитных портфелей компаний, которые также адресованы эмитентам облигаций, испытывающим трудности с исполнением обязательств, и инвесторам, желающим реструктурировать свой портфель. К примеру, банк «Зенит» описывает этапы проведения эффективной реструктуризации следующим образом: оценка активов для принятия решений, сделки M&A, переговорный процесс с кредиторами, координирование взаимодействия дебиторов, кредиторов и совета директоров, привлечение финансирования как со своей стороны, так и от других банков и инвестиционных фондов¹⁹.

2. Специальные управляющие компании для проблемных активов, созданные при крупных компаниях с государственным участием. Например, «РТ-Капитал» при госкорпорации «Ростех» является экспертным центром по антикризисному управлению и трансформации проблемных и непрофильных активов в промышленном секторе, в управление которого передано 179 предприятий из 9 отраслей; за 12 лет разработано свыше 85 антикризисных программ для предприятий оборонно-промышленного комплекса. По данным сайта компании, в 2022 г. «РТ-Капитал» объединял следующие направления превентивной реструктуризации и предоставлял услуги по управлению активами не только для «Ростеха», но и другим (сторонним) компаниям:

- центр антикризисного управления (анализ требований и должников, выработка оптимальных решений, максимизация возврата долга);

¹⁹ Реструктуризация долга и проблемных активов. Консультационные услуги по работе с портфелем проблемных долговых обязательств // Банк «Зенит» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zenit.ru/business/financing/debt/debt-restructuring/> (дата обращения: 11.01.2023).

- центр трансформации и создания стоимости активов (анализ активов, структурирование, поиск инвесторов);
- центр мобилизации инвестиционного ресурса (выявление неэффективно используемых активов, оценка активов, организация торгов, максимизация доходов).

В 2023 г. «РТ-Капитал» иначе раскрывает информацию без описанного структурирования на отдельные центры, указывая только применяемые методы антикризисного управления (мониторинг финансовых показателей, создание специальной антикризисной инвестиционной программы, проведение реструктуризации, оптимизация планирования и прогнозирования финансовой сферы)²⁰.

Аналогичный спектр аналитических услуг предлагают ведущие зарубежные консалтинговые компании, которые, однако, сами не предоставляют финансирование и не специализируются только на одной сфере (например, оборонной промышленности, как в случае с «РТ-Капитал»).

3. Частные финансово-промышленные консорциумы по управлению непрофильными активами, созданные при банках (например, структура «Альфа-проблемные активы, А1» (ООО «А1») при «Альфа Групп»). Подобные структуры осуществляют полный комплекс мероприятий, связанных с корпоративным и операционным управлением активами, сопровождением судебных и банкротных процессов, подготовкой активов к продаже, организацией и проведением сделок с инвесторами.

4. Консалтинговые компании, оказывающие информационную и консультационную поддержку в оценке целесообразности и сопровождении сделок в рамках превентивной реструктуризации, но не предоставляющие финансирование самостоятельно. Консультационные услуги по оздоровлению и реструктуризации, по содержанию аналогичные перечисленным в п. 2 услугам «РТ-Капитал», предоставляют российские преемники международных консалтинговых компаний ООО «[Технологии Доверия](#)», ООО «[ДРТ](#)». Востребованными среди клиентов являются услуги по оценке в рамках комплексных сделок или передачи активов в управление, услуги по оптимизации бизнес-процессов принятия инвестиционных решений, разработке соответствующих инструментов (комплексных финансовых моделей, платформенных решений и пр.), а также по разработке стратегии и принципов управления крупными портфелями активов с применением Big Data.

Зарубежная практика отличается от российской, во-первых, наличием законодательно закрепленных механизмов, унифицирующих процесс, что создает осведомленность участников рынка о возможностях предупреждения несостоятельности; во-вторых, системностью оказания консультативной помощи участникам реструктуризации из любой отрасли: в отличие от разрозненных структур в России, за рубежом создаются узкопрофильные центры антикризисного управления, профессиональные ассоциации, специализация которых включает медиацию, анализ финансового состояния проблемного бизнеса, разработку плана финансового оздоровления, управление процессом, что подтверждается успешными кейсами. В России упомянутые в п. 3 российские компании занимаются оздоровлением лишь вверенных им в управление активов, а консалтинговые фирмы из п. 4 специализируются на гораздо более широком спектре услуг, нежели финансовое оздоровление. Следует отметить, что с 2022 г. в нашей стране тем не менее активизировалось создание узкопрофильных некоммерческих организаций, которые будут заниматься вопросами реструктуризации: так, в 2022 г.

²⁰ Антикризисная программа // РТ-Капитал [Электронный ресурс]. URL: <https://rt-capital.ru/about/antikrizisnaya-programma> (дата обращения: 11.01.2023).

зарегистрирован Фонд содействия реструктуризации долга при ФНС России (преимущественно для налоговых обязательств)²¹, планируется создание Объединенного медиационного центра и т.д.

Таким образом, в России практика превентивной реструктуризации распространена преимущественно в виде реструктуризации задолженности или слияний и присоединений проблемного бизнеса, однако какое-либо институциональное оформление таких сделок отсутствует и не обсуждается в существующих законопроектах о реструктуризации долгов, в чем видится важное направление развития превентивных механизмов для оздоровления временно несостоятельного, но жизнеспособного бизнеса на ранней стадии финансовых затруднений.

Заключение

Современные тренды развития института банкротства в международной практике включают увеличение возможностей восстановления бизнеса, в том числе на стадии предупреждения банкротства, повышение доступности финансовых ресурсов для восстановления бизнеса. Россия, к сожалению, не поднимает эти вопросы даже в проектах законов в сфере несостоятельности (банкротства), а стадия предупреждения банкротства в общепринятом в других странах понимании остается нерабочей, в том числе по причине пробелов в институциональном регулировании.

С учетом преимущества превентивных механизмов представляется, что в России необходима поддержка предупреждения банкротства проблемного бизнеса на государственном уровне управления, которая может включать следующие направления [Бобылева, Львова 2019]:

- закрепление возможностей превентивной реструктуризации в законодательстве на основе гибридного подхода с регламентацией процесса под защитой суда;
- совершенствование методических подходов к анализу проблемного бизнеса и определения угрозы неплатежеспособности;
- обеспечение информационной прозрачности на основе правил обязательного раскрытия и расширения доступа к информации о проблемных активах;
- стимулирование проведения реструктуризации путем предоставления нового финансирования, налоговых и других льгот; развитие института независимых профессиональных консультантов по превентивной реструктуризации;
- введение специального регулирования таких сделок;
- формирование судебной практики, поощряющей досудебное оздоровление должника;
- предоставление методической помощи участникам в разработке форм документов;
- развитие культуры превентивной реструктуризации в обществе за счет популяризации успешных кейсов.

Таким образом, поддержка предупреждения банкротства проблемного бизнеса как важнейший вектор развития института банкротства в России предусматривает формирование институциональной среды, стимулирующей соответствующие процессы и устраняющей барьеры на пути заключения неформальных соглашений между кредиторами и должником. Подобная среда объединяет в себе не только правовые возможности для использования гибких гибридных инструментов превентивной реструктуризации (в сфере банкротства и других отраслей права — гражданского, налогового, банковского), но и институт профессиональных консультантов

²¹ В России появится площадка для реструктуризации долгов // Право [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/news/242817/> (дата обращения: 05.02.2023).

по превентивной реструктуризации, готовность судебной системы способствовать утверждению досудебных соглашений, обеспечение информационной прозрачности, в том числе наличия доступа к информации о проблемном бизнесе для потенциальных инвесторов и покупателей.

Список литературы:

Бобылева А.З. Проведение анализа финансового состояния должника в процедурах банкротства: проблемы и решения // Право и экономика. 2017. № 11. С. 26–31.

Бобылева А.З., Львова О.А. Предупреждение банкротства: институциональная поддержка слияний и присоединений проблемных компаний // Проблемы теории и практики управления. 2019. № 7. С. 87–99.

Гохан П.А. Слияния, поглощения и реструктуризация компаний. М.: Альпина Паблишер, 2023.

Львова О.А. Реабилитационный потенциал банкротства бизнеса: определить, измерить, увеличить // ЭКО. 2019. № 6. С. 83–102. DOI: [10.30680/ECO0131-7652-2019-6-83-102](https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-6-83-102)

Львова О.А. Индикаторы оценки результативности системы управления банкротством в России по данным статистических источников // Государственное управление. Электронный вестник. 2021а. № 89. С. 32–51. DOI: [10.24412/2070-1381-2021-89-32-51](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-89-32-51)

Львова О.А. Российский институт банкротства в условиях его правовой трансформации // Актуальные проблемы экономики и права. 2021b. Т. 15. № 2. С. 249–269. DOI: [10.21202/1993-047X.15.2021.2.249-269](https://doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.2.249-269)

Павлова Л.Н. Мировые тенденции корпоративной реструктуризации // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2020. № 1. С. 5–15. DOI: [10.21686/2413-2829-2020-1-5-15](https://doi.org/10.21686/2413-2829-2020-1-5-15)

Altman E.I., Hotchkiss E., Wang W. Corporate Financial Distress, Restructuring, and Bankruptcy: Analyze Leveraged Finance, Distressed Debt, and Bankruptcy. New Jersey: John Wiley & Sons, 2019.

Bowman E.H., Singh H. Corporate Restructuring: Reconfiguring the Firm // Strategic Management Journal. 1993. Vol. 14. Is. 1. P. 5–14.

Carcea M.C., Ciriaci D., Caballero C.C., Lorenzani D., Pontuch P. Effectiveness of Preventive Insolvency Frameworks in the EU 1 // Turnaround Management and Bankruptcy / ed. by J. Adriaanse, J-P. van der Rest. New York: Routledge, 2017. P. 259–289.

Eckbo B.E., Thorburn K.S. Corporate Restructuring // Foundations and Trends in Finance. 2013. Vol. 7. Is. 3. P. 159–288. DOI: [10.1561/0500000028](https://doi.org/10.1561/0500000028)

Garrido J.M. Out-of-Court Debt Restructuring. Washington, D.C.: World Bank, 2012.

Madaus S.A. Role Model for Implementing the Restructuring Directive? The New German Law for Preventive Restructuring Procedures in Germany // Revista General de Insolvencias & Reestructuraciones: Journal of Insolvency & Restructuring (I&R). 2021. № 1. P. 211–220.

McGowan M.A., Andrews A. Insolvency Regimes and Productivity Growth: A Framework for Analysis // OECD Working papers. 2016. ECO/WKP(2016)33. URL: <https://www.oecd.org/economy/growth/insolvency-regimes-and-productivity-growth-a-framework-for-analysis.pdf>

Rescue of Business in Insolvency Law / ed. by B. Wessels, S. Madaus, G-J. Boon. Vienna: European Law Institute, 2017.

The Insolvency Review / ed. by D.D. Bernstein. London: Law Business Research Ltd., 2018.

The Insolvency Review / ed. by D.D. Bernstein. London: Law Business Research Ltd., 2019.

The Insolvency Review / ed. by D.D. Bernstein. London: Law Business Research Ltd., 2022.

Westbrook L., Booth C.D., Paulus C., Rajak H.A Global View of Business Insolvency Systems. Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2010.

References:

Altman E.I., Hotchkis E., Wang W. (2019) *Corporate Financial Distress, Restructuring, and Bankruptcy: Analyze Leveraged Finance, Distressed Debt, and Bankruptcy*. New Jersey: John Wiley & Sons.

Bernstein D.D. (ed.) (2018) *The Insolvency Review*. London: Law Business Research Ltd.

Bernstein D.D. (ed.) (2019) *The Insolvency Review*. London: Law Business Research Ltd.

Bernstein D.D. (ed.) (2022) *The Insolvency Review*. London: Law Business Research Ltd.

Bobyleva A.Z. (2017) Carrying-Out of an Analysis of the Financial Status of the Debtor during Bankruptcy Procedures: Issues and Solutions. *Pravo i ekonomika*. No. 11. P. 26–31.

Bobyleva A.Z., Lvova O.A. (2019) Bankruptcy Prevention: Institutional Support for Mergers and Acquisitions of Distressed Companies. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. No. 7. P. 87–99.

Bowman E.H., Singh H. (1993) Corporate Restructuring: Reconfiguring the Firm. *Strategic Management Journal*. Vol. 14. Is. 1. P. 5–14.

Carcea M.C., Ciriaci D., Caballero C.C., Lorenzani D., Pontuch P. (2017) Effectiveness of Preventive Insolvency Frameworks in the EU 1. In: Adriaanse J., van der Rest J-P. (eds.) *Turnaround Management and Bankruptcy*. New York: Routledge. P. 259–289.

Eckbo B.E., Thorburn K.S. (2013) Corporate Restructuring. *Foundations and Trends in Finance*. Vol. 7. Is. 3. P. 159–288. DOI: [10.1561/05000000028](https://doi.org/10.1561/05000000028)

Garrido J.M. (2012) *Out-of-Court Debt Restructuring*. Washington, D.C.: World Bank.

Gaughan P.A. (2023) *Mergers, Acquisitions, and Corporate Restructurings*. Moscow: Al'pina Publisher.

Lvova O.A. (2019) Rehabilitation Potential of a Business Bankruptcy: to Determine, to Measure, to Increase. *ECO*. No. 6. P. 83–102. DOI: [10.30680/ECO0131-7652-2019-6-83-102](https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-6-83-102)

Lvova O.A. (2021a) Indicators for Assessing the Effectiveness of Bankruptcy Management System in Russia according to Statistical Sources. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 89. P. 32–51. DOI: [10.24412/2070-1381-2021-89-32-51](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-89-32-51)

Lvova O.A. (2021b) Russian Institution of Bankruptcy under Its Legal Transformation. *Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava*. Vol. 15. No. 2. P. 249–269. DOI: [10.21202/1993-047X.15.2021.2.249-269](https://doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.2.249-269)

Madaus S. (2021) A Role Model for Implementing the Restructuring Directive? The New German Law for Preventive Restructuring Procedures in Germany. *Revista General de Insolvencias & Reestructuraciones: Journal of Insolvency & Restructuring (I&R)*. No. 1. P. 211–220.

McGowan M.A., Andrews A. (2016) Insolvency Regimes and Productivity Growth: A Framework for Analysis. *OECD Working papers. ECO/WKP(2016)33*. Available: <https://www.oecd.org/economy/growth/insolvency-regimes-and-productivity-growth-a-framework-for-analysis.pdf>

Pavlova L.N. (2020) Global Trends in Corporate Restructuring. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova*. No. 1. P. 5–15. DOI: [10.21686/2413-2829-2020-1-5-15](https://doi.org/10.21686/2413-2829-2020-1-5-15)

Wessels B., Madaus S., Boon G-J. (eds.) (2017) *Rescue of Business in Insolvency Law*. Vienna: European Law Institute.

Westbrook L., Booth C.D., Paulus C., Rajak H.A. (2010) *Global View of Business Insolvency Systems*. Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers.

Дата поступления/Received: 22.03.2023

Трансформация роли экосистем в контексте современных условий развития цифровой экономики в России

Титов Иван Андреевич

Студент магистратуры, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.
E-mail: TitovIA@spa.msu.ru; iivtii.99@gmail.com

Бобылева Алла Зиновьевна

Доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой финансового менеджмента, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.
E-mail: bobyleva@spa.msu.ru
SPIN-код РИНЦ: [4458-3264](https://elibrary.ru/4458-3264)
ORCID ID: [0000-0002-4383-0608](https://orcid.org/0000-0002-4383-0608)

Аннотация

Статья рассматривает этапы эволюции концепции экосистем, определившей изменение подходов к определению понятия, изучению российской нормативно-правовой базы регулирования экосистемных моделей, выявлению возможностей технологической инфраструктуры экосистем для создания и продвижения передовых цифровых технологий, а также их интеграции в реализацию национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации». В ходе исследования были получены следующие результаты. Во-первых, эволюция экологической концепции экосистем, определявшей взаимодействия между живыми организмами и факторами внешней среды, обусловлена усложнением бизнес-среды и метафорическим переносом свойств элемента биосферы на взаимосвязи между предпринимательскими организациями. Цифровая революция на рубеже XX–XXI веков дополнила концепцию цифровой природой, определив комплексный характер современной системы. Во-вторых, совершенствование нормативно-правового регулирования экосистем представляется консенсусом федеральных органов власти и бизнес-сообщества. Соответственно, формируется сбалансированное законодательство, сочетающее поддержку конкуренции и стимулирование развития инновационных технологий в рамках экосистемных моделей. В-третьих, технологическая инфраструктура экосистем на фоне неблагоприятных внешних условий, негативно воздействующих на совместную эволюцию организаций различных отраслей экономики, трансформируется в локальную инновационную систему. Сетевое взаимодействие участников инновационного процесса обеспечивает поддержку развития и масштабирования передовых цифровых решений, включая сквозные цифровые технологии. В-четвертых, механизм продвижения разработанных экосистемой технологий представляется эффективным инструментом разрешения проблемы недостаточной заинтересованности бизнеса в реализации национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации», которая усугубилась на фоне санкционной политики западных государств. На основании полученных результатов можно сделать вывод, что экосистема становится ключевым элементом инновационного процесса в современных условиях развития отечественной цифровой экономики.

Ключевые слова

Экосистема, цифровая экономика, национальный проект, цифровые технологии, технологическая инфраструктура, санкционная политика.

Transformation of Ecosystems' Role in the Context of Current Conditions of Digital Economy Development in Russia

Ivan A. Titov

Master's degree student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.
E-mail: TitovIA@spa.msu.ru; iivtii.99@gmail.com

Alla Z. Bobyleva

DSc (Economics), Professor, Head of Department of Financial Management, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.
E-mail: bobyleva@spa.msu.ru
ORCID ID: [0000-0002-4383-0608](https://orcid.org/0000-0002-4383-0608)

Abstract

The article analyses the stages of the ecosystem concept evolution, which determined the change in approaches to the definition of the concept, to the study of the Russian regulatory framework for ecosystem models, to identifying the possibilities of the technological infrastructure of ecosystems for the creating and promoting advanced digital technologies, as well as their integration into the implementation of the national project «Digital Economy of the Russian Federation». In the course of the study, the following results were obtained. Firstly, the evolution of the ecological concept of ecosystems, which determined the interactions between living organisms and environmental factors, is defined by the complexity of the business environment and the metaphorical transfer of the biosphere element properties to the relationship between business organizations. The digital revolution at the turn of the 20–21 centuries supplemented the concept with digital nature, defining the complex essence of the modern system. Secondly, the improvement of legal regulation of ecosystems is represented by a consensus of federal authorities and the business community. Accordingly, a balanced legislation is being formed that combines support for competition and stimulation of innovative technologies development within the framework of ecosystem models. Thirdly, the technological infrastructure of ecosystems, against the background of unfavorable external conditions that negatively affect the joint evolution of organizations of various sectors of the economy, is transformed into a local innovation system. Network cooperation of participants

in the innovation process provides support for the development and scaling of advanced digital solutions, including end-to-end digital technologies. Fourthly, the mechanism for promoting the technologies developed by the ecosystem seems to be an effective tool for solving the problem of insufficient business interest in the implementation of the national project "Digital Economy of the Russian Federation", which has worsened because of the Western countries' sanction policy. Based on the results obtained, it can be concluded that the ecosystem is becoming a key element of the innovation process in the modern conditions of the domestic digital economy development.

Keywords

Ecosystem, digital economy, national project, digital technologies, technological infrastructure, sanction policy.

Введение

Современную жизнь человека невозможно представить без интегрированных цифровых сервисов. Цифровые платформы позволяют приобретать товары, заказывать такси, смотреть фильмы и сериалы, общаться в социальных сетях и удовлетворять другие повседневные потребности человека. По мнению С.А. Дятлова и К.В. Кудрявцевой, возникает «масштабная конвергенция бизнеса и жизнедеятельности людей» [Дятлов, Кудрявцева 2020, 61].

Основу технологических архитектур организаций составляют идентификаторы пользователей, персонализация предложений, умные устройства и роботизированные решения, являющиеся продуктами приоритетных сквозных цифровых технологий (СЦТ). Соответственно, экосистемные организации способны эффективно (следствие рыночной конкуренции) разрабатывать и интегрировать «перспективные глобально конкурентоспособные высокотехнологичные продукты» [Макушкин, Осоченко 2019, 15]. Период пандемии COVID-19, когда физические каналы коммуникации оказались неэффективны и невозможны из-за введенных ограничений, подтвердил эффективность сетевых структур для поддержания организационного развития в неблагоприятных условиях. Поэтому, как подчеркивают А.Д. Володина и Т.В. Подольская, построение цифровой инфраструктуры представляется не только фактором сохранения конкурентоспособности, но также инструментом восстановления мировой экономики [Володина, Подольская 2021].

Современная политическая ситуация характеризуется санкционным давлением западных государств в отношении организаций различных отраслей российской экономики, что подрывает коэволюцию элементов бизнес-сообщества. Возникает необходимость системной кооперации технологических организаций для снижения негативных последствий и обеспечения синергетического развития отечественной экономики. Сложившиеся предпосылки определяют трансформацию роли экосистемы, располагающей технологической инфраструктурой, инновационными разработками и бизнес-акселераторами. Проведенные исследования показывают, что бизнес-модели позволяют инновациям и стартапам развиваться и масштабировать технологические решения посредством расширенного спроса и низких издержек инновационной деятельности [Абрамов и др. 2022]

Нормативную основу разработки цифровых технологий экосистем организаций различных отраслей экономики в условиях санкционной политики составляет изменение подходов к государственному регулированию данных бизнес-моделей. Федеральные органы исполнительной власти разрабатывают модель баланса между «регуляторным бременем» и свободой инновационного предпринимательства на основе экосистемного проектирования. Многие авторы [Пучкова и др. 2021; Васильева, Поломошнова 2021] отмечают важность именно взвешенного подхода, который позволяет содействовать развитию цифровой экономики в рамках реализации отдельных мероприятий и (или) направлений национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации».

Инновационная бизнес-модель организаций представляется характерной для экологической концепции системой, находящейся в динамическом равновесии и обеспечивающей совместную эволюцию и адаптацию бизнес-элементов меняющимся условиям внешней среды. Современное развитие цифровой экономики дополняет экосистемную теорию цифровой природой, определяя усиление связей между участниками сетевых взаимодействий.

Таким образом, актуальность поднятой в статье проблемы обусловлена важностью проектирования экосистем для поддержания социально-экономического развития государства и стратегическим характером развития цифровой экономики в условиях санкционной политики западных государств.

Целью настоящего исследования является определение значения и возможностей экосистемы в современных условиях развития отечественной цифровой экономики.

Исходя из этого, можно сформулировать следующие задачи: системный анализ основных подходов к пониманию сущности экосистемы на разных этапах ее эволюции; определение основных направлений развития современного нормативно-правового регулирования экосистемы; выявление технологических возможностей экосистем для разработки и продвижения цифровых технологий; повышение заинтересованности бизнеса в реализации национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» путем интеграции экосистем в их реализацию.

Для достижения поставленной цели были проведены анализ, обобщение и классификация концептуальных определений экосистем и нормативных документов. На основе аналогии были продемонстрированы ключевые элементы экосистемы как локальной инновационной системы. Индуктивный метод исследования технологической инфраструктуры бизнес-модели позволил выявить взаимосвязь между инновационным потенциалом экосистемы и практическими возможностями обеспечения развития цифровой экономики в условиях санкционного давления.

Эволюция концепции экосистем

Впервые термин «экосистема» был использован английским ботаником А.Тэнсли для описания «системы, которая включает не только совокупность организмов, но и весь комплекс физических факторов среды обитания» [Tansley 1935, 299]. Ключевая характеристика такой системы — постоянные взаимодействия различного рода между органическими и неорганическими элементами биогеоценоза. Успешное существование (выживание) сообщества организмов возможно только при установлении «относительно стабильного динамического равновесия» [Ibid., 306] всех элементов внутри экосистемы.

Совокупность взаимодействий между биотическими и абиотическими компонентами среды послужило метафорическим фундаментом работы американского бизнес-стратега Дж. Мура «Хищники и жертвы: новая экология конкуренции». Развивая системный подход в стратегическом управлении, исследователь рассмотрел компанию как «часть бизнес-экосистемы, охватывающей различные отрасли» [Moore 1993, 76]. Подобно биологическому аналогу, совокупность разрозненных элементов (организаций и компонентов технологической инфраструктуры) постепенно формирует структурированное сообщество. Составляющие бизнес-экосистему компании совместно обеспечивают инновационную деятельность, разрабатывая новые продукты и удовлетворяя потребности клиентов.

Активное распространение цифровых технологий на рубеже XX–XXI веков способствовало возникновению виртуального пространства взаимодействий множества удаленных пользователей. Основой отечественного процесса послужило появление первых советских ЭВМ М-1 в начале 1950-ых годов и совершение первого сеанса связи при помощи мобильного модема между Университетом Хельсинки и Институтом атомной энергии имени И.В. Курчатова (сейчас — Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт») 28 августа 1990 года¹.

Концепция экосистемы закономерно претерпела изменение «внешней оболочки». В 2002 году эксперты Генерального директората по вопросам информационного общества и средств массовой информации Европейской комиссии представили доклад для общественных консультаций по результатам исследования цифровых бизнес-экосистем как инструмента регионального развития. Трансформируя концепцию Дж. Мура, эксперты представили цифровую бизнес-экосистему как «цифровую среду, населенную цифровыми видами, то есть программными компонентами, приложениями, сервисами, знаниями, бизнес-моделями, договорными рамками, законами...» [Nachira 2002, 12].

Современные бизнес-экосистемы российских компаний представлены бесшовной интеграцией собственных и партнерских сервисов, объединенных зонтичным брендом («Сбер») или совместным предприятием (до 2022 года, «O2O Холдинг» — совместное предприятие «Сбера» и VK). На методологическом уровне определения экосистемы опираются преимущественно на концепцию цифровой бизнес-экосистемы [Эскиндаров 2018]² и компромиссный вариант [Потехина, Бисикало 2021; De Reuver et al. 2018], сочетающий технический и организационный аспекты экосистемы (Таблица 1).

Таблица 1. Эволюция положений экосистемной концепции³

Термин	Области	Автор(ы)	Характеристика
Экосистема	Экология	А.Дж. Тэнсли (1935)	Стабильное динамическое равновесие биотических и абиотических элементов среды.
Бизнес-экосистема	Стратегическое управление	Дж.Ф. Мур (1993)	Совокупность компаний из различных отраслей экономики, создающих инновационную инфраструктуру.
Цифровая экосистема	Цифровая экономика	F. Nachira (2002)	Особая среда, состоящая из цифровых компонентов (ПО, приложения, законы, знания и др.).
		М.А. Эскиндаров (2018)	Построение сети организаций вокруг единой технологической платформы для пользования ее возможностями.
		М. Schroeck (2020)	Сложная модель взаимодействия множества акторов на основе программного обеспечения.
Экосистема (комплексная трактовка)	Стратегическое управление и цифровая экономика	М. De Reuver (2018)	Объединение организаций, взаимодействующих для создания общей ценности при помощи набора преимущественно сторонних приложений для основной платформы.
		В.А. Потехина, Е.Э Бисикало (2021)	Кооперация и сотрудничество организаций, которые совместно используют цифровые платформы для взаимовыгодных целей.

¹ История рунета: как развивался интернет в России. Досье // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/info/2546068> (дата обращения: 10.03.2023).

² См. также Schroeck M., Kwan A., Kawamura J. Ecosystem-Driven Portfolio Strategy // Deloitte [Электронный ресурс]. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/insights/us/articles/6548_Digital-transformation-9/DI_Digital%20transformation-9.pdf (дата обращения: 10.03.2023).

³ Составлено автором на основе анализа исследований авторов, представленных в данном разделе.

Возникшая на основе экологического метафоризма конвергенция концепций Дж. Мура и экспертов Европейской комиссии (цифровой аспект) относительно сущности экосистемной модели отражает ее комплексный характер, который нецелесообразно приводить к единому, универсальному определению. Поэтому разрабатываемые государственными органами подходы к регулированию экосистемы концентрируются преимущественно на перечне ключевых характеристик цифровых экосистем, определяющих сущность бизнес-модели.

Отечественная нормативно-правовая база регулирования экосистем

Принятие на законодательном уровне решения о нецелесообразности определения понятия «экосистема» обусловило отсутствие его закрепления в нормативных правовых актах. Соответственно, бизнес-экосистемы регулируются действующим законодательством Российской Федерации. Однако федеральные органы исполнительной власти выделяют два принципиальных момента:

- 1) недопущение злоупотребления экосистемными игроками доминирующим положением как на отдельном рынке, так и на совокупности связанных;
- 2) недопустимость чрезмерного ограничения деятельности экосистемных игроков, которое влечет торможение развития цифровых рынков.

Следствием озвученных положений стала утвержденная 14 апреля 2021 года рамочная концепция Министерства экономического развития Российской Федерации. Целью реализации документа было заявлено «формирование регуляторной среды, которая обеспечивает благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных технологий, осуществления экономической деятельности и развития эффективной конкуренции»⁴. Фактически формируется основа для реализации сбалансированной политики государственного регулирования экосистем. Она включает меры антимонопольного регулирования, стимулирование развития технологических решений и механизмы саморегулирования игроков различных отраслей экономики (Рисунок 1).

⁴ Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «Экосистемы» // Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/koncepciya_21052021.pdf (дата обращения: 11.03.2023).

Рисунок 1. Нормативно-методологическая основа регулирования экосистем⁵

Развитие национальных экосистем и платформ представляется перспективным направлением сохранения Российской Федерацией экономического и технологического суверенитета на фоне санкционной политики западных стран. Однако необходим оптимальный баланс регулирования бизнес-модели. Предполагавшийся Правительством изначально рамочный верхнеуровневый закон⁶ оказался отвергнут государственными органами и бизнес-сообществом. После серии круглых столов, организованных АНО «Цифровая экономика» по инициативе Министерства экономического развития, подход был признан нецелесообразным из-за негибкости относительно стремительно меняющихся технологических решений, являющихся основой цифровых платформ и экосистем. Для разрабатываемой сейчас концептуальной модели законодательного регулирования экосистем действующие нормативные правовые акты представляются оптимальным «базисом» развития отечественной цифровой экономики. Документы отраслевого и межотраслевого характера дополняют действующее законодательство (институализация саморегулирования игроков рынков). Таким образом, федеральные органы исполнительной власти выступают своеобразными медиаторами между интересами государства и участниками рынка, обеспечивая свободу инновационной деятельности бизнеса при соблюдении законов и принципов эффективного функционирования рынка.

⁵ Составлено авторами на основе анализа действующих и перспективных документов, касающихся регулирования экосистемных моделей ведения деятельности.

⁶ В правительстве готовят общие принципы регулирования экосистем // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/characters/2021/09/28/888797-obschie-printsipi-ekosistem> (дата обращения: 15.03.2023).

Технологические возможности экосистем для разработки и продвижения цифровых технологий

Для цифровых платформ и экосистем российских высокотехнологичных компаний сквозные технологии (идентификатор пользователя, персонализированные предложения, умные устройства и роботизированные приложения) представляются ключевыми факторами конкурентоспособности. Особое значение для организаций приобретают решения в рамках разработки прикладных сквозных цифровых технологий, которые оказывают существенное влияние на цифровизацию на микроуровне и качественное изменение рынков на макроуровне.

Постановлением Правительства от 3 мая 2019 года № 459⁷ был утвержден перечень приоритетных высокотехнологичных областей ЦЦТ и карты востребованных решений суб-ЦЦТ, определяющих перспективные направления развития цифровой экономики Российской Федерации.

Экосистемы бизнеса, благодаря развитой технологической инфраструктуре, обеспечивают сетевое взаимодействие участников инновационного процесса для поддержки развития и масштабирования передовых технологических решений. Фактически бизнес-модель трансформируется в локальную инновационную систему (аналог национальной инновационной системы К. Фримена [Freeman 1987]), включающую три основных элемента (Рисунок 2):

- инновационную инфраструктуру — совокупность взаимосвязанных элементов бизнес-модели, способствующих инновационному процессу;
- субъектов инновационной деятельности — участники экосистемы, которые обеспечивают эффективность разработки и внедрения новых технологий;
- нормативно-правовую базу — национальное законодательство и внутренние нормативные документы организации, регулирующие инновационную деятельность.

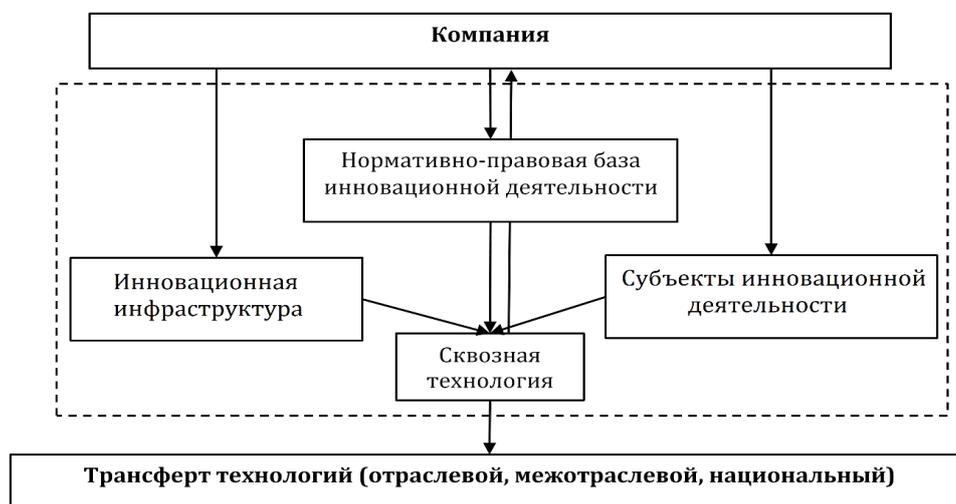

Рисунок 2. Инновационная система экосистемной модели ведения деятельности⁸

⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 03.05.2019 г. № 549 «О государственной поддержке компаний-лидеров, разрабатывающих и обеспечивающих внедрение продуктов, сервисов и платформенных решений преимущественно на основе российских технологий и решений для цифровой трансформации приоритетных отраслей экономики и социальной сферы в рамках реализации дорожных карт по направлениям развития «сквозных» цифровых технологий» // АО «Кодекс» [Электронный ресурс]. URL <https://docs.cntd.ru/document/554460765> (дата обращения: 16.03.2023).

⁸ Составлено авторами на основе аналогии с национальной инновационной системой К. Фримена.

Результатом инновационной деятельности экосистемы бизнеса является сквозная технология, которая внедряется в структуру бизнес-модели и (или) масштабируется на отраслевом (FinTech), межотраслевом (Интернет вещей) и национальном (искусственный интеллект) уровнях.

На фоне западных санкций и ухода зарубежных разработчиков программных обеспечений и производителей аппаратных средств бизнес-экосистемы укрепляют значение инкубатора технологических решений. На уровне стартапов экосистемы способствуют совершенствованию процессов и масштабированию бизнеса на базе технологической инфраструктуры инновационной деятельности [Рубан 2022; Трейман, Ян 2022]. Например, архитектура экосистемы «Сбера» (Рисунок 3), включающая платформу поддержки развития бизнеса, интегрирует перспективные проекты через акселераторы и предлагает субъектам МСП передовые цифровые решения перестройки внутренних процессов для поддержания гибкости относительно изменений рынков.

Рисунок 3. Технологическая архитектура экосистемы «Сбера»⁹

На уровне партнерства крупнейших отраслевых организаций трансферт технологий обеспечивает прорывное развитие различных отраслей экономики. Экосистемы создают совместные предприятия и придерживаются установленных принципов добросовестной конкуренции в рамках механизмов саморегулирования. Возникающее взаимодействие технологических компаний содействует достижению совокупного синергетического эффекта [Макейкина и др. 2021].

С учетом сложных политико-экономических условий современного развития Российской Федерации технологическая инфраструктура экосистем представляется ключевым элементом поддержания темпов цифрового развития и обеспечения устойчивой деятельности как стартапов и МСП, так и отраслевых лидеров.

⁹ Источник: Греф рассказал о миграции Сбербанка на новую технологическую платформу // TAdviser [Электронный ресурс]. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Проект:Сбербанк_\(новая_технологическая_платформа\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Проект:Сбербанк_(новая_технологическая_платформа)) (дата обращения: 15.03.2023).

Интеграция экосистем в реализацию национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации»

На основании Указа Президента от 7 мая 2018 г. № 204¹⁰ Правительством был сформулирован национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации». На период 2019–2024 гг. предусматривалось привлечение 527,5 млрд рублей из внебюджетных источников для реализации поставленных целей и задач цифровой трансформации экономики и социальной сферы. Однако «Цифровая экономика» характеризуется хронически низкими показателями кассового исполнения относительно средних показателей по национальным проектам (Таблица 2), несмотря на благоприятный для цифровой экономики период пандемии COVID-19. Характерная специфика реализации национального проекта — высокий темп изменений цифровых технологий (быстрое устаревание), обуславливающий объективную невозможность зафиксировать бюджетную роспись без последующих серьезных корректировок.

Таблица 2. Исполнение расходов федерального бюджета на реализацию национальных проектов за 2019–2022 гг.¹¹

	2019	2020	2021	2022
«Цифровая экономика», исполнено в млн руб.	73 800	86 318,5	131 109,7	164 720,2
«Цифровая экономика», исполнено в %	73,3	96,99	95,8	92,6
Среднее по нацпроектам, исполнено в млн руб.	1 600 300	2 149 112,6	2 549 047,7	3 268 761,7
Среднее по нацпроектам, исполнено в %	91,4	97,39	97,8	98,7

Отдельную обеспокоенность вызывает недостаточное финансовое обеспечение проектов за счет внебюджетных источников (частных инвестиций). За 2022 год из 1,8 трлн рублей исполнено оказалось 794 млрд рублей (менее 43% плановых показателей)¹². Аналогичная ситуация наблюдалась в 2019–2021 гг., соответственно, проблема носит системный характер. Возникает закономерная диспропорция финансового обеспечения из-за необходимости покрытия дефицита бюджетными средствами. Сложившаяся ситуация усугубляется следующими факторами:

- 1) отсутствием согласованности между документами стратегического планирования и законодательством о государственно-частном партнерстве [Бухвальд 2020], что затрудняет использование механизма привлечения внебюджетных средств и снижает эффективность реализации целей национальных проектов;
- 2) отсутствием заинтересованности «традиционного» бизнеса инвестировать в национальные проекты [Вдовин, Венглинский 2020], характеризующееся иными корпоративными интересами и мотивами получения стабильной прибыли от более привлекательных проектов коммерческой сферы;
- 3) переориентацией коммерческих организаций на критические проекты на микроуровне для поддержания стабильности бизнес-процессов в условиях санкционного давления западных государств, что подразумевает отказ от амбициозных инновационных программ.

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 18.03.2023).

¹¹ Составлено авторами на основе: Федеральный бюджет // Госрасходы [Электронный ресурс]. URL: <https://spending.gov.ru/budget/np/?year=2019> (дата обращения: 18.03.2023).

¹² План по привлечению внебюджетных средств в нацпроекты в 2022 году выполнили на 43% // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17342331> (дата обращения: 18.03.2023).

Сложившаяся ситуация демонстрирует неэффективность системы привлечения внебюджетных источников, предполагавшихся основным источником финансового обеспечения реализации национальных проектов. Соответственно, увеличение объема бюджетных средств предопределяет вынужденное перераспределение средств между приоритетными направлениями развития Российской Федерации, оказывая негативное влияние на достижение плановых показателей.

Дополнительное негативное воздействие на исполнение национального проекта «Цифровая экономика» в 2022 году оказали санкционные ограничения на поставки оборудования и программного обеспечения, невозможность приобретения лицензий на установку и поддержку зарубежного программного обеспечения¹³. Поэтому необходима переориентация технологической инфраструктуры цифровой экономики на разработки отечественных компаний.

Интеграция экосистем представляется потенциальным решением проблемы недостаточной заинтересованности бизнеса в реализации направлений национальных проектов и ускоренного замещения критических технологий. Обладающие развитой технологической инфраструктурой, разработками и бизнес-акселераторами экосистемы способны обеспечить эффективную разработку/масштабирование/трансферт цифровых технологий по направлениям «нормативное регулирование» (продолжение инициатив регулирования цифровых платформ и экосистем), «цифровые технологии», «искусственный интеллект» и «информационная инфраструктура» национального проекта «Цифровая экономика».

Предварительный этап интеграции — это заключение соглашений между Правительством и представителями бизнеса о сотрудничестве по развитию высокотехнологичных направлений. Экосистемы VK («новое общесистемное программное обеспечение») и «Сбера» («искусственный интеллект») ранее подтвердили намерения по развитию ЦТТ для формирования будущего контура отечественных производственно-технологических систем, имеющих приоритетное значение для социально-экономического развития Российской Федерации.

Учитывая эффективность каналов взаимодействия между бизнес-экосистемами и федеральными органами исполнительной власти (пленарные дискуссии, круглые столы и т.д.), можно отметить, что следующим этапом представляется разработка проектов ГЧП с отраслевыми лидерами («Сбер», «Яндекс», МТС, VK). Вышеописанные проблемы реализации механизма взаимодействия государства и бизнеса нивелируются современной геополитической ситуацией и осознанием крупнейшими технологическими компаниями необходимости созидательной конкуренции и партнерских договоренностей для устойчивого социально-экономического развития государства на базе современных цифровых технологий. Так, председатель правления ПАО «Сбербанк» Г.О. Греф подтвердил готовность банка делиться наработками и опытом с государственными органами и отраслевыми компаниями¹⁴. Аналогичные намерения изъявили представители других технологических компаний, развивающих экосистемы.

Предлагаемый системный трансферт технологий бизнес-экосистем обладает следующими преимуществами перед привлечением «традиционных» компаний:

- 1) гибкость бизнес-модели относительно изменений внешней среды (критически важно для эффективного развития инновационных решений с учетом темпов устаревания технологий и неблагоприятной конъюнктуры развития);

¹³ Минцифры израсходовало за 2022 год менее половины бюджета нацпроектов «Цифровая экономика» // Хабр [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/news/699302/> (дата обращения: 18.03.2023).

¹⁴ Дмитрий Чернышенко: Сегодня более 52% крупных организаций страны внедряют искусственный интеллект в своей деятельности // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/47553/> (дата обращения: 25.03.2023).

- 2) объединение взаимодействий научного сообщества, общественности, бизнеса и государства при осуществлении деятельности, что формирует основу для предлагаемой некоторыми исследователями модели социального партнерства [Салогуб, Старовойтов 2022];
- 3) возможность формирования кластера технологических стартапов и субъектов МСП [Gebczynska, Kwiotkowska 2019] на основе бизнес-акселераторов, что обеспечивает потребности цифровой экономики в передовых инновационных решениях для социально-экономического развития Российской Федерации;
- 4) взаимодействие между экосистемами и государственными органами по направлению «нормативное регулирование цифровой среды» позволяет совершенствовать механизмы участия бизнес-сообщества в разработке высокотехнологичных решений аналогично трансформации регулирования деятельности цифровых платформ и экосистем.

Заключение

Современные условия развития цифровой экономики Российской Федерации характеризуются высокой турбулентностью из-за санкционной политики западных государств. Уход с российского рынка зарубежных производителей аппаратного оборудования и разработчиков программного обеспечения негативно отразилось на цифровом аспекте социально-экономического развития, особенно в разрезе реализации направлений национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации».

В сложившейся неблагоприятной ситуации экосистемы российских компаний обрели значение локальных инновационных систем, инкубаторов прорывных цифровых проектов для последующего масштабирования на отраслевом, межотраслевом и (или) национальном уровнях и акселераторов субъектов МСП, включенных в структуру бизнес-модели. Эволюции роли бизнес-модели способствуют трансформация концепции экосистем из области экологии в сферы стратегического управления и цифровой экономики (теоретический компонент) и планомерное совершенствование российского нормативно-правового регулирования на основе баланса интересов государства и бизнеса, институализации саморегулирования и имплементации общих принципов добросовестной конкуренции при широком распространении практики партнерства (нормативно-методологический компонент).

Технологическая инфраструктура экосистемы обеспечивает разработку и масштабирование СЦТ и суб-СЦТ, имеющих ключевое значение для цифровизации на микроуровне и качественного изменения рынков на макроуровне. Благодаря трансферу передовых прикладных технологий бизнес-модель представляется эффективным инструментом разрешения проблем национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации», которые усугубились на фоне неблагоприятной внешнеполитической обстановки.

Таким образом, возникающая синергия стейкхолдеров цифровой трансформации (бизнес, научное сообщество, общественность и государство) в рамках экосистемной модели сетевого взаимодействия определяет критическое значение бизнес-модели для обретения государством технологического и экономического суверенитета.

Список литературы:

Абрамов В.И., Лаврентьев И.А., Гремпель В.О. Роль инноваций и стартапов в развитии экосистем // Экономические науки. 2022. № 210. С. 97–100. DOI: [10.14451/1.210.97](https://doi.org/10.14451/1.210.97)

Бухвальд Е.М. Правовые основы государственно-частного партнерства в условиях реализации национальных проектов в Российской Федерации // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10. № 3. С. 503–516. DOI: [10.18334/epp.10.3.100564](https://doi.org/10.18334/epp.10.3.100564)

Васильева А.А., Поломошнова Е.А. Правовое регулирование бизнес-экосистем в РФ // Современные стратегии устойчивого развития государства и общества в контексте глобальных вызовов: Сборник трудов III международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 21 октября 2021 г.). Ростов-на-Дону: ЮРИУФ РАНХиГС, 2021. С. 397–403.

Вдовин И.А., Венгилинский Д.Р. Проблема привлечения внебюджетных инвестиций в национальные проекты // Бизнес. Общество. Власть. 2020. № 2–3(36–37). С. 74–86.

Володина А.Д., Подольская Т.В. Роль цифровых технологий в восстановлении мировой экономики после пандемии COVID-19 // Экономика высокотехнологичных производств. 2021. Т. 2 № 4. С. 359–368. DOI: [10.18334/evp.2.4.112188](https://doi.org/10.18334/evp.2.4.112188)

Дятлов С.А., Кудрявцева К.В. Цифровые блага в сервисно-цифровой экономике // Инновации. 2020. № 3. С. 60–65. DOI: [10.26310/2071-3010.2020.257.3.009](https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.257.3.009)

Макейкина С.М., Родина Е.Е., Артемов А.В., Горчакова Э.Р. Развитие бизнес-экосистем отечественных компаний в цифровой среде в контексте обеспечения синергетического эффекта // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2021. № 4. С. 141–152. DOI: [10.52210/2224669X.2021.4.141](https://doi.org/10.52210/2224669X.2021.4.141)

Макушкин А.Г., Осоченко Е.А. Атлас сквозных технологий цифровой экономики России. М.: «Гринатом», 2019.

Потехина В.А., Бисикало Е.Э. Цифровые бизнес-экосистемы как новая форма организационного дизайна // Global and Regional Research. 2021. Т. 3. № 2. С. 272–280.

Пучкова Е.М., Сеницына И.В., Никулина О.Н. Развитие бизнес-экосистем в современных условиях // KANT. 2021. № 2(39). С. 90–95. DOI: [10.24923/2222-243X.2021-39.17](https://doi.org/10.24923/2222-243X.2021-39.17)

Рубан М.Д. Цифровые бизнес-экосистемы как драйвер роста стартапов // Современная конкуренция. 2022. Т. 16. № 4. С. 85–94. DOI: [10.37791/2687-0657-2022-16-4-85-94](https://doi.org/10.37791/2687-0657-2022-16-4-85-94)

Салогуб А.М., Старовойтов А.С. Современная модель социального партнерства в контексте реализации национальных проектов // Гуманитарий юга России. 2022. Т. 11. № 5. С. 28–44. DOI: [10.18522/2227-8656.2022.5.2](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.5.2)

Трейман М.Г., Ян. Я. Бизнес-экосистемы в эпоху цифровых технологий // Управленческий учет. 2022. № 5. С. 253–258. DOI: [10.25806/uu5-12022253-258](https://doi.org/10.25806/uu5-12022253-258)

Эскиндаров М.А. Модернизация банковского сектора и рынка ценных бумаг в интересах национальной экономики // Модернизация банковского сектора и рынка ценных бумаг в интересах повышения эффективности национальной экономики. М.: Издание Государственной Думы, 2018. С. 59–73.

De Reuver M., Sørensen C., Basole R.C. The Digital Platform: A Research Agenda // Journal of Information Technology. 2018 Vol. 33. Is. 2. P. 124–135. DOI: [10.1057/s41265-016-0033-3](https://doi.org/10.1057/s41265-016-0033-3)

Freeman C. Technology, Policy, and Economic Performance: Lessons from Japan. London; New York: Pinter Publishers, 1987.

Gebczynska M., Kwiotkowska A. Role of Accelerators in Development of the Entrepreneurial Ecosystem as a Part of the Regional Economic Development Strategy // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2019. Vol. 471. DOI: [10.1088/1757-899X/471/10/102013](https://doi.org/10.1088/1757-899X/471/10/102013)

Moore J.F. Predators and Prey: A New Ecology of Competition // *Harvard Business Review*. 1993. Vol. 71. Is. 3. P. 75–86.

Nachira F. *Towards a Network of Digital Business Ecosystems Fostering the Local Development*. Bruxelles: European Commission, 2002.

Tansley A.G. The Use and Abuse of Vegetational Concepts and Terms // *Ecology*. 1935. Vol. 16. Is. 3. P. 284–307. DOI: [10.2307/1930070](https://doi.org/10.2307/1930070)

References:

Abramov V.I., Lavrentiev I.A., Grepel V.O. (2022) The Role of Innovations and Startups in the Development of Ecosystems. *Ekonomicheskie nauki*. No. 210. P. 97–100. DOI: [10.14451/1.210.97](https://doi.org/10.14451/1.210.97)

Bukhvald E.M. (2020) The Legal Framework of Public-Private Partnerships in The Context of Implementation of National Projects in The Russian Federation. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*. Vol. 10. Is. 3. P. 503–516. DOI: [10.18334/epp.10.3.100564](https://doi.org/10.18334/epp.10.3.100564)

De Reuver M., Sørensen C., Basole R.C. (2018) The Digital Platform: A Research Agenda. *Journal of Information Technology*. Vol. 33. Is. 2. P. 124–135. DOI: [10.1057/s41265-016-0033-3](https://doi.org/10.1057/s41265-016-0033-3)

Dyatlov S.A., Kudryavtseva K.V. (2020) Digital Goods in Service and Digital Economy. *Innovatsii*. No. 3. P. 60–65. DOI: [10.26310/2071-3010.2020.257.3.009](https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.257.3.009)

Eskindarov M.A. (2018) Modernizatsiya bankovskogo sektora i rynka tsennykh bumag v interesakh natsional'noy ekonomiki [Modernization of the banking sector and the securities market in the interests of the national economy]. *Modernizatsiya bankovskogo sektora i rynka tsennykh bumag v interesakh povysheniya effektivnosti natsional'noy ekonomiki*. Moscow: Izdaniye Gosudarstvennoy Dumy. P. 59–73.

Freeman C. (1987) *Technology, Policy, and Economic Performance: Lessons from Japan*. London; New York: Pinter Publishers.

Gebczynska M., Kwiotkowska A. (2019) Role of Accelerators in Development of the Entrepreneurial Ecosystem as a Part of the Regional Economic Development Strategy. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. Vol. 471. DOI: [10.1088/1757-899X/471/10/102013](https://doi.org/10.1088/1757-899X/471/10/102013)

Makeykin S.M., Rodina E.E., Artemov A.V., Gorchakova E.R. (2021) Development of Business Ecosystems of Domestic Companies in the Digital Environment in the Context of Ensuring a Synergetic Effect. *Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta*. No. 4. P. 141–152. DOI: [10.52210/2224669X.2021.4.141](https://doi.org/10.52210/2224669X.2021.4.141)

Makushkin A.G., Osochenko E.A. (2019) *Atlas skvoznykh tekhnologiy tsifrovoy ekonomiki Rossii* [Atlas of end-to-end technologies of the digital economy of Russia]. Moscow: «Grinatom».

Moore J.F. (1993) Predators and Prey: A New Ecology of Competition. *Harvard Business Review*. Vol. 71. Is. 3. P. 75–86.

Nachira F. (2002) *Towards a Network of Digital Business Ecosystems Fostering the Local Development*. Bruxelles: European Commission.

Potekhina V.A., Bisikalo E.E. (2021) Digital Business Ecosystems as a New Form of Organizational Design. *Global and Regional Research*. Vol. 3. No. 2. C. 272–280.

Puchkova E.M., Sinitsyna I.V., Nikulina O.N. (2021) Development of Business Ecosystems in Modern Conditions. *KANT*. No. 2(39), P. 90–95. DOI: [10.24923/2222-243X.2021-39.17](https://doi.org/10.24923/2222-243X.2021-39.17)

Ruban M.D. (2022) Digital Business Ecosystems as a Growth Driver for Startups. *Sovremennaya konkurentsia*. Vol. 16 Is. 4. P. 85–94. DOI: [10.37791/2687-0657-2022-16-4-85-94](https://doi.org/10.37791/2687-0657-2022-16-4-85-94)

Salogub A.M., Starovoitov A.S. (2022) Modern Model of Social Partnership in the Context of the Implementation of National Projects. *Gumanitarniy yuga Rossii*. Vol. 11. Is. 5. P. 28–44. DOI: [10.18522/2227-8656.2022.5.2](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.5.2)

Tansley A.G. (1935) The Use and Abuse of Vegetational Concepts and Terms. *Ecology*. Vol. 16. Is. 3. P. 284–307. DOI: [10.2307/1930070](https://doi.org/10.2307/1930070)

Treyman M.G., Yan Ya. (2022) Business Ecosystems in the Digital Age. *Upravlencheskiy uchet*. No. 5. P. 253–258. DOI: [10.25806/uu5-12022253-258](https://doi.org/10.25806/uu5-12022253-258)

Vasil'yeva A.A., Polomoshnova E.A. (2021) Pravovoye regulirovaniye biznes-ekosistem v RF [Legal regulation of business ecosystems in the Russian Federation]. *Sovremennye strategii ustoychivogo razvitiya gosudarstva i obshchestva v kontekste global'nykh vyzovov (Rostov-on-Don, October 21, 2021)*. Rostov-on-Don: YURIUF RANKhIGS. P. 397–403.

Vdovin I.A., Vengilinskiy D.R. (2020) The Problem of Raising Private Investments in National Projects. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*. No. 2–3(36–37). P. 74–86.

Volodina A.D., Podolskaya T.V. Digital Technologies as a Factor of Global Economy Recovering after the COVID-19 Pandemic. *Ekonomika vysokotekhnologichnykh proizvodstv*. Vol. 2 Is. 4. P. 359–368. DOI: [10.18334/evp.2.4.112188](https://doi.org/10.18334/evp.2.4.112188)

Дата поступления/Received: 29.04.2023

Налоговый потенциал малого предпринимательства в Кыргызской Республике: основные направления вывода из теневой экономики

*Юсупова Гульшара Ниязовна*¹

Кандидат педагогических наук, доцент экономики, Международный Университет Кыргызстана, Бишкек, Кыргызская Республика.

E-mail: Jugn888@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: [5430-1321](#)

ORCID ID: [0000-0002-1159-9528](#)

Югай Нина Аркадьевна

Кандидат экономических наук, доцент, Международный Университет Кыргызстана, Бишкек, Кыргызская Республика.

E-mail: mika96.dd@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [8324-2068](#)

Чогулдуров Муктар Дуйшёнович

Кандидат географических наук, директор Института непрерывного и дистанционного образования, Бишкекский гуманитарный университет им. К. Карасаева, Бишкек, Кыргызская Республика.

E-mail: choguldurov@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию роли налогового потенциала малого предпринимательства в Кыргызской Республике в период пандемии и в современной ситуации активного реформирования налогообложения малого бизнеса. Авторами проведен научный обзор теоретических и правовых основ налогообложения субъектов малого бизнеса по процессу реформирования, рассмотрены основные направления создания благоприятного налогового климата и его влияние на уровень теневой экономики. Цель исследования — определить эффективность налогообложения малого бизнеса как составной части налоговой стратегии государства. Для достижения цели исследования были решены следующие задачи: проанализирована налоговая стратегия малого бизнеса в Кыргызской Республике; оценены основные показатели предпринимательской деятельности в Республике; выявлены пути совершенствования механизма налогообложения для стимулирования деятельности малого бизнеса и повышения эффективности управления при решении стратегической задачи по выводу из теневой экономики. В процессе изучения тематики налогового потенциала малого предпринимательства в Кыргызской Республике были проанализированы научные работы как зарубежных, так и отечественных исследователей. Рассмотрен также состав потенциальных налогоплательщиков Кыргызской Республики и экономико-правовой режим поддержки субъектов предпринимательства в стране. Статья будет интересна исследователям системы экономико-правового обеспечения субъектов предпринимательства в Кыргызской Республике, а также вопросов, связанных с проблематикой перехода на специальные налоговые режимы в контексте внедрения контрольно-кассовой техники, что на современном этапе налогового регулирования в Кыргызской Республике проходит с конфликтами и массовым отказом сферы малого бизнеса от контрольно-кассовой техники, а предпочтение отдается добровольному патенту.

Ключевые слова

Кыргызская Республика, налоговый потенциал, малое предпринимательство, единый налог, добровольный патент, обязательный патент, специальный налоговый режим, теневая экономика.

Tax Potential of Small Business in the Kyrgyz Republic: The Main Directions of Mitigating Shadow Economy

*Gulshara N. Yusupova*²

PhD, Associate Professor, International University of Kyrgyzstan, Bishkek, Kyrgyz Republic.

E-mail: Jugn888@gmail.com

ORCID ID: [0000-0002-1159-9528](#)

Nina A. Yugai

PhD, Associate Professor, International University of Kyrgyzstan, Bishkek, Kyrgyz Republic.

E-mail: mika96.dd@mail.ru

Muktar D. Choguldurov

PhD, Director of the Institute of Continuing and Distance Education, Bishkek Humanitarian University named after K. Karasaeva, Bishkek, Kyrgyz Republic.

E-mail: choguldurov@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the tax potential role of small business in the Kyrgyz Republic, during the pandemic and in the current situation of active reform of small business taxation. The authors carried out a scientific review of the theoretical and legal foundations of small businesses taxation in the process of reform, where the main directions for creating a favorable tax climate in order to mitigate the shadow economy are considered. The aim of the study is to determine the effectiveness of small

¹ Корреспондирующий автор.

² Corresponding author.

business taxation as an integral part of the state's tax strategy. To achieve the aim of the study the tax strategy of small businesses in the Kyrgyz Republic was analysed; the main indicators of entrepreneurial activity in the Kyrgyz Republic was assessed; ways to improve the taxation mechanism to stimulate the activities of small businesses and improve management efficiency in solving the strategic task of mitigating the shadow economy were identified. In the process of studying the subject of the tax potential of small business in the Kyrgyz Republic, scientific works of both foreign and domestic researchers were analysed. Furthermore, the composition of potential taxpayers of the Kyrgyz Republic and the economic and legal regime for supporting business entities in the country are considered. The article will be of interest to researchers of the system of economic and legal support of business entities in the Kyrgyz Republic, as well as issues related to the transition to special tax regimes in the context of cash registers introduction, which at the present stage of tax regulation in the Kyrgyz Republic goes through conflicts and mass refusal from cash registers, since small business prefers applying a voluntary patent.

Keywords

Kyrgyz Republic, tax potential, small business, single tax, voluntary patent, mandatory patent, special tax regime, shadow economy.

Экономико-правовая система малого предпринимательства в Кыргызской Республике: налоговые аспекты

Современное состояние и уровень развития малого бизнеса позволяют сделать вывод о наличии проблем, в том числе связанных с налогообложением, которые актуализировали исследование для поиска возможных направлений их решения. Экономические и правовые механизмы поддержки эффективного функционирования малого бизнеса включают налогообложение как систему стратегических задач для развития предпринимательства в стране.

Актуальность исследования характеризуется той ролью, которую играет вопрос налогообложения субъектов малого бизнеса, который является составной частью налоговой стратегии государства и во многом определяется необходимостью создания благоприятного налогового климата и экономико-правовой поддержки субъектов предпринимательства в стремлении уменьшить долю теневой экономики в стране.

Цель исследования — определить эффективность налогообложения малого бизнеса как составной части налоговой стратегии государства. Для достижения поставленной цели исследования следует решить следующие задачи: проанализировать налоговые стратегии малого бизнеса в Кыргызской Республике; рассмотреть основные показатели предпринимательской деятельности в Республике; определить пути совершенствования механизма налогообложения для стимулирования деятельности малого бизнеса и повышения эффективности управления по решению стратегической задачи вывода из теневой экономики.

Тематике налогообложения малого предпринимательства посвящены работы, где обосновываются факторы, определяющие налоговый потенциал и основные направленности развития налогового потенциала субъектов малого предпринимательства [Суркова 2016; Филобокова, Коршак 2022]. Другие авторы отмечают, что высокие налоги негативно сказываются на системе налогообложения страны, и выделяют недостатки применяемого коэффициента налоговой нагрузки на субъекты малого предпринимательства [Беспалова 2014; Нурмаганбетова 2019; Сидоренко 2021]. Вопросам, связанным с проблематикой перехода на специальные налоговые режимы как способа оптимизации налоговой нагрузки на сектор малого бизнеса в контексте внедрения контрольно-кассовой техники, посвящен ряд исследований [Ильина 2020; Маликова 2015]; отметим, что на современном этапе налогового регулирования в Кыргызской Республике этот процесс проходит с конфликтами сферы малого бизнеса и отказом от контрольно-кассовой техники, при этом предпочтение отдается применению добровольного патента.

Таким образом, прослеживается общая тенденция, определяющая налоговый потенциал малого бизнеса, что позволяет рассчитать и измерить эффективность налоговой политики с целью вывода предпринимательства из теневой экономики; именно это является стратегией

всех стран и подразумевает не увеличение нагрузки на предпринимателей, а увеличение доходов за счет вывода экономики из «тени»³.

Далее рассмотрим вопросы налогообложения субъектов малого предпринимательства в целях определения стратегии Государственной налоговой службы Кыргызской Республики по созданию благоприятного налогового климата и экономико-правовой поддержки субъектов предпринимательства в Республике на основе следующих нормативно-правовых актов:

- 1) Инструкции Кыргызской Республики «Об упрощенной системе налогообложения субъектов малого предпринимательства», где Законом были определены правовые основы применения упрощенной системы налогообложения, учета и отчетности для субъектов малого предпринимательства в Кыргызской Республике⁴;
- 2) Указа «О поддержке субъектов малого предпринимательства, создании благоприятного налогового климата»; Указом предусмотрено освобождение от налогов субъектов предпринимательства с годовым оборотом до 8 млн сомов. Особенность Указа — это цель запустить полноценную аналитическую платформу, в которой представлены следующие требования к субъектам предпринимательства:
 - обязательное применение контрольно-кассовой онлайн-машины;
 - обязательное применение электронных счет-фактур;
 - уплата подоходного налога и страховых взносов;
 - уплата земельного налога, налога на имущество (если имеется);
 - отсутствие импортных-экспортных операций⁵.
- 3) Новой редакции Налогового кодекса Кыргызской Республики, которая направлена на сокращение количества налогов — с 16 видов до 8, устанавливает 6 общегосударственных налогов и 2 местных налога, а также с целью упрощения налогообложения для субъектов малого предпринимательства вводит специальные налоговые режимы: ставка НДС снижена с 20% до 12%; значительно снижены также ставки налога на прибыль, подоходного налога (с 30% до 10%), максимальная ставка налога на нерезидентов (с 30% до 10%)⁶.
- 4) Закона Кыргызской Республики «О внесении дополнений и изменений в Налоговый кодекс Кыргызской Республики», который направлен на сокращение периодичности предоставления отчетности для субъектов малого и среднего предпринимательства, а также изменения сроков уплаты налогов для субъектов малого предпринимательства⁷.

Таким образом, в соответствии с приведенными выше нормативно-правовыми актами Кыргызской Республики по вопросам налогообложения субъектов малого предпринимательства прослеживается стратегия государства в стремлении создать благоприятный налоговый климат для поддержки предпринимательства в стране и понижения уровня теневой экономики.

³ Закон Кыргызской Республики «О внесении дополнений и изменений в Налоговый кодекс Кыргызской Республики», от 18 янв. 2022 года № 4 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112552?cl=ru-ru> (дата обращения: 05.02.2023).

⁴ Инструкция «Об упрощенной системе налогообложения субъектов малого предпринимательства в Кыргызской Республике» // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/99687> (дата обращения: 05.02.2023).

⁵ Указ «О поддержке субъектов малого предпринимательства, создании благоприятного налогового климата», от 2 дек. 2021 г. № 542 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430769?cl=ru-ru> (дата обращения: 05.02.2023).

⁶ Закон Кыргызской Республики «О введении в действие Налогового кодекса Кыргызской Республики», от 18 янв. 2022 года № 4 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112342> (дата обращения: 05.02.2023).

⁷ Закон Кыргызской Республики «О внесении дополнений и изменений в Налоговый кодекс Кыргызской Республики», от 18 янв. 2022 года № 4 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112552?cl=ru-ru> (дата обращения: 05.02.2023).

Следующий этап исследования будет направлен на определение налогового потенциала в Кыргызской Республике, что гипотетически должно улучшить механизм налогообложения для стимулирования деятельности малого бизнеса в Республике.

Анализ налогового потенциала малого предпринимательства в Кыргызской Республике, 2019–2021 годы

В условиях особого дефицита государственного бюджета Кыргызской Республики особое значение имеет определение налогового потенциала субъектов малого предпринимательства в стране и повышение эффективности управления по решению стратегических задач, поскольку, в соответствии со структурой потенциальных налогоплательщиков-предприятий в Кыргызской Республике, в 2021 г. на территории Кыргызской Республики действовало 17,1 тыс. предприятий, из них 16,3 тыс. малых предприятий и 0,8 тыс. средних предприятий. При этом малые предприятия составляют 93,1% в общей структуре предпринимательства, а средние предприятия — 4,9%, крупные — 2,0%.

Для оценки налогового потенциала малого предпринимательства в Кыргызской Республике необходимо также рассмотреть бюджетно-налоговую политику системы налогообложения в стране, потенциал которого «существенно влияет на качество управления государственными финансами и уровень жизни населения» [Юсупова 2021, 519].

За 9 месяцев 2021 года Государственная налоговая служба Кыргызской Республики обеспечила сбор налогов и платежей по специальным налоговым режимам в бюджет Республики в размере 2 млрд 247,9 млн сом. Это больше прогнозного плана на 73,1 млн сом. По сравнению с подобным периодом 2020 года собрано больше на 676,7 млн сом, то есть темп роста составил 143,1%. В том числе выданы 745 945 тыс. добровольных патентов на сумму 1 млрд 755,6 млн сом, что больше плана на 7 млн сом, то есть выполнение составило 100,4%. Обязательных патентов выдано 44 788 тыс. на сумму 234,4 млн сом, что больше на 7,7 млн сом, — план реализован на 103,4%.

Поступления от единого налога составили в сумме 257,7 млн сом, что больше на 58,1 млн сом, — прогнозный план выполнен на 129,1%. При этом в сентябре 2021 года Государственная налоговая служба обеспечила сбор налогов и платежей по специальным налоговым режимам в размере 250,9 млн сом, что больше прогнозного плана на 77,7 млн сом, а по сравнению с сентябрем 2020 года больше на 31,2 млн сом; в том числе от добровольного патента в сентябре текущего года поступили 208,5 млн сом, обязательного патента — 29 млн сом, единого налога — 13,4 млн сом.

Соответственно, в совокупной сумме налогов, собранных в 2021 году, доля единого налога показала отличное от нуля значение. Что касается добровольного патента, который также оплачивается малым бизнесом, то его доля более значительна — 3%. В целях определения уровня налогового потенциала малого предпринимательства, рассмотрим в процентном соотношении сборы Государственной налоговой службы Кыргызской Республики (Рисунок 1).

Как видно из рисунка, несмотря на то, что общее количество малых предприятий в последние годы растет, объемы налогов, уплачиваемых данными субъектами экономики, не увеличивается. Об этом говорится в официальных публикациях Национального статистического комитета Кыргызстана «Малое и среднее предпринимательство в Кыргызской Республике 2019–2021», в которых содержится отчет о состоянии и развитии малого бизнеса в стране за анализируемые годы.

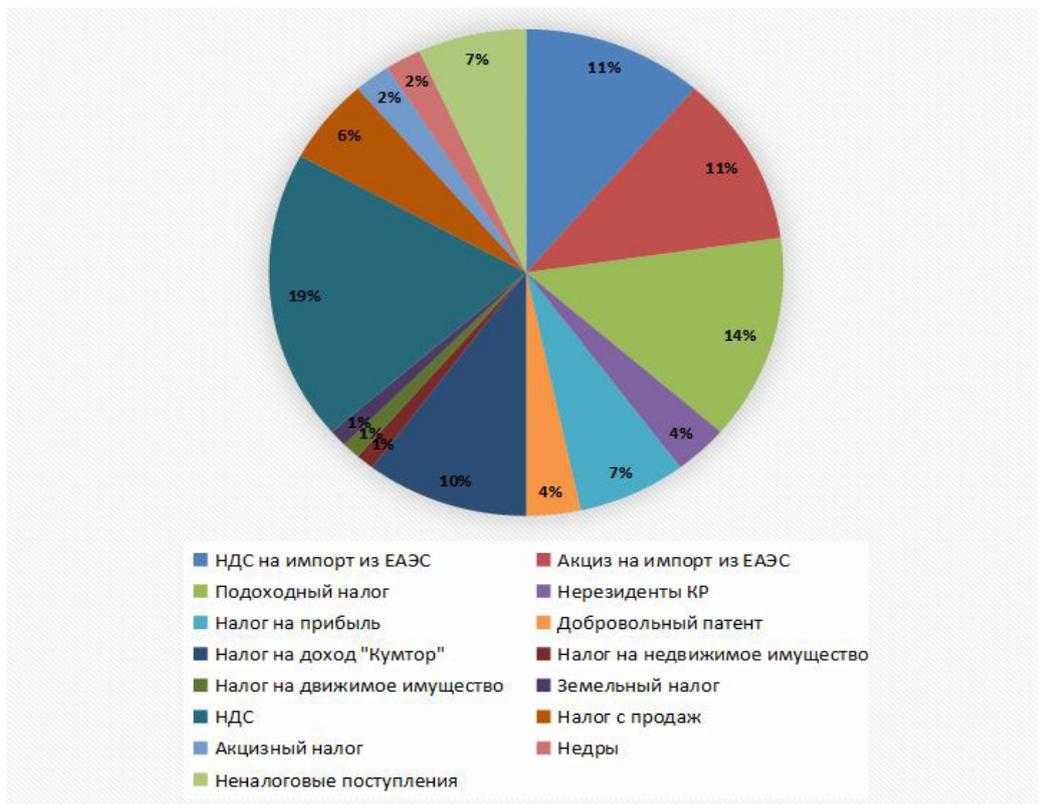

Рисунок 1. Сборы Государственной налоговой службы Кыргызской Республики в 2021 году⁸

Для оценки налогового потенциала малого предпринимательства рассмотрим статистические данные основных показателей деятельности предпринимательства в Кыргызской Республике за период 2019–2021 гг.

Таблица 1. Основные показатели деятельности предпринимательства в Кыргызской Республике, 2019–2021 гг.⁹

	2019	2020	2021
Объем валовой добавленной стоимости, произведенной субъектами малого и среднего предпринимательства, млн сомов	265 440,6	71 998,9	88 226,8
Малые предприятия	44 480,4	12 571,4	16 493,5
Средние предприятия	23 215,5	9 120,1	10 769,0
Крестьянские (фермерские) хозяйства	42 826,2	11 072,4	13 603,4
Индивидуальные предприниматели	154 918,5	39 235,0	47 360,9
Удельный вес валовой добавленной стоимости малого и среднего предпринимательства в ВВП, в процентах	42,8	29,8	32,6
Малые предприятия	7,2	5,2	6,1
Средние предприятия	3,7	3,8	4,0
Крестьянские (фермерские) хозяйства	6,9	4,6	5,0
Индивидуальные предприниматели	25,0	16,2	17,5
Удельный вес валовой добавленной стоимости малого и среднего предпринимательства в ВВП без предприятий по разработке месторождения «Кумтор», в процентах	47,2	34,8	36,4

⁸ Составлено авторами на основе: Малое и среднее предпринимательство // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stat.kg/ru/statistics/maloe-i-srednee-predprinimatelstvo/> (дата обращения: 05.02.2023).

⁹ Составлено авторами на основе: Малое и среднее предпринимательство // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stat.kg/ru/statistics/maloe-i-srednee-predprinimatelstvo/> (дата обращения: 05.02.2023).

По предоставленным статистическим данным в разрезе основных показателей деятельности предпринимательства в Кыргызской Республике за анализируемый период видно, что объем валовой добавленной стоимости, произведенной субъектами малого предпринимательства, идет на понижение (2020 году — 5,2 млн сомов, а в 2019 году было 7,2 млн сомов). Это связано с отрицательным влиянием пандемии на все сферы экономики страны в целом, в том числе и на самый уязвимый вид деятельности — малое предпринимательство, при этом незначительные улучшения заметны в 2021 году — 6,1 млн сомов, что может свидетельствовать о постепенном восстановлении предпринимательства после пандемии.

Таким образом, утверждать, что налоговый потенциал малого бизнеса в последующие годы будет повышаться, сложно. При этом результаты официальных статистических данных основных показателей деятельности предпринимательства в Кыргызской Республике за рассматриваемый период, за исключением периода пандемии, дают небольшую надежду на динамику улучшения.

Пути совершенствования механизма налогообложения для стимулирования активности субъектов малого бизнеса

В соответствии с целью исследования следует рассмотреть основные направления совершенствования механизма налогообложения субъектов малого бизнеса для вывода его из «тени» в рамках экономико-правовой поддержки субъектов предпринимательства в Кыргызской Республике.

В научных работах, посвященных оценке налогового потенциала в стране, даны показатели как в абсолютном выражении, так и в виде индексов, характеризующие отношение налогового потенциала данного субъекта Кыргызской Республики к среднему уровню. Отмечается также двойственный характер определения налогового потенциала: с одной стороны, он направлен на определение объема финансовых ресурсов, которые могут быть преобразованы в поток налоговых платежей, а с другой стороны, он включает определение максимально допустимого налогового бремени для субъектов налоговых отношений [Казакбаева 2010; Шакирова 2019].

В статье 157 Налогового кодекса Кыргызской Республики отмечается, что субъект малого предпринимательства, который не зарегистрирован в качестве плательщика НДС и выбрал общий налоговый режим, имеет право исчислять и уплачивать налоги на основе упрощенного метода налогового учета. Согласно «Инструкции по упрощенной системе налогообложения для малого бизнеса», упрощенный метод налогового учета определяет пути совершенствования механизма налогообложения для стимулирования активности субъектов малого бизнеса Кыргызской Республики.

Малые предприятия обязаны рассчитывать, удерживать и перечислять в бюджет в соответствии с Налоговым кодексом Кыргызской Республики:

- налоги, взимаемые у источника выплаты (подходный налог, удерживаемый с работающих лиц, налог на проценты с физических и юридических лиц, налог на доходы нерезидентов, не связанные с постоянным представительством в Кыргызской Республике);
- земельный налог;
- местные налоги, кроме налога за оказание платных услуг населению и розничные продажи;

- отчисления на воспроизводство и освоение минерально-сырьевой базы;
- налог на добавленную стоимость сверх порога регистрации НДС, установленного Правительством Кыргызской Республики (с объемом валовой выручки до 3 млн сомов в год)¹⁰.

Малые предприятия платят единый налог по ставке в следующих размерах:

- предприятия, занимающиеся переработкой сельскохозяйственной продукции в обрабатывающей промышленности и сфере общественного питания, — 5%;
- субъекты, занятые в сфере торговли и оказания транспортных услуг, — 6%;
- субъекты, предоставляющие другие виды услуг и занятые в других областях, не указанных выше, — 10%.

В связи с тем, что единый налог для малого бизнеса был введен сравнительно недавно, пока еще рано судить о его размере и потенциале малого бизнеса. Однако, по имеющимся данным, можно сказать, что этот вид налога не занимал значительной доли в государственном бюджете страны. Для сравнения: доля НДС в налоговых сборах Государственной налоговой службы составляет 65,2%.

В соответствии с основными направлениями фискальной политики Кыргызской Республики, а именно системой налогообложения субъектов малого предпринимательства, следует рассмотреть структуру производства и темпы роста реального ВВП за 2019–2024 годы (Таблица 2) как факторы реализации итогов бюджетной политики за 2019–2021 годы и ожидаемой оценки на 2022 год, а также приоритетных направлений Кыргызской Республики на период до 2024 года, определенных Национальной стратегией развития Кыргызской Республики.

Таблица 2. Структура производства и темпы роста реального ВВП в Кыргызской Республике, 2019–2024 гг.¹¹

	2019	2020	2021	2022 ожидание	2023 прогноз	2024 прогноз
ВВП в текущих ценах (млн сомов)	619 102,7	598 344,5	643629,4	713744,7	772622,3	840207,6
ВВП по отраслям (%)	100	100	100,0	100,0	100,0	100,0
сельское хозяйство	11,7	13,5	13,4	12,9	12,6	12,4
промышленность	19,0	21,1	21,0	22,3	21,8	21,5
строительство	9,5	8,3	8,0	7,8	7,7	7,7
услуги	46,5	46,3	46,8	46,2	47,0	47,5
чистые налоги на продукты и импорт	13,3	10,8	10,8	10,9	10,9	10,8
Темпы реального роста ВВП (%)	4,6	-8,6	3,2	6,5	3,9	4,0
ВВП без учета «Кумтора»	4,1	-9,0	5,0	5,1	4,4	4,5
Темпы реального прироста выпуска валовой продукции по отраслям (%)						
сельское хозяйство	2,5	1,1	2,1	2,3	2,5	2,5
промышленность	6,6	-7,5	3,1	14,8	2,7	3,2
строительство	10,7	-15,9	4,1	6,7	5,4	7,2
услуги	3,2	-10,0	3,7	4,1	4,8	4,3

¹⁰ Инструкция «Об упрощенной системе налогообложения субъектов малого предпринимательства в Кыргызской Республике // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/99687> (дата обращения: 05.02.2023).

¹¹ Составлено авторами на основе: Основные направления фискальной политики Кыргызской Республики на 2022–2024 годы // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/158734?cl=ru-ru#pr1> (дата обращения: 15.02.2023).

Следует отметить, что фискальная политика Кыргызской Республики преследует цель сохранить положительные тенденции экономического роста после пандемии и обеспечить устойчивое экономическое развитие Республики, также она направлена на стимулирование отраслей экономики и повышение благосостояния народа. В среднесрочной перспективе гипотетически ожидается положительная динамика роста ВВП: в период на 2023–2024 годы прогнозируемые темпы реального роста ВВП составят 6,5%, 3,9% и 4,0% соответственно.

Итак, по официальным данным Государственной налоговой службы Кыргызской Республики, на сегодняшний день основная цель налоговых реформ — это не увеличение нагрузки на предпринимателей, а увеличение доходов за счет вывода экономики из «тени». При этом внедрение контрольно-кассовых машин по стране проходит с конфликтами, массовыми митингами и протестами предпринимателей с требованиями оставить патентную систему налогообложения, в связи с чем заместитель председателя Государственной налоговой службы Кыргызстана И. Кыдыргычев отметил, что акции протеста «против введения контрольно-кассовой техники и электронных накладных проводятся в интересах теневых предпринимателей, которые не хотят работать открыто и прозрачно», так как при использовании электронных накладных им придется указывать место и время покупки товара, что выведет их из тени¹². Государственная налоговая служба продолжает проводить масштабную разъяснительную работу, но предприниматели продолжают протестовать, выражая свое недовольство.

Заключение

Подытоживая результаты проведенного исследования, можно сделать выводы, что одной из целей поправок налоговой стратегии является поддержка малого и среднего предпринимательства, которая выражена в следующих поправках Налогового Кодекса:

1. Бессрочное освобождение малого бизнеса. От уплаты налогов освобождены малые предприятия с оборотом не более 8 млн сомов, а также использующие контрольно-кассовые машины. В действующей редакции Налогового кодекса такая льгота была предусмотрена только на 2022 год, с 2023 года такие предприниматели должны будут платить налоги. Таким образом, легальный бизнес не будет платить налоги, и ставка не будет увеличиваться каждый год.

2. Расширение режима на основе единого налога без ограничения размера доходов. В действующей редакции ставки составляют 4% для наличного оборота и 2% для безналичных расчетов. Теперь законопроект предлагает ставку 0,5% от выручки для субъектов с оборотом до 30 млн сомов в год, для субъектов хозяйствования с оборотом от 30 млн до 50 млн сомов — 1%. При этом пониженные ставки единого налога не распространяются на производителей, импортеров, дистрибьюторов и лиц, осуществляющих реализацию горюче-смазочных материалов, лекарственных средств и изделий медицинского назначения.

3. Продление на 1 год налога с продаж при безналичном расчете. Нулевая ставка налога с продаж для безналичных расчетов продлена еще на год. В текущей версии эта льгота действовала до 1 января 2023 года.

4. Снижение штрафов. В целях более щадящего перехода на контрольно-кассовую технику уменьшен размер штрафа за нарушение требований по применению контрольно-кассовой техники в части невыдачи кассового чека.

¹² Зампред ГНС Кыргызстана: протесты против внедрения ККМ проводятся в интересах теневых предпринимателей // Manas [Электронный ресурс] URL: <https://manas.news/obschestvo/zampred-gns-kyrgyzstana-protesty-protiv-vnedrenija-kkm-provodjatsja-v-interesah-tenevyh-predprinimatelej/2023> (дата обращения: 15.01.2023).

5. Снижение ставок единого налога для налогоплательщиков общественного питания. Текущая ставка налога составляет 8%. Новый проект предлагает снизить ее в городах Бишкек и Ош до 6% в наличной и 4% в безналичной форме. В остальной части Республики она будет установлена в размере 5% в наличной форме и 3% в безналичной форме. В действующем законодательстве по единому налогу могут работать субъекты с оборотом более 30 миллионов сомов в год, теперь порог полностью снят, и бизнес сможет работать без ограничений на сумму выручки от 50 миллионов или больше. Такое решение принято в связи с тем, что если оборот бизнеса превышает 30 миллионов, то они обязаны переходить на общий режим. Работа на общем режиме выгодна для определенной категории предприятий, которые хотят использовать систему зачета НДС или имеют большую долю экспорта.

Следует также отметить и утверждение начальника управления налоговой политики Министерства экономики К. Ысабекова, который, основываясь на официальной информации Нацстаткома, отметил, что доля теневой экономики в 2020 году составляла 23–24% ВВП, а в 2021 году снизилась до 20,5%. При этом он подчеркивает, что, по независимым оценкам, доля теневой экономики превысила 40%¹³.

Таким образом, текущая налоговая политика и экономическая ситуация в стране по итогам реформирования Государственной налоговой службы привели к снижению экономического потенциала малых предприятий, а также способствовали снижению производственной активности предприятий, а некоторые даже ушли в «тень». Результатом всего этого стало снижение налоговых поступлений от малого бизнеса. Экономика государства в основном представлена малым и средним бизнесом, однако налоговые поступления от применения единого налога в 2021 году достаточно низкие — 0,3%. В основе такой ситуации, как уже отмечалось, лежит высокий уровень теневой деятельности малых предприятий. Бюджет теряет налоговые поступления, и, как следствие, снижается налоговый потенциал страны в целом.

Налоговые зачисления в государственный бюджет зависят не только от законодательного обеспечения, ее состояния и динамики налогооблагаемой базы, но и от согласованных и целенаправленных действий административных, финансовых и регулирующих органов, которые, по нашему мнению, к сожалению, не регулируются согласованно. При этом налоговый потенциал субъектов малого бизнеса в Кыргызской Республике, доля которого составляет 93,1% на 2021 год и который существенно влияет на понижение уровня теневой экономики, не учтен. Как представляется, дальнейшие планы реализации налогово-бюджетной политики на государственном уровне содержат неправильное применение и выбор методов оценки налогового потенциала субъектов малого предпринимательства, а также имеют недостатки в сфере реализации налоговой стратегии в определении нагрузки на малый бизнес. Поэтому эти планы во многом не соответствуют требованиям нынешнего экономического развития страны, особенно к национальным производителям по программе импортозамещения, не учитывают экономическую ситуацию после пандемии и налоговую нагрузку на малый бизнес, находящийся на начальном этапе развития и имеющий обязательства по кредитам.

Однако если удастся внедрить контрольно-кассовую технику и электронные накладные, то «теневые» предприниматели будут вынуждены выйти из «тени», а также процент средних предприятий увеличится, что положительно отразится и на пополняемости бюджета страны.

¹³ Минэкономкоммерции: О новом Налоговом Кодексе КР // Министерство экономики и коммерции Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: <https://mineconom.gov.kg/ru/post/7471> (дата обращения: 15.01.2023).

Список литературы:

Беспалова С.В. Влияние налоговой политики государства на налоговую нагрузку субъектов малого бизнеса // Современные проблемы и тенденции инновационного развития Европейского Севера: материалы международной научно-практической конференции (Мурманск, 9–11 апреля 2014г.). Мурманск: Мурманский государственный технический университет, 2014. Т. 1. С. 169–172.

Ильина Д.А. Современные проблемы налогообложения в сфере малого бизнеса // Экономика регионов: источники роста. Сборник научных статей. Курск: Курский государственный университет, 2020. С. 110–115.

Казакбаева Б.М. Налогообложение субъектов малого предпринимательства в Кыргызской Республике // *Reforma*. 2010. Vol. 4. Is. 48. URL: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/574833>

Маликова Е.В. Переход на специальные налоговые режимы как один из способов оптимизации налоговой нагрузки на сектор малого бизнеса // Актуальные проблемы развития современной экономики: Сборник тезисов студентов и магистров III межвузовской студенческой научно-теоретической конференции (Ростов-на-Дону, 26 ноября 2014 г.). Ростов-на-Дону: Южно-Российский институт управления, 2015. С. 38–44.

Нурмаганбетова М.С. Снижение налоговой нагрузки на бизнес как основная задача оптимизации налогов в Казахстане // Школа Науки. 2019. № 1(12). С. 41–44.

Сидоренко К.А. Оценка изменения налоговой нагрузки на малый бизнес // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 12–3(82). С. 62–65. DOI: [10.24412/2411-0450-2021-12-3-62-65](https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-12-3-62-65)

Суркова В.В. Основные проблемы стратегического развития налогового потенциала субъектов малого предпринимательства в регионе // Институциональная модернизация регионов: экономические, социальные и управленческие вызовы. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 5 февраля 2016 г.). Чебоксары: Издательско-полиграфическая компания «Новое время», 2016. С. 363–369.

Филобокова Л.Ю., Коршак А.Н. Налоговые аспекты экономической безопасности субъектов малого предпринимательства // Инновационная экономика и современный менеджмент. 2022. № 2(38). С. 7–11.

Шакирова К.К. Налоговое администрирование малого и среднего бизнеса в Кыргызской Республике // Вестник Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева. 2019. № 3. С. 130–135. DOI: [10.33514/1694-7851-2019-3-130-135](https://doi.org/10.33514/1694-7851-2019-3-130-135)

Юсупова Г.Н. Проблемы управления фискальной политикой в условиях кризиса в экономике // Вестник Международного Университета Кыргызстана. 2021. № 2(43). С. 514–520.

References:

Bespalova S.V. (2014) Vliyaniye nalogovoy politiki gosudarstva na nalogovuyu nagruzku sub'yektov malogo biznesa [Influence of the state tax policy on the tax burden of small business entities]. *Sovremennyye problemy i tendentsii innovatsionnogo razvitiya Evropeyskogo Severa: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Murmansk, April 9–11, 2014)*. Murmansk: Murmanskii gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet. Vol. 1. P. 169–172.

Ilyina D.A. (2020) Modern Problems of Taxation in the Sphere of Small Business. *Ekonomika regionov: istochniki rosta. Sbornik nauchnykh statey*. Kursk: Kurskiy gosudarstvennyy universitet. P. 110–115.

Filobokova L.Yu., Korshak A.N. (2022) Tax Aspects of the Economic Safety of Small Entrepreneurship Subjects. *Innovatsionnaya ekonomika i sovremennyy menedzhment*. No. 2(38). P. 7–11.

Kazakbaeva B.M. (2010) Nalogooblozheniye sub'yektov malogo predprinimatel'stva v Kyrgyzskoy Respublike [Taxation of small business entities in the Kyrgyz Republic]. *Reforma*. Vol. 4. Is. 48. Available: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/574833>

Malikova E.V. (2015) Perekhod na spetsial'nyye nalogovyye rezhimy kak odin iz sposobov optimizatsii nalogovoy nagruzki na sektor malogo biznesa [Transition to special tax regimes as one of the ways to optimize the tax burden on the small business sector]. *Aktual'nyye problemy razvitiya sovremennoy ekonomiki: Sbornik tezisov studentov i magistrrov III mezhvuzovskoy studencheskoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii (Rostov-on-Don, November 26, 2014)*. Rostov-on-Don: Yuzhno-Rossiyskiy institut upravleniya. P. 38–44.

Nurmaganbetova M.S. (2019) Snizheniye nalogovoy nagruzki na biznes kak osnovnaya zadacha optimizatsii nalogov v Kazakhstane [Reducing the tax burden on business as the main task of optimizing taxes in Kazakhstan]. *Shkola Nauki*. No. 1(12). P. 41–44.

Sidorenko K.A. (2021) Assessment of Changes in the Tax Burden on Small Businesses. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*. No. 12–3(82). P. 62–65. DOI: [10.24412/2411-0450-2021-12-3-62-65](https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-12-3-62-65)

Shakirova K.K. (2019) Tax Administration of Small and Medium Business in the Kyrgyz Republic. *Vestnik Kyrgyzskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I. Arabayeva*. No. 3. P. 130–135. DOI: [10.33514/1694-7851-2019-3-130-135](https://doi.org/10.33514/1694-7851-2019-3-130-135)

Surkova V.V. (2016) Osnovnyye problemy strategicheskogo razvitiya nalogovogo potentsiala sub'yektov malogo predprinimatel'stva v regione [The main problems of the strategic development of the tax potential of small businesses in the region]. *Institutsional'naya modernizatsiya regionov: ekonomicheskiye, sotsial'nyye i upravlencheskiye vyzovy. Materialy VII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Cheboksary, February 5, 2016)*. Cheboksary: Izdatel'sko-poligraficheskaya kompaniya "Novoye vremya". P. 363–369.

Yusupova G.N. (2021) Problems of Fiscal Policy Management in the Conditions of a Crisis in the Economy. *Vestnik Mezhdunarodnogo Universiteta Kyrgyzstana*. No. 2(43). P. 514–520.

Дата поступления/Received: 25.03.2023

Проблемы управления: теория и практика
Administrative issues: theory and practice

DOI: 10.24412/2070-1381-2023-98-73-85

К вопросу о применении технологий «острой силы» в современном мире

Наумов Александр Олегович

Доктор исторических наук, доцент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: naumovao@my.msu.ru.

SPIN-код РИНЦ: [2905-0930](#)

ORCID ID: [0000-0002-8366-5934](#)

Белюсова Марина Владимировна

Ассистент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва РФ.

E-mail: belousova@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [3509-2108](#)

ORCID ID: [0000-0002-2260-8522](#)

Аннотация

Статья посвящена анализу концепта «острой силы», разработанного сотрудниками «Национального фонда в поддержку демократии» (США) К. Уокером и Дж. Людвиг в конце 2010-х гг. Авторы рассматривают причины возникновения концепции «острой силы», изучают соотношение понятий «мягкой силы» и «острой силы», а также предлагают свое определение «острой силы». Очевидно, что проблема изучения феномена «острой силы» на Западе состоит в политизации термина «мягкая сила», так как зарубежные эксперты исходят из того, что продвижение любых других ценностей, отличных от западных, не может соотноситься с «мягкосиловыми» технологиями. В то же время авторы статьи приводят многочисленные примеры, когда принципы либерального порядка нарушались непосредственно в западных странах. По этой причине реализация стратегии «острой силы» связана не с характером политического режима стран-субъектов, а с тем, какие цели они преследуют. В зависимости от этого понятие «острой силы» получает расширенное толкование не только как элемент внешнеполитической деятельности так называемых нелиберальных государств, но и как основа технологий в рамках внутриполитической борьбы с альтернативными либерализму нарративами в самих странах «золотого миллиарда». В результате анализа авторы приходят к выводу, что о феномене «острой силы» можно говорить в тех случаях, когда ресурсы «мягкой силы» используются для манипулирования общественным мнением для достижения политических целей, независимо от того, кто применяет данные технологии.

Ключевые слова

«Острая сила», «мягкая сила», К. Уокер, Дж. Людвиг, Дж. Най, «Национальный фонд в поддержку демократии», Russia Today, Институт Конфуция, Штурм Капитолия, Д. Трамп, «Твиттер».

On the Issue of Sharp Power Technologies in the Modern World

Alexandr O. Naumov

DSc (Historical Sciences), Associate Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: naumov@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0002-8366-5934](#)

Marina V. Belousova

Assistant, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: belousova@spa.msu.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the sharp power concept, developed by the researchers of the National Endowment for Democracy (USA) K. Walker and J. Ludwig in the late 2010s. The authors consider the reasons for the emergence of sharp power concept that originates in political regimes of illiberal democracy, primarily in China and Russia, study the relationship between the soft power and sharp power as well as introduce their own definition of sharp power. It is obvious that the issue of sharp power in research papers presented in Western countries is closely related to politicization of soft power concept since K. Walker and J. Ludwig argue that the promotion of any other values other than Western ones cannot be carried out on the basis of soft power technologies. At the same time the authors of the article bring numerous examples when the principles of the liberal order were violated in Western countries. For this reason, the application of sharp power strategies and technologies does not depend on the nature of the political regime of the countries that apply it, but on the goals that they pursue. Therefore, the concept of sharp power receives an expanded interpretation not only as an element of foreign policy activities of illiberal countries, but also as the basis of technologies used for organizing color revolutions or as part of the domestic political struggle against narratives alternative to liberalism in Western countries. The authors conclude that sharp power technologies are introduced in cases when the soft power resources are applied to manipulate public opinion to achieve political goals, regardless of who uses these technologies.

Keywords

Sharp power, soft power, Ch. Walker, J. Ludwig, J. Nye, National Endowment for Democracy, Russia Today, Confucius Institute, Capitol attack, D. Trump, Twitter.

Введение

Происходящий на наших глазах переход от однополярного к многополярному мироустройству, резко ускоренный началом Специальной военной операции России на Украине, формирует новую геополитическую и идеологическую реальность. Находясь в авангарде западного либерального консенсуса, Соединенные Штаты Америки вынуждены искать новые инструменты влияния и на своих «младших» партнеров, и на страны, руководствующиеся национальными интересами и не принимающие диктат стремительно теряющего былое влияние гегемона. В этих условиях обеспечение ценностно-идеологической легитимации коллективных интересов Запада во главе с США приобретает особое значение.

Наряду с тектоническими сдвигами в области мировой политики видоизменяется характер действий ключевых международных игроков в информационной сфере. Новый виток научно-технической революции не только ускорил передачу информации, но и дал возможность ее одновременного получения из различных источников. Сегодня важнейшее значение приобретает то, насколько тот или иной формат подачи информации способен привлечь внимание объекта воздействия и вызвать у него доверие. Таким образом, акторы, которые оказывают преобладающее влияние на формирование повестки, способны наиболее эффективно продвигать свои нарративы в целевых аудиториях.

До недавнего времени западные государства контролировали основную часть глобального медийного пространства, наполняя его идеями и образами, эффективно отражая либеральную ценностную систему и формируя устойчивые положительные коннотации в сознании реципиентов. Выход на международную арену новых суверенных центров силы изменил «правила игры» на информационно-идеологическом фронте: либеральные нарративы оказались вынуждены конкурировать с набором ценностей, продвигаемых восходящими великими державами. Безусловно, это вызывает ответную реакцию со стороны стран коллективного Запада, которые стремятся сохранить свое доминирование как путем усовершенствования собственных информационно-коммуникационных технологий, так и путем дискредитации действий своих оппонентов.

Целью данной статьи является анализ концепции «острой силы», которая несколько лет назад была разработана и введена в научный оборот сотрудниками американского «Национального фонда в поддержку демократии»¹ К. Уокером и Дж. Людвиг для обозначения «мягкосиловой» деятельности геополитических противников США. Методология исследования основана на системном и сравнительном подходах, в рамках которых феномен «острой силы» анализируется одновременно и как элемент внешнеполитической деятельности государств, обозначаемых в западном общественно-политическом дискурсе в качестве нелиберальных, и как технология внутривнутриполитической борьбы в самих государствах «золотого миллиарда».

Стоит сказать, что в последние годы отечественные авторы все чаще обращаются к подобным сюжетам. Изучению стратегии «мягкой силы», например, посвящен целый ряд крупных монографий [Soft power: теория, ресурсы, дискурс 2015; Паршин 2020; Soft power, мягкая сила, мягкая власть 2020, Неймарк 2020, Наумов 2022]. Коллективная монография под редакцией О.Ф. Русаковой представляет собой многоплановое исследование «мягкой силы» как аналитического концепта, своеобразного дискурса, ресурса развития и инструмента современных коммуникаций. В фокусе внимания П.Б. Паршина находится тридцатилетняя эволюция концепции «мягкой силы» и особенности ее восприятия и функционирования в рамках различных политических культур, прежде всего американской и российской. Работы,

¹ Организация включена Минюстом РФ в перечень нежелательных организаций.

собранные в монографии под редакцией Е.Г. Борисовой, преимущественно представляют собой анализ применения концепта «мягкой силы» к описанию политических процессов в ряде стран. М.А. Неймарк анализирует роль «мягкой силы» в кардинально изменившейся геополитической реальности наших дней и полемизирует с различными точками зрения по этому вопросу в современном научном дискурсе. Труд А.О. Наумова посвящен роли деструктивных технологий «мягкой силы» в реализации «цветных революций» — операций коллективного Запада по смене неугодных ему политических режимов.

Концепт «умной силы» также становился предметом анализа нескольких серьезных статей [Козлов 2017; Моисеенко 2017; Смородина 2018]. К примеру, Ю.В. Смородина раскрывает гуманитарные грани «умной силы», а Я.Ю. Моисеенко предлагает концептуально новый подход к изучению этого феномена с точки зрения его кратологических аспектов, опираясь на теорию «центральных доминионов» К. Шмитта.

Оказывались в поле зрения российских исследователей и вопросы, связанные с «острой силой». В публикациях О.Г. Леоновой [Леонова 2019], Е.А. Волковой, Л.В. Лукиной и Ю.И. Лаптевой [Волкова и др. 2019], А. Махмуд [Махмуд 2020], К.Д. Кузнецова [Кузнецов 2021], А.О. Наумова и М.В. Белоусовой [Наумов, Белоусова 2022] рассматриваются различные аспекты данного феномена, от теоретических изысканий до практически ориентированных страновых исследований. Тем не менее полноценный системный анализ концепции «острой силы» все еще далек от завершения и требует свежих идей и подходов, особенно в связи с тектоническими геополитическими изменениями, произошедшими в течение 2022 – первой половины 2023 гг.

Технологии «острой силы» как элемент внешнеполитической деятельности нелиберальных стран

В 1990 г. американский политолог Джозеф Най-младший ввел в научный оборот термин «мягкая сила», который он дополнил и расширил в труде 2004 г. «Мягкая сила»: средства достижения успеха в мировой политике» [Nye 2004]. «Мягкая сила», как ее определял исследователь, представляет собой внешнеполитический инструментарий для достижения целей без применения военной силы или экономических рычагов, но путем завоевания симпатий целевых аудиторий [Ibid., X]. Концепция «мягкой силы» легла впоследствии в основу «умной силы», которая сочетает в себе технологии как «мягкой силы», так и «жесткой силы» и представляет собой эффективную стратегию, применяемую при различных обстоятельствах [Nye 2011, XV].

В 2017 г. в общественно-политическом дискурсе появился новый термин — «острая сила». Его авторами стали сотрудники американского «Национального фонда в поддержку демократии» Кристофер Уокер и Джессика Людвиг. В статье «Значение “острой силы”. Как авторитарные государства формируют свое влияние»², вышедшей в ноябре 2017 г. в журнале Foreign Affairs, они выдвинули предположение, что «мягкая сила» присуща исключительно либеральным демократиям; говорить же о ее наличии у государств, которые Западом таковыми не воспринимаются, не только неправомерно, но и опасно. При этом под ударом такой «острой силы» находятся те демократии, в которых, по мнению экспертов, нелиберальные режимы стремятся продвинуть свою систему ценностных ориентиров, мимикрируя под практики «мягкой силы».

Объектом вышеуказанного исследования американских ученых стали внешнеполитические инициативы социокультурного и гуманитарного характера Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Спустя месяц под эгидой

² Walker Ch., Ludwig J. The Meaning of Sharp Power. How Authoritarian States Project Influence // Foreign Affairs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power> (дата обращения: 20.02.2023).

«Национального фонда в поддержку демократии» и «Международного форума демократических исследований» была опубликована еще одна работа³, в которой уже с практической точки зрения изучался характер влияния России и Китая на демократические системы в ряде государств Восточной Европы и Латинской Америки. Во введении к докладу К. Уокер и Дж. Людвиг выдвинули тезис, что Москва и Пекин применяют одинаковые инструменты распространения их международного влияния, отличительной особенностью которых является то, что некоторые из используемых методов не являются откровенно принудительными, но их реализация на практике также не соответствует критериям «мягкой силы»⁴.

В целом внешнеполитические инициативы нелиберальных государств, которые исследователи называют авторитарными, осуществляются в глобальном масштабе и затрагивают многочисленные сферы общественной жизни в демократических странах на всех континентах. Несмотря на то, что эти инициативы имеют схожие с «мягкой силой» источники и инструменты, технологии их реализации, к которым прибегают «агенты авторитарных режимов», не соответствуют заявленным государственными информационными агентствами целям «расширения дискуссии» или «продвижения альтернативных идей». В отличие от случаев применения «мягкой силы», когда субъект стремится создать привлекательный образ транслируемых им идей и ценностей, деятельность российских и китайских акторов направлена на отвлечение внимания отчасти ложной повесткой и осуществление различного рода манипуляций общественным сознанием в выгодном для субъекта ключе. «Могущественные и амбициозные авторитарные режимы, которые систематически подавляют политический плюрализм и свободу выражения мнений, чтобы сохранить власть у себя дома, все чаще применяют те же принципы на международном уровне», — утверждают авторы⁵.

Уокер и Людвиг выделяют четыре основных вида акторов, которые уполномочены нелиберальными правительствами на подобные виды деятельности: средства массовой информации, академические круги, институты культуры, аналитические центры и политические сообщества. Как утверждают исследователи, разработка и применение многообразного инструментария, направленного на формирование положительного общественного мнения по отношению к КНР в ряде стран, стоила Китаю в последние десятилетия миллиарды долларов. Сюда относятся в первую очередь двусторонние и многосторонние обмены, масштабные культурные мероприятия и образовательные программы, развитие медиа-предприятий с глобальным охватом. Авторы отдельно останавливаются на деятельности Институтов Конфуция, которые по формальным критериям стараются «быть похожими на Институт Гете и «Альянс Франсез». При этом представительства Института Конфуция координируются Ханьбань, его правительственной штаб-квартирой»⁶. По мнению американских ученых, Институты Конфуция, являясь частью государственного аппарата, ведут непрозрачную работу в кампусах западных университетов и ставят под угрозу академическую свободу высших учебных заведений, на территории которых они расположены, прибегая к финансовому давлению, требованиям к самоцензуре, преднамеренному избеганию чувствительных для китайских властей тем или их одностороннему освещению (в первую очередь вопросов, связанных с Тайванем, Тибетом и Синьцзяном).

³ «Sharp Power: Rising Authoritarian Influence»: New Forum Report // National Endowment for Democracy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ned.org/sharp-power-rising-authoritarian-influence-forum-report/> (дата обращения: 20.02.2023).

⁴ Walker Ch., Ludwig J. From “Soft Power” to “Sharp Power”: Rising Authoritarian Influence in the Democratic World. P. 8–25 // National Endowment for Democracy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ned.org/sharp-power-rising-authoritarian-influence-forum-report/> (дата обращения: 20.02.2023).

⁵ Walker Ch., Ludwig J. The Meaning of Sharp Power. How Authoritarian States Project Influence // Foreign Affairs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power> (дата обращения: 20.02.2023).

⁶ Там же.

Наращивание Россией внешнеполитической активности по масштабированию влияния на иностранную аудиторию происходило приблизительно в одно время с расширением деятельности КНР в этом направлении. Помимо создания глобальной телерадиовещательной сети Russia Today в середине 2000-х гг., исследователи отмечают расширение охвата аудитории в цифровом пространстве, усиление поддержки государственных институтов, уполномоченных взаимодействовать с зарубежной общественностью, равно как формирование и реализацию многочисленных программ и мероприятий, которые представляли Россию, ее ценностные основы и политический режим, выступающий носителем этих ценностей, в благоприятном для страны ключе.

Таким образом, по мнению К. Уокер и Дж. Людвиг, внешнеполитическая деятельность этих двух стран является отражением их внутривнутриполитической и медийной повестки. «Пекин и Москва методично подавляли подлинное инакомыслие, запугивали или заставляли замолчать политических оппонентов, наводняли общественную информационную повестку пропагандистским контентом и умело включали в эту систему независимые голоса и институты, при этом стремясь сохранить обманчивую видимость плюрализма, открытости и современности»⁷, — пишут американские политологи. В качестве примера они приводят Китай, где якобы сформирована сложная система онлайн-манипуляций, включающая обширную многоуровневую систему цензуры и мониторинг интернет-контента в правительственных ведомствах и многочисленных частных компаниях. Данная система, убеждены американские политологи, предназначена для подавления и нейтрализации политических выступлений и коллективных действий против политики официального Пекина.

На основе утверждения, что так называемые авторитарные государства используют во внешнеполитическом взаимодействии такие же манипуляционные технологии влияния на иностранную аудиторию, как и на общественность внутри страны, Уокер и Людвиг дают определение «острой силе», называя ее «формами влияния авторитарных государств, которые проникают в политическую и информационную среду целевых стран, пронзают ее или оставляют в ней брешу... “Острая сила” позволяет авторитарным режимам врезаться в ткань общества, разжигая и усиливая существующие разногласия»⁸. Таким образом, «острая сила» отличается от «мягкой силы» в первую очередь тем, что она основана на принуждении к восприятию определенных нарративов. Субъекты, прибегающие к внедрению элементов «острой силы», не стремятся «завоевать умы и сердца», что лежит в основе концепции «мягкой силы»; вместо этого основной целью «острой силы» выступает попытка манипулировать целевыми аудиториями, искажая поступающую информацию⁹.

Называя отличительной чертой «острой силы» ее манипуляционный характер, авторы концепции подчеркивают, что «острая сила» не является разновидностью и «жесткой силы», поскольку применение инструментов последней имеет очевидные проявления. Реализация «остросиловых» технологий, напротив, должна оставаться незаметной для общественности и проявляться исключительно как результат изменения сознания реципиентов в пользу субъекта. Данный подход дает странам, прибегающим к «острой силе», «преимущество во времени, которое используется ими для распространения притягательных образов для непривлекательных ценностей авторитарных систем: монополии на власть, контроля “сверху вниз”, цензуры и

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Walker Ch., Ludwig J. From “Soft Power” to “Sharp Power”: Rising Authoritarian Influence in the Democratic World. P. 8–25 // National Endowment for Democracy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ned.org/sharp-power-rising-authoritarian-influence-forum-report/> (дата обращения: 20.02.2023).

принудительной или полученной за деньги преданности»¹⁰. В связи с этим объекты воздействия являются скорее жертвами, чем имеющими право на свободный выбор представителями иностранных аудиторий, заявляют К. Уокер и Дж. Людвиг, подчеркивая, что речь идет не столько о содержательном наполнении взаимодействия с адресатами, сколько о политическом характере тех режимов, которые генерируют и продвигают манипуляционные техники. «Хотя Россия и Китай ведут некоторую деятельность, которая может подпадать под категорию стандартных элементов публичной дипломатии [ключевого инструмента реализации стратегии «мягкой силы»], такие как продвижение традиционной музыки или проектов с танцевальными представлениями, природа политических систем этих стран неизменно и фундаментально окрашивает их взгляды», — безапелляционно утверждают сотрудники одной самых могущественных «фабрик мысли» США¹¹.

Таким образом, авторы термина «острая сила» соотносят ее применение практически со всеми форматами внешнеполитической деятельности стран, которые расцениваются коллективным Западом как авторитарные. Исследователи настаивают на том, что культурные практики также являются политически окрашенными и по этой причине представляют собой инструменты «острой силы». В связи с этим они приходят к выводу, что нелиберальные режимы не способны вызывать симпатию, а продвигаемые ими идеи, образы и ценности могут стать конкурентоспособными исключительно путем манипуляций зарубежным общественным сознанием, поскольку их источником выступают изначально «неправильные», несовместимые с либеральным дискурсом, политические и социокультурные основы этих режимов.

Этот набор утверждений развивает высказанную Дж. Наем мысль о том, что концепция «мягкой силы» соотносится в первую очередь с системой либеральных ценностей. Еще в 2002 г. он предположил, что роль «мягкой силы» выросла за счет того, что оценка генерируемых информационных потоков со стороны аудитории осуществляется на основании чувства доверия к источнику информации, а любая «мягкая сила» основана на легитимности. Таким образом, страны, чья «мягкая сила» внушает большее доверие, приобретают больший авторитет, а соответственно, и власть, поскольку являются привлекательными для большего количества людей. К таким государствам, по мнению американского политолога, относятся те, которые делают акцент на продвижение идеологических и культурных ценностей, наиболее совместимых с преобладающим в мире дискурсом либерализма и плюрализма. Именно у подобных стран лучшим образом налажен доступ к многочисленным коммуникационным каналам, позволяющим влиять на формирование международной повестки благодаря политике укрепления доверия и авторитета у целевых групп [Nye 2002, 69–70].

Следуя логике основателя концепции «мягкой силы», можно заключить, что ее источником может выступать исключительно набор либеральных ценностей, поскольку они, во-первых, являются наиболее привлекательными для аудиторий, во-вторых, продвигаются западными странами во главе с США, в руках которых сосредоточены инструменты формирования значительной части преобладающих в мировой политике нарративов. К таковым относятся прежде всего осуществление контроля над деятельностью ряда ключевых международных организаций и влияние на медийное и цифровое пространство. И, наоборот, нелиберальные, с точки зрения коллективного Запада, практики и консервативные ориентиры некоторых национальных правительств якобы оказывают преимущественно разрушительное воздействие на формирование

¹⁰ Там же.

¹¹ Walker Ch., Ludwig J. The Meaning of Sharp Power. How Authoritarian States Project Influence // Foreign Affairs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power> (дата обращения: 20.02.2023).

государствами «золотого миллиарда» их притягательных образов. Другими словами, продвижение незападными странами собственного набора ценностей априори является технологиями «острой силы», что, собственно, и пытались доказать в своих работах К. Уокер и Дж. Людвиг.

Технологии «острой силы» как элемент внутривнутриполитической борьбы с альтернативными нарративами в странах Запада

Если же отказаться от либерально-демократической парадигмы как единственно верного пути социально-политического развития и допустить, что доверие у целевых аудиторий может вызывать не только формируемая западными странами повестка, становится очевидным, что проблема изучения феномена «острой силы» на Западе состоит в политизации самого термина «мягкая сила».

Ресурсы «мягкой силы», такие как культура или политические ценности, безусловно, могут служить основой для формирования стратегий «острой силы». К примеру, в том случае, когда подача информации происходит в формате, предполагающем обман или ее одностороннее освещение, что ограничивает тем самым добровольное принятие реципиентом решений, убеждение превращается в принуждение, а ресурсы «мягкой силы» используются в технологиях, которые Дж. Най охарактеризовал как «выкручивание мозгов» [Nye 2007, 170]. В связи с этим утверждение, что применение технологий «острой силы» может выступать характеристикой внешнеполитической деятельности исключительно нелиберальных стран, является, на наш взгляд, необоснованным. По сути, использование «острой силы» стало универсальным явлением, которое служит для описания деструктивных практик государств с применением ресурсов «мягкой силы». Отметим, что одним из наиболее ярких примеров здесь выступают «цветные революции» — государственные перевороты, осуществленные в начале XXI в. в ряде стран Евразии и Африки с использованием импортированных из-за рубежа технологий «мягкой силы» и методик ненасильственной борьбы. Стоит ли упоминать, что ключевым «импортером» указанных технологий и методик являлись именно западные страны во главе с США (по совпадению важную роль в большинстве из них сыграл работодатель Уокера и Людвиг — «Национальный фонд в поддержку демократии») [Наумов 2022].

Дж. Най утверждал, что страны, которые продвигают собственный набор ценностей, непременно должны практиковать их как во внутренней, так и во внешней политике, иначе соответствующие решения, которые основываются на узком толковании национальных интересов, могут подрывать саму суть «мягкой силы» [Nye 2004, 14]. Западные страны продвигают либеральные ценности, включая свободу слова и свободу мнения как основополагающие ресурсы «мягкой силы», однако эти ресурсы используются также в ходе реализации деструктивных технологий, когда, к примеру, аспекты исторической или правозащитной тематики, освещенные в соответствии с интересами коллективного Запада, противопоставляются государственной политике действующего нелиберального режима в странах-реципиентах, что подрывает их суверенитет.

Подобные методики активно применяются политическими элитами и для манипуляции общественным мнением в ходе внутривнутриполитической борьбы. Выборочные или односторонние ограничения демократических свобод в западных государствах представляют собой яркий пример расхождения между высокой риторикой и аморальными практическими действиями, которые подрывают легитимность инструментов их «мягкой силы», а в отдельных случаях являются прямыми доказательствами того, что «просвещенные» страны Запада сами применяют технологии «острой силы», в которых К. Уокер и Дж. Людвиг обвиняли Китай и Россию.

Показательным в плане нарушения демократических свобод и принципов правового государства, в частности свободы слова и верховенства закона, являются многочисленные электоральные манипуляции и массовые нарушения прав избирателей, осуществленные в ходе президентских выборов в США в 2020 г. Примечательно, что они были представлены либеральными мейнстримовыми средствами массовой информации не в качестве технологий «острой силы», а как некое благо во имя спасения демократии.

Эксперт авторитетного журнала Time, например, отмечая, что «за кулисами выборов в США разворачивался заговор», указывал при этом, что сомнительные с правовой точки зрения меры, направленные на организацию победы Дж. Байдена, были вполне легитимными. «Данная работа затрагивала все аспекты избирательного процесса. Они заставили штаты изменить системы голосования и законы, а также помогли привлечь сотни миллионов государственных и частных средств. Они отразили судебные иски о подавлении избирателей, набрали армии работников избирательных участков и впервые заставили миллионы людей проголосовать по почте. Они успешно оказали давление на компании социальных сетей... Все это звучит как бред конспиролога, но это действительно был тайный сговор богатых и авторитетных людей, которые изменили законы и правила голосования, отформатировали прессу и взяли под контроль весь поток информации»¹², — говорилось в статье влиятельного американского издания.

Другое авторитетное американское СМИ Bloomberg в ноябре 2020 г. откровенно признавалось, что для победы кандидата от Демократической партии «в ход пошли и самовольство в подсчете бюллетеней на избирательных участках, что во многом стал возможно благодаря тому, что в связи с коронавирусом по почте проголосовала почти половина американских избирателей по сравнению с незначительным количеством таковых на предыдущих выборах, прямой подкуп населения на местах и даже оказание психологического давления на американцев со стороны организаторов и участников движения “Жизни чернокожих важны”. В день голосования были отмечены бесчисленные нарушения, в частности угрозы физической расправы над наблюдателями от Республиканской партии, их недопуск к процессу подсчета голосов и пр. Несмотря на попытки потерпевших подать судебные иски, дальнейшего хода они не получили»¹³.

Обвинения в фальсификации выборов, как известно, вылились в так называемый штурм Капитолия 6 января 2021 г., в ходе которого его охранниками была убита безоружная сторонница республиканцев. Самого Д. Трампа обвинили в «подстрекательстве к мятежу», сотни демонстрантов впоследствии оказались под следствием, многие из них получили реальные тюремные сроки.

По горячим следам победивший кандидат от Демократической партии Дж. Байден назвал протестующих «внутренними террористами»¹⁴. Вторя «старшему брату», британский премьер Б. Джонсон осудил «позорные сцены в Конгрессе США», а его министр иностранных дел добавила, что «насильственным попыткам помешать законной и надлежащей передаче власти в Америке не может быть оправдания». В свою очередь, французский лидер Э. Макрон заверил, что мир не поддастся «насилию тех немногих, кто хочет подвергнуть сомнению демократию», а генсек НАТО Й. Столтенберг заявил, что к результатам этих демократических выборов «нужно проявить

¹² The Secret History of the Shadow Campaign That Saved the 2020 Election // Time [Электронный ресурс]. URL: <https://time.com/5936026/secret-2020-election-campaign/> (дата обращения: 20.02.2023).

¹³ Trump's Michigan Poll Watchers Make Few Clear Fraud Accusations // Bloomberg [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-11-13/trump-s-michigan-poll-watchers-make-few-clear-fraud-accusations> (дата обращения: 20.02.2023); Trump Backers to Renew Detroit Protests After Ballot Count Ends // Bloomberg [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-11-04/trump-supporters-enter-detroit-ballot-counting-center> (дата обращения: 20.02.2023).

¹⁴ Biden Says Rioters Who Stormed Capitol Were Domestic Terrorists // The Wall Street Journal [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wsj.com/articles/biden-says-mob-that-stormed-capitol-were-domestic-terrorists-11610046962> (дата обращения: 20.02.2023).

уважение»¹⁵. «То, что произошло 6 января, не было мирной демонстрацией, — провозгласил окружной судья США П. Фридман, вынося приговор одному из обвиняемых в участии митинга. — Каждый участник беспорядков в Капитолии независимо от того, сколько минут он принимал участие в них, внес свой вклад в нападение на демократию и демократические нормы США, что продолжает вызывать среди мировой общественности негативный отклик»¹⁶.

Наиболее яркие слова, совершенно недвусмысленно демонстрирующие торжество «двойных стандартов» Запада, пожалуй, прозвучали из уст президента Литвы. «Мирная передача власти является основой зрелой демократии. Верховенство закона — это не правило улицы»¹⁷, — заявил Гитанас Науседа. В связи с этим стоит отметить, что в ходе упомянутых выше «цветных революций» США и страны ЕС в решающий момент противостояния правящих режимов и оппозиции в качестве единственно легитимной власти признавали именно «улицу». В 2014 г., когда в Киеве агрессивные демонстранты устраивали погромы правительственных учреждений и закидывали сотрудников правоохранительных органов «коктейлями Молотова», Вашингтон, Брюссель и другие западные столицы требовали от законного президента Украины В. Януковича «прислушаться к требованиям народа» и отказаться от ответных насильственных действий. В этом и многих других случаях никакой речи о «подстрекательстве к мятежу» и «внутренних террористах» не шло, а нарушители законы, включая убийц сотрудников правоохранительных органов, обозначались как «мирные демонстранты».

Достойным упоминания является и другой эпизод. Уже 6 января близкая к Демократической партии газета The New York Times беспартийно утверждала, что «толпа в Вашингтоне, пытающаяся сорвать мирный транзит американской власти, создала угрозу для всех демократий мира»¹⁸. Буквально на следующий день в китайском Государственном информационном агентстве «Синьхуа» было опубликовано заявление официального представителя Министерства иностранных дел КНР Хуа Чуньин: отвечая на вопрос некоторых китайских пользователей сети, высмеивающих беспорядки как «прекрасное зрелище», термин, который когда-то использовала спикер Палаты представителей США Н. Пелоси для обозначения насильственных протестов в Гонконге в 2019 г., Х. Чуньин сказала, что «китайцы имеют право и свободу выражать свое мнение и комментировать онлайн. В то время как основные американские средства массовой информации осудили протестующих в Капитолии США как «толпу», они назвали жестоких протестующих в Гонконге «демократическими героями», заявив, что народ США поддерживает их. Резкий контраст в реакциях и выборе слов заставляет задуматься и заслуживает нашего размышления», — отметила Х. Чуньин»¹⁹.

В этой связи важно отметить позицию ключевых американских новых медиа (которые, к слову, сыграли очень важную роль в ходе «цветных революций» в Тунисе, Египте и на Украине в 2010–2014 гг. [Наумов 2018]). «Твиттер»²⁰, например, всегда подчеркивал свою приверженность свободе слова и выражению собственного мнения. «Свобода самовыражения

¹⁵ World leaders condemn 'assault on democracy' at US Capitol // Euractiv.com [Электронный ресурс]. URL: <https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/world-leaders-condemn-assault-on-democracy-at-us-capitol/> (дата обращения: 20.02.2023).

¹⁶ Court hearings, guilty pleas belie right-wing recasting of Jan. 6 defendants as persecuted patriots // Washington Post [Электронный ресурс]. URL: https://www.washingtonpost.com/local/legal-issues/j6-rally-capitol-riot-defendants/2021/09/17/b433ecb6-1657-11ec-a5e5-ceecb895922f_story.html (дата обращения: 20.02.2023).

¹⁷ Литва заявила, что верит в верховенство демократических ценностей в США // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210107/demokratiya-1592243989.html> (дата обращения: 20.02.2023).

¹⁸ A Shattering Blow to America's Troubled Democratic Image // The New York Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2021/01/07/world/europe/macron-merkel-trump-capitol-democracy.html> (дата обращения: 20.02.2023).

¹⁹ China calls for peace, stability, security after U.S. Capitol riots // Xinhuanet [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2021-01/07/c_139649496.htm (дата обращения: 20.02.2023).

²⁰ Работа сети Twitter заблокирована на территории РФ по решению Роскомнадзора.

играет важную роль в формировании более толерантного и инклюзивного общества»²¹, — так пресс-служба Государственного департамента США отреагировала на запрос от российских коллег в связи с решением ограничить их доступ к работе данной социальной платформы. Однако после январских событий в Вашингтоне «Твиттер» заблокировал аккаунт Д. Трампа и его многочисленных сторонников без возможности восстановления. Руководство соцсети объявило, что риски сохранения комментариев экс-президента на его страничке в популярном мессенджере стали слишком высокими. «Осуществление нашей политики в интересах общества — и это то, чем мы руководствовались годами в наших правоприменительных действиях, — заканчивается там, где, по нашему мнению, риск угрозы вреда выше», — заявил представитель компании²². Стоит ли говорить, что, в соответствии с этой логикой, аккаунты венесуэльского политика Х. Гуайдо, вожака протестов в Гонг-Конге Д. Вонга, самопровозглашенного лидера российской оппозиции А. Навального²³ и многих других одиозных личностей, призывавших к силовому захвату зданий, насилию над представителями правоохранительных органов и другим противоправным и незаконным действиям, должны были быть заблокированы «Твиттером» незамедлительно.

В качестве ключевого примера в данной статье совершенно неслучайно выбрана ситуация вокруг штурма Капитолия. Эти события разворачивались в столице безусловного лидера современного либерального мира — США, то есть в самом центре Западного мира. Что же говорить про политику коллективного Запада в отношении других стран, особенно их геополитических противников, которая давно уже основывается на пресловутых «двойных стандартах» и «фейковых новостях»?

Заключение

Представленный в 2017 г. сотрудниками американского «Национального фонда в поддержку демократии» К. Уокером и Дж. Людвиг концепт «острой силы» был разработан для описания внешнеполитических технологий влияния на зарубежные аудитории со стороны так называемых нелиберальных и авторитарных режимов. Они исходят из того, что эти государства используют во внешнеполитическом взаимодействии такие же манипуляционные методы воздействия на иностранную аудиторию, как и на общественность внутри собственных стран. В соответствии с этим Уокер и Людвиг дают определение «острой силе», называя ее формой влияния авторитарных государств, которая позволяет агентам этих режимов «врезаться» в ткань общества, разжигая и усиливая существующие разногласия. При этом, как полагают американские политологи, переосмысления требует весь концепт «мягкой силы», так как нелиберальные страны маскируют приемы осуществления влияния на зарубежные аудитории под «мягкосиловые» технологии и в целом любой ресурс и/или инструмент авторитарных обществ является политически окрашенным. Поскольку магистральные западные исследования берут за отправную точку утверждение, что продвижение любых других ценностей, отличных от либеральных в их толковании, в принципе не может соотноситься с «настоящей» «мягкой силой», то у нелиберальных стран априори не существует «мягкой силы» ввиду отсутствия ценностной системы, необходимой для ее формирования и наполнения.

²¹ Госдеп ответил на замедление Twitter в России словами о свободе слова // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/02/2021/604a29b39a7947bd25886020> (дата обращения: 20.02.2023).

²² Twitter and Facebook Lock Trump's Accounts After Violence on Capitol Hill // The New York Times [Электронный ресурс]. URL: <https://nyti.ms/3ooSbnE> (дата обращения: 20.02.2023).

²³ Внесен в перечень физлиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму.

Тем не менее идеи «подавления подлинного инакомыслия» и «запугивания или принуждения к молчанию политических оппонентов»²⁴ органично вписываются в парадигму действий именно западных стран. Выборочные или односторонние ограничения демократических свобод в этих государствах представляют собой пример расхождения между высокоморальной риторикой и аморальными практическими действиями, которые подрывают легитимность инструментов их «мягкой силы», а в отдельных случаях являются прямыми доказательствами того, что страны «золотого миллиарда» сами применяют технологии «острой силы», в которых К. Уокер и Дж. Людвиг обвиняли Китай и Россию. С этой точки зрения очевидно, что «острую силу» уместнее определять как форму манипулирования общественным мнением с использованием ресурсов «мягкой силы» для дестабилизации социально-политической ситуации. Интерпретация же «острой силы», данная американскими авторами концепта, является политически окрашенной терминологической инновацией, изобретенной с целью дискредитации на международной арене геополитических противников США.

Список литературы:

- Волкова Е.А., Лукина Л.В., Лаптева Ю.И. Концепт «острой силы» в исследованиях внешнеполитических стратегий // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2020. № 1. С. 17–22.
- Козлов К.В. Подход «умной силы» (smart power) во внешней политике США и ее трансформация в XXI веке // Политика и общество. 2017. № 6. С. 11–31. DOI: [10.7256/2454-0684.2017.6.23253](https://doi.org/10.7256/2454-0684.2017.6.23253)
- Кузнецов Д.В. «Острая сила» в современном политическом дискурсе стран Запада и внешняя политика России и Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 3. С. 145–159. DOI: [10.31857/S013128120015384-3](https://doi.org/10.31857/S013128120015384-3)
- Леонова О. Sharp Power — новая технология влияния в глобальном мире // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 2. С. 21–28. DOI: [10.20542/0131-2227-2019-63-2-21-28](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-2-21-28)
- Махмуд А. Sharp power. Попытка западных авторов разделить мягкую силу на «свою» и «чужую» // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4–2. С. 186–202. DOI: [10.28995/2073-6339-2020-4-186-202](https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-4-186-202)
- Моисеенко Я.Ю. Феноменология «Smart Power»: кратологический аспект // Дискурс-Пи. 2017. № 3–4 (28–29). С. 150–154. DOI: [10.17506/dipi.2017.2829.34.150154](https://doi.org/10.17506/dipi.2017.2829.34.150154)
- Наумов А.О. Традиционные и новые медиа как акторы «цветных революций» // Дискурс-Пи. 2018. № 3–4 (32–33). С. 79–87. DOI: [10.17506/dipi.2018.32.3.7987](https://doi.org/10.17506/dipi.2018.32.3.7987)
- Наумов А.О. «Цветные революции». М.: Издательство «Кучково поле», 2022.
- Наумов А.О., Белоусова М.В. «Острая сила»: критический анализ в современном научном дискурсе // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 4. С. 48–65. DOI: [10.17506/18179568_2022_19_4_48](https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_48)
- Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. М.: Дашков и Ко., 2018.
- Паршин П.Б. «Мягкая сила» в лабиринте дискуссий. М.: МГИМО, 2020.
- Смородина Ю.В. «Умная сила» во внешней политике США: гуманитарный и политический аспекты // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 4. С. 278–283.
- Nye J. The Information Revolution and American Soft Power // Asia-Pacific Review. 2002. Vol. 9. Is. 1. P. 60–76. DOI: [10.1080/13439000220141596](https://doi.org/10.1080/13439000220141596)

²⁴ Walker Ch., Ludwig J. The Meaning of Sharp Power. How Authoritarian States Project Influence // Foreign Affairs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power> (дата обращения: 20.02.2023).

Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004.

Nye J. Notes for a Soft Power Research Agenda // *Power in World Politics* / ed. by F. Berenskoetter, M.J. Williams. London: Routledge, 2007. P. 162–172.

Nye J. *The Future of Power*. New York: Public Affairs, 2011.

Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015.

Soft power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ / сост. и ред. Е.Г. Борисова. М.: Флинта, 2020.

References:

Borisova E.G. (ed.) (2020) *Soft power, myagkaya sila, myagkaya vlast'. Mezhdistsiplinarnyy analiz* [Soft power. Interdisciplinary analysis]. Moscow: Flinta.

Kozlov K.V. (2017) The Smart Power concept and the Evolution of the U.S. Foreign Policy. *Politika i obshchestvo*. No. 6. P. 11–31. DOI: [10.7256/2454-0684.2017.6.23253](https://doi.org/10.7256/2454-0684.2017.6.23253)

Kuznetsov D.V. (2021) “Sharp Power” in the Modern Political Discourse of Western Countries and the Foreign Policy of Russia and China. *Problemy Dal'nego Vostoka*. No. 3. P. 145–159. DOI: [10.31857/S013128120015384-3](https://doi.org/10.31857/S013128120015384-3)

Leonova O. (2019) Sharp Power — the New Technology of Influence in a Global World. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 63. No. 2. P. 21–28. DOI: [10.20542/0131-2227-2019-63-2-21-28](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-2-21-28)

Mahmud A. (2020) Sharp Power. The Effort of Western Authors to Divide Soft Power on “Our” and “Theirs”. *Vestnik RGGU. Seriya “Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya”*. No. 4. P. 186–202. DOI: [10.28995/2073-6339-2020-4-186-202](https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-4-186-202)

Moiseenko Ya.Yu. (2017) Phenomenology of Smart Power: Cratological Aspect. *Diskurs-Pi*. No. 3–4 (28–29). P. 150–154. DOI: [10.17506/dipi.2017.2829.34.150154](https://doi.org/10.17506/dipi.2017.2829.34.150154)

Naumov A.O. (2018) Traditional and New Media as Actors of Color Revolutions. *Diskurs-Pi*. No. 32–33. P. 79–87. DOI: [10.17506/dipi.2018.32.3.7987](https://doi.org/10.17506/dipi.2018.32.3.7987)

Naumov A.O. (2022) “*Tsvetnyye revolyutsii*” [Color revolutions]. Moscow: Izdatel'stvo “Kuchkovo pole”.

Naumov A.O., Belousova M.V. (2022) Sharp Power: Critical Analysis in Modern Scientific Discourse. *Diskurs-Pi*. Vol. 19. No. 4. P. 48–65. DOI: [10.17506/18179568_2022_19_4_48](https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_48)

Neymark M.A. (2018) “*Myagkaya sila*” v mirovoy politike [Soft power in world politics]. Moscow: Dashkov i Ko.

Nye J. (2002) The Information Revolution and American Soft Power. *Asia-Pacific Review*. Vol. 9. Is. 1. P. 60–76. DOI: [10.1080/13439000220141596](https://doi.org/10.1080/13439000220141596)

Nye J. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.

Nye J. (2007) Notes for a Soft Power Research Agenda. In: Berenskoetter F., Williams M.J. (eds.) *Power in World Politics*. London: Routledge. P. 162–172.

Nye J. (2011) *The Future of Power*. New York: Public Affairs.

Parshin P.B. (2020) “*Myagkaya sila*” v labirinte diskussiy [Soft power in the labyrinth of discussions]. Moscow: MGIMO.

Rusakova O.F. (ed.) (2015) *Soft power: teoriya, resursy, diskurs* [Soft power: Theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Izdatel'skiy Dom “Diskurs-Pi”.

Smorodina Yu.V. (2018) "Smart Power" in Foreign Policy of the USA: Humanitarian and Political Aspects. *Social'no-gumanitarnye znaniya*. No. 4. P. 278–283.

Volkova E.A., Lukina L.V., Lapteva Yu.V. (2022) The Concept of Sharp Power in Studies of Foreign Policy Strategies. *Vestnik VGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya*. No. 1. P. 17–22.

Дата поступления/Received: 24.02.2023

Организационная амбидекстерия: концептуальные основы и современные подходы

Сидорова Александра Александровна

Кандидат экономических наук, доцент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: Sidorova_A@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [5015-4707](https://elibrary.ru/5015-4707)

ORCID ID: [0000-0003-1166-4980](https://orcid.org/0000-0003-1166-4980)

Аннотация

Статья посвящена анализу трансформации научно-исследовательских практик и подходов к пониманию организационной амбидекстерии, сутью которой является поиск равновесия между осуществлением исследовательской деятельности (разработка базисных инноваций) и эксплуатацией (разработка приростных инноваций). В статье прослеживается изменение подхода к пониманию организационной амбидекстерии: от признания непримиримости конфликта между исследованием и эксплуатацией и, как следствие, необходимости разведения данных видов деятельности во времени и пространстве до современного стратегического восприятия приростных и базисных инноваций с позиций взаимного дополнения и усиления. Автором был проведен подробный анализ последовательной, структурной, контекстуальной и межорганизационной амбидекстерии, выделены их сильные стороны и ограничения. Последовательная амбидекстерия предполагает чередование во времени периодов исследований и периодов эксплуатации. Структурная амбидекстерия заключается в структурном обособлении исследования и эксплуатации путем создания автономных подразделений. Контекстуальная амбидекстерия предполагает разрешение противоречий между исследованием и эксплуатацией на индивидуальном уровне, причем важную роль здесь играет создание оптимальной организационной среды — социального контекста и контекста управления эффективностью. Межорганизационная амбидекстерия предполагает объединение усилий разных организаций для осуществления исследовательской и эксплуатационной деятельности (слияния и поглощения, создание альянсов). В статье также раскрываются неэффективные практики и модели поведения, приводящие к снижению производительности компании при осуществлении организационной амбидекстерии. Формулируется вывод о необходимости дальнейшего изучения методов и механизмов практической реализации организационной амбидекстерии, в частности перехода между исследованиями и эксплуатацией в рамках последовательной амбидекстерии, механизмов поиска оптимального соотношения приростных и базисных инноваций в зависимости от условий внешней среды, а также создания конкретных инструментов для оценки эффективности и перспектив того или иного типа амбидекстерии для компании с учетом его влияния на ключевых стейкхолдеров организации.

Ключевые слова

Организационная амбидекстерия, стратегический менеджмент, исследования и эксплуатация, инновации, структурная амбидекстерия, последовательная амбидекстерия, контекстуальная амбидекстерия, межорганизационная амбидекстерия.

Organizational Ambidexterity: Conceptual Foundations and Modern Approaches

Aleksandra A. Sidorova

PhD, Associate Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: Sidorova_A@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0003-1166-4980](https://orcid.org/0000-0003-1166-4980)

Abstract

The article analyses transformation of research practices and approaches to understanding organizational ambidexterity, the essence of which is the search for a balance between the exploration (development of radical innovations) and exploitation (development of incremental innovations). The article traces a change in the approach to understanding organizational ambidexterity: from recognizing the irreconcilability of the conflict between exploration and exploitation and, as a result, the need to breed these types of activities in time and space, to the modern strategic perception of incremental and radical innovations from the standpoint of mutual complementation and reinforcement. The author conducted a detailed analysis of sequential, structural, contextual and interorganizational ambidexterity, highlighted their strengths and limitations. Sequential ambidexterity involves the alternation in time of exploration periods and exploitation periods. Structural ambidexterity consists of structural isolation of exploration and exploitation by creating autonomous units. Contextual ambidexterity involves resolving contradictions between exploration and exploitation at the individual level, and the creation of an optimal organizational environment plays an important role here — the social context and the performance management context. Interorganizational ambidexterity involves combining the efforts of different organizations to carry out exploration and exploitation (mergers and acquisitions, alliances). The article also reveals inefficient practices that lead to a decrease in company performance in the implementation of organizational ambidexterity. As a result, the conclusion is made that there is the need for further study of the methods and mechanisms for the practical implementation of organizational ambidexterity, in particular the transition between exploration and exploitation within the framework of sequential ambidexterity, mechanisms for finding the optimal ratio of incremental and radical innovations depending on environmental conditions, as well as the creation of specific tools for evaluating the effectiveness and the prospects of this or that type of ambidexterity for the company, taking into account its impact on the key stakeholders of the organization.

Keywords

Organizational ambidexterity, strategic management, exploration and exploitation, innovation, structural ambidexterity, sequential ambidexterity, contextual ambidexterity, interorganizational ambidexterity.

Введение

Отличительной особенностью нашего времени является быстрое сжатие циклов обновления технологий: инновационные циклы «уже сейчас короче, чем жизнь одного поколения»¹, и скорость создания и внедрения прорывных инноваций увеличивается. Это требует от организаций постоянного внимания к инновациям в своей отрасли, так как от этого напрямую зависит конкурентоспособность и выживание в долгосрочной (а зачастую и среднесрочной) перспективе. Такое положение вещей побуждает компании, обладающие достаточными ресурсами и амбициями, к параллельному осуществлению как приростных (улучшающих) инноваций, целью которых является усовершенствование существующих продуктов и услуг компании, так и базисных (радикальных), направленных на создание принципиально новых продуктов, услуг и технологий и вывод компании на новые рынки.

Однако на практике редкой организации удастся эффективно реализовывать и приростные, и базисные инновации ввиду принципиальных различий в их сущности, подходах и технологиях. Проблема нахождения оптимального баланса между улучшающими и радикальными нововведениями является ядром концепции организационной амбидекстрии, которая считается одним из перспективных направлений развития современного стратегического менеджмента [Strategic Management 2021, 10]. Вместе с тем в отечественной литературе организационной амбидекстрии посвящено очень малое число публикаций². С учетом высокой оценки данной концепции в зарубежной литературе представляется полезным проведение всестороннего анализа теоретических основ и актуальных векторов развития данной концепции.

Цель настоящего исследования — провести анализ трансформации научно-исследовательских практик и подходов к пониманию организационной амбидекстрии и проследить траектории научной преемственности в изучении данной проблематики.

Обзор литературы

Организационная амбидекстрия получила свое концептуальное оформление в статье Дж. Марча, опубликованной в 1991 году, в которой, рассматривая организацию как адаптивную систему, автор выделил дихотомию «исследования — эксплуатация» и определил природу и специфику данных видов деятельности, реализуемых в рамках одной организации [March 1991]. С этого момента изучение функционирования и развития организации через призму инноваций в исследовательской и эксплуатационной деятельности стали неотъемлемыми составляющими целого ряда научных направлений в менеджменте, маркетинге, стратегическом, финансовом и инновационном менеджменте. В частности, концепция организационной амбидекстрии разрабатывается в рамках теории организационного обучения [Greve 2020; Choi, McNamara 2018], концепции динамических способностей [Úbeda-García et al. 2020; O'Reilly, Tushman 2013], стратегий слияний и поглощений и создания альянсов [Stettner, Lavie 2014], а также эволюционной экономики и открытых инноваций [Wilden et al. 2018].

Помимо этого, в качестве отдельного исследовательского направления можно выделить уточнение понятийного аппарата и углубление анализа управленческого и финансового инструментария концепции организационной амбидекстрии. В частности, Т. Свифт рассматривает соотношение расходов на инновационную составляющую эксплуатационной деятельности и на собственно прорывные НИОКР в рамках исследовательской деятельности, изменение этого

¹ Прорывные инновации: человек 2.0: доклад к XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 4–8 апреля 2022 г. М.: НИУ ВШЭ, 2022. С. 4.

² В частности, в научной библиотеке eLibrary по запросу «организационная амбидекстрия» найдено всего 11 работ.

соотношения и его влияние на производительность фирмы [Swift 2016]. Е. Мавруди и соавторы также изучают проблему затрат на исследование и эксплуатацию в контексте повышения производительности, однако акцент делается не на объеме инвестиций, а на скорости, с которой компания переключается с одного вида деятельности на другой. По мнению ученых, быстрый переход от одного вида деятельности к другому снижает производительность, так как увеличиваются потери от сокращения времени, необходимого для обучения сотрудников. Вместе с тем многое зависит и от характера отрасли: исследование показало, что быстрое переключение с эксплуатации на исследование позволяет фирме получить дополнительные конкурентные преимущества в динамично развивающихся высокотехнологичных отраслях [Mavrouti et al. 2020].

Следует отметить, что в большей части публикаций, посвященных вопросам организационной амбидекстрии, данная проблема раскрывается на примере деятельности коммерческих компаний. Однако ряд исследователей рассматривают возможности применения организационной амбидекстрии и в сфере государственного управления. Так, К. Новацки и Э. Манк предложили дополнительно наделять некоторые органы государственной власти полномочиями по проведению исследовательской деятельности и созданию инноваций, нацеленных на повышение эффективности государственного управления (на примере Австралии) [Nowacki, Monk 2020]. Однако следует отметить, что подобные исследовательские полномочия должны быть приняты другими органами государственной власти и управления, а результаты инновационной деятельности интегрированы в систему государственного управления на законодательном, организационном и морально-этическом уровнях, что представляется труднодостижимым, особенно в долгосрочной перспективе.

В работах российских исследователей организационная амбидекстрия рассматривается в качестве основы организационной гибкости [Плотников 2021, 4859] и гибридного подхода в управлении проектами [Буренина, Митрофанова 2020; Титов, Титова 2022]. Подчеркивается также высокое значение организационной амбидекстрии для компаний, действующих в высоко турбулентной среде [Чаплина, Максименко 2021]. Помимо этого, методология организационной амбидекстрии косвенно затрагивается в работах, посвященных деятельности инновационно-промышленных кластеров [Чаплыгин и др. 2021] и «умных компаний» на региональном уровне [Чурсин и др. 2021].

На основе проведенного анализа литературы, посвященной проблемам организационной амбидекстрии, можно сделать вывод, что данная концепция раскрывается за редким исключением на примере высокотехнологичных компаний, промышленных предприятий и сферы услуг. Вместе с тем возможности применения организационной амбидекстрии в социальной сфере (образование, наука, здравоохранение) представляются перспективными, что требует дополнительного изучения теоретических и методологических основ данной концепции.

Природа организационной амбидекстрии

Краеугольным камнем организационной амбидекстрии является поиск равновесия между двумя видами деятельности, свойственными современным организациям, — исследованием и эксплуатацией. Под исследовательской деятельностью здесь понимается разработка базисных (прорывных) инноваций, в корне изменяющих основную деятельность компании. Для исследовательской деятельности характерны поиск, гибкость, риск, экспериментирование, открытия и инновации. Ее результаты зачастую неопределенны (или даже отрицательны), имеют длительные горизонты отдачи и не всегда привязаны

к конкретной организации. Эксплуатация в концепции организационной амбидекстрии сводится к разработке улучшающих (приростных) инноваций для постоянного совершенствования производимых компанией продуктов и услуг, а также расширения существующих компетенций и технологий [March 1991, 71, 73, 85]. Организационными характеристиками эксплуатации являются низкий уровень риска, приоритет краткосрочных целей, рутинизация и бюрократизация [Чаплина, Максименко 2021, 65–66].

Исследование и эксплуатация, таким образом, представляют собой принципиально разные виды деятельности, конкурирующие за ограниченные ресурсы [March 1991, 71] и реализуемые в рамках различных организационных процессов. Процессы, связанные с эксплуатацией, базируются на существующих знаниях фирмы, тем самым способствуя увеличению согласованности, стабильности и контроля. Напротив, процессы исследовательской деятельности заключаются в поиске новых знаний, что требует увеличения гибкости и принятия более высоких рисков [Stettner, Lavie 2014, 1906]. При этом следует отметить, что поиск новых альтернатив (исследования) снижает скорость, с которой совершенствуется текущая деятельность компании (эксплуатация), и наоборот — развитие основных продуктов и услуг снижает привлекательность прорывных инноваций для фирмы. Поиск равновесия между исследованием и эксплуатацией осложняется тем, что напряженность между этими видами деятельности возникает одновременно на трех уровнях: индивидуальном, организационном (структурном и процессном) и на уровне социальной системы (контекстном) [March 1991, 72].

Практическая реализация организационной амбидекстрии осложняется также распространенными практиками и моделями поведения, приводящими к снижению эффективности деятельности компании в долгосрочной перспективе. К ним можно отнести эффект колеи (path dependence), ловушку успеха и ловушку неудачи. Эффект колеи в контексте организационной амбидекстрии проявляется во влиянии положительной обратной связи от приростных инноваций, провоцирующей избыточный фокус на эксплуатации в ущерб исследовательской деятельности, что в перспективе негативно сказывается на адаптивных возможностях компании и ее конкурентоспособности в будущем [Ibid., 73]. Ловушка успеха также связана с чрезмерной фокусировкой на эксплуатационной деятельности: компания занимается постоянным совершенствованием своих продуктов и услуг, не уделяя должного внимания инновационной деятельности и изменениям в отрасли [Úbeda-García et al. 2020, 365]. Следует отметить, что «эксплуатация явно преобладает над исследованиями на практике, поскольку компании с большей вероятностью выберут гарантированную доходность и низкие риски» [Чаплина, Максименко 2021, 65]. Ловушка неудачи, напротив, связана с чрезмерной исследовательской деятельностью, когда новые идеи не развиваются в достаточной степени и не приносят дохода компании [Úbeda-García et al. 2020, 365].

Однако, несмотря на принципиальные отличия в реализации эксплуатационной и исследовательской деятельности, а также угрозу попасть в рассмотренные выше «ловушки», многие исследователи сходятся во мнении, что нахождение оптимального баланса между исследованием и эксплуатацией возможно как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

Организационная амбидекстрия: основные подходы

В настоящее время принято выделять четыре основных подхода к реализации организационной амбидекстрии: последовательный, структурный, контекстуальный и межорганизационный.

Последовательная амбидекстрия предполагает чередование во времени периодов исследований и периодов эксплуатации. Принято считать, что последовательная амбидекстрия более эффективна в стабильной внешней среде и для небольших фирм, которым не хватает ресурсов для одновременного осуществления исследований и эксплуатации [O'Reilly, Tushman 2013, 328]. Однако ряд исследователей указывают на высокие затраты на переход от одного вида деятельности к другому [Чаплина, Максименко 2021, 66], что ставит под сомнение тезис о финансовой обоснованности выбора данного типа амбидекстрии. Необходимо отметить, что в литературе недостаточно внимания уделяется проблеме перехода от исследовательской деятельности к эксплуатации. В большинстве работ исследователи ограничиваются лишь констатацией самого факта переключения с одного режима на другой³.

Главная идея *структурной амбидекстрии* заключается в структурном обособлении исследования и эксплуатации путем создания автономных подразделений, причем для каждого вида деятельности разрабатывается свой набор компетенций и система стимулирования [O'Reilly, Tushman 2013, 328]. Такой подход позволяет снизить напряженность между ними и повысить производительность ввиду увеличения концентрации и специализации сотрудников данных подразделений.

Принципиальное значение для успеха структурной амбидекстрии имеют активные и последовательные действия руководства компании, направленные на объединение усилий исследовательских и эксплуатационных отделов для достижения общей стратегической цели на базе общих корпоративных ценностей. Важной задачей является также создание и поддержание механизмов обмена знаниями и совместного использования организационных ресурсов [Úbeda-García et al. 2020, 364]. В этом и заключается главная уязвимость данного подхода: руководство компании является основным (часто единственным) связующим звеном между подразделениями исследований и эксплуатации, и в случае, если топ-менеджменту не удастся наладить процессы обмена знаниями, создать формальные и неформальные механизмы интеграции, деятельность данных подразделений может потерять изначальную фокусировку, начать развиваться в разных направлениях и перестать приносить прибыль. Необходимо отметить, что диссонанс между стилем руководства и типом проекта является более разрушительным в исследовательской деятельности, чем в эксплуатационной. Успех структурной амбидекстрии, таким образом, в большой степени зависит от эффективного лидерства, призванного снимать напряжение, возникающее в связи с реализацией множественных задач, а также задавать общий вектор развития организации.

Однако проблема руководства и лидерства в условиях организационной амбидекстрии, по мнению исследователей, является недостаточно изученной: остается открытым вопрос, касающийся конкретных моделей лидерства в исследованиях и эксплуатации и в ситуации переключения между данными видами деятельности. Ведь зачастую проблема организации заключается не в недостаточности ресурсов, а в неспособности менеджмента изменить процессы для эффективного их использования [O'Reilly, Tushman 2013, 332].

В отличие от структурной амбидекстрии, предполагающей разрешение противоречий между исследованием и эксплуатацией на организационном уровне, *контекстуальная амбидекстрия* предполагает решение данной проблемы на уровне индивидуальном. Сотрудник компании может самостоятельно определять и варьировать соотношение

³ Например, Ч. О'Рейли и М. Ташман приводят в качестве успешного опыта применения контекстуального, структурного и последовательного подходов к амбидекстрии историю развития компании Hewlett-Packard, констатируя факт перехода с одного режима на другой, однако не уделяя внимание тому, как именно данный переход был осуществлен [O'Reilly, Tushman 2013, 330].

исследования и эксплуатации в своей деятельности [Ibid., 327]. Для этого принципиально важное значение имеет организационный контекст, который будет побуждать людей принимать собственные решения относительно оптимального распределения рабочего времени.

Исследователи выделяют две группы факторов, влияющих на создание оптимальной для амбидекстрии организационной среды, — социальный контекст и контекст управления эффективностью. Социальный контекст (social context) объединяет в себе комплекс мер по поддержке инициатив сотрудников и созданию доверительной атмосферы, чтобы помочь сотрудникам совмещать исследовательскую и эксплуатационную деятельность с минимальным напряжением. К ним относятся поддержка низовых инициатив, постоянная обратная связь и внимание менеджмента к возникающим у сотрудников трудностям. Создание контекста управления эффективностью (performance management context) направлено на усиление инновационной составляющей и увеличение отдачи от исследований и эксплуатации посредством побуждения сотрудников к оптимизации и повышению эффективности своей деятельности. Это достигается за счет поиска и распространения лучших практик, обновления стандартов деятельности и создания дополнительных стимулов по укреплению производственной дисциплины [Úbeda-García et al. 2020, 364]. Большую роль здесь играет создание особой организационной культуры, которая способствовала бы укреплению общей идентичности [O'Reilly, Tushman 2013, 333].

В практической деятельности можно наблюдать объединение данных подходов. Более того, ряд исследователей сходятся во мнении, что компании создают более удачные решения, когда сочетают структурную дифференциацию с организационным контекстом. Это объясняется тем, что структурная амбидекстрия исходит из наличия принципиальных различий в исследовательской и эксплуатационной деятельности, которые требуют разведения по разным структурным единицам. Контекстуальная амбидекстрия, напротив, направлена на их интеграцию и выступает в качестве посредника между исследованиями и эксплуатацией [Úbeda-García et al. 2020, 365; O'Reilly, Tushman 2013, 330]. Вместе с тем параллельная реализация исследований и эксплуатации в рамках одной организации таит в себе дополнительные трудности. Они связаны с появлением негативных эффектов обучения, возникающих при использовании методов и приемов, характерных для эксплуатации, в исследовательской деятельности, и наоборот [Stettner, Lavie 2014, 1906]. Одним из способов снижения внутренней напряженности между исследованиями и эксплуатацией и решения возникающих противоречий является вывод исследовательских (реже эксплуатационных)⁴ подразделений за рамки организации посредством создания альянсов. Такой подход получил название межорганизационной амбидекстрии.

Межорганизационная амбидекстрия (interorganizational ambidexterity) предполагает объединение усилий разных организаций для осуществления исследовательской и эксплуатационной деятельности. Совместная эксплуатация реализуется в рамках сотрудничества компаний для решения задач, направленных на использование и расширение уже существующих знаний. Совместная исследовательская деятельность, напротив, имеет своей главной целью создание нового знания для обеих организаций [Úbeda-García et al. 2020, 365]. Компания, таким образом, привносит новые знания в свою деятельность через исследовательские альянсы,

⁴ Осуществление межорганизационной эксплуатационной деятельности посредством создания альянсов и партнерств не позволяет фирме полагаться исключительно на внутренние знания, что требует корректировки внутренних процессов и разработки специальных процедур взаимного обмена и объединения знаний организаций-партнеров, что, в свою очередь, ограничивает преимущества опоры исключительно на свои внутренние знания, заключающиеся в стабильности и надежности. Следовательно, по сравнению с осуществлением внутренней эксплуатации, партнерства в эксплуатации уменьшают ее ценность для компании [Stettner, Lavie 2014, 1910–1911].

используя при этом внутренние знания для совершенствования существующих продуктов и услуг. Преимуществом межорганизационной амбидекстрии является разведение ресурсов (финансовых, человеческих, материальных), предназначенных для внутренней эксплуатационной деятельности и внешних исследований посредством создания альянсов. Разделение исследования и эксплуатации уменьшает взаимозависимость данных видов деятельности и позволяет обойти необходимость поддержки конфликтующих организационных процедур в рамках каждого из них [Stettner, Lavie 2014, 1907–1909]. Это способствует повышению производительности компании, позволяя сохранять преимущества специализации и избегать негативного переноса конфликтующих организационных процедур.

Традиционная форма баланса между исследовательской и эксплуатационной деятельностью в рамках одной организации может быть невыгодна для компании. Исследования доказывают, что производительность фирмы падает, когда она выводит на рынок продукты, основанные на новых знаниях, и одновременно совершенствует свои ранее разработанные продукты, основанные на устоявшихся знаниях. Такое снижение производительности может быть вызвано отсутствием возможности для компании приобрести требуемый опыт и, как следствие, необходимостью полагаться на непоследовательные процедуры, которые вызывают дополнительное напряжение и ухудшают координацию, тем самым подрывая маркетинг и разработку продукта [Ibid., 1923]. Реализация исследовательской деятельности посредством создания альянсов и поглощений, напротив, позволяют получить быстрый доступ к новым знаниям и навыкам, не создавая дополнительного организационного напряжения. Альянсы и поглощения позволяют фирме получить непосредственный контроль над знаниями, которые полностью отличаются от ее внутренних знаний, не требуя родства, сходства или комбинаторности. Таким образом, повышению производительности фирмы будет способствовать осуществление внешней исследовательской деятельности (через создание альянсов) и внутренней эксплуатации (отдача от которой напрямую зависит от способности фирмы использовать свои внутренние знания и располагаемые компетенции в знакомых областях) [Ibid., 1904, 1910–1911].

Каждый подход требует специфических управленческих действий со стороны менеджмента организации. Структурная амбидекстрия вызывает необходимость построения особой системы обмена знаниями и интеграции выходных данных между подразделениями исследований и эксплуатации. Разведение исследований и эксплуатации во времени в рамках последовательной амбидекстрии остро ставит проблему управления переходами между данными видами деятельности. Межорганизационная амбидекстрия требует определения индивидуального режима работы (стиля руководства, системы поощрений и проч.) в бизнес-единицах, занимающихся исследованиями и эксплуатацией, для преодоления инерционного давления. И, несмотря на то, что на настоящий момент межорганизационная амбидекстрия рассматривается как одна из наиболее перспективных форм нахождения баланса между исследованием и эксплуатацией [Ibid., 1924], следует обратить внимание, что в каждом конкретном случае необходимо проводить тщательный анализ затрат, которые понадобятся для перехода от одного типа амбидекстрии к другому. В ряде случаев издержки на переход от внутриорганизационной амбидекстрии к межорганизационной при определенных обстоятельствах могут перевесить преимущества.

Заключение

Организационная амбидекстрия не сводится к простому стремлению фирмы повысить эффективность своей деятельности и конкурентоспособность за счет нахождения оптимального баланса между исследовательской деятельностью и эксплуатацией. Она направлена на развитие собственного потенциала компании, необходимого для успеха на новых рынках, который позволит фирме обеспечить выживание в длительном периоде в изменяющихся условиях внешней среды.

Для успешного осуществления организационной амбидекстрии необходимо отойти от традиционного восприятия исследований и эксплуатации как конкурирующих и конфликтующих видов деятельности, описанных в работе Дж. Марча. Необходимо рассматривать приростные и базисные инновации с позиций взаимного дополнения и усиления. Только системный стратегический взгляд на развитие организации позволит использовать сильные стороны амбидекстрии, избегая при этом конфликтов и «ловушек».

При это важно понимать, что в краткосрочной перспективе амбидекстрия малоэффективна, поскольку требует дублирования усилий и дополнительных затрат на инновации, далеко не все из которых будут успешными [O'Reilly, Tushman 2013, 333]. В этой связи решение компании о реализации того или иного типа амбидекстрии требует глубокого стратегического анализа внутренней и внешней среды, а также знаний и навыков применения современных инструментов эффективной организации исследовательской и эксплуатационной деятельности. Это ставит вопрос о необходимости дальнейшего исследования методов и механизмов практической реализации организационной амбидекстрии. В частности, важной задачей является изучение перехода между исследованиями и эксплуатацией в рамках последовательной амбидекстрии, механизмов поиска оптимального соотношения приростных и базисных инноваций в зависимости от условий внешней среды, а также создание конкретных инструментов для оценки эффективности и перспектив того или иного типа амбидекстрии для компании. Помимо этого, большой практический интерес представляет анализ влияния различных типов амбидекстрии (и переключения между ними) на ключевых стейкхолдеров компаний, что представляется перспективным полем для будущих исследований.

Список литературы:

Буренина В.И., Митрофанова Я.С. Применение гибридного подхода в управлении проектами создания и развития смарт-университета // Технологии разработки и отладки сложных технических систем. VII Всероссийская научно-практическая конференция: сборник трудов (Москва, 01–02 апреля 2020 г.). М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2020. С. 50–55.

Плотников А.В. Концептуальная модель организационной гибкости // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 12. С. 4851–4862. DOI: [10.18334/ce.15.12.113931](https://doi.org/10.18334/ce.15.12.113931)

Титов С.А., Титова Н.В. Гибридные методологии управления проектами как проявление организационной амбидекстрии // Управленческие науки. 2022. Т. 12. № 2. С. 55–67. DOI: [10.26794/2304-022X-2022-12-2-55-67](https://doi.org/10.26794/2304-022X-2022-12-2-55-67)

Чаплина А.Н., Максименко И.А. Новая управленческая парадигма обеспечения баланса между исследованиями и эксплуатацией в целях достижения конкурентной устойчивости // Проблемы современной экономики. 2021. № 2(78). С. 64–68.

Чаплыгин В.Г., Каранина Е.В., Мороз В.Н. Влияние трансфера технологий на реализацию инновационных проектов в инновационно-промышленном кластере (на примере АО «Объединенная судостроительная корпорация») // Морские интеллектуальные технологии. 2021. № 2–1. С. 160–167. DOI: [10.37220/MIT.2021.52.2.023](https://doi.org/10.37220/MIT.2021.52.2.023)

Чурсин А.А., Юдин А.В., Грошева П.Ю., Мыслякова Ю.Г., Неклюдова Н.П. Оценка предрасположенности территорий к размещению «умных» компаний // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 3. С. 99–117. DOI: [10.15838/esc.2021.3.75.6](https://doi.org/10.15838/esc.2021.3.75.6)

Choi S., McNamara G. Repeating A Familiar Pattern in a New Way: The Effect of Exploitation and Exploration on Knowledge Leverage Behaviors in Technology Acquisitions // Strategic Management Journal. 2018. Vol. 39. Is. 2. P. 356–358. DOI: [10.1002/smj.2677](https://doi.org/10.1002/smj.2677)

Greve H.R. Learning Theory: The Pandemic Research Challenge // Journal of Management Studies. 2020. Vol. 57. Is. 8. P. 1759–1762. DOI: [10.1111/joms.12631](https://doi.org/10.1111/joms.12631)

March J.G. Exploration and Exploitation in Organizational Learning // Organization Science, 1991. Vol. 2. Is. 1. P. 71–87.

Mavroudi E., Kesidou E., Pandza K. Shifting Back and Forth: How Does the Temporal Cycling between Exploratory and Exploitative R&D Influence Firm Performance? // Journal of Business Research. 2020. Vol. 110. P. 386–396. DOI: [10.1016/j.jbusres.2020.01.056](https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.01.056)

Nowacki C., Monk A. Ambidexterity in Government: The Influence of Different Types of Legitimacy on Innovation // Research Policy. 2020. Vol. 49. Is. 1. DOI: [10.1016/j.respol.2019.103840](https://doi.org/10.1016/j.respol.2019.103840)

O'Reilly C.A, Tushman M. Organizational Ambidexterity: Past, Present, and Future // Academy of Management Perspectives. 2013. Vol. 27. Is. 4. P. 324–338.

Stettner U., Lavie D. Ambidexterity under Scrutiny: Exploration and Exploitation via Internal Organization, Alliances, and Acquisitions // Strategic Management Journal. 2014. Vol. 35. Is. 13. P. 1903–1929. DOI: [10.1002/smj.2195](https://doi.org/10.1002/smj.2195)

Strategic Management: State of the Field and Its Future / ed. by I.M. Duhaime, M.A. Hitt, M.A. Lyles. Oxford: Oxford University Press, 2021.

Swift T. The Perilous Leap Between Exploration and Exploitation // Strategic Management Journal. 2016. Vol. 37. Is. 8. P. 1688–1698. DOI: [10.1002/smj.2423](https://doi.org/10.1002/smj.2423)

Úbeda-García M., Claver-Cortés E., Marco-Lajara B., Zaragoza-Sáez P. Toward a Dynamic Construction of Organizational Ambidexterity: Exploring the Synergies between Structural Differentiation, Organizational Context, and Interorganizational Relations // Journal of Business Research. 2020. Vol. 112. P. 363–372. DOI: [10.1016/j.jbusres.2019.10.051](https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2019.10.051)

Wilden R., Hohberger J., Devinney T.M., Lavie D. Revisiting James March (1991): Whither Exploration and Exploitation? // Strategic Organization. 2018. Vol. 16. Is. 3. P. 352–369. DOI: [10.1177/14761270187650](https://doi.org/10.1177/14761270187650)

References:

Burenina V.I., Mitrofanova Ya.S. (2020) Application of a Hybrid Approach in Project Management for the Creation and Development of a Smart University. *Tekhnologii razrabotki i otladki slozhnykh tekhnicheskikh sistem. VII Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya: sbornik trudov (Moscow, 01–02 April 2020)*. Moscow: MGTU im. N.E. Baumana. P. 50–55.

Chaplina A.N., Maksimenko I.A. (2021) New Managerial Paradigm to Attain Balance between Research and Operation for the Purposes of Gaining Competitive Advantages. *Problemy sovremennoy ekonomiki*. No. 2(78). P. 64–68.

Chaplygin V.G., Karanina E.V., Moroz V.N. (2021) The Impact of Technology Transfer on the Implementation of Innovative Projects in the Innovative Industrial Cluster (on the Example of United Shipbuilding Corporation JSC). *Morskiye intellektual'nyye tekhnologii*. No. 2–1. P. 160–167. DOI: [10.37220/MIT.2021.52.2.023](https://doi.org/10.37220/MIT.2021.52.2.023)

Choi S., McNamara G. (2018) Repeating A Familiar Pattern in a New Way: The Effect of Exploitation and Exploration on Knowledge Leverage Behaviors in Technology Acquisitions. *Strategic Management Journal*. Vol. 39. Is. 2. P. 356–358. DOI: [10.1002/smj.2677](https://doi.org/10.1002/smj.2677)

Chursin A.A., Yudin A.V., Grosheva P.Yu., Myslyakova Yu.G., Neklyudova N.P. (2021) Territories' Predisposition Assessment to "Smart" Companies' Location. *Ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. Vol. 14. No. 3. P. 99–117. DOI: [10.15838/esc.2021.3.75.6](https://doi.org/10.15838/esc.2021.3.75.6)

Duhaime I.M., Hitt M.A., Lyles M.A. (eds.) (2021) *Strategic Management. State of the Field and Its Future*. Oxford: Oxford University Press.

Greve H.R. (2020) Learning Theory: The Pandemic Research Challenge. *Journal of Management Studies*. Vol. 57. Is. 8. P. 1759–1762. DOI: [10.1111/joms.12631](https://doi.org/10.1111/joms.12631)

March J.G. (1991) Exploration and Exploitation in Organizational Learning. *Organization Science*. Vol. 2. Is. 1. P. 71–87.

Mavroudi E., Kesidou E., Pandza K. (2020) Shifting Back and Forth: How Does the Temporal Cycling Between Exploratory and Exploitative R&D Influence Firm Performance? *Journal of Business Research*. Vol. 110. P. 386–396. DOI: [10.1016/j.jbusres.2020.01.056](https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.01.056)

Nowacki C., Monk A. (2020) Ambidexterity in Government: The Influence of Different Types of Legitimacy on Innovation. *Research Policy*. Vol. 49. Is. 1. DOI: [10.1016/j.respol.2019.103840](https://doi.org/10.1016/j.respol.2019.103840)

O'Reilly C.A., Tushman M. (2013) Organizational Ambidexterity: Past, Present, and Future. *Academy of Management Perspectives*. Vol. 27. Is. 4. P. 324–338.

Plotnikov A.V. (2021) Organizational Agility Conceptual Model. *Kreativnaya ekonomika*. Vol. 15. No. 12. P. 4851–4862. DOI: [10.18334/ce.15.12.113931](https://doi.org/10.18334/ce.15.12.113931)

Stettner U., Lavie D. (2014) Ambidexterity under Scrutiny: Exploration and Exploitation via Internal Organization, Alliances, and Acquisitions. *Strategic Management Journal*. Vol. 35. Is. 13. P. 1903–1929. DOI: [10.1002/smj.2195](https://doi.org/10.1002/smj.2195)

Swift T. (2016) The Perilous Leap Between Exploration and Exploitation. *Strategic Management Journal*. Vol. 37. Is. 8. P. 1688–1698. DOI: [10.1002/smj.2423](https://doi.org/10.1002/smj.2423)

Titov S.A., Titova N.V. (2022) Hybrid Project Management Methodologies as a Sign for Organizational Ambidexterity. *Upravlencheskiye nauki*. Vol. 12. No. 2. P. 55–67. DOI: [10.26794/2304-022X-2022-12-2-55-67](https://doi.org/10.26794/2304-022X-2022-12-2-55-67)

Úbeda-García M., Claver-Cortés E., Marco-Lajara B., Zaragoza-Sáez P. (2020) Toward a Dynamic Construction of Organizational Ambidexterity: Exploring the Synergies between Structural Differentiation, Organizational Context, and Interorganizational Relations. *Journal of Business Research*. Vol. 112. P. 363–372. DOI: [10.1016/j.jbusres.2019.10.051](https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2019.10.051)

Wilden R., Hohberger J., Devinney T.M., Lavie D. (2018) Revisiting James March (1991): Whither Exploration and Exploitation? *Strategic Organization*. Vol. 16. Is. 3. P. 352–369. DOI: [10.1177/14761270187650](https://doi.org/10.1177/14761270187650)

Дата поступления/Received: 04.03.2023

Преимущества фактической модели оценки человеческого капитала в целях государственного управления

Щербаков Артем Сергеевич

Аспирант, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, РФ.

E-mail: sherbakov.artem@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [8760-2848](#)

ORCID ID: [0000-0003-0788-2897](#)

Аннотация

Ускоряющееся технологическое развитие увеличивает требования к количеству и качеству человеческого капитала. Уже не вызывает сомнения утверждение о том, что человеческий капитал является важнейшим видом капитала, определяющим роль и место стран в мировой экономике. В то же время оценка человеческого капитала остается дискуссионным вопросом, вызывающим ряд сложностей. Исследование направлено на выявление преимуществ использования фактической модели оценки человеческого капитала. Для этого в рамках статьи выявлены существующие классификации моделей оценки, определено содержание модели оценки человеческого капитала на основе новых индикаторов, предложен вариант классификации итогов оценки человеческого капитала. Методологическую основу исследования составили теории человеческого капитала, оценки человеческого капитала, экономики труда, экономики знаний. В исследовании применялся комплекс методов, таких как сравнительный анализ, синтез, индукция, дедукция и математический. Информационной базой исследования послужили как современные разработки практиков, теоретиков, так и классические работы отечественных и зарубежных ученых, статистические данные федеральной службы государственной статистики, данные Всемирного банка, специализированная литература в области теории человеческого капитала и учета нематериальных активов, государственные нормативно-правовые акты. Предложенная фактическая модель оценки человеческого капитала оцифровывает стоимость человеческого капитала и детализирует его составляющие компоненты. Предложен также континуум оценки человеческого капитала как способ рейтинговой классификации персонала организации и населения. Результаты исследования вносят вклад в понимание тенденции развития оценочных моделей и программ человеческого капитала, позволяют выявить преимущества использования фактической модели оценки человеческого капитала для целей государственного управления.

Ключевые слова

Человеческий капитал, человеческие ресурсы, оценка человеческого капитала, фактическая модель оценки, абстрактная модель оценки, государственное управление, носитель человеческого капитала, континуум оценки человеческого капитала, экономика знаний.

Advantages of Factual Model of Human Capital Assessment for Purposes of Public Administration

Artem S. Shcherbakov

Postgraduate student, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation.

E-mail: sherbakov.artem@mail.ru

ORCID ID: [0000-0003-0788-2897](#)

Abstract

The accelerating technological development increases the requirements for the quantity and quality of human capital. There is no longer any doubt that human capital is the most important type of capital that determines the role and place of countries in the world economy. At the same time, the assessment of human capital remains a controversial issue, causing a number of difficulties. The research is aimed at identifying the advantages of using an actual human capital assessment model. To do this, the article identifies existing classifications of assessment models, determines the content of the human capital assessment model based on new indicators, and proposes a classification option for the results of human capital assessment. The methodological basis of the study was the theory of human capital, human capital assessment, labor economics, knowledge economics. The study used a set of methods such as comparative analysis, synthesis, induction, deduction and mathematical. The information base of the research was both modern developments of practitioners, theorists, and classical works of domestic and foreign scientists, statistical data of the Federal State Statistics Service, World Bank data, specialized literature in the field of human capital theory and accounting of intangible assets, state regulatory legal acts. The proposed actual human capital assessment model digitizes the value of human capital and details its constituent components. The continuum of human capital assessment is also proposed as a way of rating classification of the organization's personnel and population. The results of the study contribute to understanding the development trends of evaluation models and programs of human capital, allow us to identify the advantages of using the actual model of human capital assessment for public administration purposes.

Keywords

Human capital, human resources, human capital assessment, factual assessment model, abstract assessment model, public administration, carrier of human capital, continuum of human capital assessment, knowledge economy.

Введение

Развитие современной экономики при одновременной технологической многоукладности все сильнее зависит от структуры и качества человеческого капитала. Зарубежные специалисты отмечают, что основа конкурентной эффективности хозяйствующего субъекта заключается в способности развивать, предоставлять и интегрировать коллективные и индивидуальные специальные знания с целью выработки конкретных навыков, возможностей и инноваций [Chen 2022; Dubra 2010]. Повышение качества человеческого капитала рассматривается в первую очередь как положительный эффект от подготовки профессиональных кадров [Atangana, Tabi 2022, 65]; подобной позиции придерживаются и отечественные специалисты, отмечая, что те обладатели человеческого капитала, которые имеют возможность эффективно его применять в своей трудовой деятельности, являются ключевыми создателями добавленной стоимости [Как увеличить человеческий капитал... 2018, 6]. Закономерно, что в государственном управлении красной нитью проходит тема человеческого капитала, который связывает ряд инициатив и превращает их в единую стратегию.

В 2016 году Президент Российской Федерации отметил, что «смысл всей нашей политики — это сбережение людей, умножение человеческого капитала как главного богатства России»¹. Эта часть из послания Президента РФ подтверждает серьезность намерений, говорит о том, что инновационный характер развития экономики будет обеспечен за счет более высоких государственных расходов на человеческий капитал².

Динамично развивающаяся социально-экономическая реальность вносит свои корректировки в долгосрочную стратегию. Под влиянием возрастающей наукоёмкости производств человеческий капитал начинает сращиваться с технологиями и искусственным интеллектом, что дает синергетический эффект и положительно влияет на скорость разработки и реализации важнейших для страны научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР).

В целях повышения качества НИОКР в 2021 году был сформирован «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала» на базе консорциума из четырех организаций-лидеров в исследованиях человеческого потенциала: РАНХиГС, НИУ ВШЭ, МГИМО, Института этнологии и антропологии РАН. К научным направлениям Центра относятся занятость, социальная активность и формирование ключевых навыков и компетенций; изучение человека в эпоху технологических трансформаций³.

Стоит отметить, что научно-исследовательская деятельность является наиболее чувствительной к изменениям количества человеческого капитала в структуре национального богатства. На данный момент в структуре национального богатства РФ доля человеческого капитала занимает 46%⁴. Данный показатель значительно уступает средней величине по странам ОЭСР [Батракова 2021, 51; Комаров, Пашенко 2019]. Российской Федерации потребуется более 50 лет, чтобы выйти на необходимые показатели человеческого капитала при благоприятном сценарии⁵.

¹ Послание Президента РФ Федеральному собранию 2016 года // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/53379> (дата обращения: 03.03.2023).

² Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf> (дата обращения: 03.03.2023).

³ Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала появится в России // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/news/articles/5945/> (дата обращения: 03.03.2023).

⁴ Насколько богата Россия? С. 10 // Всемирный банк [Электронный ресурс]. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/ru/402431575351416107/pdf/How-Wealthy-is-Russia-Measuring-Russias-Comprehensive-Wealth-from-2000-2017.pdf> (дата обращения: 03.03.2023).

⁵ Там же.

Реализация этого благоприятного сценария усложняется из-за ежегодно увеличивающихся потерь человеческого капитала, которые вызваны эмиграцией [Слепенкова 2022, 120]. О количественной части потерь однозначно высказался Академик РАН Н.К. Долгушкин, отметив, что за границу с 2012 года стало уезжать впятеро больше ученых⁶.

Следовательно, сокращение потерь в области человеческого капитала является одной из приоритетных задач государственного управления Российской Федерации на ближайшие десятилетия.

Считаем, что одним из способов сокращения потерь в этой области может являться расширение практики применения фактических моделей оценки человеческого капитала⁷ и сформированных по итогам расчетов баз данных. Это позволит рассчитывать стоимость человеческого капитала непосредственно администрациями хозяйствующих субъектов для нужд планирования, организации, мотивации, контроля за человеческим ресурсом организации или носителем человеческого капитала для личных нужд, а также позволит определять эффекты, оказываемые внешней и внутренней политикой на человеческий капитал, выявлять наиболее подходящие кадры для осуществления приоритетных национальных проектов на принципах меритократии с опорой на данные.

Предложенная модель и база данных позволяют развивать государственное управление в парадигме «управления на основе данных», о котором в рамках конференции по искусственному интеллекту в декабре 2022 года высказался Президент РФ, отметив, что успехи при внедрении искусственного интеллекта, «как и в принципе успешное руководство регионом, отраслью, компанией, в современном мире зависят от использования модели управления на основе данных. Это означает, что процесс принятия управленческих решений в значительной степени должно осуществляется не на основе интуиции»⁸.

На данный момент наиболее распространена в области человеческого капитала парадигма «управления на основе интуиции». Это связано прежде всего с многокомпонентностью человеческого капитала, которая затрудняет оценку. Зарубежные и отечественные ученые отмечают ряд сложностей при оценке человеческого капитала. По мнению исследователей, несмотря на важность человеческого капитала, его измерение достаточно трудно, и в литературе в лучшем случае приводились противоречивые измерения человеческого капитала [Mubarik et al. 2018].

Другие ученые делают акцент на том, что большая часть стратегий развития страны декларирует важность развития человеческого капитала и инвестиций в него и в то же время эти стратегии фрагментарно рассматривают вопросы формирования, развития, использования человеческого капитала [Глазьев и др. 2020, 40].

Профессор А.К. Ташев отмечает, что использование на практике человеческого капитала сталкивается с трудностями: «косвенную оценку увеличения человеческого капитала и трудового потенциала за счет инвестиции получить более или менее удастся, а общую величину обладания — нет» [Ташев 2013, 95].

Применение фактической модели оценки человеческого капитала помогает уменьшить влияние вышеперечисленных сложностей на государственное управление, повышает при этом релевантность информации, необходимой для принятия решений, и способствует уменьшению амбивалентности интуитивной оценки человеческого капитала.

⁶ РАН: за границу с 2012 года стало уезжать впятеро больше ученых // ТАСС. Наука [Электронный ресурс]. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/11198355> (дата обращения: 03.03.2023).

⁷ Фактическая модель оценки человеческого капитала — это модель измерения стоимости в денежном выражении, при функционировании которой необходим прямой контакт с носителем человеческого капитала.

⁸ Конференция по искусственному интеллекту // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69927/> (дата обращения: 03.03.2023).

Проведенный анализ прикладных исследований и статистических данных подтверждает актуальность выбранной темы исследования.

Цель статьи — выявление преимуществ использования фактической модели оценки. Для достижения поставленной цели были определены и решены следующие задачи:

- 1) выявлены виды моделей оценки человеческого капитала;
- 2) определено содержание фактической модели оценки человеческого капитала;
- 3) описана классификация итогов оценки человеческого капитала.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили авторские исследования по формированию модели оценки человеческого капитала [Щербаков 2023], работы зарубежных специалистов в области учета физиологических [Walker et al. 2022], когнитивных (интеллектуальных) [Walker et al. 2022; Heckman et al. 2019], социальных [Mubarik et al. 2018], социально-эмоциональных [Zhao 2022] компонент человеческого капитала, генезиса и развития человеческого капитала [Goldin 2016].

В основу исследования также легли отечественные работы в области определения факторов, влияющих на человеческий капитал как части национального богатства [Воронов и др. 2022], как части абстрактных моделей оценки человеческих капиталов [Тугускина 2022; Капелюшников 2012], как части инновационной экономики [Человеческий капитал 2005, 95–125], как части транзитивной экономики [Добрынин и др. 1999].

В исследовании применялся комплекс теоретических и частно-научных методов, таких как сравнительный анализ, синтез, индукция, дедукция. Моделирование и математический метод применялись при формировании и описании фактической модели оценки человеческого капитала.

Следует отметить, что как отечественные, так и зарубежные авторы под человеческим капиталом в основном понимают сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком определенный запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно используются в процессе труда, содействуя росту его производительности и заработка [Там же].

Большинство отечественных и зарубежных авторов при оценке человеческого капитала используют в основном модели оценки, для функционирования которых нет необходимости взаимодействия с носителем человеческого капитала — абстрактные модели [Щербаков 2023, 218]. В подобных моделях человеческий капитал оценивается опосредованно через макроэкономические натуральные показатели, такие как уровень грамотности населения; среднее число лет обучения на одного человека; коэффициенты зачисления в учебные заведения; продолжительность жизни; доли работников с теми или иными уровнями полученного образования.

Среди моделей абстрактного вида выделяют в основном три подхода к проведению процесса оценки: индикаторный, основанный на расходах, основанный на доходах. Так, Р.И. Капелюшников отмечает, что «можно выделить три основных подхода по оценке запасов человеческого капитала: “индикаторный”, основанный на различных натуральных характеристиках человеческого капитала; стоимостный, основанный на учете издержек, связанных с его формированием; стоимостный, основанный на учете получаемых от него доходов [Капелюшников 2012, 9].

Зарубежные исследователи выделяют следующие три вида моделей оценки человеческого капитала:

- подход с использованием индикаторов. Используются единичные показатели, такие как среднее количество лет обучения, или создаются индексы из нескольких показателей в качестве показателей человеческого капитала;
- подход с учетом затрат. Затратный подход оценивает инвестиции в человеческий капитал на основе расходов;
- подход с учетом доходов. Доходный подход оценивает инвестиции в человеческий капитал, рассчитывая на приращение ожидаемых будущих доходов, которые они приносят [Abraham, Mallatt 2022].

Отметим, что вышеперечисленные классификации являются наиболее популярными на данный момент. При этом ряд зарубежных и отечественных авторов подчеркивают необходимость расширения методик проведения процесса оценки за счет внедрения новых индикаторов [Mubarik et al. 2018; Bullen, Eyler 2010]. Так, профессор Т.Л. Лукьянчикова отмечает, что теорию человеческого капитала необходимо использовать так, чтобы при обосновании направления инвестиций не экономике придавалось “человеческое измерение”, а наоборот — к человеку применяется экономическое измерение [Лукьянчикова 2011, 128].

Уже сейчас при аргументации своих выводов все чаще, помимо статистических данных переписи населения, статистических ежегодников, используются научные работы в области социологии, экономики и истории образования, чтобы рассмотреть влияние увеличения инвестиций в человеческий капитал на экономический рост, а также на опыт детства, трудовую дисциплину и нынешний климатический кризис [Forsyth 2023; Walker et al. 2022; Щербаков 2022, 1040]. Для того, чтобы определить новые виды индикаторов, необходимо обратиться к глубоким теоретическим исследованиям академических работ с целью анализа структуры проблематики изучения оценки человеческого капитала и человеческого капитала в целом [Cezanne et al. 2019].

Важные эмпирические исследования проводятся в области изучения когнитивных и социально-эмоциональных индикаторов для оценки человеческого капитала [Heckman, Zhou 2022; Heckman et al. 2019]. При этом все еще ведется поиск минимального набора навыков, необходимых для характеристики эмпирически обоснованного человеческого различия, и в настоящее время активно идут исследования и дискуссии в данной области [Heckman et al. 2019, 4–5].

Исследователи из азиатского региона также активно изучают когнитивные и социально-эмоциональные компоненты человеческого капитала: психологические тесты (Job-stress-29 и GHQ-12), например, используются в модели, которая помогает оценить потери человеческого капитала [Piao, Managi 2022].

Ряд авторов предлагают свое виденье построения индекса человеческого капитала, основанного на 9 измерениях и 35 субизмерениях человеческого капитала. Основными измерениями являются опыт, навыки, образование, способности и обучение. В рамках опыта основными субизмерениями являются опыт работы и организационный стаж, а исследования в основном проводятся на основе социологических опросов и применения метода экспертных оценок [Mubarik et al. 2018].

Отечественные авторы менее активно разрабатывают модели оценки человеческого капитала, учитывающие когнитивные и социально-эмоциональные составляющие человеческого капитала. В то же время в некоторых работах отечественных специалистов мы можем проследить теоретические или эмпирические наработки в области оценки.

Профессор Т.Г. Мясоедова отметила, что вероятность достижения максимально высокой величины человеческого капитала зависит от совокупности вероятностей достижения высокой величины каждой из характеристик человеческого капитала: врожденные способности — здоровье — знания профессиональные навыки — мотивация к труду — мотивация к обучению — мировоззренческие качества. Значительных результатов в развитии человеческого капитала можно добиться только при сбалансированных инвестициях в знания, здравоохранение, мотивацию к труду и обучению, культуру человека⁹.

В монографии, посвященной человеческому капиталу, утверждается, что капитал здоровья можно оценить по медицинским обследованиям и заключениям, по истории болезни детей, по больничным листам, по экспертным оценкам продолжительности предстоящей жизни. Культурно-нравственный капитал оценивается по аттестату зрелости и школьным характеристикам. Интеллектуальный уровень личности оценивают психологи по разным методикам. Нравственность поведения оценивают коллеги, родственники, лица, поддерживающие контакты и знающие человека лично. Правоохранительные органы, например детские комнаты милиции, ведут досье на людей, совершивших проступки или преступления. Трудовой капитал подтверждается аттестатами, свидетельствами и дипломами о профессиональном образовании. В трудовой книжке фиксируется опыт работы, достижения в труде отмечаются в характеристиках и рекомендательных письмах [Человеческий капитал 2005, 136].

Профессор Г.Н. Тугускина проанализировала 14 отечественных методик оценки человеческого капитала предприятий, которые, по нашему мнению, представляют различные вариации абстрактных моделей оценки, различаясь лишь в уровне проведения оценки (макро-, мезо-, микроуровень) [Тугускина 2022]. В большинстве методик оценки мы можем заметить присутствие индикаторов, оценивающих когнитивный, физический виды человеческого капитала, при этом в рассмотренных методиках нет индикаторов, оценивающих социально-мотивационную составляющую человеческого капитала.

И.В. Скоблякова и С.М. Ефремова при формировании индикаторов оценки эффективности использования человеческого капитала в пищевой промышленности использовали интегрированный индекс человеческого потенциала, состоящий из индексов занятости в пищевой промышленности, достигнутого уровня образования, промышленного производства. Использовался также индекс социально-экономического развития предприятия, дающий представление о смежных видах капиталов [Скоблякова, Ефремова 2021, 531–532].

А.С. Воронов и соавторы при подсчете компонент человеческого капитала в рамках национального благосостояния учитывают: физиологический компонент — трудовой компонент — интеллектуальный компонент — фиктивный человеческий капитал. При описании компонент и индикаторов оценки человеческого капитала использовались показатели, которые не подразумевают взаимодействие с носителем человеческого капитала и помогают провести оценку опосредованно через статистические данные (затраты на здравоохранение, млрд руб.; медианное значение начисленной заработной платы, руб.; расходы на образование, млрд руб.; расходы на социальную политику, млрд руб.) [Воронов и др. 2022, 112–113].

⁹ Мясоедова Т.Г. Инновационные механизмы развития человеческих ресурсов: автореферат дис... док. экон. наук. Москва, 2006.

Следует согласиться с предложенными отечественными и зарубежными теоретическими и эмпирическими подходами. Каждое из исследований вносит свой вклад в разработку модели оценки человеческого капитала и в большинстве случаев позволяет оценить человеческий капитал опосредованно, без взаимодействия с носителем человеческого капитала. Лишь немногие специалисты начинают предпринимать попытки разработать модель оценки человеческого капитала, непосредственно оценивающую носителя человеческого капитала, например, на основе социологических [Mubarik et al. 2018] и психологических тестов [Piao, Managi 2022; Heckman et al. 2019; Walker et al. 2022], метода экспертных оценок [Mubarik et al. 2018; Человеческий капитал 2005].

Развивая идеи вышеперечисленных исследователей, автор предлагает фактическую модель оценки человеческого капитала, которая позволяет получать исчерпывающую информацию о текущем состоянии общего и специального человеческого капитала. Полученную информацию хозяйствующие субъекты могут использовать для упрощения принятия управленческих решений на основе парадигмы «управления на основе данных», которую возможно использовать для нужд государственного управления

Фактическая модель оценки человеческого капитала

Предложенная автором модель оценивает человеческий капитал (общий¹⁰ и специальный¹¹) и состоит из 56 субизмерений: 39 экономических (69,64%), 6 социальных (10,71%), 6 медицинских (10,71%), 5 психологических (8,92%). При этом только 3 субизмерения (5,35%) модели оценки человеческого капитала представлены макроэкономическими показателями, которые не опираются на особенности оцениваемого носителя человеческого капитала: $MMCI_C$, CI_C , CI_S .

Общий и специальный человеческий капитал находятся в зависимости, которая описывается формулой (1):

$$H = \frac{H_C + H_S}{2}; H = H_C \rightarrow H_S = 0, \quad (1)$$

где H — это человеческий капитал; H_C — это общий человеческий капитал; H_S — это специальный человеческий капитал.

Предложенная фактическая модель оценки человеческого капитала описывается формулами, рассчитывающими общий (H_C) и специальный человеческий капитал (H_S). Для того, чтобы узнать стоимость человеческого капитала, необходимо после расчетов (2), (3) рассчитать человеческий капитал (H), учитывая зависимость (1). Общий человеческий капитал (H_C) рассчитывается по формуле (2):

$$H_C = MMCI \times Ph_C^N \times Ph_C^A \times Ph_C^H \times C_C^N \times C_C^A \times C_C^H \times SE_C^N \times SE_C^A \times SE_C^H \times CI_C, \quad (2)$$

где H_C — это человеческий капитал общий; $MMCI$ (median per capita monetary income) — это медианный среднедушевой денежный доход, рассчитываемый Росстатом; Ph_C^N — это физические навыки (physical skills); врожденные (natural); в рамках общего человеческого капитала; Ph_C^A — это физические навыки (physical skills); приобретенные (acquired); в рамках общего человеческого капитала; Ph_C^H — это физические навыки (physical skills); смешанные (hybrid); в рамках общего

¹⁰ Общий человеческий капитал — это знания и навыки, полученные в ходе общей подготовки и не отчуждаемые от человека.

¹¹ Специальный человеческий капитал — это знания и навыки, полученные в ходе специальной подготовки в организации, которые невозможно использовать в чистом виде вне организации.

человеческого капитала; C_c^N — это когнитивные навыки (cognitive skills); врожденные (natural); в рамках общего человеческого капитала); C_c^A — это когнитивные навыки (cognitive skills); приобретенные (acquired); в рамках общего человеческого капитала; C_c^H — это когнитивные навыки (cognitive skills); смешанные (hybrid); в рамках общего человеческого капитала; SE_c^N — это социально-эмоциональные навыки (social and emotional skills); врожденные (natural); в рамках общего человеческого капитала; SE_c^A — это социально-эмоциональные навыки (social and emotional skills); приобретенные (acquired); в рамках общего человеческого капитала; SE_c^H — это социально-эмоциональные навыки (social and emotional skills); смешанные (hybrid); в рамках общего человеческого капитала; Cl_c — это общий индекс (common index); в рамках общего человеческого капитала.

Специальный человеческий капитал (H_s) рассчитывается по формуле (3):

$$H_s = MASP \times Ph_s^N \times Ph_s^A \times Ph_s^H \times C_s^N \times C_s^A \times C_s^H \times SE_s^N \times SE_s^A \times SE_s^H \times Cl_s, \quad (3)$$

где H_s — это специальный человеческий капитал; — это средняя ежемесячная заработная плата оцениваемого носителя человеческого капитала за последние 12 месяцев, рассчитываемая работодателем (monthly average salary per person); Ph_s^N — это физические навыки (physical skills); врожденные (natural); в рамках специального человеческого капитала; Ph_s^A — это физические навыки (physical skills); приобретенные (acquired); в рамках специального человеческого капитала; Ph_s^H — это физические навыки (physical skills); смешанные (hybrid); в рамках специального человеческого капитала; C_s^N — это когнитивные навыки (cognitive skills); врожденные (natural); в рамках специального человеческого капитала; C_s^A — это когнитивные навыки (cognitive skills); приобретенные (acquired); в рамках специального человеческого капитала; C_s^H — это когнитивные навыки (cognitive skills); смешанные (hybrid); в рамках специального человеческого капитала; SE_s^N — это социально-эмоциональные навыки (social and emotional skills); врожденные (natural); в рамках общего человеческого капитала; SE_s^A — это социально-эмоциональные навыки (social and emotional skills); приобретенные (acquired); в рамках общего человеческого капитала; SE_s^H — это социально-эмоциональные навыки (social and emotional skills); смешанные (hybrid); в рамках общего человеческого капитала; Cl_s — это общий индекс (common index); в рамках специального человеческого капитала.

В Таблицах 1 и 2 перечислены субизмерения фактической модели оценки человеческого капитала.

Таблица 1. Субизмерения общего капитала фактической модели оценки человеческого капитала¹²

Название измерения	Группа субизмерения		Субизмерение				
	Название	Максимальный коэффициент	Название	Описание	Вид субизмерения	Максимальный коэффициент	
MMCI	—	—	—	Медианный среднедушевой денежный доход	Экон.	—	
Ph	Ph_c^N	2	Ph_c^N 1	Категория здоровья, диспансеризация	Мед.	2	
	Ph_c^A	2	Ph_c^A 1	Индекс массы тела	Мед.	2	
			Ph_c^A 2	Затраты на вредные привычки	Экон.	2	
Ph_c^H	2	Ph_c^H 1	Нормативы ГТО	Мед.	2		
C	C_c^A	2	C_c^N	C_c^N 1	Затраты на лечение когнитивное	Экон.	2
			C_c^A 1	Затраты на образование	Экон.	2	
			C_c^A 2	Затраты на права, лицензии и т.д.	Экон.	2	
			C_c^A 3	Затраты на спортивные звания	Экон.	2	
			C_c^A 4	Затраты на авторские права	Экон.	2	
			C_c^A 5	Затраты на изобретения	Экон.	2	
			C_c^A 6	Затраты на гражданство	Экон.	2	
			C_c^A 7	Затраты на общественные должности	Экон.	2	
	C_c^H	2	C_c^H 1	Наличие государственных наград	Соц.	2	
			C_c^H 2	Тест на когнитивную рефлексию	Пси.	2	
			C_c^H 3	Возрастная отдача вложений в ЧК	Экон.	2	
SE	SE_c^A	2	SE_c^N	SE_c^N 1	Затраты на лечение психологическое	Экон.	2
			SE_c^A 1	Тип эмоциональной реакции	Пси.	2	
			SE_c^A 2	Диагностика лидерских способностей	Пси.	2	
	SE_c^A 3	Справка об отсутствии судимости	Соц.	2			
SE_c^H	2	SE_c^H 1	Динамика теста MBTI	Пси.	2		
CI	CI_c	5,8	CI_c 1	Индекс человеческого развития (WB)	Экон.	1	
			CI_c 2	Индикаторы здоровья	Экон.	1	
			CI_c 3	Индикаторы образования	Экон.	0,7	
			CI_c 4	Индикаторы НИОКР	Экон.	0,7	
			CI_c 5	Непрерывность НИОКР	Экон.	0,7	
			CI_c 6	Индикаторы семейного соц. статуса	Экон.	0,5	
			CI_c 7	Индикаторы общ. активности	Экон.	0,8	
			CI_c 8	Индикаторы гос. наград	Экон.	0,4	

¹² Составлено автором.

Таблица 2. Субизмерения специального фактической модели оценки человеческого капитала¹³

Название измерения	Группа субизмерения		Субизмерение			
	Название	Максимальный коэффициент	Название	Описание	Вид субизмерения	Максимальный коэффициент
MASP	—	—	—	Средняя ежемесячная заработная плата*	Экон.	—
Ph	Ph_S^N	2	$Ph_S^N 1$	Фактически отработанное время**	Экон.	2
	Ph_S^A	2	$Ph_S^A 1$	Фактически отработанное время*	Экон.	2
	Ph_S^H	2	$Ph_S^H 1$	Нормативы ГТО и норма по должности*	Мед.	2
			$Ph_S^H 2$	Пульсометрия на рабочем месте*	Мед.	2
C	C_S^N	2	$C_S^N 1$	Расходы на обучение**	Экон.	2
			$C_S^N 2$	Опыт работы по специальности**	Экон.	2
	C_S^A	2	$C_S^A 1$	Затраты на обучение*	Экон.	2
			$C_S^A 2$	Опрос руководителя о результативности обучения*	Соц.	2
	C_S^H	2	$C_S^H 1$	Непрерывность обучения	Экон.	2
			$C_S^H 2$	Непрерывность НИОКР	Экон.	2
SE	SE_S^N	2	$SE_S^N 1$	Индекс жизненной удовлетворенности**	Экон.	2
			$SE_S^N 2$	Кол-во выговоров, жалоб, взысканий**	Соц.	2
	SE_S^A	2	$SE_S^A 1$	Индекс удовлетворенности*	Экон.	2
			$SE_S^A 2$	Мотивация к работе*	Пси.	2
			$SE_S^A 3$	Кол-во выговоров, жалоб, взысканий*	Соц.	2
SE_S^H	2	$SE_S^H 1$	Дельта кол-ва выговоров, жалоб, взысканий	Соц.	2	
CI	CI_S	3,6	$CI_C 1$	Индекс человеческого развития (WB)	Экон.	1
			$CI_C 2$	Индикатор проф. образования	Экон.	0,4
			$CI_C 3$	Индикаторы доп. образования	Экон.	0,1
			$CI_C 4$	Опыт работы	Экон.	0,3
			$CI_C 5$	Непрерывность опыта по специальности	Экон.	0,3
			$CI_C 6$	НИОКР на работе	Экон.	0,3
			$CI_C 7$	Удовлетворенность работой*	Экон.	1
			$CI_C 8$	Опыт руководящей работы	Экон.	0,2

При определении коэффициентов субизмерений использовалось три варианта вычислений.

Первый вариант. Определялись средние величины наиболее частых и наименее частых результатов. Например, при определении значения коэффициента субизмерения $C_S^N 1$ (расходы на обучение), которое необходимо присвоить респонденту, максимальный коэффициент присваивался в случае затрат на обучение сотрудника более 150 000 рублей в год. При отсутствии расходов на обучение присваивается коэффициент 1.

Второй вариант. Для некоторых коэффициентов субизмерений сформированы формулы. Например, определить $Ph_S^N 1$ (коэффициент фактически отработанного времени) возможно, используя формулу (4):

¹³ Составлено автором. Примечание: * — измерения на текущем месте работы, ** — измерения с предыдущего места работы (если такого нет, то учитывается максимальный коэффициент).

$$\text{Ph}_S^N 1 = \frac{\text{ATW}}{\text{NPC-AUV}} \times 2, \quad (4)$$

где ATW (actual time worked) — фактически отработанное время носителя человеческого капитала (респондента); NPC (the norm of the production calendar) — норма производственного календаря по должности; AUV (actually used vacation) — фактически использованный отпуск.

Третий вариант. Определялись временные затраты, необходимые для достижения максимального показателя субизмерения. Например, коэффициент $\text{CI}_C 3$ (индикаторы образования) рассчитывается по формуле (5):

$$\text{CI}_C 3 = \frac{\text{AADS}_{\text{month}} \times \text{MMCI}_{\text{ruble}}}{\text{ALE}_{\text{month}} \times \text{MMCI}_{\text{ruble}}}, \quad (5)$$

где $\text{AADS}_{\text{month}}$ (average age of a doctor of sciences) — средний возраст защитивших докторскую диссертацию в месяцах. Средний возраст соискателей, защитивших докторскую диссертацию, — 49 лет [Селетков 2002, 16]; $\text{MMCI}_{\text{ruble}}$ (median per capita monetary income) — медианный среднедушевой денежный доход, рассчитываемый Росстатом в рублях; $\text{ALE}_{\text{month}}$ (average life expectancy in months) — средняя продолжительность жизни в месяцах.

Подробные расчеты для формулы (5) представлены в формуле (6):

$$\text{CI}_C 3 = \frac{588 \times 32\,422}{868,8 \times 32\,422} = 0,67 \approx 0,7. \quad (6)$$

Комбинируя три варианта вычислений, автор получил коэффициенты для фактической модели оценки человеческого капитала (Таблицы 1, 2).

Предложенная модель оценки человеческого капитала позволяет проводить стоимостную оценку сотрудников организаций с целью упрощения процесса принятия решений, определять зоны роста сотрудников, визуализировать структуру человеческого капитала сотрудника. Модель позволяет проводить глубокие аналитические исследования и определять, как проводимая внутренняя, внешняя политика государственного управления влияет на количество и качество человеческого капитала.

Предложенную модель можно использовать как основу для разработки социального рейтинга, позволяющего оперативно проводить конкурсы по замещению должностей в стратегически важные национальные проекты на принципах меритократии. При внедрении предложенной модели также станет возможным количественная оценка процессов миграции и эмиграции человеческого капитала.

Первые расчеты, проведенные на основе предложенной автором фактической модели, показали средние значения человеческого капитала в 13 млн рублей. Эти данные коррелируют с показателями, полученными в исследовании 2010 года, проведенном по методу Джоргенсона-Фраумени: стоимость человеческого капитал составила 6 млн рублей [Капелюшников 2012, 60], что с учетом инфляции с 2010 года по 2023 год составит 14 млн на начало 2023 года.

Соответственно, можно сделать вывод о том, что предложенная модель позволяет оценить стоимость человеческого капитала с использованием новых индикаторов и субизмерений в отличие от абстрактных моделей (например, метод Джоргенсона-Фраумени). При этом полученные результаты оценки человеческого капитала сопоставимы с общемировой практикой.

Классификация результатов оценки и преимущества модели

Полученные результаты о стоимости человеческого капитала автор предлагает классифицировать, используя континуум оценки человеческого капитала. Он выступает как унифицированный способ рейтинговой классификации персонала организации и населения (Таблица 3).

Классифицировать стоимости человеческого капитала возможно двумя способами. *Первый способ* применяется, если рассчитывался только :

$$A_c^{++} = \text{MMCI}_{\text{ruble}} \times \text{ALE}_{\text{month}}, \quad (7)$$

где A_c^{++} — это базовое значение континуума оценки человеческого капитала на основе стоимости общего человеческого капитала; MMCI (median per capita monetary income) — это медианный среднедушевой денежный доход, рассчитываемый Росстатом в рублях; ALE (average life expectancy) — это средняя продолжительность жизни в месяцах.

Базовое значение континуума оценки человеческого капитала на основе общего человеческого капитала для Российской Федерации на конец 2022 года можно рассчитать по формуле (8):

$$A_c^{++} = 32\,422_{\text{ruble}} \times (72.4 \times 12), \quad (8)$$

Для расчета значения каждой группы (V_c) от A_c^{++} до D необходимо рассчитать показатели по формуле (9):

$$V_c = A_c^{++} : (n_g - 1); V_c = 28\,168\,233_{\text{ruble}} : (9 - 1), \quad (9)$$

где V_c — это общее значение групп (value common); n_g — это количество групп континуума оценки человеческого капитала, в нашем случае выделено девять групп с фиксированными показателями (number of groups).

Проведенные вычисления позволяют получить границы континуума оценки человеческого капитала на основе общего человеческого капитала в Российской Федерации на конец 2022 года (Таблица 3), используя данные Федеральной службы государственной статистики¹⁴.

Таблица 3. Континуум оценки человеческого капитала в Российской Федерации на основе оценки общего человеческого капитала¹⁵

Порядковый номер	Обозначение группы	Интервал в рублях
1	A_c^{++}	$\geq 28\,168\,233$
2	A_c^+	$\geq 24\,647\,203$
3	A_c	$\geq 21\,126\,174$
4	B_c^+	$\geq 17\,605\,145$
5	B_c	$\geq 14\,084\,116$
6	C_c^+	$\geq 10\,2563\,087$
7	C_c	$\geq 7\,042\,058$
8	D_c^+	$\geq 3\,521\,029$
9	D_c	$< 3\,521\,029$

¹⁴ Заработная плата // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_costs (дата обращения: 06.03.2023).

¹⁵ Составлено автором. Рассчитано по авторской формуле (9).

Второй способ применяется для расчета континуума оценки человеческого капитала, если возможно рассчитать человеческий капитал общий (HC) и человеческий капитал специальный (HS). Формула видоизменяется и выглядит как (10):

$$A_{CS}^{++} = \frac{(MMCI_{\text{ruble}} \times ALE_{\text{month}}) + (MASP_{\text{ruble}} \times ALE_{\text{month}})}{2}, \quad (10)$$

где A_{CS}^{++} — это базовое значение континуума оценки человеческого капитала при расчете человеческого капитала на основе общего и специального видов человеческого капитала; MMCI (median per capita monetary income) — это медианный среднедушевой денежный доход, рассчитываемый Росстатом; ALE (average life expectancy) — это средняя продолжительность жизни в месяцах; MASP (average monthly salary) — это средняя ежемесячная заработная плата респондента рассчитываемая работодателем.

Пример расчета базового значения континуума оценки человеческого капитала при расчете человеческого капитала на основе общего и специального человеческого капитала при ежемесячной заработной плате, равной 60 000 рублей, выглядит как (11):

$$A_{CS}^{++} = \frac{(32422_{\text{ruble}} \times 868,8_{\text{month}}) + (60000_{\text{ruble}} \times 868,8_{\text{month}})}{2}. \quad (11)$$

Для расчета значения каждой группы (VCS) от A_{CS}^{++} до D_{CS} необходимо рассчитать показатели по формуле (12):

$$V_{CS} = A_{CS}^{++} : (n_g - 1); V_{CS} = 40\,148\,116,8_{\text{ruble}} : (9 - 1), \quad (12)$$

где V_{CS} — это общее значение групп (value common); n_g — это количество групп континуума оценки общего и специального человеческого капитала, в нашем случае выделено девять групп с фиксированными показателями (number of groups).

По проведенным вычислениям сформируем интервалы оценки (Таблица 4).

Таблица 4. Континуум оценки человеческого капитала на основе общего и специального вида человеческого капитала в Российской Федерации для сотрудников со средней ежемесячной заработной платой 60 тысяч рублей¹⁶

Порядковый номер	Обозначение группы	Интервал в рублях
1	A_{CS}^{++}	$\geq 40\,148\,112$
2	A_{CS}^{+}	$\geq 35\,129\,598$
3	A_{CS}	$\geq 30\,111\,084$
4	B_{CS}^{+}	$\geq 25\,092\,570$
5	B_{CS}	$\geq 20\,074\,056$
6	C_{CS}^{+}	$\geq 15\,055\,542$
7	C_{CS}	$\geq 10\,037\,028$
8	D_{CS}^{+}	$\geq 5\,018\,514$
9	D_{CS}	$< 5\,018\,514$

¹⁶ Составлено автором. Рассчитано по авторской формуле (12).

Применение первого или второго способа классификации итогов оценки человеческого капитала при помощи континуума оценки позволяет распределять персонал организации согласно рейтингам, что может упрощать принятие управленческих решений и выявлять особенности каждой классификационной группы.

На данный момент можно наблюдать тенденцию развития оценочных программ человеческого капитала на основе искусственного интеллекта и нейронных сетей. Например, китайская модель на основе BP neural network [Zhao 2022], в основе которой 15 индексов, рассчитанных на натуральных абстрактных показателях, некоторые из которых характеризуют стоимость обучения на душу населения, количество агентов по трудоустройству, уровень социально безопасности, технологические достижения (млн юань). В рассмотренной оценочной программе также имеется фактический показатель, определить который возможно через опрос носителя человеческого капитала (патентные показатели сотрудников) [Ibid., 3].

Учитывая современные тренды, на основе предложенной фактической модели оценки человеческого капитала возможно разработать программное обеспечение для ЭВМ, что существенно упростит процесс оценки и сделает его быстрым и общедоступным.

Предлагаемая фактическая модель обладает рядом преимуществ, необходимых для государственного управления, по отношению к абстрактным моделям:

- 1) индивидуальность оценки. Данное преимущество означает, что процесс оценки непосредственно затрагивает носителя человеческого капитала, что позволяет привязывать данные к конкретной личности и использовать их с целью управления на «основе данных». Индивидуальность оценки не доступна при оценке абстрактной моделью;
- 2) структуризация составляющих человеческого капитала. Данное преимущество означает, что предложенная модель позволит получить не только стоимостную оценку человеческого капитала, но и структурировать его на определенные компоненты. Подобная детализация не доступна при оценке абстрактной моделью;
- 3) доступность данных (микроуровень, мезоуровень). Данные, необходимые для проведения оценки, возможно получить непосредственно от носителя человеческого капитала, что уменьшает информационный шум, амбивалентность оценки. Применение фактической модели дает широкие возможности для планирования, организации, мотивации и контроля за человеческими ресурсами организации. Позволяет проводить оценку как администрации хозяйствующего субъекта, так и носителю человеческого капитала для личных нужд;
- 4) анализ на основе данных. Собранные данные возможно хранить в базе данных, что позволяет использовать их в рамках государственного управления. При использовании данной модели в рамках субъекта РФ открываются новые возможности контроля за человеческим ресурсом, определения эффектов от проводимой внутренней и внешней политики. Применение модели можно масштабировать до макроуровня при увеличении количества и географии субъектов оценки.

Заключение

Как отмечают зарубежные и отечественные специалисты, основой современной конкурентной эффективности хозяйствующего субъекта является человеческий капитал. В то же время его нематериальная сущность вызывает ряд сложностей для управления в рамках хозяйствующих субъектов, что замедляет развитие парадигмы управления «на основе данных». Предложенная фактическая модель оценки человеческого капитала позволяет осуществить полноценный процесс выявления стоимости, переводя нематериальные активы в максимально ликвидную единицу измерения. При этом полученные результаты оценки соотносятся

с общемировой практикой оценки на основе абстрактных моделей, а разработанный инструментарий по классификации итогов позволяет оперативно делать выводы.

Дальнейшие исследования будут сосредоточены на выявлении особенностей групп в рамках континуума оценки человеческого капитала и на разработке программного обеспечения, позволяющего проводить оценку и оцифровывать ее результаты в максимально оперативные сроки с использованием искусственного интеллекта, упрощающего принятие управленческих решений.

Выявленные преимущества фактической модели оценки человеческого капитала подтверждают ее актуальность и практическую значимость для целей государственного управления, открывая новые горизонты в планировании, организации, мотивации человеческого ресурса.

Список литературы:

Батракова Л.Г. Человеческий капитал в экономике 21 века: политэкономический аспект // Теоретическая экономика. 2021. № 7. С. 51–58. DOI: [10.52957/22213260_2021_7_51](https://doi.org/10.52957/22213260_2021_7_51)

Воронов А.С., Леонтьева Л.С., Орлова Л.Н., Сергеев С.С. Оценка состояния человеческого капитала на этапе шестого технологического уклада: региональный аспект // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 90. С. 108–125. DOI: [10.24412/2070-1381-2022-90-108-125](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-90-108-125)

Глазьев С.Ю., Воронов А.С., Леонтьева Л.С., Орлова Л.Н., Сухарева М.А. О формировании человеческого капитала на разных этапах социально-экономического развития // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 82. С. 140–170. DOI: [10.24411/2070-1381-2020-10096](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10096)

Добрынин А.И., Дятлов С.А., Цыренова Е.Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. СПб.: Наука, 1999.

Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие / под ред. Я.И. Кузьмина, Л.Н. Овчаровой, Л.И. Якобсона. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.

Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России?: препринт WP3/2012/06. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Комаров Н.М., Пашенко Д.С. Современная высокотехнологичная компания в IT-отрасли: краткий обзор // Вестник Евразийской науки. 2019. Т. 11. № 4. URL: <https://esj.today/PDF/58SAVN419.pdf>

Лукианчикова Т.Л. Инвестиции и социально-экономические границы воспроизводства трудового капитала // Журнал экономической теории. 2011. № 2. С. 126–134.

Селетков С.Г. Соискателю ученой степени. Ижевск: Изд-во ИЖГТУ, 2002.

Скоблякова И.В., Ефремова С.М. Формирование индикаторов оценки эффективности использования человеческого капитала в пищевой промышленности // Техника и технология пищевых производств. 2021. Т. 51 № 3. С. 529–537.

Слепенкова Ю.М. Потери человеческого капитала, вызванные эмиграцией // Проблемы прогнозирования. 2022. № 4. С. 112–123. DOI: [10.47711/0868-6351-193-112-123](https://doi.org/10.47711/0868-6351-193-112-123)

Ташев А.К. Трудовой потенциал промышленного предприятия и его трансформация в человеческий капитал // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2013. Т. 7. № 1. С. 92–96.

Тугускина Г.Н. Сравнительный анализ современных методик оценки человеческого капитала предприятий // Менеджмент в России и за рубежом. 2022. № 3. С. 80–85.

- Человеческий капитал: содержание и виды, оценка и стимулирование / под ред. проф. В.Т. Смирнова. М.: Машиностроение 1, Орел: ОрелГТУ, 2005.
- Щербаков А.С. Специфика оценки человеческого капитала // Научное обозрение: теория и практика. 2022. Т. 12. № 6(94). С. 1036–1047.
- Щербаков А.С. Менеджмент личности как часть модели оценки человеческого капитала // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 1. С. 217–219. URL: <https://www.online-science.ru/userfiles/file/wklo4c0t8mmbvnjnnc3cgilwad5fgc48.pdf>
- Abraham K.G., Mallatt J. Measuring Human Capital // Journal of Economic Perspectives. 2022. Vol. 36. Is. 3. P. 103–130. DOI: [10.1257/jep.36.3.103](https://doi.org/10.1257/jep.36.3.103)
- Atangana B.D.N., Tabi H.N. Technical Education, Vocational Training and Industrialisation in SubSaharan Africa (SSA) // Journal of Sustainable Development. 2022. Vol. 15. Is. 1. P. 65–81. DOI: [10.5539/jsd.v15n1p65](https://doi.org/10.5539/jsd.v15n1p65)
- Bullen M.L., Eyler K.A. Human Resource Accounting and International Developments: Implications for Measurement of Human Capital // Journal of International Business and Cultural Studies. 2010. Vol. 33. P. 1–16.
- Cezanne C., Krafft J., Saglietto L.A Survey of the Literature on Human Capital-Intensive Firms // Journal of Economic Surveys. 2019. Vol. 33. Is. 2. P. 458–480. DOI: [10.1111/joes.12285](https://doi.org/10.1111/joes.12285)
- Chen B. The Impact of Human Capital on Enterprise Management // SHS Web of Conferences. 3rd International Symposium on Economics, Management, and Sustainable Development (EMSD 2022). 2022. Vol. 151. DOI: [10.1051/shsconf/202215101014](https://doi.org/10.1051/shsconf/202215101014)
- Dubra I. Human Capital Impact on the Enterprise Competitiveness // Publications of International Conference. 2010. Vol. 1. Is. 26. P. 53–57.
- Forsyth H. Education as Economic Stimulus in the Human Capital Century // History of Education Review. 2023. Vol. 52. Is. 1. P. 1–13. DOI: [10.1108/HER-03-2022-0008](https://doi.org/10.1108/HER-03-2022-0008)
- Goldin C. Human Capital // Handbook of Cliometrics / ed. by C. Diebolt, M. Hauptert. Heidelberg: Springer Verlag, 2016. P. 55–86.
- Heckman J.J., Jagelka T., Kautz T.D. Some Contributions of Economics to the Study of Personality // NBER Working Paper. 2019. WP 26459. DOI: [10.3386/w26459](https://doi.org/10.3386/w26459)
- Heckman J.J., Zhou J. Measuring Knowledge // NBER Working Paper. 2022. No. w29990. URL: <https://ssrn.com/abstract=4098311>
- Mubarik M.S., Chandran V., Devadason E.S. Measuring Human Capital in Small and Medium Manufacturing Enterprises: What Matters? // Social Indicators Research. 2018. Vol. 137. P. 605–623. DOI: [10.1007/s11205-017-1601-9](https://doi.org/10.1007/s11205-017-1601-9)
- Piao X., Managi S. Evaluation of Employee Occupational Stress by Estimating the Loss of Human Capital in Japan // BMC Public Health. 2022. Vol. 22. Is. 1. DOI: [10.1186/s12889-022-12751-7](https://doi.org/10.1186/s12889-022-12751-7)
- Walker S.P., Chang S.M., Wright A.S., Pinto R., Heckman J.J., Grantham-McGregor S.M. Cognitive, Psychosocial, and Behaviour Gains at Age 31 Years from the Jamaica Early Childhood Stimulation Trial // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2022. Vol. 63. Is. 6. P. 626–635. DOI: [10.1111/jcpp.13499](https://doi.org/10.1111/jcpp.13499)
- Zhao K. Evaluation and Prediction of Regional Human Capital Based on Optimised BP Neural Network // Applied Mathematics and Nonlinear Sciences. 2022. URL: <https://sciendo.com/pdf/10.2478/amns.2022.1.00017>

References:

- Abraham K.G., Mallatt J. (2022) Measuring Human Capital. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 36. Is. 3. P. 103–130. DOI: [10.1257/jep.36.3.103](https://doi.org/10.1257/jep.36.3.103)
- Atangana B.D.N., Tabi H.N. (2022) Technical Education, Vocational Training and Industrialisation in SubSaharan Africa (SSA). *Journal of Sustainable Development*. Vol. 15. Is. 1. P. 65–81. DOI: [10.5539/jsd.v15n1p65](https://doi.org/10.5539/jsd.v15n1p65)
- Batrakova L.G. (2021) Human Capital in the 21st Century Economy: Political Economy Aspect. *Teoreticheskaya ekonomika*. No. 7. P. 51–58. DOI: [10.52957/22213260_2021_7_51](https://doi.org/10.52957/22213260_2021_7_51)
- Bullen M.L., Eyler K.A. (2010). Human Resource Accounting and International Developments: Implications for Measurement of Human Capital. *Journal of International Business and Cultural Studies*. Vol. 33. P. 1–16.
- Cezanne C., Krafft J., Saglietto L. (2019) A Survey of the Literature on Human Capital-Intensive Firms. *Journal of Economic Surveys*. Vol. 33. Is. 2. P. 458–480. DOI: [10.1111/joes.12285](https://doi.org/10.1111/joes.12285)
- Chen B. (2022) The Impact of Human Capital on Enterprise Management. *SHS Web of Conferences. 3rd International Symposium on Economics, Management, and Sustainable Development (EMSD 2022)*. Vol. 151. DOI: [10.1051/shsconf/202215101014](https://doi.org/10.1051/shsconf/202215101014)
- Dobrynin A.I., Dyatlov S.A., Tsyrenova E.D. (1999) *Chelovecheskiy kapital v tranzitivnoy ekonomike: formirovaniye, otsenka, effektivnost' ispol'zovaniya* [Human capital in a transitive economy: Formation, evaluation, efficiency of use]. Saint Petersburg.: Nauka.
- Dubra I. (2010) Human Capital Impact on the Enterprise Competitiveness. *Publications of International Conference*. Vol. 1. Is. 26. P. 53–57.
- Forsyth H. (2023) Education as Economic Stimulus in the Human Capital Century. *History of Education Review*. Vol. 52. Is. 1. P. 1–13. DOI: [10.1108/HER-03-2022-0008](https://doi.org/10.1108/HER-03-2022-0008)
- Glazyev S.Yu., Voronov A.S., Leontieva L.S., Orlova L.N., Sukhareva M.A. (2020) On Formation of Human Capital at Different Stages of Socio-Economic Development. *Gosudarstvennoye upravlenie. Elektronnyy vestnik*. No. 82. P. 140-170. DOI: [10.24411/2070-1381-2020-10096](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10096)
- Goldin C. (2016) Human Capital. In: Diebolt C., Hauptert M. (eds.) *Handbook of Cliometrics*. Heidelberg: Springer Verlag. P. 55–86.
- Heckman J.J., Jagelka T., Kautz T.D. (2019). Some Contributions of Economics to the Study of Personality. *NBER Working Paper*. WP 26459. DOI: [10.3386/w26459](https://doi.org/10.3386/w26459)
- Heckman J.J., Zhou J. (2022) Measuring Knowledge. *NBER Working Paper*. No. w29990. Available: <https://ssrn.com/abstract=4098311>
- Kapelyushnikov R.I. (2012) *Skol'ko stoit chelovecheskiy kapital Rossii?: preprint WP3/2012/06* [Russia's human capital: What is its value?]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Komarov N.M., Pashchenko D.S. (2019) Modern Hi-Tech IT-Company: Brief Overview. *Vestnik Evraziyskoy nauki*. Vol. 11. No. 4. Available: <https://esj.today/PDF/58SAVN419.pdf>
- Kuz'minova YA.I., Ovcharovoy L.N., Yakobsona L.I. (eds.) (2018) *Kak uvelichit' chelovecheskiy kapital i ego vklad v ekonomicheskoe i sotsial'noe razvitiye* [How to increase human capital and its contribution to economic and social development]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Luk'yanchikova T.L. (2011) Investitsii i sotsial'no-ekonomicheskie granitsy vosproizvodstva trudovogo kapitala [Investments and socio-economic boundaries of labor capital reproduction]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*. No. 2. P. 126–134.
- Mubarik M.S., Chandran V., Devadason E.S. (2018). Measuring Human Capital in Small and Medium Manufacturing Enterprises: What Matters? *Social Indicators Research*. Vol. 137. P. 605–623. DOI: [10.1007/s11205-017-1601-9](https://doi.org/10.1007/s11205-017-1601-9)

- Piao X., Managi S. (2022) Evaluation of Employee Occupational Stress by Estimating the Loss of Human Capital in Japan. *BMC Public Health*. Vol. 22. Is. 1. DOI: [10.1186/s12889-022-12751-7](https://doi.org/10.1186/s12889-022-12751-7)
- Seletkov S.G. (2002) *Soiskatelyu uchenoy stepeni* [To a candidate for an academic degree]. Izhevsk: Izd-vo IzhGTU.
- Shcherbakov A.S. (2022) Specificity of Human Capital Assessment. *Nauchnoye obozreniye: teoriya i praktika*. Vol. 12. No. 6(94). P. 1036–1047.
- Shcherbakov A.S. (2023) Personality Management as Part of the Human Capital. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. No. 1. P. 217–219. Available: <https://www.online-science.ru/userfiles/file/wklo4c0t8mmbvijnce3cgilwad5fgc48.pdf>
- Skoblyakova I.V. Efremova S.M. (2021) Formation of Indicators for Assessing the Effectiveness of the Use of Human Capital in the Food Industry. *Tekhnika i tekhnologiya pishchevykh proizvodstv*. Vol. 51 No. 3. P. 529–537.
- Slepenkova Yu.M. (2020) Loss of Human Capital Caused by Emigration. *Problemy prognozirovaniya*. No. 4. P. 112–123. DOI: [10.47711/0868-6351-193-112-123](https://doi.org/10.47711/0868-6351-193-112-123)
- Smirnov V.T. (ed.) (2005) *Chelovecheskiy kapital: sodержanie i vidy, otsenka i stimulirovaniye* [Human capital: Content and types, evaluation and stimulation]. Moscow: Mashinostroenie 1, Orel: OreLGTU.
- Tashchev A.K. (2013) Labour Potential of Industrial Enterprise and Its Transformation to the Human Capital. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment*. Vol. 7. No. 1. P. 92–96.
- Tuguskina G.N. (2022) Comparative Analysis of Modern Methods for Assessing the Human Capital of Enterprises. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom*. No. 3. P. 80–85.
- Voronov A.S., Leontieva L.S., Orlova L.N., Sergeev S.S. (2022) Assessment of Human Capital State at the Stage of the Sixth Technological Paradigm: Regional Aspect. *Gosudarstvennoye upravlenie. Elektronnyy vestnik*. No. 90. P. 108–125. DOI: [10.24412/2070-1381-2022-90-108-125](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-90-108-125)
- Walker S.P., Chang S.M., Wright A.S., Pinto R., Heckman J.J., Grantham-McGregor S.M. (2022) Cognitive, Psychosocial, and Behaviour Gains at Age 31 Years from the Jamaica Early Childhood Stimulation Trial. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. Vol. 63. Is. 6. P. 626–635. DOI: [10.1111/jcpp.13499](https://doi.org/10.1111/jcpp.13499)
- Zhao K. (2022). Evaluation and Prediction of Regional Human Capital Based on Optimised BP Neural Network. *Applied Mathematics and Nonlinear Sciences*. Available: <https://sciendo.com/pdf/10.2478/amns.2022.1.00017>

Дата поступления/Received: 17.03.2023

Правовые и политические аспекты управления
Legal and political aspects of governance

DOI: 10.24412/2070-1381-2023-98-114-122

Этнополитическая стабильность, форма правления и территориальное устройство
государства: особенности и механизмы взаимосвязи

Полунов Александр Юрьевич

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: polunov@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [5065-8701](#)

ORCID ID: [0000-0002-4484-6003](#)

Аннотация

Перед политиками в наши дни стоит вопрос о том, как совместить региональные различия и этническое многообразие, присущие современным государствам, с необходимостью обеспечения их территориальной целостности. Одним из инструментов решения этой задачи стало применение принципов этнофедерализма — организации территориальной структуры государства с учетом этнического фактора. Последствия применения этого принципа достаточно противоречивы, однако в настоящее время политические элиты культурно неоднородных государств склоняются к его использованию в той или иной форме. Важную роль с точки зрения гармонизации межэтнических отношений играет и выбор той или иной формы правления (парламентской, президентской, смешанной). В статье рассматриваются сильные и слабые стороны каждого подхода. Сторонники президентизма, заявляют, что основой стабильности в культурно сложном обществе может стать только сильная президентская власть. Однако правительство в рамках данной системы не является коалиционным, что снижает шансы различных этнических общностей быть представленными в нем. Большой простор для участия этнических, религиозных и лингвистических групп в отправлении власти открывает парламентская система. Однако подобная ситуация несет угрозу разделения социума на конкурирующие этнокультурные сообщества. В целом следует сделать вывод, что взаимосвязь между территориальным устройством государства, формами правления и возможностями для гармонизации межэтнических отношений носит сложный, нелинейный характер. При этом можно утверждать, что при любых обстоятельствах наличие эффективно работающих демократических институтов — регулярных и честных выборов, разделения властей — является необходимым условием обеспечения этнополитической стабильности в культурно неоднородных обществах.

Ключевые слова

Этнос, этнокультурные меньшинства, федерализм, регионализм, демократия, принципы построения многонационального государства.

**Ethno-political Stability, Form of Government and Territorial Structure of the State:
Features and Mechanisms of Interconnection**

Alexander Yu. Polunov

DSc (History), Professor, Head of the Interethnic and Interfaith Relations Management Department, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: polunov@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0002-4484-6003](#)

Abstract

Political leaders are facing today the question of how to combine an ethnic diversity and regional differences inherent to the majority of modern states with assuring their territorial integrity. One of the tools for solving this problem is the use of ethno-federalism — the organization of the state's territorial structure on the base of ethnic principle. The consequences of using this principle are quite controversial, but the elites of culturally heterogeneous states are inclined now to use it in one form or another. An important impact on harmonizing interethnic relations has also the choice of one or another form of government (parliamentary, presidential, mixed). The article discusses the strengths and weaknesses of each approach. Supporters of presidentialism claim that only a strong presidential power can assure stability in a culturally complex society. However, the government within this system is not a coalition, which reduces the chances of various ethnic communities being represented in it. The parliamentary system provides more possibilities for the participation of ethnic, religious and linguistic groups in the exercise of power. However, such a situation threatens to divide society into competing ethno-cultural communities. In general, it should be concluded that the relationship between the territorial structure of the state, forms of government and opportunities for harmonizing interethnic relations is complex, non-linear. At the same time, it can be argued that under any circumstances, the activities of effectively functioning democratic institutions — regular and fair elections, separation of powers — is a necessary condition for ensuring ethno-political stability in culturally heterogeneous societies.

Keywords

Ethnos, ethno-cultural minorities, federalism, regionalism, democracy, principles of a multinational state building.

Введение

Важнейшей задачей, стоящей в настоящее время перед этнически неоднородными сообществами, к числу которых, безусловно, относится и Россия, является поддержание политической стабильности, территориальной целостности государства, предотвращение складывания условий, при которых этничность становится носителем дезинтеграционных тенденций. По мнению Л.В. Савинова, именно в сфере межэтнических отношений сегодня «сосредоточены наиболее вероятные угрозы и риски национальной безопасности» [Савинов 2021, 75]. Важнейшие из этих угроз могут «продуцироваться деструктивными этносоциальными процессами, в большей степени определяемыми этническим и религиозным экстремизмом, которые в свою очередь основываются на различных социальных неравенствах экономического, культурного и иного содержания» [Там же, 77–78]. Современный исторический опыт, как отмечают исследователи, доказывает несостоятельность доктрин, постулирующих затухание этнического самосознания и стирание этнических различий под влиянием глобализации, индустриализации, урбанизации и демократизации [Санчат 2021, 97]. Этнокультурный фактор продолжает играть значительную роль в жизни современных государств, влияя, в частности, на их территориальную структуру и региональную политику. Поскольку этнические сообщества так или иначе связаны с определенными территориями, формируются в их рамках и во многом оказывают воздействие на их социокультурный облик, политикам приходится в своей деятельности учитывать это обстоятельство, выстраивая свою стратегию в соответствии с региональной и культурной неоднородностью общества.

Принципы построения многонациональных государств

Как совместить региональные различия и этническое многообразие населения, присущие большинству современных государств, с задачей обеспечения их территориального единства, предотвращения конфликтов на этнополитической почве? Данный вопрос является предметом постоянных дискуссий в научном сообществе. Неудачный опыт построения социалистических федераций — СССР, Югославии, Чехословакии, распавшихся в начале 1990-х гг., — побуждает многих ученых и политиков скептически относиться к принципу территориальной привязки этничности, стремлению разрешить противоречия между народами путем построения федеративных государств на этнической основе. Указывалось, что подобная практика закладывала основу для этносепаратизма, способствовала закреплению культурных различий между отдельными группами населения, эссенциализации этих различий. Подобной ситуации способствовало то обстоятельство, что и в науке, и в политической практике советского времени национальности (этносы) рассматривались как сообщества, близкие по своему характеру к явлениям природы: они имели корни, уходившие в глубокое прошлое, развивались эволюционно и, главное, обладали достаточно устойчивым составом, ярко выраженными различительными признаками и четко очерченными границами [Там же, 95–97].

Не отрицая явно выраженных элементов примордиализма, характерных для советского понимания этничности и действительно в ряде случаев ужесточивших границы между национальностями, следует отметить, что использование этнокультурного принципа при построении государства и определении его территориальной структуры отнюдь не сводилось к советскому опыту и тем более не опиралось на него как на главный источник. По замечанию многих исследователей, даже нации подчеркнута гражданского характера (то есть провозглашающие основой своего единства определенные политико-правовые принципы — Франция, США) никогда не были индифферентны к различиям культурного свойства

и стремились к достижению культурной гомогенности¹. Многие современные политические сообщества изначально формировались на основе преимущественно этнокультурных принципов (германская, итальянская политические нации). Подобная ситуация начиная с XIX в. способствовала развитию важных политических процессов. Целый ряд групп, входивших в состав крупных государств, но при этом наделенных этнокультурным своеобразием (языковые, конфессиональные, региональные отличия, особые исторические традиции и др.), стали стремиться перерасти в нации — политически самостоятельные сообщества. Предельной точкой такого стремления становится обретение собственной государственности.

Внутренние нации как источник противоречий

Стремление стать нацией (то есть общностью, наделенной четко выраженным самосознанием и способностью к коллективным действиям, самоуправлению, имеющей признанных лидеров) получило весьма широкое распространение и способствовало тому, что на исторической арене появился целый ряд групп, хотя и не имеющих своего государства, но соответствующих понятию нации по многим другим критериям. Ученые определяют такие сообщества как «безгосударственные нации», «малые нации», в некоторых случаях — «внутренние нации». Наиболее часто к данной категории сообществ относят квебекцев, шотландцев, фламандцев, каталонцев, басков, курдов, палестинцев. По замечанию А.Н. Мочалова, подобные общности наделены в представлениях многих людей теми же чертами, что и «настоящие» нации, а главное отличие — отсутствие собственного государства — может рассматриваться «как следствие случайного стечения обстоятельств и исторической несправедливости». Естественно, отношения между внутренними нациями и теми государствами, в состав которых они входят, оказываются весьма сложными и противоречивыми. При этом провести четкую границу между безгосударственными нациями и обычными территориально концентрированными этнокультурными общностями на практике весьма трудно. Каждая из таких общностей может начать в определенный момент выдвигать характерные для нации политические требования [Мочалов 2021, 100].

Очевидная угроза государственной целостности, которую несло и продолжает нести существование внутренних наций (а также просто этнических меньшинств, способных выдвинуть политические требования), побуждало лидеров культурно неоднородных государств в течение долгого времени принимать жесткие меры по отношению к этим явлениям. Проводилась политика принудительной ассимиляции, в некоторых случаях — сегрегации, депортаций и геноцида. Следует отметить, что и без этих крайних мер во многих вполне демократических государствах этнические меньшинства и региональные сообщества не всегда имели возможность отстаивать свои политические интересы просто потому, что на выборах они «подавлялись» большинством населения. Такая ситуация вела к отчуждению меньшинств, порождала их протест и провоцировала нестабильность. Все это заставляло задуматься об изменении существующих механизмов этнонациональной политики. Необходимость такого изменения диктовалась и широко развернувшейся в западном мире во второй половине XX в. (особенно с 1960-х гг.) борьбой за расширение демократии и улучшение положения меньшинств, в том числе этнокультурных сообществ. Последние стали рассматриваться как носители коллективных прав, не менее важных, чем индивидуальные права граждан, представлявшие собой с точки зрения классического

¹Ряд исследователей отмечает, что в целом различия между гражданским и этнокультурным типами наций весьма условны, в чистом виде гражданские нации практически не встречаются. Фиксация отличий — это скорее аналитический инструмент, применяемый этнополитологами в ходе исследований, или способ охарактеризовать стратегии элит в процессе нациестроительства, нежели описание того, что существует в реальности. См.: [Goode 2019, 142].

либерализма основу демократии. Одним из инструментов учета и реализации подобных прав стало применение механизмов этнофедерализма, придание этнокультурных черт федеративным структурам управления².

Федерализм и этнокультурные меньшинства

Важность использования институтов федерализма, по мнению ряда известных политологов, например Р. Даля, У. Кимлики и др., определяется тем, что они позволяют совместить принципы демократии, основанные на верховенстве большинства, с учетом интересов этнических и региональных групп, составляющих меньшинство в рамках государства [Kymlicka 2001, 91–119; Dahl 1983]. На уровне регионов и других субнациональных единиц, обладающих автономией в рамках федерации, данные группы оказываются большинством и получают таким образом возможность отстаивать свои интересы вполне демократическим путем, на основе классической мажоритарной системы. Кроме того, автономия субъектов федерации дает возможность культурно обособленной общности самостоятельно решать ряд важных для нее вопросов, в том числе в сфере поддержания идентичности (язык, культура, демография, образование, экология, развитие традиционных видов хозяйства и др.). Наконец, этнокультурные меньшинства через предусмотренные в рамках федерализма механизмы представительства субъектов получают возможность участвовать в выработке и принятии политических решений на общегосударственном уровне, что создает условия для успешной интеграции меньшинств в национальное сообщество.

Разумеется, политические традиции далеко не всех государств-наций предусматривают возможность управления посредством федерализма. Но даже те из них, государственное устройство которых базируется на имеющих глубокие корни принципах унитаризма, в определенной степени отходят от этих принципов, переходят в последние десятилетия к расширению прав регионов. «Принимая во внимание тот факт, — подчеркивает в связи с этим Е.Е. Кочетков, — что “чистых” форм территориально-политического устройства в современном мире становится все меньше, есть все основания говорить, что сейчас... происходит постепенное дополнение федеративными чертами унитарных государств». В результате складываются политические системы, представляющие собой «что-то среднее между унитарным и федеративным территориально-политическим устройством» [Кочетков 2022, 89]. Число таких политических систем неуклонно увеличивается. Черты федерализма (квазифедерализма) характерны в настоящее время для устройства таких формально унитарных государств, как Испания, Италия, в определенной степени — Великобритания. Интересен опыт одного из крупнейших федеративных государств мира — Индии. В ответ на вызовы внутреннего национализма она перешла к учету лингвистического фактора, а затем и этнического при формировании субъектов федерации.

В некоторых случаях переход к этнофедерализму позволяет предотвратить казавшуюся неизбежной дезинтеграцию культурно неоднородного государства. Примером может служить Бельгия, провозгласившая себя в 1993 г. федерацией на основе признания особых прав и самоуправления двух крупнейших этнокультурных общин государства — франкоязычных валлонов и говорящих по-голландски фламандцев. Примечательно, что произошло это тогда, когда распадалась (или вскоре после того, как распались) социалистические федерации, основанные на этническом начале.

² Об учете этнокультурного и этнолингвистического факторов в ходе государственного строительства Индии и Китая в XX в., учете советского опыта этнофедерализма в ходе этих процессов см.: [Matsuzato 2017, 1047–1068].

Негативный опыт стран социалистического лагеря, как отмечалось выше, до сих пор рассматривается многими экспертами как важный аргумент против политики территориальной привязки этничности, и опыт некоторых современных западных государств, казалось бы, также доказывает этот тезис. Достаточно вспомнить получившее широкий резонанс движение за независимость Шотландии и Каталонии, проведенный в 1995 г. референдум по вопросу об отделении от Канады Квебека. Однако данные конфликты получили более или менее мирное разрешение и не привели к появлению новых политических единиц на карте мира. В чем же причины столь разного эффекта от применения одного и того же этнического принципа при построении различных государств и определении их территориальной структуры? По справедливому замечанию А.Н. Мочалова, все дело в наличии или отсутствии эффективно работающих демократических институтов. В условиях отсутствия демократии, действенных механизмов поиска компромисса и согласования различных интересов формирование структуры культурно неоднородного государства на основе этнического принципа рано или поздно станет фактором дезинтеграции [Мочалов 2021, 100]. В подобной ситуации решающее значение для поддержания целостности государства имеет не только его территориальная структура, но и существующая в нем форма правления. О значении последнего обстоятельства, его роли в обеспечении этнополитической стабильности государства среди ученых также идут острые споры.

Подходы к обеспечению этнополитической стабильности государства

Суммируя сложившиеся на настоящий момент в политической науке подходы к вопросу о роли различных форм правления в обеспечении этнополитической стабильности государства, современный исследователь О.И. Зазнаев выделяет три ключевых позиции, представленных соответственно в работах А. Лейпхарта, Д. Горовица, а также Ф. Редера и Д. Ротшильда. Согласно первому, консоциативному (или общественному) подходу (А Лейпхарт), различные этнические, религиозные и лингвистические группы (именно в качестве отдельных групп) должны совместно участвовать в отправлении власти, как бы делить ее доли между собой (power-sharing). Оптимальной формой правления при таком подходе считается парламентская система. Президентство допускается преимущественно в коллективной форме или при условии постоянной ротации занимающих эту должность лиц [Лейпхарт 1997, 26–34, 60–88]. С точки зрения Д. Горовица, представляющего центристский (или интегративный) подход, напротив, лишь сильная президентская власть, стоящая над этническими разделениями, способна обеспечить стабильность в культурно сложном обществе. Основными акторами политической жизни должны стать не этнокультурные группы, а мультиэтнические партии или широкие межэтнические коалиции, создаваемые на базе региональных или общих экономических интересов [Зазнаев 2021, 28–29].

Сторонники третьего, разделительного подхода (Ф. Редер и Д. Ротшильд) полагают, что обеспечить гармонизацию интересов различных этнокультурных общностей позволит наличие множества форм большинства. С точки зрения этой группы исследователей, характерный для демократии принцип сдержек и противовесов должен получить максимальное развитие. Уравновешивать друг друга должны не только три классические ветви власти. Необходимо всемерное развитие конкуренции между отдельными учреждениями в рамках каждой из ветвей, между этими учреждениями и институтами гражданского общества. В каждом из таких органов решения должны приниматься по принципу большинства. Это создаст возможность этнокультурным группам, оказавшимся в рамках какого-либо из институтов меньшинством,

получить большинство в других сферах [Там же, 29–30]. Безусловно, у каждой формы правления с точки зрения обеспечения условий для этнокультурной стабильности есть свои преимущества. Но очевидны и недостатки каждой из них.

Прежде всего, говоря о разделительном подходе, необходимо отметить, что количество сдержек и противовесов в рамках государственного аппарата нельзя умножать сверх определенного предела. Внутри исполнительной ветви власти эффективную конкуренцию организовать сложно (это попросту может привести к межведомственной борьбе), да и принцип «большинства — меньшинства» здесь не работает: как правило, в органах исполнительной власти применяется правило единоначалия. Консоциативный подход справедливо критикуют за то, что его реализация ведет к закреплению и даже усилению межгрупповых различий, что, в свою очередь, может способствовать обострению конфликтов на этнополитической почве. Казалось бы, наибольшие возможности для обеспечения этнополитической стабилизации открывает центростремительный (интегративный) подход. Действительно, в культурно разделенном обществе всенародно избранный президент вполне может выступать как третейский судья, а в случае необходимости пойти на принятие непопулярных, но необходимых решений.

Хотя президент, разумеется, является носителем определенной этничности, само положение лидера нации будет побуждать его учитывать в своей деятельности интересы всех этнокультурных групп. Поскольку президент и парламент в рамках президентской системы избираются по отдельности, сторона, проигравшая при избрании главы государства, вполне может победить на выборах в парламент, и тогда влияние противоборствующих сил будет уравновешено. Конфликт (если он есть) будет разрешен в институциональной плоскости. Указанные достоинства президентской формы правления способствовали тому, что ряд государств с культурно сложным составом населения перешли к ней, столкнувшись с межобщинными конфликтами (Шри-Ланка и Нигерия в 1978 г.). Вместе с тем президенциализм, разумеется, не является панацеей.

Сама по себе ситуация борьбы в ходе выборов президента за одну высшую должность, которая достается единственному победителю, неизбежно, по замечанию О.И. Зазнаева, «усугубляет этнорегиональные риски и межэтническую напряженность» в культурно разделенных обществах [Там же, 33]. Президент избирается на жестко фиксированный срок, и сместить его (в отличие от правительства при парламентской системе) можно только через процедуру импичмента. Само правительство в условиях президенциализма не является коалиционным, что снижает шансы различных этнических групп быть представленными в нем. Все это способствует тому, что даже в странах с сильной президентской властью межэтнические конфликты не являются редкостью. Единый рецепт для их предотвращения отсутствует. Во всяком случае, нельзя сказать, что он как-то связан с той или иной четко определенной формой правления. Выбор последней в каждом отдельном случае зависит от социокультурного облика того или иного общества — исторических традиций, уровня полиэтничности, наличия позитивного опыта межэтнического взаимодействия. Вместе с тем, как и в случае с разными типами территориального устройства государства, эффективность той или иной формы правления безусловно зависит от наличия действенных демократических институтов, проведения выборов на честной соревновательной основе.

Подобно тому, как в сфере территориального устройства культурно сложных государств во многих случаях утверждается средний между унитаризмом и этнофедерализмом вариант, регионализм, расширение самостоятельности регионов, поиск оптимальной формы правления

могут приводить такие государства также к выбору среднего варианта — полупрезидентской республике. Эта форма обладает определенными преимуществами как президентской, так и парламентской систем. С одной стороны, здесь присутствует сильный глава исполнительной власти, избираемый на всеобщих выборах и способный выступить третейским судьей в межобщинных конфликтах. С другой стороны, правительство формируется при участии парламента, и, значит, появляется больше возможностей для раздела полномочий между различными этническими общинами, больше площадок для поиска компромисса. Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов и определенные преимущества консоциативного подхода.

Являющийся проявлением подобного подхода принцип этнического квотирования (закрепление определенных должностей в системе управления, создание норм представительства для тех или иных этнических групп) неплохо зарекомендовал себя в ряде государств и, в частности, в системах управления разными российскими регионами. Имеются также достаточно успешные опыты создания особых представительных институтов для определенных этнических общин, прежде всего коренных малочисленных народов. В этой связи показательно мнение Ю.П. Шабаева, отметившего, что проводившийся в России в последние десятилетия курс этнонациональной политики, вдохновленный интегративным подходом и вызванный опасением ужесточения границ между этническими группами, дал, по сути, отрицательный эффект — привел к уничтожению на местах ряда эффективных практик. Так, унификация избирательного законодательства привела к уничтожению успешно работавшей системы раздела полномочий между представителями разных этнических групп в Дагестане. Фактически недееспособной оказалась после изменения принципа выборов и Ассамблея коренных малочисленных народов, созданная в Думе Ханты-Мансийского автономного округа и ранее эффективно представлявшая интересы этнических меньшинств [Шабаев 2022, 112].

Выводы

Подводя итог, необходимо отметить, что характер взаимосвязи между территориальным устройством государства, формами правления и возможностями для гармонизации межэтнических отношений — вопрос, являющийся важнейшим с точки зрения политической науки и практики управления культурно сложными обществами, — значительно уточнен в исследованиях последних лет. Связь эта не является однозначной и прямолинейной. Успех использования той или иной формы правления, различных способов территориальной организации государства в каждом конкретном случае зависит от многих обстоятельств, прежде всего от особенностей социокультурного облика того или иного сообщества. Этнофедерализм, регионализм, создание территориальных автономий на основе этнического принципа далеко не всегда ведут к дезинтеграции государства, как и не во всех случаях способствуют его единству унитаризм и сильная президентская власть.

Применение принципов даже самого спорного (консоциативного) подхода (этническое квотирование, особые органы представительства для этнических меньшинств) далеко не во всех случаях оканчивается неудачно. В ряде ситуаций они работают успешно, и ужесточение границ между этническими группами нельзя считать неизбежным последствием их функционирования. В каждом случае нужно учитывать конкретные условия, делающие более или менее эффективным применение того или иного политического принципа. Вместе с тем можно утверждать, что при любых обстоятельствах наличие эффективно работающих демократических

институтов — регулярных и честных выборов, разделения властей — является необходимым (хотя и недостаточным) условием гармонизации межэтнических отношений в культурно неоднородных обществах.

Список литературы:

- Зазнаев О.И. Этнический конфликт и форма правления: современные дискуссии // Полис. Политические исследования. 2021. № 1. С. 25–40. DOI: [10.17976/jpps/2021.01.03](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.01.03)
- Савинов Л.В. Национальная политика и этнобезопасность // Вестник Российской нации. 2021. № 3. С. 71–78.
- Санчат С.С. Этнический фактор среды региональной политической системы // Вестник Российской нации. 2021. № 6. С. 94–100.
- Кочетков Е.Е. Перспективные траектории эволюции унитарного государства: между регионализацией и федерализацией // Вестник Российской нации. 2022. № 1–2. С. 82–91.
- Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М.: Аспект-Пресс, 1997.
- Мочалов А.Н. В поисках истоков многонационального федерализма // Полис. Политические исследования. 2021. № 1. С. 94–109. DOI: [10.17976/jpps/2021.01.07](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.01.07)
- Шабаяев Ю.П. Анатомия этнополитического конфликта // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2022. Т. 18. № 1. С. 108–115. DOI: [10.21638/spbu23.2022.107](https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.107)
- Dahl R. Federalism and the Democratic Process // *Nomos*. 1983. Vol. 25. P. 95–108.
- Goode P. Russia's Ministry of Ambivalence: The Failure of Civic Nation-Building in Post-Soviet Russia // *Post-Soviet Affairs*. 2019. Vol. 35. Is. 2. P. 140–160. DOI: [10.1080/1060586X.2018.1547040](https://doi.org/10.1080/1060586X.2018.1547040)
- Kymlicka W. *Politics in Vernacular: Nationalism, Multiculturalism, and Citizenship*. New York: Oxford University Press, 2001.
- Matsuzato K. The Rise and Fall of Ethnoterritorial Federalism: A Comparison of the Soviet Union (Russia), China and India // *Europe-Asia Studies*. 2017. Vol. 69. Is. 7. P. 1047–1069. DOI: [10.1080/09668136.2017.1374056](https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1374056)

References:

- Zaznayev O.I. (2021) Ethnic Conflict and Forms of Government: Contemporary Discussions. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. No. 1. P. 25–40. DOI: [10.17976/jpps/2021.01.03](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.01.03)
- Savinov L.V. (2021) Nationalities Policy and Ethnosecurity. *Vestnik Rossiyskoy natsii*. No. 3. P. 71–78.
- Sanchat S.S. (2021) Ethnic Factor of the Environment of the Regional Political System. *Vestnik Rossiyskoy natsii*. No. 6. P. 94–100.
- Kochetkov E.E. (2022) Promising Trajectories of the Evolution of a Unitary State: Between Regionalization and Federalization. *Vestnik Rossiyskoy natsii*. No. 1–2. P. 82–91.
- Lijphart A. (1997) *Democracy in Plural Societies a Comparative Exploration*. M.: Aspekt-Press.
- Mochalov A.N. (2021) In Search of the Origins of Multinational Federalism. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. No. 1. P. 94–109. DOI: [10.17976/jpps/2021.01.07](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.01.07)
- Shabayev Yu.P. (2022) The Anatomy of the Ethnopolitical Conflict. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. Vol. 18. No. 1. P. 108–115. DOI: [10.21638/spbu23.2022.107](https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.107)
- Dahl R. (1983) Federalism and the Democratic Process. *Nomos*. Vol. 25. P. 95–108.

Goode P. (2019) Russia's Ministry of Ambivalence: The Failure of Civic Nation-Building in Post-Soviet Russia. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 35. Is. 2. P. 140–160. DOI: [10.1080/1060586X.2018.1547040](https://doi.org/10.1080/1060586X.2018.1547040)

Kymlicka W. (2001) *Politics in Vernacular: Nationalism, Multiculturalism, and Citizenship*. New York: Oxford University Press.

Matsuzato K. (2017). The Rise and Fall of Ethnoterritorial Federalism: A Comparison of the Soviet Union (Russia), China and India. *Europe-Asia Studies*. Vol. 69. Is. 7. P. 1047–1069. DOI: [10.1080/09668136.2017.1374056](https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1374056)

Дата поступления/Received: 20.04.2023

Молодежное политическое лидерство в институциональном измерении: среда формирования и особенности развития

Селезнева Антонина Владимировна¹

Доктор политических наук, доцент, факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: ntonina@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [3774-1528](#)

ORCID ID: [0000-0003-2500-6356](#)

Томаев Азамат Хамзатович

Аспирант, факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: tomaev.msu@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: [6868-0797](#)

Хаткевич Александра Анатольевна

Студент магистратуры, факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: alexandra.a.khatkevich@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: [7170-6156](#)

ORCID ID: [0000-0001-7169-188X](#)

Аннотация

Молодежное политическое лидерство на современном этапе представляет собой формирующийся социально-политический феномен. Лидеры, которые начинают приобретать профессиональные компетенции и опыт в сфере молодежной политики, впоследствии продолжают свою карьеру в публичной политике и государственном управлении. В настоящей статье представлены результаты исследования среды формирования и особенностей развития молодежного политического лидерства в современной России. Методология исследования основана на институциональном подходе. В ходе анализа рассмотрены трактовки понятия «институт» и «институциональная среда»; проведен институциональный анализ среды формирования молодежных политических лидеров, существующей в нашей стране; сформирован пул институтов молодежной политики; реализована их типологизация. Предложенная авторами типология составлена на основании комплексного критерия, который включает в себя сущность, функции, структурно-организационные характеристики рассматриваемых институтов. В заключение сформулированы выводы, во-первых, о неоднородности институциональной среды российской молодежной политики; существенном характере количественных и качественных различий между институтами молодежной политики, функционирующими в современной России, и неравномерности их развития; во-вторых, о том, что эффективность развития лидерского потенциала молодежи в пространстве молодежной политики определяется во многом содержательно-организационной спецификой деятельности институтов молодежной политики, качеством отношений в молодежных организациях, характером реализуемых ими проектов, программ и мероприятий. Участвуя в них, представители молодежи приобретают лидерские качества и надпрофессиональные компетенции, расширяют свой социальный капитал, становятся молодежными лидерами, благодаря чему получают легитимность для продвижения в политическую сферу и, соответственно, становления в качестве молодежных политических лидеров.

Ключевые слова

Молодежное политическое лидерство, молодежные политические лидеры, молодежная политика, институциональное измерение, институты молодежной политики.

Youth Political Leadership in Institutional Dimension: Shaping Environment and Development Features

Antonina V. Selezneva²

DSc (Political Science), Associate Professor, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: ntonina@mail.ru

ORCID ID: [0000-0003-2500-6356](#)

Azamat Kh. Tomaev

Postgraduate student, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: tomaev.msu@gmail.com

Alexandra A. Khatkevich

Master's degree student, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: alexandra.a.khatkevich@gmail.com

ORCID ID: [0000-0001-7169-188X](#)

¹ Корреспондирующий автор.

² Corresponding author.

Abstract

Youth political leadership at the present stage is an emerging social and political phenomenon. Leaders who begin to acquire professional competencies and experience in the sphere of youth policy subsequently continue their careers in public policy and public administration. This article presents the results of a study of the shaping environment and development features of youth political leadership in modern Russia. The research methodology is based on an institutional approach. In the course of the study, the concepts of institute and institutional environment concepts are considered, an institutional analysis of the environment of formation of youth political leaders existing in our country is carried out, a pool of youth policy institutions is formed, their typologization is implemented. The proposed typology is based on a complex criterion that includes the essence, functions, structural and organizational characteristics of the considered institutions. The study indicates that the institutional environment of Russian youth policy is heterogeneous, the qualitative and quantitative differences between youth policy institutions in modern Russia are essential, the development of these institutions is uneven. Besides, the study reveals that effectiveness of youth leadership potential development in the space of youth policy is largely determined by the content and organizational specifics of youth policy institutions' activities, the quality of relations in youth organizations, the characteristics of the projects, programs and events implemented by them. Through such activities, young people acquire leadership qualities and supra-professional competencies, expand their social capital, become youth leaders, thereby gaining legitimacy to be professionally integrated into the political sphere and thus becoming youth political leaders.

Keywords

Youth political leadership, youth political leaders, youth policy, institutional dimension, youth policy institutions.

Введение

В настоящее время в нашей стране происходит формирование феномена молодежного политического лидерства. Этот процесс определяется, с одной стороны, активным развитием сферы молодежной политики в нашей стране, а с другой — широким распространением лидерского подхода во всех сферах жизни общества, в том числе в публичной политике и государственном управлении. При этом научное осмысление данного явления происходит с определенным временным опозданием — и в силу объективных скоростей исследовательских процессов, и в силу субъективных предпочтений ученых, определяющих фокусы своего внимания. Поэтому в настоящий момент, к сожалению, приходится констатировать, что тема молодежного политического лидерства находится на периферии исследовательских интересов политологов, равно как и представителей смежных отраслей социогуманитарного знания. А те исследования, которые проводятся, посвящены преимущественно вопросам восприятия молодежных политических лидеров самой молодежью [Taft, Gordon 2013; Шашкова 2019; Селезнева и др. 2022], их социокультурным и личностно-психологическим характеристикам [Кабакова 2014; Redmond, Dolan 2014; Palomares et al. 2021], особенностям их рекрутирования в политическую элиту [Stockemer, Sundström 2019; Ollion 2019; Francesco, Giovanni 2020], в том числе через политические партии и их молодежные отделения [Recchi 2001; Hooghe et al. 2004; Rainsford 2018].

Изучение молодежного политического лидерства предполагает в том числе рассмотрение средовых факторов, влияющих на развитие лидерского потенциала молодых людей и включение их во властные отношения уже в качестве собственно политических лидеров. Как отмечал Ж. Блондель, «среда фигурирует в каждой стадии анализа политического лидерства» [Блондель 1992, 10]. Российские исследователи уделяют особое внимание средовым условиям реализации лидерского потенциала молодежи, связанным со спецификой политической системы, политических традиций и текущих политических процессов в нашей стране [Молодежное политическое лидерство в российских регионах 2020, 216]. Для этого используется понятие «политический потенциал молодежного лидерства» как «совокупность характеристик общества и государства, определяющих возможности данной социально-демографической группы использовать наличные средства и ресурсы для реализации своих интересов поддержания стабильности в развитии общества, реализации и защиты национальных интересов посредством активного включения в различные модели политической деятельности» [Попова 2018, 464]. В качестве институционализированных каналов построения политической карьеры молодыми лидерами рассматриваются молодежные политические организации, политические партии и

избирательный процесс [Асеев, Шашкова 2021]. Однако понимание молодежных политических лидеров как не просто молодых лидеров, а именно «выходцев» из сферы молодежной политики с приобретенными в процессе работы в ней профессиональными компетенциями и опытом, позволяющим им впоследствии продолжать свою карьеру в публичной политике и государственном управлении, определяет необходимость рассмотрения конкретных институциональных условий формирования и развития их лидерского потенциала.

Институты и институциональная среда: поиск концептуальных оснований

Отправной точкой анализа любой проблемы является определение основных понятий и обозначение концептуальных рамок работы. В нашем случае это особенно важно, поскольку исходным для наших размышлений является понятие «институт», которое, как известно, не имеет однозначной дефиниции в рамках не только политологии, но и иных социогуманитарных наук. Мы не будем подробно описывать множество существующих точек зрения и направлений исследований, поскольку это уведет нас от предмета непосредственного изучения. Обозначим в самом общем виде наличие в политической науке трех основных трактовок понятия «институт»: «1) политическое установление — комплекс формальных и неформальных принципов, норм, правил, обуславливающих и регулирующих деятельность человека в политической области; 2) политическое образование, или учреждение, организация — определенным образом организованное объединение людей, та или иная политическая структура; 3) устойчивый тип политического поведения, выражающийся в определенной системе коллективных действий, процедуре, механизме» [Патрушев 2006, 10]. Указанные трактовки представляют соответственно три основных подхода к определению и изучению институтов: нормативный, организационный и акционный (интеракционный) [Абрамов 2010].

В дискурсе политической науки фигурируют такие производные от базового понятия, как «политический институт» [Макарин 2009], «государственный институт» [Шабров 2012], «публичный институт» [Соловьев 2018], «властный институт» [Гельман 1998], «институт власти и управления» [Соловьев 2021], «официальный институт» [Соловьев 2020], которые рассматриваются как близкие или тождественные по значению. Политический институт определяется как «исторически сложившаяся, нормативно закрепленная, организационно оформленная и регулярно воспроизводимая модель отношений, связанных с завоеванием политической власти, осуществлением общественного управления, а также с участием граждан в этих процессах» [Абрамов 2010, 55]. Под властным институтом (институтом власти) в работах ряда исследователей зачастую понимается орган власти [Гельман 1998]: например, институтом называется не парламентаризм, а парламент [Сморгунов 2007]. А.Ю. Сунгуров и соавторы идентифицируют общественные палаты, то есть конкретный вид организации гражданского общества, как «институт реализации патерналистской модели взаимодействия власти и общества» [Сунгуров и др. 2020]. В связи с этим следует отметить, что в политологической литературе представляется допустимым использовать понятие «институты гражданского общества» [Сморгунов 2022].

Для обозначения совокупности институтов в социогуманитарной науке используется несколько понятий (в качестве как тождественных, так и различных): «институциональная среда» [Подшивалова 2014; Kassman, Vamstad 2019], «институциональная система» [Нуртдинов, Нуртдинов 2011; The Institutions of the European Union 2022], «институциональное пространство» [Рубина 2016; Van Wijk et al. 2019], «институциональное поле» [Лебедев, Полянин 2015; Alvesson, Spicer 2019], «институциональный ландшафт» [Дрантусова, Князев 2013;

Nugent, Rhinard 2019]. Для решения наших исследовательских задач мы будем пользоваться термином «институциональная среда», который представляется нам наиболее точным и научно обоснованным. Институциональная среда, по мысли А.И. Соловьева, упорядочивает «взрывы живой фактичности» и придает «политической энергии человека скоординированные интересами социума формы» [Соловьев 2012, 5]. При этом важно отметить отсутствие единства в понимании ее сущности.

Разнообразие трактовок и аспектов применения понятия «институциональная среда» зависит не только от понимания базового термина («институт»), но и отрасли науки, в которой он используется. Например, в политической науке понятие «институциональная среда», по мнению С.П. Патрушева, относится к нормативной трактовке такого института, как «политическое установление», и означает правила и санкции, «формальные или неформальные, образующие политические, социальные и юридические рамки взаимодействий между людьми, обеспечивающие информацию и процедуры для координации действий» [Патрушев 2011, 143]. В экономической же науке, где это понятие обсуждается и применяется наиболее интенсивно, описания институциональной среды отличаются широким многообразием слов-определителей: «от классических слов — ценности, нормы, правила, ограничения, институты, рамки, до малораспространенных — организации, формы и система отношений, механизмы, способы, и даже экстраординарных — субъекты отношений» [Вайсман, Подшивалова 2017, 29]. Это означает, что экономисты в своих исследованиях институциональной среды опираются на разное понимание институтов: и как норм и правил, и как организаций (институций), и как отношений.

В контексте выбранного нами исследовательского ракурса представляется релевантным рассматривать институциональную среду в междисциплинарном ракурсе и трактовать ее с опорой на понимание институтов как организаций. И, хотя институты в их организационном значении, по мнению А.В. Абрамова, являются производными от норм и практик взаимодействия [Абрамов 2010], что, безусловно, важно для изучения политических процессов, мы воспользуемся именно этой трактовкой как первичной для нашего анализа. Причина данного выбора связана с сущностью рассматриваемого феномена — молодежного политического лидерства, его относительной «молодостью» с точки зрения времени существования и периода научных наблюдений за ним, высокой динамикой персонального состава и аморфностью границ³. Кроме того, в процессе анализа роли институциональной среды в формировании политических карьер молодежных лидеров рассматриваются молодежные организации и политические партии как институционализированные структуры, которые являются каналами продвижения и «в первую очередь дают понимание механизма процессов принятия политических решений и коммуникаций вокруг них, без чего невозможна успешная карьера в политике» [Асеев, Шашкова 2021, 192]. Поэтому под институциональной средой в нашем случае мы и предлагаем понимать совокупность организационно оформленных сообществ и институционализированных структур.

Институты молодежной политики: результаты анализа

Ключевым критерием в определении молодежного политического лидерства для нас является «происхождение» лидеров из сферы молодежной политики. Именно молодежная

³ Довольно проблематично отделить собственно молодежных политических лидеров от молодежных лидеров или молодых политических лидеров. Динамические процессы в сфере молодежной политики и в политическом пространстве в целом приводят к быстрым и частым изменениям в персональном составе лидеров каждого типа: молодежные лидеры быстро становятся молодежными политическими лидерами, а последние, в свою очередь, — просто политическими.

политика во всем многообразии направлений и форм работы с молодежью создает сегодня пространство возможностей для развития ее лидерского потенциала, формирования молодежных лидеров и их дальнейшего продвижения во «взрослую» политику.

Рассматривая институциональную среду формирования и развития молодежного политического лидерства в современной России в соответствии с выбранным подходом, мы фокусируем свое внимание на институтах молодежной политики как организационно оформленных сообществах и структурах, функционирующих для воздействия на «общественное развитие и социализацию молодого поколения» [Луков 2013]. Применительно к сфере молодежной политики институты рассматриваются именно в организационном ключе [Камалова, Куйдина 2020; Хагуров, Русия 2022]. Так, в систему акторов (институтов) европейской молодежной политики включаются «не только органы государственной власти, но и европейские институты, международные организации, социально ответственный бизнес, общественные объединения, образовательные учреждения» [Баранов 2013, 34], тогда как институтами молодежной политики в России преимущественно обозначаются органы государственной власти и общественные организации, работающие с молодежью [Зуляр 2012].

Представляя результаты анализа, необходимо предварить их несколькими принципиально важными замечаниями.

Во-первых, поскольку молодежная политика в нашей стране, в соответствии с законом, реализуется «на основе межведомственного взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления при участии институтов гражданского общества, юридических лиц независимо от их организационно-правовых форм и граждан Российской Федерации»⁴, институты молодежной политики, связанные с формированием и развитием молодежных политических лидеров, могут быть как государственными, так и общественными организациями и структурами.

Во-вторых, сфера молодежной политики в нашей стране ни нормативно, ни организационно четко не определена, невозможно очертить ее границы и однозначно определить принадлежность к ней тех или иных институтов. И в реальной практике работы с молодежью происходит пересечение институциональных сред молодежной и иных политик⁵. Поэтому в процессе проведения анализа мы смотрели на молодежную политику максимально широко, подразумевая, что возникновение лидеров потенциально возможно в любых структурах и организациях, которые по сути своей могут быть политическими и неполитическими, молодежными и немолодежными, но осуществляющими работу с молодежью и создающими условия для ее развития и самореализации, а соответственно, в той или иной мере они попадают в пространство молодежной политики или тесно сопряжены с ним.

В-третьих, органы государственной власти, реализующие молодежную политику и поэтому являющиеся ее институтами, целенаправленно не были включены в схему нашего анализа, поскольку в процессе формирования молодежных политических лидеров они выполняют функцию каналов рекрутирования их в элиту [Палитай и др. 2020]. А мы фокусируем свое внимание на этапе «кристаллизации» и развития лидерского потенциала

⁴ Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 N 489-ФЗ. Ст. 2 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/?ysclid=lf47omhn88576554393 (дата обращения: 20.02.2023).

⁵ Ярким примером этого являются школы и вузы — институты, в которых сегодня происходит наложение молодежной политики на политику образовательную, что в дальнейшем, возможно, приведет к их обозначению не только как образовательных институтов, но и институтов молодежной политики.

молодых людей в пространстве молодежной политики, возникновения собственно молодежных лидеров, воспринимаемых таковыми и способных вести за собой, что невозможно в органах власти в силу специфики их деятельности.

С учетом указанных обстоятельств нами был сформирован пул институтов молодежной политики — государственных и общественных, политических и неполитических, молодежных и немолодежных организаций и структур, которые не просто реализуют молодежную политику и работают с молодежью, но и создают возможности для развития ее лидерского потенциала и формирования молодежных лидеров. Далее закономерно возник вопрос о том, по каким принципам будет проводиться их типологизация. Мы уже отмечали выше, что сфера молодежной политики в нашей стране обширна, неоднородна и развивается неравномерно. Представляется затруднительным однозначно отнести очень разнообразные структуры и организации к тому или иному типу. Поэтому выбранные основания для типологизации по итогу носили комплексный характер: мы учитывали сущность, функции, структурно-организационные характеристики рассматриваемых институтов. В результате были выделены две группы институтов молодежной политики (Таблица 1).

Таблица 1. Институты молодежной политики⁶

Группы	Подгруппы	Примеры
Институты работы с молодежью	Государственные институты	Молодежные центры, дворцы и дома молодежи
	Институты гражданского общества	Молодежные общественные организации и объединения, профильные и многопрофильные общественные организации и объединения
«Молодежные версии» институтов государственной власти и институтов гражданского общества	«Молодежные версии» институтов государственной власти	Молодежные парламенты, молодежные правительства, молодежные избирательные комиссии
	«Молодежные версии» институтов гражданского общества	Молодежные отделения политических партий, молодежные общественные советы при органах исполнительной власти федерального и регионального уровней, молодежные советы/парламенты/палаты при муниципальных органах власти, молодежные общественные палаты, молодежные отделения землячеств, молодежные отделения профессиональных объединений, молодежные советы при профсоюзных организациях, молодежные советы при омбудсменах

Первую группу институтов молодежной политики составляют государственные и общественные учреждения и организации, традиционно осуществляющие работу с молодежью. Это классические акторы молодежной политики: учреждения для молодежи (дворцы, дома, центры), подведомственные органам власти, реализующим молодежную политику, а также общественные организации и объединения — как собственно молодежные, так и иного профиля (благотворительные, экологические, образовательные, спортивные и пр.), вовлекающие в свою деятельность представителей молодежи и способствующие таким образом развитию их лидерского потенциала.

Дворцы и дома молодежи существуют еще с советского периода, когда они были центрами досуга и творчества. Развитие молодежной политики в России в последнее десятилетие повлекло за собой создание более широкого спектра подобных учреждений практически во всех регионах страны. В соответствии со Стандартом⁷, учреждения молодежной политики могут быть

⁶ Составлено авторами.

⁷ Стандарт учреждения молодежной политики // Региональный центр патриотического воспитания [Электронный ресурс]. URL: <https://www.xn--b1azcy.xn--p1ai/wp-content/uploads/2022/12/Standart.pdf> (дата обращения: 20.02.2023).

разных типов: многофункциональный молодежный центр, молодежный центр, подростковый досуговый центр, молодежное пространство, арт-резиденция, центр патриотического воспитания, ресурсный центр добровольчества и др. На федеральном уровне под эгидой Росмолодежи были созданы три крупных образовательно-просветительских центра: Мастерская управления «Сенеж», Центр знаний «Машук» и Арт-кластер «Таврида».

Общественные организации также еще с советских времен играют ведущую роль в работе с молодежью и формировании молодежных лидеров. На смену пионерии и комсомолу в постсоветский период пришло множество разнообразных молодежных общественных организаций и движений [Рябова 2007; Лоскутова 2008]. Самыми крупными молодежными организациями сегодня являются Российский союз молодежи, Всероссийский студенческий союз, Российский союз сельской молодежи и другие, а также находящееся в процессе организации Российское движение детей и молодежи «Движение первых». К этой же категории можно отнести Ассоциацию волонтерских центров и Всероссийское общественное движение «Волонтеры Победы», которые по сути своей не являются молодежными, хотя фактически основная масса их членов — молодые люди. Активную работу с молодежью, в том числе связанную с развитием ее лидерского потенциала, ведут Русское географическое общество, ООО «Деловая Россия», Российское общество «Знание» и другие общественные организации.

Вторую группу институтов молодежной политики, которые играют существенную роль в формировании и развитии молодежных политических лидеров, составляют «молодежные версии» государственных институтов и институтов гражданского общества, то есть «проекции» государственных институтов и институтов гражданского общества на молодежную среду. Эти институты не являются традиционными классическими учреждениями работы с молодежью. Они стали активно появляться и развиваться в нашей стране в последние два десятилетия, а их деятельность носит не всегда системный, а зачастую и имитационный характер. В структуре данной группы мы выделили две подгруппы в соответствии с тем, какие институты (государственные и общественные) в структурно-функциональном отношении с поправкой на ограничение полномочий форматами «участия» и «содействия» воспроизводят их молодежные версии.

Государственными институтами, которые проецируются на российскую молодежную среду в формате своих молодежных версий, являются федеральный парламент, региональные парламенты, региональные правительства, региональные и муниципальные избирательные комиссии. В полных названиях институтов молодежной политики, входящих в эту группу, в значительной части случаев используется предлог «при», что отражает их дополнительный, «пристражный» характер по отношению к тем институтам, «молодежными версиями» которых они являются. На текущий момент в большинстве субъектов РФ действуют региональные молодежные парламенты. С 2001 года существует [Молодежный парламент](#) при Государственной Думе ФС РФ, а с 2012 года — [Палата молодых законодателей](#) при Совете Федерации ФС РФ. Молодежные правительства из 72 субъектов РФ входят в состав [Ассоциации молодежных правительств](#). Молодежные избирательные комиссии существуют в 74 субъектах РФ и объединены в [Союз молодежных избирательных комиссий России](#).

Институтами гражданского общества, которые имеют свои молодежные версии, являются политические партии, органы местного самоуправления (представительные органы муниципальных образований, местные администрации), Общественная палата, землячества, профессиональные союзы и объединения, общественные советы при федеральных и региональных органах государственной власти и облмудсменах. Так, сегодня все крупные

политические партии имеют свои молодежные отделения: «Молодая гвардия» «Единой России», «Союз коммунистической молодежи», Молодежное отделение ЛДПР, «Молодежь Справедливой России» и т.п. На муниципальном уровне насчитывается более 3000 молодежных парламентов (палат, дум, советов) [Шашкова 2021]. В 2006 году была учреждена Молодежная общественная палата. В ряде регионов существуют молодежные землячества, такие, в частности, как [Ассоциация молодежных землячеств Республики Башкортостан](#) или [Молодежная секция Севастопольского землячества](#). В качестве примеров молодежных профсоюзных организаций можно привести [Российский профсоюз студенческой молодежи](#) и [Молодежный совет](#) Московской федерации профсоюзов. Активно работают Молодежное отделение [Российского общества политологов](#) и [Совет молодых политологов](#) Российской ассоциации политической науки. Наряду со «взрослыми» общественными советами при ряде органов федеральной и региональной власти, а также омбудсменах созданы молодежные общественные советы⁸, например [Молодежный общественный совет](#) при Департаменте финансов города Москвы, [Молодежный общественный совет](#) при Министерстве цифрового развития Республики Алтай, [Молодежный совет](#) при департаменте (представительстве Самарской области) по взаимодействию с федеральными органами государственной власти, [Молодежный совет](#) при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации и [Молодежный общественный совет](#) при Уполномоченном по правам человека в Москве.

Институциональные особенности развития молодежного политического лидерства: место заключения

Молодежное политическое лидерство с точки зрения институциональных оснований его формирования и развития находится в настоящее время в процессе становления. Осмысляя результаты проведенного анализа, можно выделить следующие особенности этого процесса.

Во-первых, институциональная среда молодежной политики в нашей стране является крайне неоднородной: ее институты очень различаются между собой в количественном и качественном отношении и развиваются неравномерно. В частности, молодежные общественные организации традиционно считаются средой формирования и развития молодежных лидеров. И они действительно являются самыми массовыми по охвату институтами молодежной политики. Однако среди них сегодня почти нет собственно политических организаций, а наиболее активно развиваются волонтерские организации и движения. Кроме того, в последние годы появляется все больше «молодежных версий» институтов государственной власти и гражданского общества — для соответствия трендам молодежной политики для всех организаций и учреждений становится необходимым иметь какие-то молодежные органы (советы, клубы, палаты), деятельность которых зачастую носит формальный характер (планы и отчеты), а порой и вообще отсутствует.

Во-вторых, институциональная среда молодежной политики является пространством развития лидерского потенциала молодежи. Эффективность этого процесса во многом определяется содержательно-организационной спецификой деятельности институтов молодежной политики, качеством отношений в молодежных организациях

⁸ Молодежные советы при органах государственной власти бывают двух типов: молодежные советы, состоящие из молодых сотрудников различных ведомств и нацеленные на рассмотрение вопросов развития их профессионального, интеллектуального, нравственного и творческого потенциала (например, Молодежный совет при Министерстве просвещения Российской Федерации), и молодежные общественные советы как вариации «взрослых» общественных советов, нацеленные на привлечение молодежи к осуществлению общественного контроля за деятельностью органов власти и учет интересов молодежи при реализации разных направлений государственной политики. В данной статье мы ведем речь именно о молодежных общественных советах.

[Martínez et al. 2017], характером реализуемых ими проектов, программ и мероприятий. В процессе участия в них происходит формирование лидерских качеств и надпрофессиональных компетенций молодых людей, получение опыта организационно-управленческой работы, выстраивание и укрепление социальных связей внутри своей организации и с представителями других структур, конструирование персональных образов в глазах соратников и сторонников из числа молодежи. Таким образом удовлетворяется постоянное стремление к расширению социального капитала, которое представляется исследователями как качество, свойственное и необходимое молодежному политическому лидеру [Palomares et al. 2021]. В результате молодой человек с лидерскими качествами становится молодежным лидером и приобретает легитимность для дальнейших действий — продвижения в политическую сферу и, соответственно, становления в качестве молодежного политического лидера. При этом важно отметить недостаточную сопряженность институтов молодежной политики с каналами рекрутирования молодежи в политику, что в совокупности с большим количеством неформальных практик и сложившимися политическими традициями определяется сложностью построения политических карьер молодежных лидеров.

Изучение молодежного политического лидерства в его институциональном измерении является непростой задачей в силу неоднозначности и разнородности как самого объекта исследования, так и существующих в науке подходов к его анализу. Тем не менее данный аспект является необходимым для понимания сущности молодежного политического лидерства в современной России как сложного феномена, находящегося в процессе своего формирования.

Список литературы:

- Абрамов А.В. Политический институт и политическая институционализация: определение понятий // *Власть*. 2010. № 5. С. 53–55.
- Асеев С.Ю., Шашкова Я.Ю. Роль институциональной среды в построении политических карьер молодых политических лидеров в регионах Юго-Западной Сибири // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2021. Т. 23. № 1. С. 186–198. DOI: [10.22363/2313-1438-2021-23-1-186-198](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-186-198)
- Баранов А.В. Молодежная политика в странах Европейского Союза: институты и практики // *Youth World Politic*. 2013. № 1. С. 33–36.
- Блондель Ж. Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу. М.: Российская академия управления, 1992.
- Вайсман Е.Д., Подшивалова М.В. Институциональная среда малых промышленных предприятий: методологические аспекты идентификации // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент*. 2017. Т. 11. № 2. С. 28–35. DOI: [10.14529/em170204](https://doi.org/10.14529/em170204)
- Гельман В.Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // *Полис. Политические исследования*. 1998. № 1. С. 87–105.
- Дрантусова Н.В., Князев Е.А. Институциональный ландшафт высшего образования в России: ключевые векторы развития // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2013. Т. 8. № 1. С. 264–273.
- Зуляр Р.Ю. Основные институты постсоветской государственной молодежной политики // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2012. Т. 2.1. С. 96–105.

Кабакова Я.С. Социкультурный портрет современного молодежного политического лидера // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Сборник статей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. Вып. 6. С. 332–336.

Камалова М.И., Куйдина Е.С. Молодежная политика и ООН: коммуникации молодежи на глобальном уровне // Коммуникология. 2020. Т. 8. № 4. С. 151–160. DOI: [10.21453/2311-3065-2020-8-4-151-160](https://doi.org/10.21453/2311-3065-2020-8-4-151-160)

Лебедев В.М., Полянин А.В. Формирование институционального поля публичного управления в регионе // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 3-1. С. 161–168.

Лоскутова Е.В. Юная политика. История молодежных политических организаций современной России. М.: Центр «Панорама», 2008.

Луков Вал.А. О сущности молодежной политики и ее базовых положениях // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013. № 5. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/5/Lukov_Matter-Youth-Policy/

Макарян А.В. Политические институты: к методологии исследования // Политический анализ. 2009. № 9. С. 37–50.

Молодежное политическое лидерство в российских регионах: монография / под ред. О.В. Поповой, Я.Ю. Шашковой. СПб.: Скифияпринт, 2020.

Нуртдинов Р.М., Нуртдинов А.Р. Институциональная система как фактор экономического развития // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 4. С. 177–188.

Палитай И.С., Попова С.Ю., Селезнева А.В. Рекрутирование молодых политических лидеров в современной России: каналы, формы, технологии // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 68–77. DOI: [10.17223/15617793/455/10](https://doi.org/10.17223/15617793/455/10)

Патрушев С.В. Институционализм в политической науке // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006. С. 7–42.

Патрушев С.В. Институциональная политология в российской перспективе // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2011. Т. 4. С. 142–148.

Подшивалова М.В. Институциональная среда как объект исследования // Евразийский союз ученых. 2014. № 7–4 (7). С. 142–144.

Попова О.В. Политический потенциал молодежного лидерства в российских условиях: результаты межрегионального исследования // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2018. Т. 14. № 4. С. 492–511. DOI: [10.21638/spbu23.2018.403](https://doi.org/10.21638/spbu23.2018.403)

Рубина Л.Я. Социализационный потенциал магистратуры в институциональном пространстве высшей школы // Педагогическое образование в России. 2016. № 7. С. 254–265. DOI: [10.26170/ro16-07-36](https://doi.org/10.26170/ro16-07-36)

Рябова Г.Б. История молодежных организаций в России и за рубежом (some extracts). Томск: ТУСУР, 2007.

Селезнева А.В., Божедомова А.Л., Луканина Е.В. Образы молодежных политических лидеров в сознании российской молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 190–201. DOI: [10.17223/1998863X/67/17](https://doi.org/10.17223/1998863X/67/17)

Сморгунов Л.В. Административная реформа в России: автономия государства и его способность к управлению // Право и управление. XXI век. 2007. № 2. С. 45–52.

- Сморгунов Л.В. Современные тенденции в государственном управлении: от нового государственного менеджмента к управлению публичной политикой // Политическая наука. 2022. № 3. С. 100–121. DOI: [10.31249/poln/2022.03.05](https://doi.org/10.31249/poln/2022.03.05)
- Соловьев А.И. Страничка главного редактора // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века: Политическая наука: Ежегодник 2012. М.: Издательство «Политическая энциклопедия», 2012. С. 5–6.
- Соловьев А.И. Правящее меньшинство современной России: камо грядеши? // Власть и элиты. 2018. Т. 5. С. 87–109. DOI: [10.31119/pe.2018.5.4](https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.4)
- Соловьев А.И. «Системные» последствия и эффекты сетевого правления // Власть и элиты. 2020. Т. 7. № 2. С. 153–175. DOI: [10.31119/pe.2020.7.2.7](https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.2.7)
- Соловьев А.И. Фронтальные зоны публичной политики // Политическая наука. 2021. № 3. С. 183–204. DOI: [10.31249/poln/2021.03.08](https://doi.org/10.31249/poln/2021.03.08)
- Сунгуров А.Ю., Козлова Н.Н., Мамагулашвили Д.И. Общественные палаты как институты реализации патерналистской модели взаимодействия власти и общества: опыт Тверской области и Санкт-Петербурга // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 93–109. DOI: [10.17976/jpps/2020.03.07](https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.07)
- Хагуров Т.А., Русия Н.Т. Молодежная политика глазами учащейся молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 8. С. 31–37. DOI: [10.24158/spp.2022.8.3](https://doi.org/10.24158/spp.2022.8.3)
- Шабров О.Ф. Политические технологии // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 328–330.
- Шашкова А.Ю. Место Молодежных парламентов в системе молодежного политического лидерства // Политическое пространство и социальное время: Глобальные вызовы и цивилизационные ответы. Сборник научных трудов XXXVII Международного Харакского форума 5–7 ноября 2020 г., г. Симферополь. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. Т. 2. С. 438–444.
- Шашкова Я.Ю. Представление молодежи Алтайского края о молодежном политическом лидерстве // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. 2019. № 12. С. 108–110.
- Alvesson M., Spicer A. Neo-Institutional Theory and Organization Studies: A Mid-Life Crisis? // Organization Studies. 2019. Vol. 40. Is. 2. P. 199–218. DOI: [10.1177/017084061877261](https://doi.org/10.1177/017084061877261)
- Francesco V., Giovanni V. Nuova burocrazia? Largo ai giovani // Economia & management: la rivista della Scuola di Direzione Aziendale dell'Università L. Bocconi. 2020. Nr. 3. P. 88–93.
- Hooghe M., Stolle D., Stouthuysen P. Head Start in Politics: The Recruitment Function of Youth Organizations of Political Parties in Belgium (Flanders) // Party Politics. 2004. Vol. 10. Is. 2. P. 193–212. DOI: [10.1177/135406880404050](https://doi.org/10.1177/135406880404050)
- Kassman A., Vamstad J. Local Public Administration as Facilitator of Political Youth Participation — Good Intentions and Institutional Shortcomings // International Review of Sociology. 2019. Vol. 29. Is. 3. P. 484–497. DOI: [10.1080/03906701.2019.1672355](https://doi.org/10.1080/03906701.2019.1672355)
- Martínez M.L., Loyola L.I., Cumsille P. Quality of Participation in Youth Organizations: Relationships with Identity and Sense of Sociopolitical Control // Youth & Society. 2017. Vol. 49. Is. 7. P. 968–993. DOI: [10.1177/0044118X15604341](https://doi.org/10.1177/0044118X15604341)
- Nugent N., Rhinard M. The 'political' roles of the European Commission // Journal of European Integration. 2019. Vol. 41. Is. 2. С. 203–220. DOI: [10.1080/07036337.2019.1572135](https://doi.org/10.1080/07036337.2019.1572135)
- Ollion É. Changer de vie. Les députés novices et la condition politique au XXIe siècle // Politix. 2019. Vol. 4. No. 128. P. 91–114.

Palomares P.P., Cadutdut D.E.D., Amod F.P., Tomaro Q.P.V. Determining the Motivations for Political Participation Among Elected Youth Leaders // *Journal of Government and Politics*. 2021. Vol. 12. Is. 1. P. 35–61. DOI: [10.18196/jgp.121127](https://doi.org/10.18196/jgp.121127)

Rainsford E. UK Political Parties' Youth Factions: A Glance at the Future of Political Parties // *Parliamentary Affairs*. 2018. Vol. 71. Is. 4. P. 783–803. DOI: [10.1093/pa/gsx040](https://doi.org/10.1093/pa/gsx040)

Recchi E. L'entrée en politique des jeunes Italiens: modèles explicatifs de l'adhésion partisane // *Revue Française de science politique*. 2001. Vol. 51. P. 155–174.

Redmond S., Dolan P. Towards a Conceptual Model of Youth Leadership Development // *Child & Family Social Work*. 2014. Vol. 21. Is. 3. P. 261–271. DOI: [10.1111/cfs.12146](https://doi.org/10.1111/cfs.12146)

Stockemer D., Sundström A. Youth's Underrepresentation in the European Parliament: Insights from Interviews with Young Members of the European Parliament (MEPs) // *Intergenerational Justice Review*. 2019. Vol. 5. Is. 1. P. 4–8. DOI: [10.24357/igjr.5.1.730](https://doi.org/10.24357/igjr.5.1.730)

Taft J.K., Gordon H.R. Youth Activists, Youth Councils, and Constrained Democracy // *Education, Citizenship and Social Justice*. 2013. Vol. 8. Is. 1. P. 87–100. DOI: [10.1177/1746197913475765](https://doi.org/10.1177/1746197913475765)

The Institutions of the European Union / ed. by D. Hodson, U. Puetter, S. Saurugger, J. Peterson. Oxford: Oxford University Press, 2022.

Van Wijk J., Zietsma Ch., Dorado S., de Bakker F.G.A., Martí I. Social Innovation: Integrating Micro, Meso, and Macro Level Insights from Institutional Theory // *Business & Society*. 2019. Vol. 58. Is. 5. P. 887–918. DOI: [10.1177/00076503187891](https://doi.org/10.1177/00076503187891)

References:

Abramov A.V. (2010) Politicheskiy institute i politicheskaya institutsionalizatsiya: opredeleniye ponyatiy [Political Institute and political institutionalization: A definition of concepts]. *Vlast'*. No. 5. P. 53–55.

Alvesson M., Spicer A. (2019) Neo-Institutional Theory and Organization Studies: A Mid-Life Crisis? *Organization Studies*. Vol. 40. Is. 2. P. 199–218. DOI: [10.1177/017084061877261](https://doi.org/10.1177/017084061877261)

Aseev S.Yu., Shashkova Ya.Yu. (2021) Role of Institutional Environment in Shaping Political Careers of Young Political Leaders in the Regions of South-West Siberia. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*. Vol. 23. No. 1. P. 186–198. DOI: [10.22363/2313-1438-2021-23-1-186-198](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-186-198)

Baranov A.B. (2013) The Youth Policy in the European Union: Institutions and Practices. *Youth World Politics*. No. 1. P. 33–36.

Blondel J. (1992) *Political Leadership: Towards a General Analysis*. Moscow: Rossiyskaya akademiya upravleniya.

Drantusova N., Kniazev E. (2013) Institutional Landscape of the Higher Education in Russia: Vectors of Development. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovaniye, nauka, novaya ekonomika*. Vol. 8. No. 1. P. 264–273.

Francesco V., Giovanni V. (2020) Nuova burocrazia? Largo ai giovani. *Economia & management: la rivista della Scuola di Direzione Aziendale dell'Università L. Bocconi*. Nr. 3. P. 88–93.

Gelman V.Ya. (1998) Regional'naya vlast' v sovremennoy Rossii: instituty, rezhimy i praktiki [Regional power in today's Russia: Institutes, regimes, practices]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. No. 1. P. 87–105.

Hodson D., Puetter U., Saurugger S., Peterson J. (eds.) (2022) *The Institutions of the European Union*. Oxford: Oxford University Press.

Hooghe M., Stolle D., Stouthuysen P. (2004) Head Start in Politics: The Recruitment Function of Youth Organizations of Political Parties in Belgium (Flanders). *Party Politics*. Vol. 10. Is. 2. P. 193–212. DOI: [10.1177/135406880404050](https://doi.org/10.1177/135406880404050)

- Kabakova Ya.S. (2014) Sotsikul'turnyy portret sovremennogo molodezhnogo politicheskogo lidera [Sociocultural portrait of a modern youth political leader]. *Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovaniye, tvorchestvo. Sbornik statey*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. Is. 6. P. 332–336.
- Kamalova M.I., Kuydina E.S. (2020) Youth Policy and the United Nations: Youth Communication at the Global Level. *Kommunikologiya*. Vol. 8. No. 4. P. 151–160. DOI: [10.21453/2311-3065-2020-8-4-151-160](https://doi.org/10.21453/2311-3065-2020-8-4-151-160)
- Kassman A., Vamstad J. (2019) Local Public Administration as Facilitator of Political Youth Participation — Good Intentions and Institutional Shortcomings. *International Review of Sociology*. Vol. 29. Is. 3. P. 484–497. DOI: [10.1080/03906701.2019.1672355](https://doi.org/10.1080/03906701.2019.1672355)
- Khagurov T.A., Rusiya N.T. (2022) Youth Policy through the Eyes of Student Youth. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. No. 8. P. 31–37. DOI: [10.24158/spp.2022.8.3](https://doi.org/10.24158/spp.2022.8.3)
- Lebedev V.M., Polyanin A.V. (2015) The Formation of the Institutional Field Public Administration in the Region. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskiye i yuridicheskiye nauki*. No. 3–1. P. 161–168.
- Loskutova E.V. (2008) *Yunaya politika. Istoriya molodezhnykh organizatsiy sovremennoy Rossii* [Young politics. A history of youth political organizations in modern Russia]. Moscow: Tsentr «Panorama».
- Lukov Val.A. (2013) On the Subject Matter of Youth Policy and Its Basic Regulations. *Informatsionnyy gumanitarnyy portal "Znaniye. Ponimaniye. Umeniye"*. Available: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/5/Lukov_Matter-Youth-Policy/
- Makarin A.V. (2009) Politicheskiye instituty: k metodologii issledovaniya [Political institutions: Toward a methodology of study]. *Politicheskiy analiz*. No. 9. P. 37–50.
- Martínez M.L., Loyola L.I., Cumsille P. (2017) Quality of Participation in Youth Organizations: Relationships with Identity and Sense of Sociopolitical Control. *Youth & Society*. Vol. 49. Is. 7. P. 968–993. DOI: [10.1177/0044118X15604341](https://doi.org/10.1177/0044118X15604341)
- Nugent N., Rhinard M. (2019) The 'political' roles of the European Commission. *Journal of European Integration*. Vol. 41. Is. 2. C. 203–220. DOI: [10.1080/07036337.2019.1572135](https://doi.org/10.1080/07036337.2019.1572135)
- Nurtdinov R.M., Nurtdinov A.R. (2011) Institutsional'naya sistema kak faktor ekonomicheskogo razvitiya [Institutional system as a factor of economic development]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnyye nauki*. Vol. 153. Book 4. P. 177–188.
- Ollion É. (2019) Changer de vie. Les députés novices et la condition politique au XXIe siècle. *Politix*. Vol. 4. No. 128. P. 91–114.
- Palitay I.S., Popova S.Yu., Selezneva A.V. (2020) Recruiting Young Political Leaders in Modern Russia: Channels, Forms, Technologies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 455. P. 68–77. DOI: [10.17223/15617793/455/10](https://doi.org/10.17223/15617793/455/10)
- Palomares P.P., Cadutdut D.E.D., Amod F.P., Tomaro Q.P.V. (2021) Determining the Motivations for Political Participation Among Elected Youth Leaders. *Journal of Government and Politics*. Vol. 12. Is. 1. P. 35–61. DOI: [10.18196/jgp.121127](https://doi.org/10.18196/jgp.121127)
- Patrushev S.V. (2006) Institutsionalizm v politicheskoy nauke [Institutionalism in political science]. In: Patrushev S.V. (ed.) *Institutsional'naya politologiya: Sovremennyy institutsionalizm i politicheskaya transformatsiya Rossii*. Moscow: ISP RAN. P. 7–42.
- Patrushev S.V. (2011) Institutsional'naya politologiya v rossiyskoy perspektive [The institutional political science in the Russian perspective]. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinnykh issledovaniy*. Vol. 4. P. 142–148.
- Podshivalova M.V. (2014) Institutsional'naya sreda kak ob'yekt issledovaniya [Institutional environment as an object of study]. *Evraziyskiy soyuz uchenykh*. No. 7–4(7). P. 142–144.

- Popova O.V. (2018) The Political Potential of Youth Leadership in the Russian Context: The Results of Interregional Research. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. Vol. 14. No. 4. P. 492–511. DOI: [10.21638/spbu23.2018.403](https://doi.org/10.21638/spbu23.2018.403)
- Popova O.V., Shashkova Ya.Ya. (eds.) (2020) *Molodezhnoye politicheskoye liderstvo v rossiyskikh regionakh: monografiya* [Youth political leadership in Russian regions: Monograph]. Saint Petersburg: Skifiyaprint.
- Rainsford E. (2018) UK Political Parties' Youth Factions: A Glance at the Future of Political Parties. *Parliamentary Affairs*. Vol. 71. Is. 4. P. 783–803. DOI: [10.1093/pa/gsx040](https://doi.org/10.1093/pa/gsx040)
- Recchi E. (2001) L'entrée en politique des jeunes Italiens: modèles explicatifs de l'adhésion partisane. *Revue Française de science politique*. Vol. 51. P. 155–174.
- Redmond S., Dolan P. (2014) Towards a Conceptual Model of Youth Leadership Development. *Child & Family Social Work*. Vol. 21. Is. 3. P. 261–271. DOI: [10.1111/cfs.12146](https://doi.org/10.1111/cfs.12146)
- Rubina L.Ya. (2016) Master's Study Socialization Potential of Higher Educational Institutional Space. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii*. No. 7. P. 254–265. DOI: [10.26170/po16-07-36](https://doi.org/10.26170/po16-07-36)
- Ryabova G.B. (2007) *Istoriya molodezhnykh organizatsiy v Rossii i za rubezhom (some extracts)*. [A history of youth organizations in Russia and abroad (some extracts)]. Tomsk: TUSUR.
- Selezneva A.V., Bozhedomova A.L., Lukanina E.V. (2022) Images of Youth Political Leaders in the Consciousness of Russian Youth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. No. 67. P. 190–201. DOI: [10.17223/1998863X/67/17](https://doi.org/10.17223/1998863X/67/17)
- Shabrov O.F. (2012) Politicheskiye tekhnologii [Political technologies]. *Znanie, Ponimanie. Umenie*. No. 4. P. 328–330.
- Shashkova A.Yu. (2021) Place of Youth Parliaments in the System of Youth Political Leadership. *Politicheskoye prostranstvo i sotsial'noye vremya: Global'nyye vyzovy i tsivilizatsionnyye otvety. Sbornik nauchnykh trudov XXXVII Mezhdunarodnogo Kharakskogo foruma* (November 5–7, 2020. Simferopol'). Simferopol': IT «ARIAL». Vol. 2. P. 438–444.
- Shahkova Ya.Yu. (2019) Predstavleniye molodezhi Altayskogo kraya o molodezhnom politicheskom liderstve [The views of Altai Krai's youth on youth political leadership]. *Rossiyskiy politicheskiy protsess v regional'nom izmerenii: istoriya, teoriya, praktika*. No. 12. P. 108–110.
- Smorgunov L.V. (2007) Issues of Modern State Administration in Russia. *Pravo i upravleniye*. No. 2. P. 45–52.
- Smorgunov L.V. (2022) Modern Trends in Public Administration: From New Public Management to Governance of Public Policy. *Politicheskaya nauka*. No. 3. P. 100–121. DOI: [10.31249/poln/2022.03.05](https://doi.org/10.31249/poln/2022.03.05)
- Solovyev A.I. (2012) Stranichka glavnogo redaktora [Editor-in-Chief's page]. *Vlast' i politika: institutsional'nyye vyzovy XXI veka: Politicheskaya nauka: Ezhegodnik 2012*. Moscow: Izdatel'stvo "Politicheskaya entsiklopediya". P. 5–6.
- Solovyev A.I. (2018). The Ruling Minority of Modern Russia: Quo Vadis? *Vlast' i elity*. Vol. 5. P. 87–109. DOI: [10.31119/pe.2018.5.4](https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.4)
- Solovyev A.I. (2020) "System" Consequences and Effects of Network Governance. *Vlast' i elity*. Vol. 7. No. 2. P. 153–175. DOI: [10.31119/pe.2020.7.2.7](https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.2.7)
- Solovyev A.I. (2021) Frontier Zones of Public Policy. *Politicheskaya nauka*. No. 3. P. 183–204. DOI: [10.31249/poln/2021.03.08](https://doi.org/10.31249/poln/2021.03.08)
- Stockemer D., Sundström A. (2019) Youth's Underrepresentation in the European Parliament: Insights from Interviews with Young Members of the European Parliament (MEPs). *Intergenerational Justice Review*. Vol. 5. Is. 1. P. 4–8. DOI: [10.24357/igjr.5.1.730](https://doi.org/10.24357/igjr.5.1.730)

Sungurov A.Yu., Kozlov N.N., Mamagulashvili D.I. (2020) Public Chambers as Institutions for Implementing the Paternalistic Model of Interaction Between Authority and Society: Experience of the Tver Region and St. Petersburg. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. No. 3. P. 93–109. DOI: [10.17976/jpps/2020.03.07](https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.07)

Taft J.K., Gordon H.R. (2013) Youth Activists, Youth Councils, and Constrained Democracy. *Education, Citizenship and Social Justice*. Vol. 8. Is. 1. P. 87–100. DOI: [10.1177/1746197913475765](https://doi.org/10.1177/1746197913475765)

Vaisman E.D., Podshivalova M.V. (2017) The Institutional Environment of Small Industrial Enterprises: Methodological Aspects of Identification. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment*. Vol. 11. No. 2. P. 28–35. DOI: [10.14529/em170204](https://doi.org/10.14529/em170204)

Van Wijk J., Zietsma Ch., Dorado S., de Bakker F.G.A., Martí I. (2019) Social Innovation: Integrating Micro, Meso, and Macro Level Insights from Institutional Theory. *Business & Society*. Vol. 58. Is. 5. P. 887–918. DOI: [10.1177/00076503187891](https://doi.org/10.1177/00076503187891)

Zulyar R.Yu. (2012) Main Institutions of the Post-Soviet Public Youth Policy. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedeniye*. Vol. 2.1. P. 96–105.

Дата поступления/Received: 27.02.2023

Развитие инвайронментализма и экологической политики Японии, Франции и США в 1950–2000 гг.

Скипин Николай Сергеевич

Научный сотрудник, ИНИОН РАН, Москва, РФ.

E-mail: skipin@inion.ru

SPIN-код РИНЦ: [3019-6197](#)

ORCID ID: [0000-0003-4267-0099](#)

Аннотация

В настоящей статье представлен ретроспективный анализ становления и развития экологической политики и формирования инвайронменталистских («зеленых») политических движений в Японии, Франции и США в период с 1950 по 2000 гг. Результаты исследования показывают, что, несмотря на различные предпосылки в виде социально-экономического положения стран к 1950 году и независимо от традиций экологической культуры, которая формировалась под влиянием различных факторов (географического положения, природно-ресурсного потенциала, исторического опыта и др.), развитие экологической политики в исследуемых странах происходило в три этапа по схожей логике. Первый этап — осознание необходимости природоохранной деятельности, осмысление своей «экологической традиции» и зарождение первых политических «зеленых» движений. Второй этап связан с политическим кризисом, который происходит в силу того, что ухудшение экологической обстановки происходит быстрее, чем законодательный аппарат государства успевает принимать природоохранные законы и поддерживать «зеленые» инициативы. На этом этапе происходит также популяризация идей инвайронментализма в широких общественных массах, следствием чего является рост числа как самих «зеленых» общественно-политических движений, так и количества их участников. На третьем этапе природоохранная деятельность государств начинает удовлетворять «зеленые» общественно-политические движения, из-за чего снижается уровень протестности, а также принимаются и ратифицируются международные договоры по вопросам защиты окружающей среды. По этим причинам на третьем этапе происходит сокращение численности участников «зеленых» движений. В заключении делается предположение, что выявленные этапы справедливы и для других обществ.

Ключевые слова

Инвайронментализм, экология, экологическая политика, «зеленые» движения, экологическая культура.

The Development of Environmentalism and Environmental Policy in Japan, France and the United States in 1950–2000

Nikolai S. Skipin

Research Fellow, INION RAN, Moscow, Russian Federation.

E-mail: skipin@inion.ru

ORCID ID: [0000-0003-4267-0099](#)

Abstract

This article presents a retrospective analysis of formation and development of environmental policy and formation of environmentalist (“green”) political movements in Japan, France and the United States in the period from 1950 to 2000. The results of the study show that despite various prerequisites in the form of the socio-economic situation of countries by 1950 and regardless of the traditions of ecological culture, which was formed under the influence of various factors (geographical location, natural resource potential, historical experience, etc.), the development of ecological policy in these countries took place in three stages according to a similar logic. The first stage is the awareness of the need for environmental protection, the understanding of their “ecological tradition” and the emergence of the first political green movements. The second stage is associated with a political crisis, which occurs due to the fact that the deterioration of the environmental situation is happening faster than the legislative apparatus of the state has time to pass environmental laws and support “green” initiatives. Also, at this stage, it is necessary to note the popularization of the ideas of environmentalism among the general public, which results in an increase in the number of both the “green” socio-political movements themselves and the number of their participants. At the third stage, the environmental activities of states begin to satisfy the “green” socio-political movements, which is why the level of protest decreases, and international treaties on environmental protection are adopted and ratified. For these reasons, at the third stage, there is a reduction in the number of participants in the “green” movements. In conclusion, an assumption is made that the identified stages are also valid for other societies.

Keywords

Environmentalism, ecology, environmental policy, “green” movements, environmental culture.

Введение

Экология, выработав свои специфические методы в первой половине XX века — как экспериментальные (В.В. Станчинский, Р. Линдеман), так и математические (Г.Ф. Гаузе, А. Лотки), а также создав свой научно-теоретический язык (Л.Г. Раменский, А. Тенсли), перестала быть только отраслью биологии. Появление такой научно-дисциплинарной автономии позволило экологам

расширить понимание и применение инструментов экологии на другие области знаний, в том числе и на гуманитарные. Социальный потенциал экологии был оценен плеядой видных ученых из разных стран: В.И. Вернадским (СССР), А. Леопольдом (США), П. Тейяр де Шарденом (Франция), Томонобу Имамита (Япония). В дальнейшем социальный потенциал экологии вкупе с осознанием экологических проблем мировым сообществом привел сначала к появлению природоохранной политики, а затем и зарождению политического движения «зеленых», ценностно-смысловой основой деятельности которого стала идеология инвайронментализма.

Инвайронменталистская повестка получила широкое распространение в мире по нескольким причинам. Во-первых, пришло осознание роли человека в глобальном масштабе, что стало реакцией на Первую и Вторую мировые войны и особенно проявилось после использования ядерного оружия как средства уничтожения людей. Во-вторых, повсеместная увеличивающаяся доступность образования и науки, а также гонка вооружений в рамках холодной войны подготовили почву для научно-технического рывка в военно-промышленной отрасли, что спровоцировало появление и популяризацию так называемых алармистов — ученых, опасаящихся катастрофических последствий воздействия научного прогресса на человека и природу. В-третьих, появление телевидения и совершенствование форм тиражирования информации (теле- и радиовещание, рост числа СМИ и пр.) увеличили осведомленность населения о событиях, происходящих в мире, в том числе в области экологии и влияния на окружающую среду. В-четвертых, актуальная политическая повестка вошла в искусство, что привело к отражению политико-идеологических ценностей и установок, в том числе инвайронменталистских, в разных жанрах поп-культуры: литературе, музыке, живописи и кинематографе.

В общественно-политическом языке термин «инвайронментализм» появляется в 60-е годы XX века [Назлуханов 2020]. Возникновение термина связано с развитием экологии в целом и социальной экологии в частности, а также с ухудшением качества окружающей среды для человека, осознанием глобальных проблем и появлением средств компьютерного моделирования, которые позволяли прогнозировать развитие имевшихся на тот момент тенденций по численности населения, истощению ресурсов, экономическому развитию и т.д., что привело к появлению общественных движений и неправительственных организаций, целью деятельности которых стала природоохранная деятельность, экологическое законотворчество и популяризация идей гармонии человека и общества с природой.

Сам инвайронментализм известным социологом О.Н Яницким понимается как основанное на экологической культуре мышления (идеологии) социально-политическое движение, которое борется за сохранение и восстановление окружающей среды, ее воспроизводство ради эффективного для человека протекания экологических процессов [Яницкий 2008]. Идеология инвайронментализма реализуется политическими партиями и неправительственными организациями по всему миру и основывается на так называемой «Глобальной хартии зеленых» — документе, который был ратифицирован политическими партиями экологической направленности по всему миру. В этом документе обозначены 6 руководящих принципов инвайронментализма:

- 1) экологическая мудрость (ресурсный аскетизм; высшая ценность любой формы жизни и ее среды обитания; обеспечение изобилия ресурсов для будущих поколений);
- 2) социальная справедливость (равные права для всех индивидов вне зависимости от пола, расы, возраста, религии, класса, этнического или национального происхождения, сексуальной ориентации, ограниченности возможностей, богатства или здоровья);

- 3) партисипативная демократия (информационная открытость, равный доступ к избирательному праву и власти; прозрачность и подотчетность избирательной системы и власти, выстраивание низовых институтов принятия решений — принятие решений «на местах», социальная поддержка молодежи; многопартийность);
- 4) ненасилие (отказ от концепции безопасности, основанной на балансе военной силы; искоренение конфликтов на национальной, этнической, расовой почве и продвижение свободы и демократии; всеобщее и полное разоружение; увеличение роли ООН в вопросах миротворчества);
- 5) устойчивость (разработка и внедрение «зеленых» технологий; поощрение локального самообеспечения ресурсами и энергией; признание основной роли молодежной культуры);
- 6) уважение к разнообразию (признание прав коренных народов на основные средства их выживания; признание прав этнических меньшинств на развитие их культуры, религии и языка без дискриминации; признание прав сексуальных меньшинств; равенство между мужчиной и женщиной; вовлечение молодежи во все сферы)¹.

Развитие политических идей сопряжено с их практической реализацией в виде законотворчества. Проследить развитие политической идеологии инвайронментализма можно, проанализировав становление экологической политики, а выявление особенностей в формировании движения «зеленых» возможно увидеть, рассмотрев конкретные примеры. Такой подход, в котором учитывается влияние культурных установок и специфики регионального и национального социокультурного контекста на теорию и практику управления экологическими конфликтами, плодотворен и актуален и используется в крупных политологических исследованиях [Демчук 2020b; Ровинская 2018b; Тихоцкая 2016]. Выбранные же страны являются модельными для своих субрегионов: США для Северной Америки, Франция для Западной Европы и Япония для Восточной Азии. Рассматриваемые страны были «передовиками» в области экологической политики своих субрегионов, оказали весомое влияние на становление международной экологической политики. Временной промежуток исследования (1950–2000 гг.) знаменует начальный этап становления инвайронменталистской идеологии. В 1950-е гг. инвайронментализм зарождается как идеология, к 2000 году, благодаря деятельности ООН и других международных организаций, степень региональных особенностей развития инвайронментализма становится минимальной, стандартизируются под уже упомянутые установки «Глобальной хартии зеленых».

Япония

Экологическая ориентация политики Японии корнями уходит в древние времена [Тихоцкая 2016]. Географическое положение, определяющее климат, а также физико-географические особенности Японских островов, связанные с рельефом, негативными для жизни и хозяйственной деятельности человека природными явлениями, количеством редких и стратегических ресурсов и размерами пригодной для жизни и хозяйственной деятельности территории, вынуждали японцев бережно относиться к природе. Кроме того, островная изоляция и все вышеперечисленные характеристики позволили японцам одними из первых открыть так называемое рециклирование — повторное использование материалов и продуктов производства. Так, например, деревянные дощечки моккан, используемые в Японии для письма еще с VII века, использовались повторно при обучении чиновников, кроме этого, есть свидетельства переработки таких дощечек для использования в бытовых нуждах [田中琢, 佐原真 1993].

¹ Charter // Global Greens [Электронный ресурс]. URL: <https://globalgreens.org/about/charter/> (дата обращения: 10.03.2023).

Традиционная религия Японии, синтоизм, сама по себе является достаточно «экологичной» и содержит ценностные и моральные установки, соответствующие духу современной идеологии инвайронментализма.

Активное развитие экологической повестки в Японии произошло в 1950-е, что связано с цепью событий, которые произошли в этой стране. В период 1950–1970 гг. в Японии было несколько вспышек заболеваний, которые получили название ёндай когай-бё (четыре крупных заболевания, вызванные загрязнением окружающей среды промышленными отходами) [あつこ 2013]. Японское экономическое чудо, помимо ощутимого роста благосостояния страны, привело к экологическим проблемам, связанным с загрязнением окружающей среды промышленностью, ростом уровня урбанизации, появлением признаков общества потребления и развитием сферы услуг (строительство инфраструктуры для сферы развлечений, увеличение плотности людей в центрах досуга и пр.). Кроме этого, общим фоном того времени была холодная война и гонка вооружений между СССР и США, что в сумме с событиями в Хиросиме и Нагасаки в 1945 г. создавало определенную тревожность в японском обществе, связанную с развитием ядерного потенциала этих стран.

Решительная политическая реакция на разрастающуюся инвайронменталистскую повестку произошла в Японии с некоторой задержкой. Так, только в 1967 году ответом на возникающий экологический кризис в Японии стало принятие парламентом Основного закона о контроле над загрязнением среды, а лишь в 1971 году было учреждено Агентство по вопросам окружающей среды, которое в 2001 году было трансформировано в Министерство окружающей среды. Закон регулировал деятельность по сохранению окружающей среды для будущих поколений, а также подразумевал систематическую и целенаправленную деятельность по сохранению природы Японии, которая регламентировалась «Основным экологическим планом». Основным законом стал опорой для будущей законодательной деятельности в области экологии.

Еще одной важной вехой в экологической политике Японии стало введение принципа «трех Р» (Pollution Producer Pays, «загрязнитель платит») в начале 1970-х годов. Стоит также отметить публикации «Белой книги о загрязнении» в 1969–1971 гг., которая в 1972–2008 гг. превратилась в «Белую книгу по окружающей среде», а с 2009 года — в «Белую книгу по биоразнообразию». Книга издается с мая по июнь каждый год и состоит из двух частей: отчета о состоянии природной среды за предыдущий год и описания мероприятий по охране окружающей среды, направленных на текущий год.

Кроме того, обращают на себя внимание растущие темпы урбанизации в Японии: так, если в 1950 году доля сельского населения Японии составляла 60,5% от общего числа жителей, то уже к 1980 году их доля была лишь 24%, а к 2000 году и вовсе составляла 21% [Сорокин 2014, 8].

После начала формирования экологической политики в Японии в конце 1960-х гг. общественное внимание к проблемам экологии только увеличилось и, более того, стало принимать общественно-политические формы. Так, к концу 1970-х годов набирает силу «Движение против ядерной энергетики в Японии». В 1977 г. Комитетом по политике в области охраны окружающей среды был опубликован обзор экологической политики Японии, что привлекло внимание других природоохранных организаций и правительственных органов других стран к предпринимаемым в Японии мерам для защиты окружающей среды [Данилова 2015]. В 1979 году происходит авария на АЭС Три-Майл-Айленд (США) — крупнейшая на тот момент авария в истории коммерческой атомной энергетики, что усиливает позиции «антиядерщиков» в Японии; следующим витком развития этой позиции стал 1986 год, когда произошла катастрофа на Чернобыльской АЭС.

В 1980-е экологическая политика Японии продолжает развиваться. Законы, регулирующие экологические отношения в самой Японии, позволили стабилизировать влияние на окружающую среду, предотвратить экологическую катастрофу, что выразилось в активности японского правительства на международной экологической арене и привело к постепенному затуханию политической активности «зеленых». Так, в 1988 году был принят Закон о защите озонового слоя. Он был ответом Японии на появившуюся в международном сообществе дискуссию о глобальном потеплении и появлении озоновых дыр. Закон соответствовал главным положениям Венской конвенции о защите озонового слоя (1988) и Монреальскому протоколу о веществах, разрушающих озоновый слой (1989) [Nomura 1995].

В 1990-е года Япония преодолела экологический кризис и стала флагманом экологической политики в мире, так как ее опыт оказался очень продуктивным. К примеру, «в 1995 г. эмиссия углекислого газа в стране составила 5% мировых выбросов против 24% в США, 14% в Китае и 13% в Европе. Загрязнение воздуха в расчете на душу населения также стало в Японии намного ниже, чем в других развитых странах. Улучшению экологической ситуации способствовала и структурная перестройка японской экономики, и вынос промышленных предприятий, особенно «грязных» производств, за рубеж — уменьшение доли энерго- и материалоемких производств снизило нагрузку на окружающую среду. Активная пропаганда экологических знаний, распространение дифференцированного сбора отходов и прочие меры способствовали и более сознательному подходу к защите окружающей среду со стороны граждан. В результате ежегодное количество бытовых отходов в Японии с 1995 г. стабилизировалось на уровне 52 млн тонн» [Тихоцкая 2016, 63].

Подводя итог, можно отметить 3 этапа развития инвайронменталистской повестки и экологической политики Японии. Первый этап связан с осознанием экологических проблем образованной частью населения и влиянием обозначенных проблем на политические вопросы, а также появлением общественно-политических организаций, ставящих во главу своих политических программ вопросы инвайронментализма. Длился данный этап почти 20 лет: с 1950 по 1970 гг. Второй этап связан с разработкой базы экологической политики государства, отвечающей запросам инвайронменталистов, а также с активизацией политической деятельности «зеленых», а сам этап продлился еще 15 лет. Со второй половины 1980-х гг. начинается третий этап — стабилизационный, когда экологическая политика Японии стала удовлетворять требованиям инвайронменталистов и смогла, зарекомендовав себя на внутренней политической арене, выйти на международный уровень со своими инициативами, задав определенный тон международному «зеленому» движению.

Франция

Несмотря на то, что рассматриваемый пример пересекается по времени с японским, во Франции дела обстояли несколько иначе. Во-первых, во Франции не было такой исторической особенности, как в Японии, связанной с бережным отношением к природе. Например, всего лишь 100 лет назад ведущее на тот момент французское издательство Hachette опубликовало «Уроки науки» (фр. *Leçons de sciences*) для школьников, готовящихся получить аттестат, где животные делились на полезных и бесполезных [Cans 2016]. Первых рекомендовалось не истреблять без надобности, а вторые могли быть истреблены. Более того, список полезных был скромнее, и у школьника могло сложиться мнение, что бесполезных и вредных животных значительно больше.

Кроме того, Франция, особенно ее экосистемы, сильно пострадали в начале XX века от разрушительной деятельности человека. Значительно был изменен рельеф на северо-востоке страны во время Первой и Второй мировых войн, что повлекло за собой и изменение биомов. Но в послевоенной Франции, как и в Японии в первые годы после окончания Второй мировой войны, экологические проблемы занимали далеко не первое место.

Но в 1950-е все несколько меняется. Французские интеллектуалы переместили фокус своего внимания на природу и следствия человеческой деятельности. Так, в 1951 году во Франции возникает политическое антиядерное «Движение за мир» (фр. Le Mouvement de la paix), к которому в дальнейшем присоединились такие знаковые фигуры французской интеллигенции, как Жан-Поль Сартр, Симона де Бовуар и Пабло Пикассо. Ответом на зарождающуюся экологическую повестку стало принятие Закона о заповедниках в 1957 году. Но стоит отметить, что это был первый шаг на пути экологической политики современной Франции, так как сам закон был принят парламентом без обсуждения. Спустя 3 года, в 1960 году, был принят Закон о национальных парках, и только в 1965 году был открыт первый французский национальный парк — Национальный парк Вануаз в Савоие. В 1964 году был принят Закон об охране водных ресурсов, который устанавливал механизм финансового стимулирования на основе уже упоминавшегося принципа «трех Р» («загрязнитель платит»).

Эти первые решительные законотворческие попытки в сфере экологии ускорили развитие и популяризацию идей инвайронментализма в среде французских интеллектуалов. Такое «брожение» привело к тому, что скорость претворения в жизнь экологической политики Франции перестала удовлетворять возрастающим требованиям политически активного населения, из-за чего разгорелись первые многочисленные протесты. Апогеем этого несоответствия скоростей стали майские события 1968 года во Франции, когда большое число студентов и интеллигенции запустило волну протестов и забастовок. Разумеется, протесты были скорее «красные», чем «зеленые», но стоит вспомнить, что основная критика касалась общества потребления, ненавистного и экоактивистам, а лозунги зачастую совпадали с повесткой инвайронменталистов: за мир, за равные права (в том числе права животных), против ядерных технологий, против общества потребления. После этих событий экологические протесты стали происходить все чаще. Стоит отметить борьбу против создания горнолыжного курорта в национальном парке Вануаз в 1970 году, а также демонстрации 1971 года против атомных электростанций Фессенхайм и Буже, на которых собиралось около 15000 человек. Были и демонстрации против расширения военного лагеря Ларзак, которые начинались с нескольких сотен демонстрантов на 9 мая 1971 года и закончились почти 20000 участниками 14 июля 1972 года. В августе 1973 года уже 60000 демонстрантов собираются под лозунгами «Мы сохраним Ларзак!», «Овцы победят!» и «Занимайся пахотой, а не войной!». Этот антивоенный пафос связан с разработкой ядерного оружия и проектами ядерной энергетики и является скорее экологическим протестом, а не пацифистским.

Кроме того, активисты-экологи эффективно использовали прессу как рычаг давления на власти и инструмент в своей политической борьбе. Газеты «Кит-курьер» (фр. Le Courrier de la Baleine) и «Открытый рот» (фр. La Gueule Ouverte), а также журнал «Друзья Земли» (фр. Amis de la Terre) освещают широкий спектр экологической повестки: от рецептов экологической еды до «конца света» из-за развития ядерных технологий.

В 1974 году на президентских выборах Франции был зарегистрирован первый «зеленый» кандидат — Рене Дюмон, агроном, изучавший рисовые поля. Французам тех лет Дюмон запомнился своей телевизионной речью в рамках информационной предвыборной кампании,

где он размахивает стаканом воды и объясняет, что этот ресурс «драгоценный, так как до конца века, если мы продолжим такой перелив, он иссякнет»².

Государство не могло долго стоять в стороне, приходилось увеличивать скорость принятия экологических законов, поэтому уже в январе 1971 года было создано Министерство по вопросам окружающей среды, деятельность которого в то время сводилась к координации усилий других министерств, а также созданию законотворческих инициатив в области экологии. Министерство окружающей среды участвовало в разработке закона о создании Оранжевой прибрежной зоны и берегов озера (фр. Conservatoire de l'espace littoral et des rivages lacustres), который был принят парламентом в 1975 году. В то время это государственное учреждение отвечало за покупку земли на побережье с целью ее сохранения и предотвращения любых новыхстроек на ней. Экологическое просвещение робко входит в систему образования, например в университетских курсах появляется научная экология, а в университетах Парижа-VII, Парижа-VI и Тура создаются кафедры окружающей среды. В том же году принимается Закон об утилизации отходов, а в 1976 году Закон об охране природы, который вводит статус охраняемых видов, статус (домашнего) животного, регламентирует исследования воздействия на окружающую среду и обновляет положения об особо охраняемых природных территориях.

В 1980-е экологический активизм во Франции перестает быть радикальным. Французская экологическая политика, которая на момент майских событий 1968 года была несостоятельной в глазах общественности, всего за 10 лет изменила отношение к себе. При этом экологическая повестка никуда не делась, она так и осталась важной в жизни многих французов, но правительство смогло интегрировать все необходимые инструменты экологической политики, удовлетворяющие общественный запрос. Кроме того, курс на общественное освещение и информационную открытость экологических инициатив, выбранный еще в 1960-е, сохраняется во французской экологической политике и по сей день. Природоохранные инициативы привели к появлению Закона об охоте 1978 года, регламентирующего отстрел косуль, оленей и диких овец для стабилизации их популяции. В 1982 году создается Фонд помощи качеству жизни (фр. Le Fonds d'intervention pour la qualité de la vie), не относящийся ни к одному министерству, тем не менее являющийся правительственным и отвечающий за финансирование операций по защите природы и окружающей среды.

В 1983 году принимается Закон об общественных расследованиях, позволяющий во время крупномасштабных проектов (например, строительства шоссе) общественности получать любую информацию и дающий возможность вносить предложения по изменению проекта. В 1985 году появляется Закон о развитии и защите гор, оберегающий хрупкие горные экосистемы и регламентирующий горный туризм. В 1990-е Франция входит в международные экологические договоры, принимает активное участие в мировой экологической повестке, создает Французский институт окружающей среды, изучающий влияние человека на природу и уполномоченный проводить различного рода экомониторинг. В 1992 году принимается ряд экологических законов: о воде, о борьбе с шумом и Директива о среде обитания. В 1996 году выходит Закон о воздухе и рациональном использовании энергии. Политика Франции в этот период несет в себе природоохранный императив, общественность не так остро реагирует на возникающие экологические проблемы, так как правительство смогло создать себе образ с «зеленым оттенком».

² René Dumont “Je bois devant vous un verre d'eau précieuse” // Institut National de l'Audiovisuel [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ina.fr/ina-eclaire-actu/video/i09167743/rene-dumont-je-bois-devant-vous-un-verre-d-eau-precieuse> (дата обращения: 10.03.2023).

Подводя итог, можно отметить точно таких же 3 этапа развития французской инвайронменталистской повестки и экологической политики, как и в Японии. Первый этап снова связан с осознанием экологических проблем образованной частью населения и накоплением политического веса общественно-политическими организациями, ставящими во главу своих политических программ вопросы инвайронментализма. Но, в отличие от Японии, этот этап завершился уже к 1965 году. Второй этап связан с разработкой базы экологической политики государства, отвечающей запросам инвайронменталистов, а также с еще большей активизацией и радикализацией политической деятельности «зеленых». Завершился он снова раньше, чем в Японии, к 1980 году, но длительность его была приблизительно такой же. После начинается третий этап — стабилизационный, когда экологический политический активизм во Франции входит в этап стагнации, пропадает его радикальный характер. Экологическая политика выходит на новый качественный уровень и так же, как в Японии, начинает выходить за рамки собственно Франции, подавая пример другим странам уже с 1990-х гг.

США

Пример США имеет ряд характеристик, которые делают его особенным, отличным от предыдущих, но общая для уже рассмотренных стран канва с тремя этапами становления экологической политики присутствует и здесь.

К ключевой особенности США стоит отнести тот факт, что «политический инвайронментализм» появился там намного раньше, чем в других рассматриваемых странах. Уже в середине XIX века в США появляется «Консервационистское движение» (Conservationist Movement), основной задачей которого было сохранение дикой природы и ее ресурсов ради живущих и будущих поколений [Ровинская 2018а], что является одной из ключевых ценностей «Глобальной хартии зеленых».

Причинами такой особенности США во многом стали экстенсивное освоение земель при передвижении поселенцев с Востока на Запад США в XIX веке, строительство инфраструктуры (железной дороги), а также борьба с индейцами. Последствием действия всех трех причин, например, стало снижение численности бизонов с 30 миллионов в 1800 году до менее тысячи к концу века [Isenberg 2000], что естественным образом разрушало сложившиеся в прериях экосистемы. Масштабы и скорость изменения природы США в сторону экологического кризиса спровоцировали рост числа природоохранных инициатив: например, в 1872 году был образован первый в мире национальный парк — Йеллоустон, но лишь в 1894 году был принят Закон о запрете охоты в этом заповеднике³.

Следующим значимым этапом развития экологической политики стала политика «Нового курса» президента-консервациониста Ф. Рузвельта, связанная с Великой депрессией в США. Особое значение имела программа «Гражданский корпус охраны окружающей среды» (Civilian Conservation Corps, CCC), продолжавшаяся девять лет, в рамках которой в общей сложности около 3 млн безработных молодых людей работали в сельских районах и природных зонах, главным образом в проектах консервации природных ресурсов [Ровинская 2017, 44].

Но все же названные выше вехи являются скорее проявлением определенной экологической культуры американцев и историческим фоном особенностей развития инвайронментализма в США, такими же, как бережливость, описываемая в части про

³ The Lacey Act of 1894 // National Park Service [Электронный ресурс]. URL: https://www.nps.gov/yell/planyourvisit/upload/lacey_act.pdf (дата обращения: 10.03.2023).

Японию, или французское «безразличие» к проблемам биомов. Активное развитие именно инвайронменталисткой повестки в США начинается после Второй мировой войны.

Экосистемы США не пострадали от военных действий, как это было с биомами Франции и Японии, что не помешало возникновению новых и активному развитию уже существующих общественных и политических движений по защите природы, чему способствовало несколько факторов. Во-первых, США, в отличие от Японии и Франции, после окончания Второй мировой войны не испытывали кризиса, скорее наоборот, как отмечают некоторые исследователи, вышли из Великой депрессии [Минат, Соколова 2020], а растущие доходы американцев и увеличение потребления, связанные с экономическим подъемом, позволяли сразу после войны проявлять озабоченность вопросами экологии. Во-вторых, начавшийся виток роста промышленности США приводил к очевидным загрязнениям окружающей среды. В-третьих, как уже было сказано выше, в политической культуре США уже присутствовал экологический императив, а также вели свою деятельность «зеленые» организации, например «Клуб Сьерра» (год основания 1892), «Национальное Одюбоновское общество» (1905), «Ассоциация охраны национальных парков» (1919), «Лига Исаака Уолтона» (1922), «Общество дикой природы» (1935), Национальная федерация дикой природы (1936) и др. В-четвертых, ученые США еще в 1940-е гг. разрабатывали новые виды оружия, в том числе ядерные, а также были пионерами в области ядерной энергетики, что позволило именно США стать страной, где зародилось антиядерное движение. В-пятых, образование военных блоков под предводительством США (НАТО, АНЗЮС и др.), а также военное присутствие армии США в других странах также способствовали росту антивоенных настроений в молодежной среде.

Все эти и другие факторы обеспечили общественно-политическую активность «зеленых» сразу в послевоенный период, а также определили более интенсивное развитие экологической политики США в сравнении с рассмотренными странами из-за раннего старта. Так, например, уже в 1948 году был принят Федеральный закон «О контроле за загрязнением вод» (The Federal Water Pollution and Control Act, FWPCA), а в 1955 г. был принят Закон «О контроле за загрязнением воздуха» (Air Pollution Control Act) — «первый федеральный законодательный акт, признававший загрязнение воздуха серьезной проблемой» [Ровинская 2018а, 89]. Все эти события сопровождались активной общественно-политической деятельностью «зеленых»: например, им удалось заблокировать строительство плотины Бридж-Каньон и остановить ряд других проектов.

Активный этап развития инвайронментализма в США начался во второй половине 1950-х гг., и одним из значимых событий, которое запустило этот этап, стал инцидент на Атолле Бикини в 1954 году, где от последствий испытания водородной бомбы пострадал экипаж японского рыболовецкого судна. На развитие инвайронментализма в это время повлияла также космическая гонка и гонка вооружений между США и СССР. Стоит отметить, что в период с 1963 по 1977 гг. экологическое законодательство было наиболее продуктивным: было принято 19 важных федеральных актов и законов, регулирующих различные сферы охраны природы. «Таким образом, к началу 80-х годов XX в. американское федеральное экологическое законодательство регулировало следующие вопросы: охрану дикой природы; контроль общественных систем питьевой воды, токсичных веществ, применения пестицидов; сброс отходов в море; охрану рек; очистку территорий от радиоактивных отходов; научные исследования загрязнений; установление стандартов; экологический мониторинг; обеспечение исполнения законов» [Там же, 91].

В 1967 году появляется организация «Фонд защиты окружающей среды», которая была создана группой ученых для лоббирования запрета на использование ДДТ в сельском хозяйстве, который был введен в 1972 году. В тот период организация быстро разрастается и расширяет спектр своей природоохранной деятельности — от борьбы с промыслом китов до разработки вполне конкретных предложений, вошедших в итоговый Закон о безопасной питьевой воде.

Численность участников «зеленых» организаций растет высокими темпами: если в 1960 году в 12 крупнейших экологических организациях числится 124000 участников, то уже в 1969 году их число составляет около 819000 человек [Patterson 1996]. Происходят многочисленные протесты, связанные с различными антропогенными катастрофами или заявлениями ученых: например, общественный резонанс спровоцировал разлив нефти из морской скважины в калифорнийском проливе Санта-Барбара или протест Барри Коммонера против ядерных испытаний.

1970–1980-е гг. «стали для США “экологическим десятилетием”, в течение которого был принят ряд природоохранных законов» [Демчук 2020а, 102], а число протестов и численность их участников значительно увеличиваются. Само американское «зеленое» движение специализируется на трех основных направлениях: охране дикой природы (Wilderness Preservation); антиядерном движении (Anti-Nuclear Movement) и движении против токсичных веществ (Anti-Toxic Movement); а также движении за экологическую справедливость (Environmental-Justice Movement). Одним из лозунгов «зеленых» того времени стала фраза «Не в моем дворе» (Not in My Backyard, NIMBY), что было направлено против вредного влияния токсических отходов на здоровье человека в условиях большого города [Ровинская 2018b, 72].

В отличие от Франции и Японии, в США в 1980-е гг. не произошла стабилизация активности «зеленых», что прежде всего связано с президентством Р. Рейгана с 1981 по 1989 гг. Штаб Рейгана скептически относился к законам об охране окружающей среды и выступал против жесткого государственного регулирования экологической политики в пользу рыночного регулирования. Кроме того, Рейган в первый год президентства постепенно сократил бюджет Агентства по охране окружающей среды на 30% и уменьшил число сотрудников. Кроме того, в этот период расширились полномочия Административно-бюджетного управления (Office of Management and Budget) при разработке экологических нормативов. «Во время его первого президентского срока Управление обладало правом запрашивать оценку экономической эффективности любого нормативного требования еще до того, как оно будет принято (что позволяло откладывать новые разработки на неопределенный срок). Во время второго президентского срока Р. Рейгана это ведомство получило еще больше полномочий и теперь требовало от всех органов государственного регулирования ежегодного предоставления всех находящихся в разработке основных экологических нормативов — для того, чтобы иметь возможность изменить (ослабить) их прежде, чем о них станет известно широкой общественности» [Там же, 73]. Поэтому неудивительно, что инвайронменталисты снова стали вести активную политическую деятельность. Так, например, «12 июня 1982 г. в Центральном парке Нью-Йорка около миллиона человек вышли на демонстрацию против ядерного оружия, за окончание холодной войны и гонки вооружений... 20 июня 1983 г. в 50 точках по всей стране прошли протесты, посвященные Международному дню ядерного разоружения (International Day of Nuclear Disarmament)» [Ровинская 2017, 45].

Ситуация изменилась лишь с победой Б. Клинтона на президентских выборах в 1993 году. Клинтон упразднил Совет по конкурентоспособности, вернув регулирующие полномочия главам агентств, а также утверждал, что защита окружающей среды и экономический

рост не являются несовместимыми [Rothenberg 2002]. Клинтон создал президентский Совет по устойчивому развитию, подписал Киотский протокол и выступил против попыток республиканцев в 1994 г. отменить экологические законы и постановления. При администрации Клинтона бюджет Агентства по охране окружающей среды был увеличен. «Президентство Клинтона вошло в историю как исключительно благоприятный период, что тем более справедливо, если учесть выдающуюся природоохранную деятельность вице-президента Альберта Гора (прежде всего касающуюся борьбы с глобальным потеплением)» [Ровинская 2017, 46].

Эффективная экологическая политика привела к значительному снижению политической активности зеленых движений, что отразилось в сокращении численности участников крупных природоохранных инвайронменталистских организаций: так, например, с 1992 по 1997 численность таких организаций, как «Клуб Сьерра», «Национальное Одюбоновское общество», Национальная федерация дикой природы и «Гринпис⁴ США», снизилась на 46, 50, 128 и 1825 тысяч участников соответственно [Bosso, Guber 2006, 89].

Заключение

Проанализировав развитие инвайронментализма и экологической политики Японии, Франции и США в период с 1950 по 2000 гг., можно выделить три характерных этапа этого процесса. Первый этап характеризуется зарождением интереса к тематике экологической политики, появлением первых политических лидеров-инвайронменталистов из среды интеллектуалов. На этом этапе еще нет четкой программы экологической политики государства, она больше опирается на «экологическую традицию», экологическую культуру рассматриваемой страны.

Второй этап характеризуется политическим напряжением, связанным с тем, что вопросами экологической политики интересуется критическая масса людей, а сама экологическая политика страны воспринимается ими как не удовлетворяющая современному состоянию дел. Растет число протестов и количество участников зеленого движения. В этот период государственные органы создают фундамент экологической политики стран, изменяя тем самым политическую культуру, интегрируя в нее инвайронменталистскую повестку.

Третий этап характеризуется укреплением экологической политики стран, их включением в международные договоры по вопросам окружающей среды, проникновением представителей инвайронментализма в правительство и государственные учреждения. Этап связан с завершением активной протестной жизнью экологических организаций.

Выделенные этапы (возникновение дискурса, острый этап экологических протестов и этап включения экологической политики и инвайронменталистских ценностей в политическую повестку стран), на наш взгляд, справедливы и для других обществ.

Список литературы:

Данилова В.И. История становления концепции экологической безопасности Японии // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 3(42). С. 51–59.

Демчук А.Л. Управление современными экологическими конфликтами в США и Канаде // США и Канада: экономика, политика, культура. 2020а. Т. 50. № 5. С. 100–112. DOI: [10.31857/S268667300009433-6](https://doi.org/10.31857/S268667300009433-6)

Демчук А.Л. Экологические конфликты в современной политике: теоретические основы и национальные модели. М: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова Издательский Дом, 2020b.

⁴ Деятельность Greenpeace в России признала нежелательной Генеральной прокуратурой РФ.

- Минат В.Н., Соколов А.С. Вторая мировая война — главная антикризисная мера развития американского капитализма (1929–1949 гг.) // Свободная мысль. 2020. № 3(1681). С. 63–76.
- Ровинская Т.Л. История «зеленого движения» в США: опора на гражданское общество // Мирная экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 11. С. 43–56. DOI: [10.20542/0131-2227-2017-61-11-43-56](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-11-43-56)
- Ровинская Т.Л. Становление государственной экологической политики в США под влиянием «зеленых» (XIX–XX вв.) // Мирная экономика и международные отношения. 2018а. Т. 62. № 6. С. 86–92. DOI: [10.20542/0131-2227-2018-62-6-86-92](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-6-86-92)
- Ровинская Т.Л. Экологическая политика в США конца XX–начала XXI в.: новые вызовы // Мирная экономика и международные отношения. 2018б. Т. 62. № 7. С. 72–82. DOI: [10.20542/0131-2227-2018-62-7-72-82](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-7-72-82)
- Сорокин С.А. История урбанизации Японии // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. № 11–12. С. 6–11.
- Тихоцкая И.С. Экологические проблемы в Японии: между прошлым и будущим // Японские исследования. 2016. № 1. С. 59–71.
- Яницкий О.Н. Экологическое мышление эпохи «великого передела». М.: РОССПЭН, 2008.
- Bosso Ch., Guber D. Maintaining Presence: Environmental Advocacy and the Permanent Campaign' // Environmental Policy: New Directions for the Twenty-First Century / ed. by N.J. Vig, M.E. Kraft, B.G. Rabe. Los Angeles, London: Sage, 2006. P. 78–99.
- Cans R. Petite histoire du mouvement écolo en France. Paris: Delachaux et Niestlé, 2006.
- Isenberg A. The Destruction of the Bison: An Environmental History, 1750–1920. New York: Cambridge University Press, 2000.
- Nomura Y. History, Structure and Characteristics of Japan's Environment Law // Development and the Environment: The Experiences of Japan and Industrializing Asia / ed. by K. Reetsu, N. Yoshihiro, F. Shigeaki, S. Naoyuki. Tokyo: Institute of Developing Economies, 1995. P. 128–157.
- Patterson J.T. Grand Expectations: The United States, 1945–1974. Oxford: Oxford University Press, 1996.
- Rothenberg L.S. National Political Influences on Environmental Policy // Environmental Choices: Policy Responses to Green Demands. Washington, D.C.: CQ Press, 2002. P. 62–101. DOI: [10.4135/9781483345208](https://doi.org/10.4135/9781483345208)
- まさのあつこ. 四大公害病:高度経済成長期の負の遺産. 東京: 中央公論新社, 2013. (Ацуко М. Четыре заболевания, вызванных загрязнением окружающей среды: болезнь Минамата, болезнь Минамата в Нииагата, болезнь итай-итай и вызванная загрязнением окружающей среды в Ёккайти. Токио: Изд-во Чуокоронь-Шинша, 2013).
- 田中琢, 佐原真. 考古学の散歩道 1-2 巻. 東京: 岩波書店〈岩波新書, 新赤版, 1993. (Танака Т., Сахара М. Археологическая прогулка, Т. 1–2. Токио: Изд-во Иванами Сэтэн, Иванами Шиншо, Новое красное издание, 1993).

References:

- Danilova V.I. (2015) Development of Japanese Environmental Security Concept. *Vestnik MGIMO Universiteta*. No. 3(42). P. 51–59.
- Demchuk A.L. (2020a) Modern Environmental Conflict Management in the USA and Canada. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. Vol. 50. No. 5. P. 100–112. DOI: [10.31857/S268667300009433-6](https://doi.org/10.31857/S268667300009433-6)
- Demchuk A.L. (2020b) *Ekologicheskiye konflikty v sovremennoy politike: teoreticheskiye osnovy i natsional'nyye modeli* [Ecological conflicts in modern politics: Theoretical foundations and national models]. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet imeni M.V. Lomonosova Izdatel'skiy Dom.

- Minat V.N., Sokolov A.S. (2020) World War II — the Main Anti-Recessionary Measure of Progress of the American Capitalism (1929–1949). *Svobodnaya mysl'*. No. 3(1681). P. 63–76.
- Rovinskaya T.L. (2017) Development of the U.S. Green Movement: Reliance on Civil Society. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. Vol. 61. No. 11. P. 43–56. DOI: [10.20542/0131-2227-2017-61-11-43-56](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-11-43-56)
- Rovinskaya T.L. (2018a) Development of the U.S. State Environmental Policy Inspired by the “Greens” (19th–20th centuries). *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. Vol. 62. No. 6. P. 86–92. DOI: [10.20542/0131-2227-2018-62-6-86-92](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-6-86-92)
- Rovinskaya T.L. (2018b) The U.S. State Environmental Policy in the Late 20th–early 21st Century: New Challenges. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. Vol. 62. No. 7. P. 72–82. DOI: [10.20542/0131-2227-2018-62-7-72-82](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-7-72-82)
- Sorokin S.A. (2014) The History of Urbanization in Japan. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. No. 11–12. P. 6–11.
- Tikhotskaya I.S. (2016) Ecological Problems in Japan: Between Past and Future. *Yaponskiye issledovaniya*. No. 1. P. 59–71.
- Yanitsky O.N. (2008) *Ekologicheskoye myshleniye epokhi “velikogo peredela”* [Ecological thinking of the era of the “great redistribution”]. Moscow: ROSSPEN.
- Bosso Ch., Guber D. (2006) Maintaining Presence: Environmental Advocacy and the Permanent Campaign. In: Vig N.J., Kraft M.E., Rabe B.G. (eds.) *Environmental Policy: New Directions for the 21st Century*. Los Angeles, London: Sage. P. 78–99.
- Cans R. (2006) *Petite histoire du mouvement écolo en France*. Paris: Delachaux et Niestlé.
- Isenberg A. (2000) *The Destruction of the Bison: An Environmental History, 1750–1920*. New York: Cambridge University Press.
- Nomura Y. (1995) History, Structure and Characteristics of Japan’s Environment Law. In: Reeitsu K., Yoshihiro N., Shigeaki F., and Naoyuki S. (eds.) *Development and the Environment: The Experiences of Japan and Industrializing Asia*. Tokyo: Institute of Developing Economies. P. 128–157.
- Patterson J.T. (1996) *Grand Expectations: The United States, 1945–1974*. Oxford: Oxford University Press.
- Rothenberg L.S. (2002) National Political Influences on Environmental Policy. *Environmental Choices: Policy Responses to Green Demands*. Washington, D.C.: CQ Press. P. 62–101. DOI: [10.4135/9781483345208](https://doi.org/10.4135/9781483345208)
- まさのあつこ (2013) 四大公害病: 高度経済成長期の負の遺産. 東京: 中央公論新社. (Masano A. (2013) *Four Major Pollution Diseases: Negative Legacies of the Period of High Economic Growth*. Tokyo: Chūōkōron shin sha).
- 田中琢, 佐原真 (1993) 考古学の散歩道 1–2 巻. 東京: 岩波書店 (岩波新書, 新赤版). (Tanaka T., Sahara M. (1993) *Archaeological Promenade*. Vol. 1–2. Tokyo: Iwanami shoten, Iwanami shinsho, Shin akaban).

Дата поступления/Received: 17.03.2023

Социология управления
Management sociology

DOI: 10.24412/2070-1381-2023-98-151-161

Как измерить культурный код? Количественный анализ семантики в сказках
А.С. Пушкина и в ценностях российской молодежи

Андреюк Денис Сергеевич¹

Кандидат биологических наук, доцент, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва; старший научный сотрудник, ГБУ здравоохранения города Москвы «Психиатрическая клиническая больница № 1 им. Н.А. Алексеева Департамента здравоохранения г. Москвы», Москва; исполнительный директор Общероссийской общественной организации «Российская ассоциация содействия науке», Москва, РФ.

E-mail: denis.s.andreyuk@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: 8083-4058

ORCID ID: [0000-0002-3349-5391](https://orcid.org/0000-0002-3349-5391)

Фадеева Екатерина Александровна

Студентка, филологический факультет, ВлГУ имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, РФ; секретарь молодежного отделения в г. Владимире Общероссийской общественной организации «Российская ассоциация содействия науке», Москва, РФ.

E-mail: ekaterinafad20@gmail.com

ORCID ID: [0009-0001-8187-7490](https://orcid.org/0009-0001-8187-7490)

Кузнецова Екатерина Александровна

Кандидат филологических наук, филологический факультет, ВлГУ имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, РФ; член Пленума Общероссийской общественной организации «Российская ассоциация содействия науке», Москва, РФ.

E-mail: e.a.kuznetsova@list.ru

SPIN-код РИНЦ: 3249-9283

ORCID ID: [0000-0002-0855-9752](https://orcid.org/0000-0002-0855-9752)

Аннотация

Формализовать понятие «культурный код» означает выделить количественные параметры, доступные для точного измерения, сравнения в разных культурах и долгосрочных наблюдений. Эта задача в полной мере до сих пор не решена. В частности, не существует инструментов для количественной оценки возможного влияния произведений массовой культуры на культурный код, при том что сам факт такого влияния не подвергается сомнению. В данной работе исследованы тексты сказок А.С. Пушкина как примеры массовых и общеизвестных произведений для представителей культурной общности носителей русского языка; сопоставлены содержащиеся в сказках смыслы со смыслами ценностей российских школьников и студентов, вербализованных в виде свободных ассоциации с «чем-то самым важным в жизни». Для количественного анализа использовался автоматизированный алгоритм для перевода текста в вектор с частотами семантических групп тезауруса Роже. Общая семантическая близость сказок с ценностями молодежи оказалась меньше, чем близость сказок между собой. Пять наиболее значимых смыслов, общих между сказками и ценностями, можно условно обозначить словами Любовь, Удовольствие, Человечество, Существование, Родство. В целом представленная в работе методика позволяет в автоматическом режиме проводить количественное сопоставление смыслов в заданных литературных произведениях и заданных целевых группах и может быть применена для дальнейших исследований культурного кода.

Ключевые слова

Культурный код, сказки А.С. Пушкина, ценности молодежи, векторный семантический анализ, автоматизированный алгоритм, тезаурус Роже.

**How to Measure the Cultural Code? Quantitative Analysis of Semantics in A.S. Pushkin's
Fairy Tales and Values of Russian Youth**

Denis S. Andreyuk²

PhD, Associate Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher, N.A. Alekseev Psychiatric Clinical Hospital No.1, Moscow Health Care Department; Executive Director, All-Russian Public Organization "Russian Association for Assistance to Science", Moscow, Russian Federation.

E-mail: denis.s.andreyuk@yandex.ru

ORCID ID: [0000-0002-3349-5391](https://orcid.org/0000-0002-3349-5391)

Ekaterina A. Fadeeva

Student, Philological Faculty, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir; Secretary of Youth Division in Vladimir Region, All-Russian Public Organization "Russian Association for Assistance to Science", Moscow, Russian Federation.

E-mail: ekaterinafad20@gmail.com

ORCID ID: [0009-0001-8187-7490](https://orcid.org/0009-0001-8187-7490)

¹ Корреспондирующий автор.

² Corresponding author.

Ekaterina A. Kuznetsova

PhD, Philological Faculty, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir; Member of Plenum, All-Russian Public Organization "Russian Association for Assistance to Science", Moscow, Russian Federation.

E-mail: e.a.kuznetsova@list.ru

ORCID ID: [0000-0002-0855-9752](https://orcid.org/0000-0002-0855-9752)

Abstract

To formalize the concept of cultural code means to isolate quantitative parameters available for precise measurement, comparison in different cultures and long-term observation. This task has not yet been fully solved. In particular, there are no tools to quantify the possible influence of mass culture works on the cultural code, although the fact of such influence is not questioned. This paper studies the texts of Pushkin's fairy tales as examples of mass and well-known works for representatives of the cultural community of Russian language native speakers; compares the meanings contained in fairy tales with the meanings of values of Russian schoolchildren and students, verbalized in the form of free associations with "something most important in life". For quantitative analysis, an automated algorithm to convert the text into a vector with the frequencies of the semantic groups of the Roget's Thesaurus was used. The overall semantic proximity of fairy tales to the values of young people was less than the proximity of fairy tales to each other. The five most significant meanings in common between fairy tales and values can be conventionally designated with the words Love, Pleasure, Mankind, Existence, and Consanguinity. Overall, the methodology presented in the paper allows for automatic quantitative comparison of meanings in given literary works and in given target groups, and can be applied for further research on the cultural code.

Keywords

Cultural code, A.S. Pushkin's fairy tales, youth values, vector semantic analysis, automated algorithm, Roget's Thesaurus.

Введение

Культурный код интуитивно воспринимается как нечто, что структурирует поведение каждого представителя общности, разделяющей данный культурный код, особенно в ситуациях, значимых с точки зрения исторического пути данной общности. Культурный код часто трактуют как совокупность ценностей [Велилаева, Абдулжемилева 2021, 527]. Такой подход можно представить как набор рекомендаций выбора в ситуациях знаковых, важных для поворотных точек исторического пути. С другой стороны, культурный код зачастую определяют как совокупный культурно-исторический «багаж» рассматриваемой социальной общности, все многообразие произведений культуры, созданное ее представителями [Там же]. В этом случае также предполагается, что члены общности обладают некоторыми особенностями, которые отличают их от других общностей, и эти особенности транслируются в характерные черты культурных произведений. Наконец, существует системно-механистический подход к проблеме культурного кода, который постулирует прямую причинно-следственную связь между определенными поведенческими установками, влияющими на выбор в поворотных точках исторического пути, и произведениями культуры, прежде всего литературного творчества, передаваемыми устно, программирующими в детях из данной общности те самые характерные поведенческие установки [Оконешникова 2015, 164].

Во всем описанном многообразии подходов существует общая проблема — они не формализованы, а значит, не допускают ни точных количественных экспериментов, которые могли бы верифицировать — подтвердить либо опровергнуть — данную концепцию, ни рациональных вариантов прикладного использования, которые можно было бы описать и спланировать с точки зрения некоторого заданного измеримого либо считаемого результата. В условиях нарастающей мощи инструментов искусственного интеллекта (ИИ) может сложиться ситуация, когда ИИ будет находить скрытые черты культурного кода (а они есть, раз подавляющее большинство специалистов согласно в принципиальной сущности самого понятия) и использовать их в принятии коммерческих либо политических решений. Причем сами решения не обязательно будут приняты в пользу представителей данной общности, очевидно, что они будут в пользу владельцев ИИ. Это обстоятельство диктует новый для нашего поколения аргумент актуальности исследования: важно как можно раньше изучить, формализовать логику формирования и воздействия элементов культурного кода, описать их в причинно-следственных моделях и

прийти к консенсусу в научном сообществе для того, чтобы иметь возможность выстраивать осознанную и обоснованную систему противодействия новым высокотехнологичным угрозам культурно-исторической идентичности.

Ценности молодежи и культурный код

Структуру ценностей как основу для определения приоритетов и мотивации в текущей деятельности изучали многие психологи и педагоги. Так, Л.С. Выготский глубоко исследовал процесс формирования системы культурных ценностей в процессе развития личности [Выготский 1996]. А.Н. Леонтьев одним из первых подробно описал функциональные аспекты иерархии мотиваций во взаимодействии личности с социальным окружением [Леонтьев 1977]. Его идеи далее развил Д.А. Леонтьев [Леонтьев 1999]. Интересно, что эти сугубо психологические работы базируются на фундаментальных построениях Н.А. Бернштейна, который отталкивался от механизмов высшей нервной деятельности и первоначально ставил перед собой задачу описать механику движений у высших животных и человека [Бернштейн 1947].

В зарубежной научной мысли наибольшее значение имеют исследования ценностей прикладной направленности. В частности, М. Рокич [Rokeach 1973], а вслед за ним С. Шварц и У. Билски [Schwartz, Bilsky 1987] разработали методики для анализа индивидуальной структуры ценностей. Г. Ховстеде [Hofstede 2001] ввел в научную практику изучение ценностей на уровне больших социальных групп (в частности, как один из главных параметров при изучении межкультурных различий). Именно эта линия исследований напрямую относится к понятию культурного кода, как оно было определено выше.

Ценности современной российской молодежи исследуют с помощью опросов. Хотя этот инструмент имеет свои ограничения, глубокий сопутствующий аналитический аппарат позволяет находить структурно-функциональные связи как в индивидуальных, так и в групповых ценностях. Например, Ю.А. Зубок с соавторами [Зубок и др. 2021] на основе метода структурно-таксономического моделирования обосновали механизм социокультурной саморегуляции жизнедеятельности молодежи. О.Н. Сорокин [Сорокин 2022] выявил массив ценностных смыслов в отношении труда, которые характерны для молодежных субкультур, но при этом отклоняются от доминирующих установок в общекультурных настройках. Д.С. Андреюк с соавторами [Андреюк и др. 2020] на основании кластерного анализа классифицировали небольшие группы молодежи по наиболее представленным среди их членов смыслам в массиве свободных ассоциаций с самым важным в отношении профессионального развития и жизни в целом. Таким образом, можно говорить о том, что сегодня уже есть все предпосылки для исследования ценностей молодежи как элемента культурного кода, в том числе и количественными методами.

Творчество А.С. Пушкина и культурный код

Творчество А.С. Пушкина знакомо практически каждому человеку с раннего детства. Мир его сказок, несомненно, несет в себе огромный педагогический потенциал, отражая культурный код. Для русской народной культуры было и остается характерным стремление привить детям основные ценности как можно раньше, что осуществляется в том числе благодаря сюжетам сказок [Конькина и др. 2013].

Как известно, А.С. Пушкин с детства лучше владел французским языком, чем русским. Языку народных сказок его научила няня, Арина Родионовна. Именно таким образом поэт познал всю красоту и возможности родного языка, которые в дальнейшем использовал при создании своих величайших произведений [Оконешникова 2015, 164].

Исследованием творчества А.С. Пушкина занимались многие ученые и поэты: П.В. Анненков, В.Г. Белинский, М. Горький, А.А. Ахматова и другие. Как отмечал В. Непомнящий, постепенно сказки Пушкина становятся «своего рода азбукой национального характера», в которой содержатся «грозные вопросы морали», отражаются проблемы бытия [Непомнящий 1987, 189]. Таким образом, взаимосвязь культуры и литературы на примере сказок А.С. Пушкина представляется обширным материалом для современных научных исследований и обуславливает целесообразность прямого сопоставления текстов с ценностями современной российской молодежи.

Тезаурус Роже как способ количественного анализа смыслов

Тезаурус Роже [Roget 1991] представляет собой идеографический словарь, который разделяет все слова английского языка на 1044 смысловые группы, то есть каждая группа представляет собой совокупность синонимов, описывающих (более или менее четко) некоторый заданный смысл/понятие. Таких смыслов П. Роже выделил 1000, в современном издании их число выросло до 1044. Тезаурус часто используют в этнографических, антропологических, исторических и мультидисциплинарных исследованиях для количественного анализа смыслов и их изменений. Например, У. ТенХоутен на основании анализа большого массива интервью показал связь смыслов стыда и гордости в качестве ключевых элементов семантики социального доминирования у австралийских аборигенов [TenHouten, 2017]. С. Клингенштейн с соавторами с помощью тезауруса Роже зафиксировали изменение семантики протоколов судебных заседаний в Центральном уголовном суде Лондона за период 1760–1913 гг. и показали динамику различий в отношении к насильственным и ненасильственным преступлениям [Klingenstein et al. 2014]. Чтобы сделать статистически доказанный вывод, авторам пришлось обработать сотни тысяч документов, что было бы невозможно без автоматизации. Автоматизированный подход к использованию тезауруса Роже применили и российские авторы [Андреюк, Очковская 2022]. Они разработали скрипт, который использовали для анализа массива свободных ассоциаций российской молодежи в отношении самого важного в жизни. Тот же скрипт в качестве инструмента и тот же массив ценностей в качестве одного из объектов исследования были использованы в настоящем исследовании.

С учетом всего вышесказанного в данной работе была поставлена цель сопоставить семантику ценностей представителей российской молодежи — школьников и студентов столичных и региональных учебных заведений — с семантикой наиболее известных стихотворных сказок А.С. Пушкина. Количественный анализ был проведен с помощью тезауруса Роже. Главный исследовательский вопрос, который был поставлен: какие смыслы — в терминах семантических групп тезауруса Роже — встречаются с измеримой частотой и в сказках, и в ценностях?

Методика

Ценности российской молодежи были вербализованы в виде массива свободных ассоциаций респондентов в ответе на вопрос «Назовите три слова (существительное, прилагательное и глагол) которые ассоциируются для Вас с чем-то самым важным в жизни?»³. Опрос проводили в четырех городах (Москва, Владимир, Нижний Новгород, Челябинск) среди студентов естественно-научных и гуманитарных факультетов известных и уважаемых в каждом городе вузов, а также среди школьников сильных школ. Опрос был элементом научно-просветительской лекции. Таким образом, можно утверждать, что в группу респондентов

³ Этот вопрос был одним из трех, имеющих отношение к ценностям. Спрашивали также о самом важном, что произошло за неделю, и о самом важном для профессионального развития человека. Более подробно см. [Андреюк и др. 2020]. В данной работе для анализа использовали все части речи из ответов на вопрос о самом важном в жизни.

попали представители молодежи с существенно более высоким уровнем образования, чем в среднем характерно для данного возраста. В выборку попал 651 человек, средний возраст составил 19,5 лет, соотношение полов Ж/М было равно 1,38.

Векторизация смыслового содержания всех текстовых массивов — и свободных ассоциаций молодежи в отношении самого важного в жизни, и текстов сказок А.С. Пушкина — осуществлялась с помощью скрипта⁴, который переводит массив слов в вектор с размерностью 1044, где каждая координата представляет собой частоту встречаемости конкретной семантической группы из тезауруса Роже⁵ в анализируемом массиве слов.

Семантические отношения между массивами слов анализировались при попарном сопоставлении векторов по одному из двух показателей. Общее семантическое сходство двух текстов считалось как косинусная близость между векторами (коэффициент Отиаи [Ochiai 1957]). Для выделения наиболее значимых общих смыслов использовались коэффициенты семантического перекрытия как произведение частот каждой из семантических групп тезауруса Роже (попарное произведение каждой из координат сравниваемых векторов) и выбирались семантические группы с наибольшим значением данного произведения.

Результаты

Косинусная близость векторов показывает степень общего семантического сходства: если она равна 1, то тексты полностью тождественны семантически; если косинусная близость равна нулю, значит, у сравниваемых текстов вообще нет общих смыслов. В Таблице 1 представлены данные о степени сходства каждой из проанализированных сказок относительно ценностей российской молодежи и между собой. Можно наблюдать, что степень сходства сказок между собой гораздо выше, чем сходство сказок с массивом ценностей, значения находятся в диапазонах 0.8–0.9 и 0.34–0.38 соответственно.

Таблица 1. Значения косинусной близости, отражающей степень семантического сходства, в попарных сравнениях стихотворных сказок А.С. Пушкина с массивом слов, характеризующим ценности российской молодежи, а также между собой⁶

Ценности	Сказки	Золотой петушок	О рыбаке и рыбке	Жених	Мертвая царевна	Балда и поп
0,3826	Золотой петушок					
0,3395	О рыбаке и рыбке	0,8404				
0,3803	Жених	0,8909	0,8198			
0,3672	Мертвая царевна	0,8987	0,8517	0,9430		
0,3616	Балда и поп	0,8920	0,8584	0,8818	0,8854	
0,3757	Царь Салтан	0,9333	0,8280	0,9279	0,9417	0,9011

⁴ Данный программный продукт свободно распространяется для некоммерческого использования и доступен для скачивания: Roget // GitHub [Электронный ресурс]. URL: <https://github.com/chameleon-lizard/Roget> (дата обращения: 18.03.2022).

⁵ В современной версии тезауруса 1044 семантические группы, частота каждой из них и составляет вектор, который получается в результате работы скрипта. Подробно алгоритм работы скрипта и пример его использования для массива ценностей молодежи описаны в [Андреюк и др. 2022].

⁶ Составлено авторами. Здесь и далее приведены условные обозначения сказок, которые соответствуют полным названиям: «Сказка о золотом петушке», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Жених», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», «Сказка о попе и работнике его Балде», «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди».

Тот факт, что все шесть сказок имеют попарно близкие и в целом весьма высокие значения косинусной близости, дает основание объединить их в один общий вектор (усреднением значений частот по каждой семантической группе). На Рисунке 1А показан общий вид всего смыслового спектра для усредненного вектора сказок и для вектора ценностей. Объединенный вектор сказок изображен красной линией. Дополнительно на рисунке показана величина дисперсии, которая возникает при усреднении значений частот в отдельных семантических группах. За исключением узкого пика из трех семантических групп (#372–374, «Человечество», «Мужчина», «Женщина»), по которым дисперсия около 2%, в остальном спектре этот показатель не превышает 1%.

При сравнении красной линии «усредненной сказки» с синей линией ценностей молодежи выделяются три зоны, в которых можно предполагать заметные перекрытия, то есть где и красный, и синий график будут показывать достаточно высокие значения. Одна из них узкая, в уже упомянутой зоне #372–374, а две другие широкие — в начале и в конце спектра. Две последние показаны в более крупном масштабе на Рисунках 1Б и 1В.

На спектре видно, что бывают ситуации, когда семантическая группа встречается с большой частотой в ценностях, но с маленькой в сказках, например группа #011 «Родство» или группа #827 «Удовольствие» (отмечены стрелками на Рисунках 1Б и 1В соответственно). Бывает также и наоборот, как, например, в группе #897 «Любовь» (стрелка на Рисунке 1В).

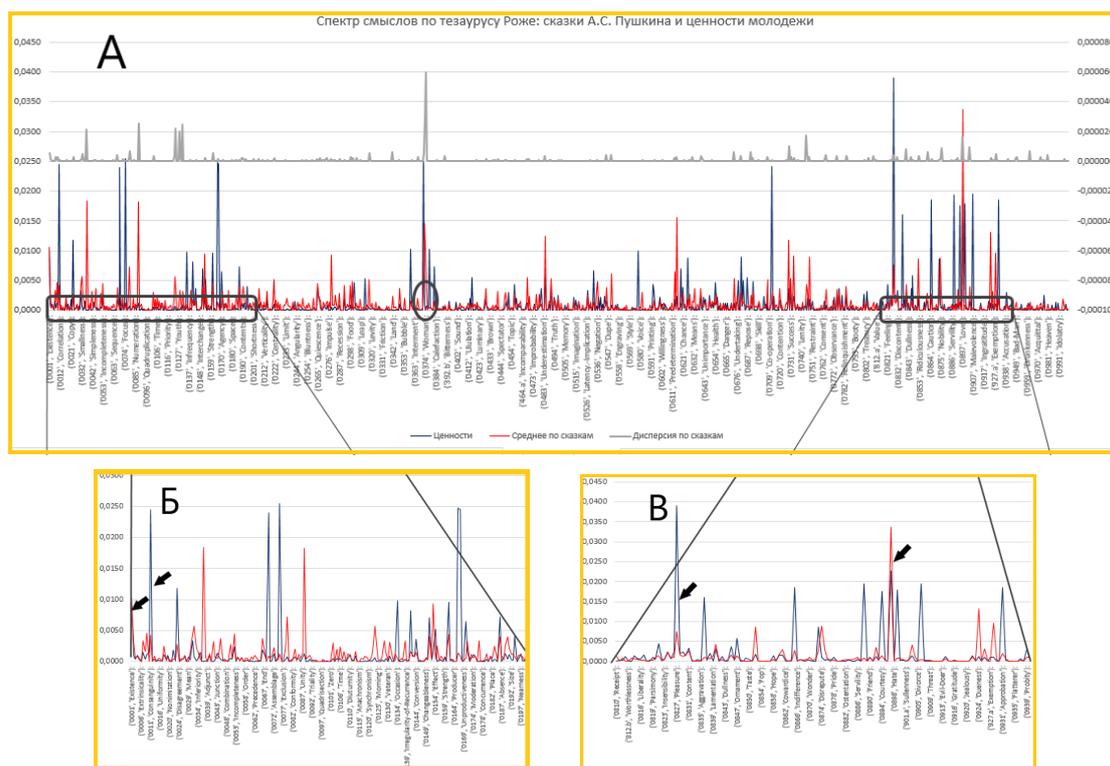

Рисунок 1. Спектр всех смыслов тезауруса Роже⁷

⁷ Составлено авторами. Примечание: А. — по левой вертикальной оси отложена частота семантической группы, по горизонтальной оси расположены все семантические группы тезауруса по возрастанию их порядкового номера слева направо. Красная линия показывает частоты семантических групп в усредненном векторе сказок А.С. Пушкина (см. пояснения в тексте). Синяя линия показывает частоты семантических групп в векторе ценностей молодежи — свободных ассоциаций относительно «самого важного в жизни». По правой вертикальной оси отложено значение дисперсии при усреднении векторов разных сказок, показаны серой линией; Б. и В. — показывают в более крупном масштабе фрагменты спектра, отмеченные черными прямоугольниками на Рисунке 1А. Черными стрелками указаны семантические группы, по которым и в сказках, и в ценностях есть выраженный пик.

Для того чтобы оценить количественно, какой из смыслов важнее с точки зрения возможного вклада в культурный код, то есть по каким группам наблюдается максимальное перекрытие, были рассчитаны коэффициенты семантического перекрытия как произведение в каждой паре частот. Семь семантических групп, имеющих самые высокие значения данного коэффициента, представлены в Таблице 2. Можно видеть, что семантическая группа #897 «Любовь» заметно превосходит по значению коэффициента перекрытия все остальные и во всех исследованных сказках занимает первое место. Однако уже в отношении второго места сказки начинают различаться. Так, в сказке «О рыбаке и рыбке» на втором месте находится группа #372 «Человечество», в то время как во всех остальных сказках на втором месте — группа #827 «Удовольствие».

Таблица 2. Наибольшие значения коэффициентов семантического перекрытия (произведение частот в каждой паре семантических групп тезауруса Роже, $\times 10^{-5}$) между сказками А.С. Пушкина и ценностями российской молодежи в виде свободных ассоциации в отношении самого важно в жизни⁸

Семантическая группа по тезаурусу Роже	Золотой петушок	Рыбак и рыбка	Жених	Мертвая царевна	Балда и поп	Царь Салтан
897, Любовь	79,2	67,9	71,8	78,4	68,3	91,9
827, Удовольствие	35,3	20,8	30,3	19,1	19,1	34,4
372, Человечество	14	22,5	12,8	10,1	5,5	7,6
001, Существование	10	9	14,8	12,5	8,3	12
011, Родство	7,8	8	10,6	10,4	13,2	11,9
484, Убеждение	7,1	6,3	9,3	9,1	7,2	8
865, Желание	4,1	9,1	3,2	3,7	4,8	5,1

На основании списка из топ-7 смысловых категорий можно визуализировать различия между сказками в их отношении к семантике ценностей российской молодежи (Рисунок 2). Если вынести за скобки общую первую строку рейтинга смыслов (#897 «Любовь»), то по степени перекрытия по смыслу #827 «Удовольствие» можно выделить три группы сказок: сказки «О царе Салтане» и «Золотой петушок» имеют максимальное значение перекрытия по этому смыслу ($34\text{--}35 \times 10^{-5}$), сказки «О рыбаке и рыбке», «О попе и работнике его Балде» и «О мертвой царевне» — минимальное (в диапазоне $19\text{--}21 \times 10^{-5}$), а сказка «Жених» занимает промежуточное положение со значением 30×10^{-5} .

Наконец, по третьей строке рейтинга можно провести разграничение внутри выделенных групп по значению перекрытия со смыслом #372 «Человечество». Так, «Сказка о царе Салтане» и «Сказка о золотом петушке» различаются между собой по этому показателю почти двукратно

⁸ Составлено авторами.

(8×10^{-5} и 14×10^{-5} соответственно). Во второй группе сказок различия по этому смыслу еще более заметные: самое высокое значение от самого низкого отличается почти в 4 раза (23×10^{-5} для «Сказки О рыбаке и рыбке» против 6×10^{-5} для «Сказки о попе и работнике его Балде»).

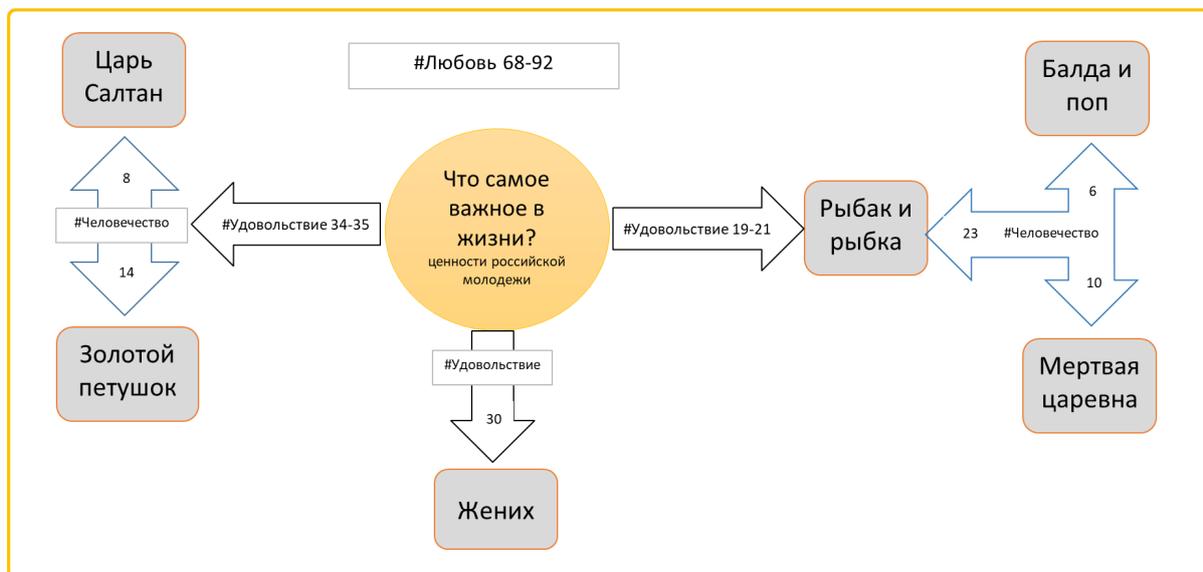

Рисунок 2. Схема семантических отношений разных сказок А.С. Пушкина с ценностями российской молодежи, построенная на основании верхних позиций рейтинга коэффициентов семантического перекрытия⁹

Обсуждение

Если суммировать все результаты, то можно сказать, что в данной работе удалось продемонстрировать наложение смыслов в сказках А.С. Пушкина и свободных ассоциациях школьников и студентов в отношении самого важного в жизни, что, по сути, является вербализацией наиболее общих ценностей, представленных в данной социально-демографической группе. При том что общее семантическое сходство сказок и ценностей относительно небольшое (гораздо меньше, чем сходство сказок между собой), общие смыслы, отранжированные по величине произведения частот встречаемости в массивах ценностей и сказок, показывают вполне ожидаемую картину. Пять наиболее значимых общих смыслов можно условно обозначить словами Любовь, Удовольствие, Человечество, Существование, Родство (Таблица 2).

Этого пока недостаточно, чтобы постулировать прямую причинно-следственную связь, то есть чтобы утверждать, что сказки А.С. Пушкина «программируют» в читателях эти смыслы. Как минимум потому, что общие смыслы далеко не являются главными в общем спектре смыслов отдельно ни у сказок, ни у ценностей (Рисунок 1). С другой стороны, наличие общих смыслов может выступать своего рода «ключом», тем смысловым кодом, который делает сказки понятными и привлекательными для чтения среди представителей данной культуры. Отчасти эта гипотеза находит свое подтверждение в работах по сопоставлению семантики ценностей целевой группы с ценностями коммерческих брендов, продвигаемых в рамках рекламно-информационных кампаний [Gerasimenko et al. 2021; Андreyuk, Очковская 2022], где рассматривается обратная модель: бренд успешен, а рекламная кампания эффективна, если послания бренда попадают в ожидания целевой аудитории, в частности если постулируемые брендом ценности в значительной мере совпадают по смыслам с ценностями этой аудитории. При этом абсолютные значения

⁹ Составлено авторами.

перекрытий в случае «идеологических посылов» даже у очень успешных брендов также крайне малы [Gerasimenko et al. 2021]. В любом случае вопрос механизмов влияния семантической близости посланий и ценностей аудитории нужно исследовать отдельно.

В части методических ограничений данной работы необходимо отметить некоторый риск смысловых искажений, которые могут возникать при переводе массивов слов на английский язык (именно на английском составлен тезаурус Роже, и только с английскими словами работает примененный в данной работе скрипт). Здесь возможные искажения были скомпенсированы самим дизайном эксперимента. Перевод осуществляли с помощью автоматического сервиса, одинаково для обоих сравниваемых массивов слов. Поэтому, если искажения и вносились, они вносились одинаково для всех полученных семантических векторов. При этом авторы полагают, что сам принцип идеографического тезауруса позволяет ожидать незначительный масштаб возможных смысловых искажений — отдельные слова могут иметь не совсем одинаковые ассоциативные отсылки к группам синонимов в разных языках, однако сами эти группы должны иметь общий характер. Дело в том, что разбивка сделана очень крупными блоками, всего примерно тысяча смыслов на весь язык, поэтому следует ожидать, что на таком масштабе рассмотрения смыслы в разных языках будут весьма и весьма похожи, и при использовании достаточно больших массивов слов эффектами искажений при переводе можно пренебрегать.

Полностью за рамками данной статьи остался вопрос о механизмах возможного воздействия культурного кода на исторический путь культурной общности, или на особенности организации соответствующих социальных систем, или хотя бы на взаимодействие носителей данного кода с представителями других культурных общностей в рамках неких мультикультурных объединений — больших организаций, многонациональных государств, глобальных научных проектов. Безусловно, это одни из самых интересных вопросов для будущих исследований, и авторы надеются, что представленные здесь методические наработки смогут пригодиться на этом большом пути.

Список литературы:

Андреюк Д.С., Очковская М.С. Соответствие контекста упоминания бренда в литературе современным ценностям бренда и целевой аудитории (на примере Nestlé в воспоминаниях К. Чуковского об А. Ахматовой) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2022. № 4. С. 527–547. DOI: [10.21638/11701/spbu08.2022.402](https://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2022.402)

Андреюк Д.С., Петрунин Ю.Ю., Храбровская В.Д. Метод кластеризации групп молодежи на основании ценностных смыслов в отношении профессионального развития и жизни в целом // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 83. С. 221–242. DOI: [10.24411/2070-1381-2020-10117](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10117)

Андреюк Д.С., Ливитина А.С., Сушко Н.С. Семантический анализ структуры ценностей группы с помощью Тезауруса Роже: автоматизированный алгоритм // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 91. С. 148–161. DOI: [10.24412/2070-1381-2022-91-148-161](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-91-148-161)

Бернштейн Н.А. О построении движений. М.: Медгиз, 1947.

Велилаева Л.Р., Абдулжемилева Ф.И. Культурный код в художественной литературе // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 6(91). С. 527–529.

Выготский Л.С. Педагогическая психология. М.: Педагогика-Пресс, 1996.

Зубок Ю.А., Чупров В.И., Любутов А.С., Сорокин О.В. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: структурно-таксономическое моделирование // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 23–36. DOI: [10.31857/S013216250014766-5](https://doi.org/10.31857/S013216250014766-5)

Конькина Е.В., Николаева Н.А., Савинова И.А. Отражение традиций народной педагогики в сказках А.С. Пушкина // *Обучение и воспитание: методики и практика*. 2013. № 7. С. 284–288.

Леонтьев А.Н. *Деятельность. Сознание. Личность*. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977.

Леонтьев Д.А. *Психология смысла*. М.: Смысл, 1999.

Непомнящий В.С. *Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии Пушкина*. М.: Сов. писатель, 1987.

Оконешникова А.В. Сказки А.С. Пушкина // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2015. № 1–2. С. 164–168.

Сорокин О.В. Смысловые девиации российской молодежи в сфере труда // *Научный результат. Социология и управление*. 2022. Т. 8. № 3. С. 79–90. DOI: [10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-6](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-6)

Gerasimenko V., Andreyuk D., Kurkova D. Approach for Management of Brand Positioning: Quantification of Value Matching between Brand and Target Audience // *Polish Journal of Management Studies*. 2021. Vol. 24. Is. 1. P. 96–111. DOI: [10.17512/pjms.2021.24.1.06](https://doi.org/10.17512/pjms.2021.24.1.06)

Hofstede G. *Cultures Consequences. Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations across Nations*. Thousand Oaks, London, New Dehli: Sage Publications, 2001.

Klingenstein S., Hitchcock T., DeDeo S. The Civilizing Process in London's Old Bailey // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2014. Vol. 111. Is. 26. P. 9419–9424. DOI: [10.1073/pnas.140598411](https://doi.org/10.1073/pnas.140598411)

Ochiai A. Zoogeographical Studies on the Soleoid Fishes Found Japan and Its Neighboring Regions // *Bulletin of the Japanese Society of Scientific Fisheries*. 1957 Vol. 22. Is. 9. P. 526–530.

Roget P.M. *Roget's Thesaurus of English Words and Phrases*. Austin: MICRA, Inc., 1991.

Rokeach M. *The Nature of Human Values*. New York: The Free Press, 1973.

Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a Universal Psychological Structure of Human Values // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. Vol. 53. Is. 3. P. 550–562. DOI: [10.1037/0022-3514.53.3.550](https://doi.org/10.1037/0022-3514.53.3.550)

TenHouten W.D. Social Dominance Hierarchy and the Pride-Shame System // *Journal of Political Power*. 2017. Vol. 10. Is. 1. P. 94–114. DOI: [10.1080/2158379X.2017.1285154](https://doi.org/10.1080/2158379X.2017.1285154)

References:

Andreyuk D.S., Ochkovskaya M.S. (2022) Relevance of Context of Brand Mentions in Fiction to the Contemporary Brand Values and Target Audience (the case of Nestlé in K. Chukovsky's Memoirs about A. Akhmatova). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Menedzhment*. No. 4. P. 527–547. DOI: [10.21638/11701/spbu08.2022.402](https://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2022.402)

Andreyuk D.S., Petrunin Yu.Yu., Khrabrovskaya V.D. (2020) Youth Groups Clustering Method Based on the Meanings of Value in Relation to Professional Development and Life in General. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 83. P. 221–242. DOI: [10.24411/2070-1381-2020-10117](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10117)

Andreyuk D.S., Livitina A.S., Sushko N.S. (2022) Semantic Analysis of Group Values Structure Using Roget Thesaurus: Automated Algorithm. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 91. P. 148–161. DOI: [10.24412/2070-1381-2022-91-148-161](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-91-148-161)

Bernshteyn N.A. (1947) *O postroyenii dvizheniy* [On constructing motion]. М.: Medgiz, 1947.

Gerasimenko V., Andreyuk D., Kurkova D. (2021) Approach for Management of Brand Positioning: Quantification of Value Matching between Brand and Target Audience. *Polish Journal of Management Studies*. Vol. 24. Is. 1. P. 96–111. DOI: [10.17512/pjms.2021.24.1.06](https://doi.org/10.17512/pjms.2021.24.1.06)

Hofstede G. (2001) *Cultures Consequences. Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations across Nations*. Thousand Oaks, London, New Dehli: Sage Publications.

- Klingenstein S., Hitchcock T., DeDeo S. (2014) The Civilizing Process in London's Old Bailey. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 111. Is. 26. P. 9419–9424. DOI: [10.1073/pnas.140598411](https://doi.org/10.1073/pnas.140598411)
- Kon'kina E.V., Nikolayeva N.A., Savinova I.A. (2013) Otrazheniye traditsiy narodnoy pedagogiki v skazkakh A.S. Pushkina [Reflection of the traditions of folk pedagogy in the tales of Alexander Pushkin]. *Obucheniye i vospitaniye: metodiki i praktika*. No. 7. P. 284–288.
- Leont'yev A.N. (1977) *Deyatel'nost'. Soznaniye. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat.
- Leont'yev D.A. (1999) *Psikhologiya smysla* [Psychology of meaning]. Moscow: Smysl.
- Nepomnyashchiy V.S. (1987) *Poeziya i sud'ba. Nad stranitsami dukhovnoy biografii Pushkina* [Poetry and fate. Over the pages of Pushkin's spiritual biography]. Moscow: Sov. pisatel'.
- Ochiai A. (1957) Zoogeographical Studies on the Soleoid Fishes Found Japan and Its Neighboring Regions. *Bulletin of the Japanese Society of Scientific Fisheries*. Vol. 22. Is. 9. P. 526–530.
- Okoneshnikova A.V. (2015) Tales of A.S. Pushkin. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. No. 1–2. P. 164–168.
- Roget P.M. (1991) *Roget's Thesaurus of English Words and Phrases*. Austin: MICRA, Inc.
- Rokeach M. (1973) *The Nature of Human Values*. New York: The Free Press.
- Schwartz S.H., Bilsky W. (1987) Toward a Universal Psychological Structure of Human Values. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 53. Is. 3. P. 550–562. DOI: [10.1037/0022-3514.53.3.550](https://doi.org/10.1037/0022-3514.53.3.550)
- Sorokin O.V. (2022) Meanings Deviations of Russian Youth at Work. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravleniye*. Vol. 8. No. 3. P. 79–90. DOI: [10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-6](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-6)
- TenHouten W.D. (2017) Social Dominance Hierarchy and the Pride-Shame System. *Journal of Political Power*. Vol. 10. Is. 1. P. 94–114. DOI: [10.1080/2158379X.2017.1285154](https://doi.org/10.1080/2158379X.2017.1285154)
- Velilaeva L.R., Abdulzhemileva F.I. (2021) Cultural Code in Fiction. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. No. 6(91). P. 527–529.
- Vygotskiy L.S. (1996) *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Pedagogical psychology]. Moscow: Pedagogika-Press.
- Zubok Yu.A., Chuprov V.I., Lyubutov A.S., Sorokin O.V. (2021) Self-Regulation of Life of the Youth: Structural-Taxonomic Modeling. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 10. P. 23–36. DOI: [10.31857/S013216250014766-5](https://doi.org/10.31857/S013216250014766-5)

Дата поступления/Received: 27.04.2023

Социальные детерминанты партнерского финансирования в региональных практиках (кейс Республики Татарстан)

Кулькова Варвара Юрьевна

Доктор экономических наук, профессор, Казанский государственный энергетический университет, Казань, РФ.

E-mail: kulkova77@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [4819-4628](#)

ORCID ID: [0000-0001-9943-1780](#)

Миннуллин Юлай Римович

Заместитель Министра экономики Республики Татарстан, Казань, РФ.

E-mail: yulay.minnullin@tatar.ru

Юзеф Хайтам Аббас Мохамед

Соискатель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, РФ.

E-mail: haitham.youssef4@yahoo.com

SPIN-код РИНЦ: [9417-2455](#)

ORCID ID: [0000-0002-7197-393X](#)

Аннотация

Инициация в 2022 году проекта № 198584-8 Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации» осуществляется в условиях выявленных в РФ «ловушек пассивной исламофобии». Для достижения однозначности восприятия и трактовок основных положений проекта законопроекта целью данной статьи является популяризация основных исламских финансовых инструментов и установление их соответствия традиционным банковским продуктам в виде обобщения существующих успешных региональных практик их реализации. Объектом исследования является Республика Татарстан (РТ). К основным методам исследования относятся кабинетный вторичный анализ научных исследований и практик как основа выделения социальных детерминант партнерского финансирования; метод дескриптивного соотношения для описания соответствия инструментов партнерского финансирования традиционным финансам; обобщение федеральной и региональной событийной фактографии по развитию проектов партнерского финансирования в РФ и РТ. По результатам исследования доказано, что партнерское финансирование, являясь институтом исламской экономики, обнаруживает имманентные социальные детерминанты, формируемые религиозными нормами, которые регулируют хозяйственное поведение исламских предпринимателей, ориентированных на обеспечение социальной справедливости при распределении результатов деятельности, базирующейся на взаимной ответственности, равенстве, добровольности, равнозначности и консолидации. Указанные социальные детерминанты, имманентные инструментам исламского финансирования, выступают характерными признаками партнерства, что подтверждает справедливость утверждения о синонимичности понятий исламского финансирования и партнерского финансирования. Выявлено, что, несмотря на имманентные особенности, партнерское финансирование предусматривает стандартные типы отношений (партнерство, купля-продажа, аренда, заем, страхованием), а сущность инструментов исламского финансирования синхронизируется с традиционными финансовыми инструментами, поэтому первые, с учетом их особенностей, адаптируются к условиям использования традиционными финансовыми институтами в Российской Федерации. Разработаны предложения по внесению изменений в законопроект, касающиеся НДС, материнского капитала, погашения обязательств по ипотечным жилищным кредитам.

Ключевые слова

Исламская экономика, исламское предпринимательство, партнерское финансирование, Республика Татарстан, «ловушка пассивной исламофобии».

Social Determinants of Partnership Financing in Regional Practices (Case Study of the Republic of Tatarstan)

Varvara Yu. Kulkova

DSc (Economics), Professor, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russian Federation.

E-mail: kulkova77@mail.ru

ORCID ID: [0000-0001-9943-1780](#)

Yulay R. Minnullin

Deputy Minister of Economy of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation.

E-mail: yulay.minnullin@tatar.ru

Haitham Abbas Mohamed Youssef

PhD applicant, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation.

E-mail: haitham.youssef4@yahoo.com

ORCID ID: [0000-0002-7197-393X](#)

Abstract

The initiation in 2022 of the draft No. 198584-8 of the Federal Law "On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the implementation of partner financing activities in certain constituent entities of the Russian Federation" is carried out in the conditions of "passive Islamophobia traps" identified in the Russian Federation. In order to achieve unambiguous perception and interpretation of the main provisions of the content of the draft bill, the aim of this article is to establish the conformity of the main Islamic financial instruments with traditional banking products in generalizing the existing successful regional practices for their implementation. The object of the study is the Republic of Tatarstan. Research methods are desk secondary analysis of scientific research and practice as a basis for identifying the social determinants of partnership financing; descriptive ratio method to describe the correspondence of partner financing instruments to traditional finance; generalization of federal and regional event facts on the development of partner financing projects in the Russian Federation and the Republic of Tatarstan. According to the results of the study, it was proved that partner financing, being an institution of Islamic economics, reveals immanent social determinants formed by religious norms that regulate the economic behavior of Islamic entrepreneurs, focused on ensuring social justice in the distribution of results of activities based on mutual responsibility, equality, voluntariness, equivalence and consolidation. These social determinants immanent to Islamic finance instruments are characteristic signs of partnership, and that works to verify the fairness of the synonymy of the concepts of Islamic finance and partnership finance. It was revealed that despite the immanent features, partnership financing provides for standard types of relationships (partnership, purchase, sale, lease, loan, insurance), and the essence of Islamic finance instruments is synchronized with traditional financial instruments, therefore, the former, taking into account their characteristics, adapt to the conditions of use by traditional financial institutions in the Russian Federation. Proposals have been developed to amend the law draft relating to VAT, maternity capital, repayment of obligations under mortgage housing loans.

Keywords

Islamic economics, Islamic entrepreneurship, partnership financing, Republic of Tatarstan, "passive Islamophobia traps".

Введение

В современных условиях в Российской Федерации принципы исламской модели экономики получают развитие в предпринимательской деятельности в субъектах РФ с преобладанием в структуре населения титульных этносов (носителей культурно-духовных и религиозных ценностей ислама), получающей институционализацию в исламском предпринимательстве [Рябченко 2018].

Следует отметить, что идея о ключевой роли религии в управлении социально-экономическими системами не является новой в экономической науке. Эта мысль была исследована зарубежными учеными [Dodd, Seaman 1998; Davis 2013].

Кроме того, в настоящее время позиционирование исламского предпринимательства как социально-экономического феномена, основанного на религиозных убеждениях, подтверждается правовыми гарантиями. Свобода вероисповедания и религиозных убеждений является одним из фундаментальных прав во многих национальных и международных законах. Так, право на свободу вероисповедания закреплено в статье 18 Всеобщей Декларации прав человека: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими...»¹. В соответствии со статьей 11 Европейской конвенции по правам человека, «каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов»².

Ряд исследователей доказывает социально-ориентированный характер исламской экономики, формируемый под воздействием религиозных императивов. Так, Т. Бег вводит принцип «коммуности», или «коллективной ответственности» [Beg 1979], требующий направления части предпринимательского дохода на финансирование минимального набора нужд коллектива, исламского общества, который необходим для поддержания его жизнедеятельности и развития.

¹ Всеобщая декларация прав человека // ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения: 25.03.2023).

² Европейская конвенция по правам человека // European court of human rights [Электронный ресурс]. URL: https://www.echr.coe.int/documents/convention_rus.pdf (дата обращения: 25.02.2023).

Принцип «коммунности» находит методологическое обоснование в современной теории социальной и солидарной экономики (ССЭ), которая зародилась в XVIII веке в школе кооперативной философии, представленной учеными Оуэном, Сен-Симоном, Фурье и Прудоном, практическую реализацию получила во Франции в практике «Общества народной экономики», представленной деятельностью «нимских» кооперативов³, а в современной европейской социологии — в разработках концепции солидарности в аспекте социальной интеграции [Durkheim 1997]. Основные положения современной ССЭ состоят в следующем [Кулькова 2022]:

- по мнению А. Дэша, «это процесс социальной самоорганизации, происходящий снизу вверх, в основе которого лежит сочетание ценностей»;
- как полагает А. Ашта, «организация ССЭ может приносить прибыль, но она, как правило, реинвестируется в соответствии с коллективными интересами»;
- Э. Дашо отмечает, что «агенты социальной экономики — часть локальных сообществ и их деятельность базируется на принципах солидарности, доверия, кооперации и духе общности».

Как видно, основные положения ССЭ близки к современной концепции устойчивого развития, трактующей последнее как процесс, направленный на баланс триединства социального (уровень и качество жизни), экологического (сохранение природы), экономического (процветание экономики), воплощающейся на практике в провозглашении целей устойчивого развития (ЦУР) (Global Development Agenda beyond 2015) на ESG-принципах (E — экологичность, S — социальная ответственность, G — управление)⁴. Принцип «служения» сообществу и благотворительность в исламском предпринимательстве идентифицируются с современной интерпретацией социальной ответственности в контексте целей устойчивого развития и ESG-принципов.

В отечественной научной школе ретроспективный анализ развития предпринимательства среди мусульманских народов Российской Империи в дореволюционный период представлен в работах М.З. Гибадуллина, в которых особое внимание уделяется формированию институциональных факторов развития мусульманского купечества в XIX веке, мусульманских акционерных обществ и торгово-промышленных товариществ, институтов мусульманской благотворительности. Автор делает вывод, что предпринимателям-мусульманам, как и всем другим представителям предпринимательского сообщества, было характерно стремление к личному обогащению и разумность ведения бизнеса. Однако исламские предприниматели всегда заботились о социально-экономических и духовных интересах мусульманской общины [Гибадуллин и др. 2016].

В современной российской научной литературе исследована возможность развития партнерства (товарищества) как формы исламской модели предпринимательства в России. Так, Э. Яхин указывает, что исламское предпринимательство является «...видом деятельности человека, направленным на получение дохода, то есть является источником пропитания посредством выполнения определенной работы, изготовления продукта или оказания услуги. Более того, данный вид деятельности является достойным в исламе и мусульманам нужно стремиться заниматься этой деятельностью, при этом, конечно, соблюдая шариат» [Яхин 2010, 20]. Ключевой детерминантой при таком бизнесе выступает обеспечение

³ Гловели Г.Д. История экономических учений: учебное пособие для бакалавриата и специалитета. М.: Издательство Юрайт, 2019.

⁴ ESG-стратегия: модный тренд или работающий инструмент? Мнения экспертов и участников рынка // EcoStandard. journal [Электронный ресурс]. URL: <https://journal.ecostandardgroup.ru/esg/test/esg-strategiya-modnyy-trend-ili-rabotayushchiy-instrument-mneniya-ekspertov-i-uchastnikov-rynka/> (дата обращения: 25.01.2023).

удовлетворенности потребностей общества и собственных, что возможно благодаря рациональному пользованию ресурсами и справедливому распределению полученных в ходе экономической деятельности благ.

Авторский подход к социально-экономическим аспектам управления исламским предпринимательством [Кулькова, Юзеф 2021, 26–27] раскрывает его сущность как объективного фактора современной экономики, ориентированной на устойчивое развитие, и социально-экономического феномена, который, с одной стороны, формируется религиозными нормами, регулирующими хозяйственное поведение исламских предпринимателей, ориентированных на обеспечение социальной справедливости при распределении результатов деятельности, базирующейся на взаимной ответственности; с другой стороны, обусловлен расширением перспектив социально-экономического сотрудничества в международной деятельности и получением новых рынков сбыта для отечественной продукции, а также необходимостью для предпринимателя получения прибыли от ведения деятельности за счет удовлетворения редких потребностей стабильно растущей целевой группы населения (мусульман), порождаемых особенностями вероисповедания.

На основе предложенной нормативной модели позиционирования исламского предпринимателя и его социально-экономической миссии нами выделены организационные аспекты управления исламской благотворительной деятельностью в РФ, характеризующиеся формированием фандрайзинговой стратегии через инструменты обязательного пожертвования (закят) и иных приношений добровольного характера (садака) с последующим распределением средств на различные благотворительные программы с целевой ориентацией:

- на оказание помощи нуждающимся людям, попавшим в трудное материальное положение;
- на образование;
- на проведение ремонтных работ архитектурных объектов культурно-духовного наследия [Кулькова, Юзеф 2022].

Религиозные ценности, переплетение социальных детерминант с экономическими в исламской экономике задают особенности исламских финансов, которые, как свидетельствуют данные⁵, имеют лидирующие позиции в структуре отраслей исламской экономики, тем самым выступают ее фундаментом.

Региональные ученые [Шарифуллин и др. 2016] раскрывают сущность исламских финансов как института финансового посредничества, работающего на инициацию финансовых инноваций.

Отечественные исследователи также проводят вторичный анализ сущности инструментов исламских финансов (таких как амана, кард, мушарака, мудараба, мурабаха, иджара, саям, истисна, сукук, такафул), обобщение которых проводилось нами ранее [Миннуллин и др. 2022].

Институциональные особенности, а также этико-правовые, социально-экономические, организационные и финансовые аспекты формирования исламских финансовых учреждений и перспективы их развития в России детально исследованы в работе Х.М. Идрисова⁶.

⁵ Доклад о состоянии мировой исламской экономики. DinarStandard. 2020 // Украинская ассоциация халяль индустрии [Электронный ресурс]. URL: <https://ukrhalal.org/globalnyj-doklad-o-sostoyanii-islamskoj-ekonomiki-2019-2020/> (дата обращения 19.03.2023).

⁶ Идрисов Х.М. Исламские инвестиционные продукты: особенности и перспективы развития: дис... канд. экон. наук. М., 2020.

Следует отметить, что в условиях РФ наблюдается в настоящее время трансформация понятийного ряда от общепринятых «исламских финансов» к «партнерскому финансированию», обусловленная «ловушками пассивной исламофобии», выявленными в исследовании Э.Э. Имамкулиевой⁷.

Термин «партнерское финансирование» подчеркивает социальные детерминанты, заложенные в основу исламского финансирования, обоснованного отечественными авторами, и принципов исламской финансовой системы (риба, мейсир, гарар, принцип участия), изложенных Р.И. Беккиным и М.С. Алискеровым [Беккин, Алискеров 2017]; в качестве обобщения нами предложено использование принципа «халяль», требующего финансирования позвольительного, сбалансированного образа жизни [Миннуллин и др. 2022]. Подчеркивая социальную детерминированность сущности исламских финансов, отечественный ученый Е.А. Байдаулет вводит в синонимичный понятийный ряд для их обозначения понятие «этические финансы»⁸.

В РФ последней публичной новацией в области исламских финансов является инициация в 2022 году проекта № 198584-8 Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации», что являлось предметом наших исследований ранее [Миннуллин и др. 2022].

С учетом существующих в РФ «ловушек пассивной исламофобии» [Имамкулиева, Садыгзаде 2019] и для достижения однозначности восприятия и трактовки основных положений содержания проекта № 198584-8 Федерального закона целью данной статьи является популяризация основных исламских финансовых инструментов и установление их соответствия традиционным банковским продуктам в виде обобщения успешных региональных практик их реализации.

Объектом исследования выбрана Республика Татарстан (РТ) как субъект РФ, Раис которого (Р.Н. Минниханов) с 2006 года возглавляет в России группу стратегического видения «Россия — Исламский Мир», проводит на субфедеральном уровне активную региональную политику развития исламского предпринимательства и партнерского финансирования.

Методы исследования включают кабинетный вторичный анализ зарубежных и отечественных научных исследований и практик как основу выделения социальных детерминант партнерского финансирования; метод дескриптивного соотношения для описания соответствия инструментов партнерского финансирования традиционным финансовым продуктам; обобщение федеральной и региональной событийной фактографии по развитию проектов партнерского финансирования в РФ и РТ.

Характеристика инструментов партнерского финансирования

Сущность и видовой состав инструментов партнерского финансирования, как указано выше, выступали предметом исследовательского внимания представителей отечественной школы (Таблица 1).

⁷ См. также: В России появится исламский банкинг. Что это такое, почему запрещен доход с процентов и какие перспективы // Banki.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10971107> (дата обращения: 19.03.2023).

⁸ Байдаулет Е.А. Основы этических (исламских) финансов: учебное пособие. Павлодар, 2014.

Таблица 1. Видовая структура инструментов партнерского финансирования в отечественном исследовательском фокусе⁹

Инструмент партнерского финансирования	Исследователь
Амана	Беккин Р.И., Гамбеева Ю.Н., Медведева С.Н., Юзеф Х.А.М.
Кард	Беккин Р.И., Гамбеева Ю.Н., Медведева С.Н., Юзеф Х.А.М.
Мушарака	Беккин Р.И., Гамбеева Ю.Н., Медведева С.Н., Юзеф Х.А.М.
Мудароба	Беккин Р.И., Гамбеева Ю.Н., Медведева С.Н., Юзеф Х.А.М.
Мурабаха	Беккин Р.И., Гамбеева Ю.Н., Медведева С.Н., Юзеф Х.А.М.
Иджара	Басангов Л.Л., Беккин Р.И., Юзеф Х.А.М.
Истисна	Арчакова-Ужахова М.Б., Юзеф Х.А.М.
Сукук	Авилова В.В., Беккин Р.И., Ульмаскулов .Ф., Арчакова-Ужахова М.Б., Юзеф Х.А.М.
Такафул	Беккин Р.И., Исаева П.Г., Алискеров М.С. , Юзеф Х.А.М.

Справедливости ради отметим, что указанные отечественные исследователи концентрировались на описании сущности инструментов партнерского финансирования, в некоторых случаях освещали практики применения отдельных инструментов, включая отраслевые кейсы [Авилова, Ульмаскулов 2016], однако адаптация сущности инструментов исламского финансирования к традиционным финансовым инструментам не была предпринята. Для устранения выявленного упущения нами с использованием метода дескриптивного соотношения установлены соответствия инструментов партнерского финансирования традиционным финансовым продуктам (Таблица 2).

Таблица 2. Синхронизация основных инструментов партнерского финансирования с традиционными финансовыми продуктами¹⁰

Тип отношений	Договорная модель/ финансовый инструмент	Сущность инструмента	Особенности и условия использования традиционными финансовыми институтами в РФ
Партнерство	Мудароба	Доверительное управление	Передача капитала одной стороны под управление другой стороне, при котором прибыль делится в заранее оговоренном соотношении, а убытки несет собственник капитала.
	Мушарака	Совместное, долевое участие	Создание совместного предприятия путем вложения долей инвесторов и разделения прибыли (убытков) в соответствии с вложенным размером долей (пая).
Купля-продажа	Мурабаха	Купля-продажа в рассрочку с наценкой	Продавец покупает от лица клиента все необходимое для производства товара и потом продает его клиенту с наценкой. Условия: запрещены штрафные санкции в пользу продавца; риски, связанные с правом собственности на товар, лежат на продавце до момента его продажи клиенту; может использоваться лишь в отношении материальных активов.

⁹ Источник: [Миннуллин и др. 2022; Авилова 2016].

¹⁰ Составлено авторами.

Аренда	Иджара	Аренда, лизинг	Исламский лизинг, при котором финансовая организация покупает для сдачи клиенту оборудование в аренду. Учет имущества осуществляется на балансе лизингодателя, который несет риск утраты имущества. Существенные условия: определенность арендных платежей; плата за аренду может взыскиваться только за период пользования активом; ответственность за переданное в аренду имущество несет арендодатель; аренда актива и его передача в собственность не могут осуществляться в рамках одного контракта; запрещены штрафные санкции в пользу лизингодателя.
Заем	Кард (Беспроцентный депозит)	Депозитный счет	Вложения, не предполагающие выплаты вознаграждения за пользование финансовыми средствами, но может быть сделан подарок кредитору без привязки к условиям займа. Возвращаются по требованию.
	Сукук	Облигационный заем в виде ценных бумаг, обеспеченный активами	Выпуск облигаций под залог активов с регулярной доходностью. Оборотоспособность Сукука зависит от видов активов в обеспечении. Традиционные банки могут выступать как в роли эмитента, так и агента при условии соблюдения требований Шариата по сегрегации ссудного от «халяльного» капитала.
Страхование	Такафул	Страхование	Создание такафул-фонда за счет взносов страхователей, которые являются его коллективными владельцами, а управляющими капиталами выступают страховщики.

Как видно, инструменты исламского финансирования, предусматривают стандартные типы отношений (партнерство, купля-продажа, аренда, заем, страхованием), но на особенных условиях, обусловленных их имманентными социальными детерминантами, направленными на равенство, добровольность, равнозначимость и консолидацию стейкхолдеров финансовых взаимодействий и взаимоотношений. В исламских финансовых взаимоотношениях стейкхолдеры, вступающие в них, позиционируются как части единого целого. Указанные социальные детерминанты, имманентные инструментам исламского финансирования, выступают характерными признаками партнерства, что говорит о синонимичности понятий исламского финансирования и партнерского финансирования.

На основе выделенных в Таблице 2 особенностей и условий использования исламских финансовых инструментов традиционными финансовыми институтами в РФ обобщим историю зарождающихся успешных практик развития проектов партнерского финансирования в Российской Федерации и Республике Татарстан.

Становление практик реализации проектов партнерского финансирования в Российской Федерации и Республике Татарстан

Развитие проектов партнерского финансирования в РФ имеет непростую и уже достаточно длительную историю становления (Таблица 3).

Таблица 3. Развитие проектов исламского финансирования в России¹¹

Год	Краткое описание
1997	Первая попытка открытия исламского банка при поддержке ИБР «Бард-Форте»
2008	Подписание меморандума о взаимопонимании между Правительством Республики Татарстан и Исламским Банком Развития
2009	Неудачная попытка выпуска сукук-облигаций на сумму 200 млн долл. при поддержке Финансового дома Кувейта
2011	Первое привлечение средств через инструменты исламского банкинга «АК Барс» в размере 60 млн долл.

¹¹ Составлено авторами.

2014	Повторное привлечение средств посредством исламского банкинга «АК Барс» в сумме 100 млн долл.
	Предложение узаконить исламский банкинг на территории России и создать профильный комитет при Центральном банке РФ
	Объявление о создании площадки для исследований и проработки потенциальной «дорожной карты» в рамках сотрудничества Республики Татарстан и ПАО «Сбербанк»
2015	Церемония передачи итоговой версии ТЭО по созданию исламского банка или исламского банковского окна
2017	Отклонение Госдумой законопроекта об исламском банкинге
	ЦБ РФ зарегистрировал первый выпуск неконвертируемых облигаций на предъявителя
2019	Подписание соглашения между ПАО «Сбербанк» и ООО «ПэйЗакят» о приобретении доли у последней в размере 25%
	Россия впервые приняла участие в международной конференции по исламскому банкингу и финансированию, на которой презентовала проект по привлечению инвестиций посредством товарных облигаций вида сукук
2020	Активная деятельность ПАО «Сбербанк» по развитию исламского финансирования в России с участием международных компаний
2021	Создание Московской биржей и ПАО «Сбербанк» Индекса исламских инвестиций (MXSHAR) и Индекса исламских инвестиций полной доходности (MXSHARTR)
2022	Внесение в ГД проекта № 198584-8 Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации», прошедшего первое чтение ¹²

Согласно приведенной фактографии, на начальном этапе становления практик партнерского финансирования в РФ не все проекты достигают успеха: неудачная попытка выпуска сукук-облигаций (2009 г.), отклонение ГД РФ законопроекта об исламском финансировании (2017 г.) и др. Однако сегодня сложившаяся конъюнктура международных рынков, обусловленная современной геополитической ситуацией высокой социальной турбулентности, работает на активизацию интереса к странам исламской экономики, что сопровождается развитием институтов исламской экономики и инструментов партнерского финансирования в РФ, в которое конвергируются на микроуровне наиболее прогрессивные финансовые стейкхолдеры (ПАО «Сбербанк»), на мезоуровне — некоторые субъекты РФ.

Учитывая современные условия, неудивительно, что особых успехов в исламском финансировании ПАО «Сбербанк» достигает в 2020 г. Главные итоги деятельности ПАО «Сбербанк» в направлении исламского бизнеса представлены в Таблице 4.

Таблица 4. Основные мероприятия, проводимые «Сбербанком» в сфере исламских финансов в 2020 году¹³

Наименование мероприятия	Результаты
Торговое финансирование	Экспорт пшеницы из РФ в Египет при участии International Islamic Trade Finance Company.
Регистрация офиса в Абу-Даби	Получено предварительное согласование на регистрацию дочерней компании ПАО «Сбербанк» в ОАЭ. Sberbank Investment Middle East станет лицензированным «исламским окном», который будет структурировать инвестиционные продукты в соответствии с принципами Шариата, развивать традиционные продукты исламского финансирования, напрямую выстраивать партнерство с инвесторами с Ближнего Востока.
Учреждение центра по партнерскому финансированию и спецпроектам	Партнерское участие банка в проекте с соответствующим распределением рисков и прибыли.

¹² Инициация введения в 2022 году публичных новаций партнерского финансирования в Российской Федерации подробно описана в статье [Миннуллин и др. 2022].

¹³ Составлено авторами на основе Исламское финансирование в Сбере-2020: офис в Абу-Даби, экспортная сделка на 13 млн долл. и победа PayZakat // АК&М [Электронный ресурс]. URL: https://www.akm.ru/news/islamskoe_finansirovanie_v_sbere_2020_ofis_v_abu_dabi_eksportnaya_sdelka_na_13 mln_doll_i_pobeda_pay/ (дата обращения: 29.02.2023).

Победа онлайн-платформы PayZakat в номинации «Социальное финансирование» в сфере исламского финансирования Global Islamic Finance Awards	PayZakat позволяет перечислять и распределять обязательные (закят) и добровольные сборы (садака) в пользу неимущих и нуждающихся мусульман. За первый полный год работы был обработан 651 платеж на общую сумму свыше 4 млн руб.
Лекции по теме исламского финансирования	Совместное чтение лекций с бизнес-школой МГИМО.

На уровне субъектов РФ Республика Татарстан имеет продуктивные практики активного развития исламских финансовых институтов и многочисленных проектов (Таблица 5), ряд из которых уже ранее выступали объектом нашего анализа [Миннуллин и др. 2022].

Таблица 5. Развитие ключевых проектов исламского финансирования в Республике Татарстан¹⁴

Год	Краткое описание
2006	Раис Республики Татарстан Р.Н. Минниханов возглавляет группу стратегического видения «Россия — Исламский Мир».
2008	В 2008 году между Исламским банком развития и Правительством Республики Татарстан был подписан меморандум о взаимопонимании по вопросу взаимодействия. В 2008 году в Казани был организован первый в России Международный семинар по партнерскому банкингу и страхованию, по итогам проведения которого было принято решение о создании в Республике Татарстан специального образовательного центра по исламской экономике и финансам (РЦИЭФ).
2009	Инициация и проведение Международного экономического саммита России и стран Организации исламского сотрудничества — KazanSummit.
2010	Организация Финансового дома «Амаль» (публично открыт с февраля 2011 года), специализирующегося на предоставлении услуг исламского финансирования.
2011–2012	ПАО «АК БАРС» БАНК привлек средства объемом 60 млн долларов США сроком на один год, что стало первой исламской сделкой в России и СНГ. Ведущие организаторы и букраннеры сделки — Citibank N.A London и Исламская Корпорация по развитию частного сектора (Islamic Corporation for the Development of the Private Sector, ICD), Группа Исламского Банка Развития. Доходность инвестора по первой сделке составила 12M LIBOR 2 (0,8127%) +2,3% годовых. По версии Islamic Finance news, данная сделка в 2012 году была признана «Сделкой 2011 года в Европе».
2013–2014	ПАО «АК БАРС» БАНК привлек средства объемом 100 млн долларов США, предоставленные группой международных банков, сроком финансирования 1 год (документация подписана 30.12.2013). Для участия в сделке сформирован синдикат из 11 банков: ведущие организаторы и букраннеры — Citibank N.A London, Commerzbank Aktiengesellschaft и Emirates NBD Capital Limited. Стоимость финансирования определялась как ставка 3M LIBOR (0,2386%) плюс маржа в размере 3% годовых. По версии Islamic Finance news, данная сделка в 2014 году была отмечена специальной премией в рамках номинации «Лучшая сделка в Европе 2013 года».
2015	Заключено соглашение между Республикой Татарстан и малазийско-российским консорциумом в составе UNIRAZAK, IBFIM и Фонда развития исламского бизнеса и финансов о подготовке технико-экономического обоснования по созданию исламского банка или исламского банковского окна на территории Республики Татарстан.
2016	Проведено 3-е заседание рабочей группы по партнерскому банкингу при Банке России под председательством первого заместителя Председателя Банка России Алексея Симановского с участием Раиса Республики Татарстан Рустама Минниханова с утверждением дорожной карты по развитию партнерского банкинга и связанных с ним финансовых услуг в Российской Федерации на период 2016–2017 гг.
2017	Банк России зарегистрировал первый в России выпуск облигаций-сукук компании ООО «Сукук-инвест» (Казань).
2018	Создан ЖНК «Жилищные традиции» (аффилирован с УК «Унистрой»), в котором предусмотрена в том числе форма участия «халалья». Данная форма позиционируется как «исламская» альтернатива ипотеке, соответствует договору «мушарака» (долевое участие), получено заключение ЦППМ «Аль-Мизан» о соответствии принципам и стандартам Шариата.

¹⁴ Составлено авторами на основе Kazan Sukuk Conference 2015: «Сукук — новый экономический инструмент для развития финансового рынка России» // Islamic Finance Business [Электронный ресурс]. URL: <http://islamic-finance.ru/board/11-1-0-49> (дата обращения: 19.02.2023); Компания из Татарстана впервые в РФ выпустила облигации по законам шариата // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4522289> (дата обращения: 19.02.2023).

2019	На KazanSummit-2019 ПАО «Ак Барс» Банк анонсировал запуск в пилотном режиме продукта «Исламская ипотека». Продукт соответствует договору «мурабаха» (продажа в рассрочку). Услуга оказывается ООО «Ипотечный партнер» (зарегистрировано 25 февраля 2019 года) совместно с ПАО «Ак Барс» Банк. Получено заключение шариатского эксперта Р.С. Сабирзянова (сертификат ААОIFI).
	Зарегистрирован ОПИФ «Лалэ», формирование фонда окончено 20 августа 2019 года. Управляющая компания — УК «Ак Барс Капитал». Позиционируется как фонд акций российских и иностранных компаний, удовлетворяющих нормам ислама. Методика инвестирования разработана Российским исламским институтом, одобрена Советом улемов ДУМ РТ, в фонд назначен шариатский контролер от ДУМ РТ. Продукт соответствует договору «мудароба» (доверительное управление) с элементами договора «мушарака» (долевое участие в прибылях компаний, акции которых составляют фонд).
2020	Лизинговая компания малого бизнеса РТ учредила дочернюю компанию ООО «Иджара-лизинг», предоставляющую лизинговые услуги с учетом норм Шариата, что соответствует договору «иджара» (финансовая аренда с последующим выкупом). Форма договора разработана шариатским экспертом Д.М. Абдрахмановым (сертификат ААОIFI).
2021	Создано ООО «Мирас Финансовая Компания». Основной участник — АО «Мир Бизнес Банк» (дочерний банк банка «Мелли Иран»). ООО «Мирас Финансовая Компания» предоставляет финансирование в соответствии с нормами Шариата на приобретение автотранспорта, спецтехники и оборудования. Продукт соответствует договору «мурабаха» и одобрен Советом улемов ДУМ РТ.
2022	В мае 2022 года на KazanSummit-2022 представлен продукт «Исламская дебетовая карта». Банк-эмитент — ПАО «Ак Барс» Банк. Продукт представляет собой карту ПС «МИР», по которой установлен ряд ограничений, соответствующих требованиям Шариата. В частности, на остаток по карте не начисляются проценты, а также запрещены покупки в магазинах, заведениях и интернете в ряде сфер.
	Открытие исламского офиса ПАО «Сбербанк» в г. Казани ¹⁵

Несмотря на то, что к настоящему времени не все проекты по внедрению инструментов исламского финансирования реализованы, опыт разработки и внедрения каждого внес свой вклад в общее развитие рынка партнерского финансирования в РФ. В настоящее время в профессиональных кругах экспертов исламской экономики, включая представителей ответственных федеральных и региональных органов исполнительной власти, и сообществе исламских предпринимателей предметом междисциплинарного дискурса, формируемого на различных дискуссионных площадках МГУ, ВШЭ, Российского исламского института и др.¹⁶, выступает проект № 198584-8 Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации». Один из дискуссионных вопросов касается включения в проект закона дополнительных мер поддержки для участников эксперимента, таких как маткапитал, корректный учет НДС и др. По этому вопросу экспертное сообщество Республики Татарстан, возглавляемое Министерством экономики Республики Татарстан, разработало предложения по внесению изменений в обсуждаемый законопроект № 198584-8 (Таблица 6).

¹⁵ Справедливости ради отметим, что финансовые продукты исламского офиса вызвали полемику в региональной среде специалистов исламского банкинга и актуализировали проблему институционализации сертификации исламских финансовых услуг. См., например: Сбербанк увлекся рыбой? Эксперты из уммы подозревают Грефа и Ко в обмане // БизнесOnline [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/584256> (дата обращения: 27.01.2023).

¹⁶ Исламские финансы: проблемы и перспективы регулирования в РФ: круглый стол НИУ ВШЭ 16 марта 2023 года // ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/ma/finlaw/islamicfinance/> (дата обращения: 26.02.2023); «Правовые формы сотрудничества Российской Федерации с арабскими странами: цифровые валюты, токенизация банковских услуг, исламские финансы», конференция в рамках X Московского международного юридического форума «Устойчивое развитие России» // X Московский юридический форум [Электронный ресурс]. URL: <https://moslegforum.ru/sections/> (дата обращения: 27.01.2023); «Что сегодня происходит с исламскими финансами в России?»: круглый стол, Российский центр исламской экономики и финансов // Российский исламский институт [Электронный ресурс]. URL: <https://kazanrii.ru/wp-content/uploads/2023/02/grafik-nauchnyh-meropriyatij-rii-2023.pdf> (дата обращения: 27.01.2023).

Таблица 6. Предложения по внесению изменений в законопроект №198584-8¹⁷

Финансовый инструмент	Проблемная область	Обоснование	Предложение
НДС	Более высокая стоимость партнерских финансовых продуктов по сравнению с традиционными банковскими продуктами обусловлена дополнительными издержками. Прежде всего это НДС. Партнерские финансовые продукты в рамках действующего законодательства структурируются как сделки купли-продажи. Соответственно, у продавца возникает необходимость уплаты НДС, чего нет при традиционном кредитовании. Кроме того, клиенты партнерских финансовых организаций не могут получать такие же меры поддержки, как клиенты традиционных финансовых институтов. Участниками рынка подготовлен ряд предложений по точечной корректировке законодательства, направленных на выравнивание условий налогообложения и мер поддержки.	В текущей редакции ст. 149 Налогового кодекса РФ, которой определены операции, не подлежащие налогообложению НДС, не содержится однозначного упоминания коммерческого кредита. При этом, например, письма Минфина России от 31 октября 2013 г. N 03-07-14/46530 и от 4 июня 2015 г. N 03-07-05/32290 содержат различную позицию по вопросу необходимости налогообложения НДС процентов по коммерческому кредиту. В настоящее время в последнем по дате письме Минфина России от 5 апреля 2019 г. N 01-02-04/03-24032 отражена позиция, что проценты по коммерческому кредиту не подлежат налогообложению НДС. Однако отсутствие однозначного закрепления указанной позиции в Налоговом кодексе РФ создает правовую неопределенность и возможные риски для налогоплательщиков.	Закрепить в законопроекте исключение обложения НДС вознаграждений по договорам купли-продажи в рассрочку и налоговому вычету. Предлагается дополнить статью 3 законопроекта частью 8 следующего содержания: «Не подлежат налогообложению (освобождаются от налогообложения) налогом на добавленную стоимость на территории Российской Федерации вознаграждения (иные денежные суммы), получаемые продавцом от покупателя за предоставление рассрочки (отсрочки) платежа на условиях коммерческого кредита по договорам купли-продажи. Физическое лицо, заключившее с участником эксперимента договор купли-продажи жилого помещения с отсрочкой (рассрочкой) платежа имеет право на налоговый вычет, предусмотренный подпунктом 4 пункта 1 ст.220 НК РФ, в сумме фактически произведенных расходов на оплату вознаграждения за предоставление рассрочки (отсрочки) платежа в порядке и с учетом ограничений предусмотренных ст. 220 НК РФ».
Имущественный налоговый вычет	В случае с предоставлением финансирования на принципах партнерских финансов при сделках используются не договоры ипотечного кредитования, а договоры купли-продажи недвижимости с рассрочкой, вследствие чего граждане не могут получить имущественный налоговый вычет.	Согласно статье 220 Налогового кодекса Российской Федерации граждане имеют право на получение имущественного налогового вычета.	

¹⁷ Составлено авторами.

Возможность использования средств материнского капитала семьями, которые приобрели жилье без ипотечных займов, с момента получения сертификата на материнский капитал	При получении финансирования в других организациях (в том числе жилищных накопительных кооперативах либо посредством договора купли-продажи с рассрочкой платежа) оплата взноса или погашение долга с использованием средств материнского капитала возможны только после достижения трехлетнего возраста первым и последующим ребенком клиента. Вместе с тем использование средств материнского капитала в целях оплаты первоначального взноса для молодых семей является зачастую единственной возможностью приобретения жилья.	В настоящее время для ипотечных заемщиков оплата первоначального взноса и (или) погашение основного долга и уплата процентов по кредитам или займам может быть осуществлена с момента получения сертификата на материнский капитал, при этом стороной договора должна быть: кредитная организация, кредитный потребительский кооператив, сельскохозяйственный потребительский кооператив или учреждение, созданное по решению Правительства Российской Федерации (пункт 6.1 статьи 7 Федерального закона от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»).	Предлагается дополнить статью 3 законопроекта частью 9 следующего содержания: «Физическое лицо, заключившее с участником эксперимента договор купли-продажи жилого помещения с отсрочкой (рассрочкой) платежа в соответствии с пунктом 3 части 1 настоящей статьи, имеет право распорядиться, в соответствии с Федеральным законом «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», средствами материнского (семейного) капитала в порядке и на условиях, установленных Правительством Российской Федерации, в полном объеме либо по частям на: уплату первоначального взноса по договору купли-продажи жилого помещения с рассрочкой (отсрочкой) платежа, уплату обязательств по договору купли-продажи жилого помещения с рассрочкой (отсрочкой) платежа и вознаграждения за предоставление рассрочки (отсрочки) платежа при условии регистрации в Едином государственном реестре недвижимости права собственности в отношении приобретаемого жилого помещения владельцем государственного сертификата на материнский (семейный) капитал (его супругу). Заявление о распоряжении может быть подано в любое время со дня рождения (усыновления) ребенка, в связи с рождением (усыновлением) которого возникло право на дополнительные меры государственной поддержки, в случае необходимости использования средств (части средств) материнского (семейного) капитала на уплату первоначального взноса по договору купли-продажи жилого помещения с рассрочкой (отсрочкой) платежа, уплату обязательств по договору купли-продажи жилого помещения с рассрочкой (отсрочкой) платежа и вознаграждения за предоставление рассрочки (отсрочки) платежа, при условии, что участниками эксперимента, выступающими продавцами по таким договорам купли-продажи жилого помещения с рассрочкой (отсрочкой) платежа, являются лица, перечисленные в части 7 статьи 10 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» № 256-ФЗ от 29.12.2006».

Погашение обязательств по ипотечным жилищным кредитам	Категории семей, которые осуществляют строительство жилых объектов самостоятельно или приобретают квартиры без использования ипотечных займов (паенакопление, рассрочка), выведены из-под действия дополнительных государственных мер по их поддержке.	ФЗ от 3 июля 2019 года № 157 установлено, что право на меры государственной поддержки имеет гражданин РФ – мать или отец, у которых в период с 1 января 2019 года по 31 декабря 2022 года родились третий ребенок или последующие дети и которые являются заемщиками по ипотечному жилищному кредиту (займу).	Предлагается дополнить статью 3 законопроекта частью 10 следующего содержания: «Физическое лицо, заключившее с участником эксперимента договор купли-продажи с отсрочкой (рассрочкой) платежа, имеет право на получение государственной поддержки в соответствии с Федеральным законом “О мерах государственной поддержки семей, имеющих детей, в части погашения обязательств по ипотечным жилищным кредитам (займам)” и Федеральным законом “Об актах гражданского состояния”. Меры государственной поддержки реализуются однократно путем полного или частичного погашения обязательств по договору купли-продажи жилого помещения с отсрочкой (рассрочкой) платежа гражданина в размере его задолженности, но не более 450 тысяч рублей. Указанные средства направляются на погашение задолженности по основному долгу, а в случае, если такая задолженность меньше 450 тысяч рублей, оставшиеся средства направляются на погашение вознаграждения за предоставление рассрочки (отсрочки) платежа».

Предложенные рекомендации работают на реализацию социальных детерминант партнерского финансирования и нивелирование неравных условий по сравнению с традиционными финансами, что приводило к увеличению стоимости исламских финансовых услуг и снижало их конкурентоспособность для целевой аудитории, которой выступают как мусульмане, так и все заинтересованные лица вне зависимости от вероисповедания.

Заключение

Партнерское финансирование, являясь институтом исламской экономики, обнаруживает имманентные социальные детерминанты, с одной стороны, формируемые религиозными нормами, регулирующими хозяйственное поведение исламских предпринимателей, которые ориентированы на обеспечение социальной справедливости при распределении результатов деятельности, базирующейся на взаимной ответственности; с другой стороны, обусловленные расширением перспектив социально-экономического сотрудничества в международной деятельности и получением новых рынков сбыта для отечественной продукции, а также необходимостью получения для предпринимателя прибыли от ведения деятельности за счет удовлетворения редких потребностей стабильно растущей целевой группы населения (мусульман), порождаемых особенностями вероисповедания.

Несмотря на имманентные особенности, партнерское финансирование предусматривает стандартные типы отношений (партнерство, купля-продажа, аренда, заем, страхованием), а сущность инструментов исламского финансирования синхронизируется с традиционными финансовыми инструментами, поэтому первые, с учетом их особенностей, можно адаптировать к условиям использования традиционными финансовыми институтами в Российской Федерации.

Исламские финансовые взаимоотношения, построенные на равенстве, добровольности, равнозначности и консолидации, отличаются позиционированием стейкхолдеров как частей единого целого. Указанные социальные детерминанты, имманентные инструментам исламского финансирования, выступают характерными признаками партнерства, что говорит о синонимичности понятий исламского финансирования и партнерского финансирования.

Становление проектов исламского финансирования в Российской Федерации имеет непростую историю: на начальном этапе становления практик партнерского финансирования в РФ не все проекты достигали успеха, однако в настоящее время в международной политике РФ наблюдается активизация интереса к странам исламской экономики как стратегическим партнерам, что сопровождается развитием институтов исламской экономики и инструментов партнерского финансирования в РФ, в которое конвергируются на микроуровне наиболее прогрессивные финансовые стейкхолдеры (например, «Сбербанк» и другие региональные банки), а на мезоуровне — некоторые субъекты РФ.

Развитие партнерского финансирования в РФ является примером технологии низовой самоорганизации региональных инициатив, которые по мере зрелости с ростом эффективности практик оформились в 2022 году в инициацию проекта № 198584-8 Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации», содержание которого становится предметом дискуссий на различных экспертных площадках.

Несмотря на то, что не все инициированные в региональных практиках проекты исламского финансирования к настоящему времени реализованы, опыт разработки и внедрения каждого внес свой вклад в общее развитие рынка партнерского финансирования в РФ. Успешность практик внедрения инструментов партнерского финансирования в РФ обусловлена эволюционным становлением накопленного опыта, полемикой вокруг содержания законопроекта о партнерском финансировании; сложившаяся актуальная международная повестка по расширению партнерских взаимодействий РФ со странами – участницами Организации исламского сотрудничества доказывает востребованность и необходимость поддержки законопроекта № 198584-8.

Список литературы:

Авилова В.В., Ульмаскулов Т.Ф. К вопросу о возможностях применения ценных бумаг «сукук» в качестве источника финансирования проектов в нефтехимической отрасли // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 7–10.

Беккин Р.И., Алискеров М.С. Особенности исламского финансового сектора в России на современном этапе и перспективы его роста // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. С. 60–64. DOI: [10.17803/1994-1471.2017.77.4.060-064](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.77.4.060-064)

Гибадуллин М.З., Аюпов А.А., Нуриев А.Р., Шагимарданов А.Р. Предпринимательство и ислам: российский исторический опыт. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016.

Имамкулиева Э.Э., Садыгзаде М.С. Проблемы развития исламского банкинга в России // Вестник Института востоковедения РАН. 2019. № 1(7). С. 191–202.

Кулькова В.Ю., Юзеф Х.А.М. Государственная поддержка исламского предпринимательства в сфере услуг в РФ: состояние и точки роста в экспертных оценках // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 88. С. 23–35 DOI: [10.24412/2070-1381-2021-88-23-35](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-88-23-35)

Кулькова В.Ю., Юзеф Х.А.М. Организационные аспекты управления благотворительной деятельностью в реализации исламского предпринимательства в Российской Федерации // Вопросы управления. 2022. № 4(77). С. 20–30. DOI: [10.22394/2304-3369-2022-4-20-30](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-4-20-30)

Кулькова В.Ю. Эволюционная траектория современной экономики: от социальной и солидарной концепции до целей устойчивого развития и ESG-принципов // Культура и экология — основы устойчивого развития России. Культурное и природное наследие — ключевой ресурс социально-экономического развития: материалы Международного форума (Екатеринбург, 13–15 апреля 2022 г.). Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2022. Ч. 1. С. 78–84.

Миннуллин Ю.Р., Кулькова В.Ю., Дзюменко Д.В., Юзеф Х.А.М. Инициация введения в 2022 году публичных новаций партнерского финансирования в Российской Федерации // Финансовый бизнес. 2022. № 12(234). С. 237–241.

Рябченко Л.И. Перспективы развития исламского банкинга в России // Вестник ГУУ. 2018. № 9. С. 140–146. DOI: [10.26425/1816-4277-2018-9-140-146](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-9-140-146)

Яхин Э. Партнерство (товарищество) как форма развития исламской модели предпринимательства в России // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2010. № 1–2. С. 20–24.

Beg T. Promotion of Muslim Entrepreneurship under State Support // Journal of Objective Studies. 1979. Vol. 2. Is. 1. P. 95–106.

Davis M.K. Entrepreneurship: An Islamic Perspective // International Journal of Entrepreneurship and Small Business. 2013. Vol. 20. Is. 1. P. 63–69. DOI: [10.1504/IJESB.2013.055693](https://doi.org/10.1504/IJESB.2013.055693)

Dodd S., Seaman P. Religion and Enterprise: An Introductory Exploration // Entrepreneurship Theory and Practice. 1998. Vol. 23. Is. 1. P. 71–86. DOI: [10.1177/104225879802300104](https://doi.org/10.1177/104225879802300104)

Durkheim E. *Leçons de sociologie*. Paris: PUF, 1997.

References:

Avilova V.V., Ulmaskulov T.F. (2016) Possible Use of “Sukuk” Securities as a Source of Financing for the Projects in Oil and Gas Industry. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. No. 1. P. 7–10.

Beg T. (1979) Promotion of Muslim Entrepreneurship under State Support. *Journal of Objective Studies*. Vol. 2. Is. 1. P. 95–106.

Bekkin R.I., Aliskerov M.S. (2017) Peculiarities of the Islamic Financial Sector in Russia at the Present Stage and the Perspectives for its Development. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*. No. 4. P. 60–64. DOI: [10.17803/1994-1471.2017.77.4.060-064](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.77.4.060-064)

Davis M.K. (2013) Entrepreneurship: An Islamic Perspective. *International Journal of Entrepreneurship and Small Business*. Vol. 20. Is. 1. P. 63–69. DOI: [10.1504/IJESB.2013.055693](https://doi.org/10.1504/IJESB.2013.055693)

Dodd S., Seaman P. (1998) Religion and Enterprise: An Introductory Exploration. *Entrepreneurship Theory and Practice*. Vol. 23. Is. 1. P. 71–86. DOI: [10.1177/104225879802300104](https://doi.org/10.1177/104225879802300104)

Durkheim E. (1997) *Leçons de sociologie*. Paris: PUF.

Imamkulieva E.E., Sadygzade M.S. (2019) Islamic Banking Outlook in Russia. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. No. 1(7). P. 191–202.

Gibadullin M.Z., Ayupov A.A., Nuriyev A.R., Shagimardanov A.R. (2016) *Predprinimatel'stvo i islam: rossiyskiy istoricheskiy opyt* [Entrepreneurship and Islam: Russian historical experience]. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta.

Kulkova V.Yu., Youssef H.A.M. (2021) State Support for Islamic Entrepreneurship in Service Sector in the Russian Federation: State and Growth Points in Expert Assessments. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 88. P. 23–35. DOI: [10.24412/2070-1381-2021-88-23-35](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-88-23-35)

Kulkova V.Yu., Youssef H.A.M. (2022) Organizational aspects of charity management in the implementation of Islamic entrepreneurship in the Russian Federation. *Voprosy upravleniya*. No. 4 (77). P. 20–30. DOI: [10.22394/2304-3369-2022-4-20-30](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-4-20-30)

Kulkova V.Yu. (2022) Evolutionary Trajectory of Modern Economy: from Social and Solidary Concept to Sustainable Development Goals and ESG Principles. *Kul'tura i ekologiya — osnovy ustoychivogo razvitiya Rossii. Kul'turnoye i prirodnoye naslediyе — klyuchevoy resurs sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya: materialy Mezhdunarodnogo foruma* (Ekaterinburg, April 13–15, 2022). Ekaterinburg: Izdatel'stvo UMTs UPI. Part 1. P. 78–84.

Minnullin Yu.R., Kulkova V.Yu., Dzyumenko D.V., Youssef H.A.M. (2022) Initiation of the Introduction in 2022 of Public Innovations of Partner Financing in the Russian Federation. *Finansovyy biznes*. No. 12 (234). P. 237–241.

Ryabchenko L.I. (2018) Prospects for the Islamic Banking Development in Russia. *Vestnik Universiteta*. No. 9. P. 140–146. DOI: [10.26425/1816-4277-2018-9-140-146](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-9-140-146)

Yakhin E. (2010) Partnerstvo (tovarishchestvo) kak forma razvitiya islamskoy modeli predprinimatel'stva v Rossii [Partnership (comradeship) as a form of development of the Islamic model of entrepreneurship in Russia]. *Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyy i mezhdunarodno-politicheskiy aspekty*. No. 1–2. P. 20–24.

Дата поступления/Received: 27.03.2023

Социально-культурные аспекты коррупционного поведения. Опыт Китая

Михайлова Ольга Владимировна

Доктор политических наук, доцент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: Mikhaylova@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [7242-2620](https://elibrary.ru/7242-2620)

ORCID ID: [0000-0002-7394-8332](https://orcid.org/0000-0002-7394-8332)

Шао Цзысюань

Аспирант, Высшая школа культурной политики и управления в гуманитарной сфере (факультет), МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: 619543842q@gmail.com

Аннотация

Процессы либерализации экономики и демократизации поставили перед развивающимися странами большое количество сложных проблем, преодоление которых оказалось серьезно затруднено в силу специфики их социально-культурного контекста. Одна из таких проблем — коррупция, высокий уровень которой препятствует установлению и закреплению современной системы государственного управления в этих странах. Практика продемонстрировала, что понимание коррупции в развитых странах затрагивает приемлемые модели поведения в развивающихся странах, что затрудняет ее идентификацию и выработку адекватных антикоррупционных мер. В статье на примере опыта Китая рассматривается влияние социокультурных факторов на восприятие коррупции. В частности, исследуются различные оценки отношений гуаньси, которые являются основой социального взаимодействия в Китае на протяжении многих веков, но с момента начала реформирования экономики и переустройства правовой системы они стали носить двусмысленный характер, так как их содержание имеет много общего с западным пониманием коррупционного поведения, разделяемым во всем мире, в том числе и в Китае. Авторы приходят к выводу, что законодательно ограничить эти отношения крайне сложно, так как они являются частью культурной среды, что позволяет относить гуаньси к «белой коррупции». В то же время необходимо пресечь ситуации, в которых отношения гуаньси используются в качестве прикрытия для коррупционных сделок. Это требует не столько жестких административных мер, сколько усиления значения в сознании граждан и государственных служащих ценностной ориентации на достижение общенациональных, а не групповых или индивидуальных интересов.

Ключевые слова

Коррупция, гуаньси, «белая коррупция», развивающиеся страны, Китай.

Sociocultural Aspects of Corrupt Behavior. The Experience of China

Olga V. Mikhaylova

DSc (Political Sciences), Associate Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: Mikhaylova@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0002-7394-8332](https://orcid.org/0000-0002-7394-8332)

Shao Zixuan

Postgraduate student, Higher School of Cultural Policy and Management in the Humanitarian Sphere (Faculty), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: 619543842q@gmail.com

Abstract

The processes of economic liberalization and democratization have presented emerging nations with a wide range of complicated issues, the resolution of which proved to be extremely challenging due to the specifics of their socio-cultural context. One of these issues is corruption, whose great prevalence hampers the establishment and consolidation of a modern system of public administration in these countries. It has been demonstrated through experience that corruption perception in developed countries affect acceptable behavior patterns in developing countries, making it difficult to detect corruption and create effective anti-corruption measures. The article examines how sociocultural factors influence the perception of corruption with the example of the experience of modern China. In particular, various types of guanxi relations, which have been the basis of social interaction in China for many centuries, are being explored. But since the beginning of economic reform and the reorganization of the legal system, they have become ambiguous, since their content has much in common with the Western understanding of corrupt behavior, shared throughout the world, including in China. The authors come to the conclusion that it is extremely difficult to legally limit guanxi, since they are part of the cultural environment, and this allows us to attribute guanxi to “white corruption”. At the same time, situations in which guanxi relations are used as a cover for corrupt deals must be stopped. This requires not so much tough administrative measures but strengthening the value in the minds of citizens and civil servants of an orientation towards achieving national, non-group or individual interests.

Keywords

Corruption, guanxi, “white corruption”, developing countries, China.

Введение

Коррупция как проблема государственного управления многие десятилетия сохраняет свою актуальность в повестке дня западных правительств, которым в большинстве своем удалось поставить ее под контроль и снизить негативные эффекты на политику и экономику. Однако для сохранения достигнутых позиций необходимо прикладывать значительные усилия по поддержанию работы институтов и включенности граждан в процессы общественного мониторинга деятельности политических элит и бюрократии. В свою очередь, вступившие на путь политического и экономического развития развивающиеся страны, даже самые успешные из них, столкнулись с проблемой коррупции относительно недавно, когда начали выстраивать современную систему государственных и правовых институтов, проводить реформы по либерализации экономики. С одной стороны, эти страны оказались в менее выгодном положении, по сравнению с развитыми странами, потому что модернизационные процессы в них проходили стремительно и одновременно, что не позволяло размеренно и адекватно реагировать на вызовы при желании элит, и граждан как можно быстрее достичь успешных результатов развития и приблизиться к развитым странам. С другой стороны, они имели в своем распоряжении многообразие работающих и неудачных экономических, политических и административных решений, которые могли быть приняты или отвергнуты реформаторами. В то же время это был опыт развитых стран, чья история и культурный профиль принципиальным образом отличаются от развивающихся стран, что стало причиной искажений и отклонений в копируемых институтах и практиках.

Цель данного исследования — изучить типичные для китайского общества отношения гуаньси, получившие неоднозначную оценку в академическом сообществе, в связи с необходимостью концептуализации коррупции для повышения эффективности антикоррупционных мер в современном Китае.

Методология исследования — сравнительное изучение отдельного кейса для получения детализированной информации об истоках социальной практики гуаньси в современном Китае.

Проблема концептуализации коррупции в незападных странах

Проблема коррупции для систем государственного управления в развивающихся странах появилась именно в связи с политическими и экономическими реформами, начавшимися во второй половине XX в. С целью преодолеть отсталость прошлого, расширить инвестиционные возможности, извлечь уроки из опыта развития других стран и повысить свой международный политический статус они стали вкладывать колоссальные усилия в процессы демократизации и либерализации, шли по пути расширения политического пространства, увеличения числа акторов, участвующих в процессах принятия решений, что с неизбежностью влекло за собой расширение масштабов коррупции. Например, по данным исследования, проведенного в Бразилии, размер комиссии, вымогаемой должностными лицами, вырос с 8–12% при военной автократии до 15–20% от цены контракта при демократии [Weyland 1998]. Аналогичная тенденция была выявлена и во многих других странах, что позволило исследователям заключить, что демократизация в краткосрочной перспективе ведет к резкому росту коррупции, но по мере консолидации демократии ее объемы сокращаются благодаря в том числе активности независимых медиа, стимулирующих интерес граждан к деятельности политиков и чиновников, чье нахождение у власти зависит не от воли властителя, а от результатов выборов [Treisman 2000]. Однако становления демократических институтов недостаточно для эффективного противодействия коррупции, значительную поддержку усилиям по снижению

ее уровня оказывают темпы экономического развития страны. Так, по данным другого исследования, демократия может сократить коррупцию только при уровне ВВП на душу населения не менее \$2000 [Jetter et al. 2015].

Очевидно, что успехи развивающихся стран по построению демократии, либерализации экономики и формированию современных систем государственного управления сильно разнятся. Однако общей для них проблемой является крайне высокий уровень коррупции, по сравнению с развитыми странами, который нередко в научной литературе характеризуют как эпидемический. Представители модернизационной парадигмы склонны полагать, что процессы политических и экономических изменений в развивающихся обществах имеют тенденцию порождать неравенство, политическую нестабильность и коррупцию, что связано со слабостью институтов, не способных сдерживать эти девиации.

Вместе с тем необоснованно было бы игнорировать тот факт, что коррупция имеет также и культурное измерение, а значит, необходимо исследовать ее контекстуально. В свою очередь, это серьезно осложняет измерение уровня коррупции и разработку антикоррупционных мер, так как применяемые методики оперируют универсальным определением этого феномена, улавливающим конкретный ракурс ее проявления. Мировая исследовательская практика использует определения коррупции, предлагаемые Всемирным банком («злоупотребление служебным положением в личных целях») и Transparency International¹ («злоупотребление доверенной властью в личных интересах»), имеющие западное происхождение и приводящие к спорам об их применимости в незападных контекстах.

В основе этих определений лежит представление о том, что коррупция как проблема государственного управления возникает в момент, когда власть в лице политиков и назначенных должностных лиц отклоняется от курса по достижению общественно значимых целей, вставая на путь злоупотребления служебными полномочиями для решения задач частного характера. Этот подход к пониманию коррупции широко используется в развивающихся странах, однако не улавливает специфики социальных отношений, сложившихся в этих обществах задолго до установления в них современной правовой системы.

Иначе говоря, в обществе на протяжении длительного времени складываются определенные социальные отношения, основанные на материальном вознаграждении за оказание политической или иного типа поддержки, однако национальная политика развитых стран не соответствует уровню производительности, национальным условиям и историческим и культурным традициям развивающихся стран, и их копирование будет иметь побочные эффекты. С одной стороны, это вполне закономерный процесс, предполагающий, что невозможно построить современную эффективную систему государственного управления на основе патронажа и фаворитизма, господствующих в модернизирующихся странах. С другой стороны, законодательные ограничения, призванные установить стандарты некоррупционного поведения, входят в конфликт с одобряемыми в обществе практиками. Например, индийский антрополог пишет, что «высокопоставленный чиновник, который не помогает близкому родственнику или односельчанину получить государственную должность, часто подвергается критике со стороны людей за невыполнение своих обязанностей перед сородичами» [Gupta 1995, 375]. Получается, что фаворитизм может рассматриваться и как злоупотребление должностным лицом своими полномочиями, и как выражение солидарных связей с теми, кому он благоволит. Хотя если не принять соответствующего законодательства, ограничивающего фаворитизм, то и факт коррумпированного поведения не будет существовать.

¹ Неправительственная организация Transparency International включена Минюстом РФ в список нежелательных в России.

В итоге в странах, где процветает фаворитизм и nepoтизм, коррупция отчасти является общественно приемлемой практикой. Оказание такой стране международной финансовой помощи не приведет к ожидаемым донорами результатам, она с высокой долей вероятности станет источником стремительного обогащения чиновниками, которые будут использовать ресурсы не на услуги гражданам, а на получение личной выгоды [Persson et al. 2013]. Более того, политики, раздавая выгодные контракты своим родственникам и ближайшим соратникам, могут публично оправдывать это сложившимися традициями и отвергать таким образом обвинения в коррупции.

Социокультурная среда Китая

Китайская Народная Республика (Китай) заметно отличается от других незападных стран тем, что, приняв решение о либерализации экономики, она не пошла по пути демократизации по западному образцу, сохранив, но при этом серьезно усовершенствовав свою систему государственного управления. Однако, как и другие страны, Китай на пути построения нового типа экономики столкнулся с проблемой коррупции, на борьбу с которой последние десять лет тратятся значительные административные усилия. Китайские исследователи, оценивающие уровень коррупции в стране, в целом разделяют ее западную трактовку как злоупотребление должностными полномочиями ради личной выгоды, но обращают также внимание на существование специфических обстоятельств культурного и системного характера, которые создают серьезную двусмысленность в понимании коррупции. В частности, они склоняются к использованию более широкого понимания коррупции: это не только преступление, но и проявление моральной деградации должностного лица [Yu 2008].

Проблема коррупции рассматривается с двух ракурсов: государственного управления и партии. Решение проблемы коррупции зависит как от деятельности судебной и правоохранительной систем, так и от активности подразделений Коммунистической партии, занимающихся проверкой дисциплины ее членов. В итоге можно говорить о двух типах коррупционных дел:

- 1) дела, подлежащие урегулированию в дисциплинарном порядке (нетипичная коррупция), которые не рассматриваются как серьезные, а представляют собой «нездоровые тенденции» в поведении должностных лиц;
- 2) дела, связанные с крупными коррупционными сделками, за которые предполагается уголовное наказание.

Формально-правовая спецификация коррупции в Китае основана на Уголовном кодексе 1997 г., в котором зафиксированы два основных ее вида: экономическая (*jingji zuixing*) (растрата, взяточничество, незаконная прибыль, уклонения от уплаты налогов и пр.) и неэкономическая (*feijingji zuixing*) (неисполнение служебных обязанностей, кумовство и пр.). Однако если на уровне официальной терминологии, используемой в законодательстве, существует понимание того, какие действия государственных служащих относятся к коррупции, то на практике все оказывается менее однозначно, что серьезно осложняет противодействие ей.

Для пояснения китайской специфики исследователи часто обращаются к типологии коррупции, предложенной А. Хайденхаймером [Heidenheimer 2002], который маркировал ее разновидности цветом — черным, серым и белым, в зависимости от того, существует ли консенсус между обществом и государством об отнесении того или иного вида деятельности к коррупции. К «черной коррупции» относятся действия, осуждаемые всеми социальными группами, между политиками и гражданами существует согласие по вопросу необходимости

преследования по закону вовлеченных в них государственных служащих, пытающихся увеличить свое благосостояние за счет общественных ресурсов (взяточничество, мошенничество, растрата, вымогательство, уклонение от уплаты налогов).

К «серой коррупции» относятся действия, в отношении которых отсутствует единодушное согласие внутри политической элиты, а общество может и не знать об этих действиях или не иметь по ним внятной позиции. Речь идет, например, о действиях руководителей государственных учреждений, использующих свою власть для увеличения благосостояния своих сотрудников и доходов своих ведомств за счет участия в коммерческой деятельности. К этой же категории коррупции относятся «нездоровые привычки» чиновничества (расточительство, трата государственных средств на поддержание роскошных условий труда или образа жизни государственных служащих). Эти расходы существенно увеличивают издержки общества, однако пресечь их оказывается непросто, поскольку этот тип коррупции является относительно скрытым, а любые попытки установить разумные ограничения встречают сопротивление чиновников, оправдывающих необходимость создания таких роскошных условий уникальностью своего труда и положения.

«Белая коррупция» также несет в себе серьезную угрозу для качества государственного управления, однако проблема состоит в том, что относящиеся к ней действия общество солидарно считает некоррупционными, а воспринимает их как нормальную социальную практику. По сути, это создание и поддержание сетей личных контактов, в которых государственные служащие содействуют друзьям, родственникам в получении должностей, контрактов и пр., что является способом взаимной оплаты ранее полученных услуг или проявления солидарности (кумовство, фаворитизм). Законодательно власти устанавливают запреты на такие контакты, однако на практике пресечь неформальные практики получения дефицитных услуг в обход формальных процедур крайне сложно.

Китай с момента начала либерализации экономики столкнулся со всеми видами коррупции, но особые дискуссии до сих пор не только в национальном академическом дискурсе, но и во многих международных публикациях вызывает такой вид «белой коррупции», как гуаньси.

А. Леденева определяет неформальные практики как повседневные стратегии людей по манипулированию формальными правилами или использованию их, включению неформальных норм и личных обязательств в формальные контексты, они компенсируют дефицит и дефекты государственной системы распределения; в системах, где исчезает жесткий государственный контроль, они направлены на использование слабых мест в новых институтах, увеличивая таким образом масштабы коррупции. Однако неформальные практики — это не только и не всегда реакция на политические и экономические ограничения, они также формируются под влиянием исторических и культурных акторов [Ledeneva 2008].

Типичный пример таких неформальных практик в Китае — гуаньси (guanxi) — межличностные сети для удовлетворения потребностей повседневной жизни, включающие в себя обмен подарками, услугами, культивирование взаимных обязательств [Yang 1994]. В китайском языке гуаньси состоит из двух иероглифов: 关 (ворота) и 系 (связь) — и означает дословно «связи за воротами». Гуаньси может предоставлять человеку эксклюзивный доступ к ограниченным ресурсам, поэтому нередко рассматривается как вид капитала, который накапливается и преумножается на протяжении длительного времени. В ракурсе коррупционной

проблематики гуаньси воспринимается как личные обязательства, налагаемые социальными отношениями, вынуждающие людей в ситуации выбора нарушать формальные процедуры и правила.

Исследователи с разных позиций объясняют причины широкого распространения этой практики в современном китайском обществе. Китайские социологи полагают, что объяснение коренится прежде всего в конфуцианстве. Как пишет Цзинь Яоцзи, конфуцианство повлияло на логику построения социальных отношений в Китае, для которых характерна специфическая роль человека как посредника в построении социальных взаимодействий вне семьи и проектировщика гуаньси [金耀基 2017, 84]. Конфуцианская культура придает большое значение кровному родству и распространяет его на все социальные отношения. Точнее говоря, кровное родство трактуется очень расширительно, охватывает не только семейные отношения, но и отношения человека и государства. При этом в конфуцианстве действует принцип «цинъинъюшу» (亲亲有术) (различие близости и уважения по отношению к людям), означающий, что в обществе люди относятся друг к другу с разной степенью благожелательности в зависимости от степени кровного родства. Благожелательность к людям иерархически упорядочена: этикет уважения и любви к родственникам разный, а способ уважения к мудрецам делится на уровни. Речь идет о различии «далеко, близко, уважение и неполноценность» при общении с другими.

Этот принцип заложен в основу «модели разной последовательности» социолога Фэй Сяотуна, который пишет о том, что китайцы эгоцентричны при взаимодействии с другими людьми, упорядочивая их по степени близости. Ближний круг («свои люди») и дальний круг («посторонние люди») определяются степенью близости родства [费孝通 2022, 108]. Соответственно, чем ближе кровное родство, тем проще сформировать тесные межличностные отношения, чем дальше кровное родство, тем выше вероятность быть отвергнутым в отношениях с другими, а плотность межличностных отношений существенно снижается [彭泗清 2019]. Кроме того, благожелательность к людям в конфуцианстве определяется также социальной иерархией: благожелательность Конфуция — это своего рода иерархическая любовь, которая делится на далекую и близкую. Любовь к королю не то же самое, что любовь к простолюдинам, любовь к отцу не то же самое, что любовь к чужаку. Его доброжелательность прогрессивна: «谨而信, 泛爱众, 而亲仁». Достаточно быть верным простым людям, любить широкий круг людей в отношениях и сближаться с доброжелательными и праведными людьми. В таких прогрессивных отношениях благожелательность требует больше любви к мудрецам, достигшим Дао, и меньше любви к «простым людям» и даже к конкретным «простым людям», конфуцианство считает, что они недостойны любви: «君子而不仁者有矣夫, 未有小人而仁者也».

Основанные на принципах конфуцианства «социальные кровные отношения» сохраняют свою актуальность и влияние в современном китайском обществе, что имеет как положительные, так и негативные последствия. С одной стороны, принципы конфуцианской культуры способствуют налаживанию хороших межличностных отношений, придавая большое значение общению, основанному на принципах морали, сдерживанию эгоистической мотивации человека в логике «интерес превыше всего», подчеркивая, что за обман придется дорого платить и только честность между людьми является основой для гармоничного общественного развития. С другой стороны, чрезмерный акцент на кровном родстве консервирует в современном обществе феодальные элементы, ведет к доминированию плотных родственных и дружеских межличностных сетей, препятствующих продвижению талантливых, профессиональных и компетентных людей на общественно значимые должности в государстве, а также к росту коррупции.

С позиций западной социологии истоки гуаньси коренятся в сохраняющейся традиционности китайского общества. Например, Т. Парсонс выделил переменные социального действия, которые раскрывают мотивы людей, имеющие принципиальное значение для социальной жизни. В основу мотивации социального действия заложена ориентация человека в своих отношениях с другими в ситуациях выбора. Эти ориентации представлены двумя парами наиболее значимых альтернатив: (1) «универсализм (ориентация на общее правило) — партикуляризм (ориентация на неофициальные критерии, исключения из общих правил, предоставление привилегий приближенным)»; (2) «достижение (ориентация на профессионализм) — приписывание (ориентация на приобретенные от рождения критерии и полученные благодаря наличию особых отношений)» [塔 尔科特 帕森斯 2022; 孙立平 2017]. Партикуляризм и приписывание свойственны традиционным обществам, основанным на кровнородственных отношениях и территориальных связях. Китайское общество рассматривается западными социологами как партикуляристское, что задает совершенно определенный тренд в изучении социальных процессов, а также понимании специфики межличностных отношений, приводящих в том числе к расширению масштабов коррупции.

Сила и плотность межличностных сетей, основанных на кровнородственных связях, не ведет к росту социального доверия в китайском обществе. Ф. Фукуяма полагает, что низкий уровень доверия в китайском обществе связан с природной недоверчивостью китайцев в отношении посторонних. Автор выделяет два типа обществ: с низким и высоким уровнями социального доверия. В обществах с низким уровнем социального доверия оно устанавливается на основе кровнородственных связей и начинает снижаться по мере достижения их границ, а за их пределами резко останавливается. В обществах с высоким уровнем социального доверия оно преодолевает границы кровных уз и простирается далеко за их пределы. При низком уровне социального доверия в обществе преобладают близкородственные отношения между людьми при дефиците связей, объединяющих разнообразные группы в перекрестные сети доверия, создающие ткань гражданского общества [Фукуяма 2004]. Соответственно, для традиционного Китая характерно общество с низким уровнем доверия, хорошо развитыми семейными связями при отсутствии других гражданских организаций. Тот факт, что кровное родство в Китае считается наивысшим уровнем первоначального доверия, находит эмпирическое подтверждение в ряде исследований. Ван Шаогуан и Лю Синь на примерах четырех городов Китая выявили, что действительно уровень доверия к разным объектам и группам убывает — родственники, друзья, знакомые и другие люди в обществе [王绍光, 刘欣 2021].

Социальная жизнь выходит далеко за границы семейных отношений человека, она требует расширения круга коммуникации с другим людьми для ведения профессиональной и иной деятельности. При дефиците социального доверия возникает необходимость в установлении с другими людьми предсказуемых доверительных отношений, повышающих вероятность достижения поставленных целей. Главным средством и навыком искусства гуаньси выступает в данном случае организация банкетов, которые являются средствами политического и экономического обмена и в большей степени, чем другие способы поддержания отношений и демонстрации социального статуса, направлены на получение материальных благ и выгод [杨美惠 2022, 125]. Хотя существует и другая точка зрения, в соответствии с которой банкеты рассматриваются не как способ вознаграждения, а как инструмент расширения и поддержания социальных контактов [边燕杰 2019]. Как пишет К.А. Грегори, «потребление в экономике

дарения представляет собой не простой акт приема пищи, а в основном предполагает регулирование отношений между людьми при социальном воспроизводстве и биологическом воспроизводстве» [克里斯 格雷戈里 2019, 89–90].

Социальные отношения в Китае поддерживаются прежде всего неформальными межличностными сетями, а не социальными институтами, поэтому подарки и иные обмены играли и продолжают играть важную роль в установлении и поддержании отношений. Исследование, проведенное в сельских районах Китая, демонстрирует, что практика обмена подарками сохраняется даже между ближайшими родственниками для укрепления хороших отношений [阎云翔 2021].

Аналогичные практики обмена подарками выявлены среди бизнесменов, продвигавших свои инвестиционные интересы через чиновников после начала экономических реформ в стране [艾伦·斯玛特 2018]. Однако у практик гуаньси есть и философские основания, связанные с необходимостью достижения гармонии в социальных отношениях: отношения «Пяти этик», предложенные Мэн-цзы, представляют собой уникальную структуру человеческих отношений в китайском обществе. Если отношения «Пяти этик» гармоничны, все социальные отношения также будут гармоничными.

Коррупция или социально одобряемые негласные правила?

Предсказуемо в академической среде возникла дискуссия о связи гуаньси с коррупцией: является ли гуаньси важной детерминантой коррупционного поведения чиновников в Китае или важной составляющей традиционной китайской культуры, напрямую не связанной с коррупцией. Китайские исследователи в большинстве своем придерживаются социологической трактовки гуаньси, подчеркивая, что оно связано с формированием и поддержанием сетей межличностных связей, не связанных с решением деловых задач в профессиональной сфере. Для западных исследователей приоритетным является не эмоциональный, а утилитарный подтекст таких отношений, что находит, например, отражение в определении гуаньси, предлагаемом Оксфордским словарем, в соответствии с которым это система социальных сетей, облегчающих ведение бизнеса в Китае. Иначе говоря, акцентируется инструментальное понимание гуаньси, предполагающее наличие у обеих сторон конкретного интереса и ожидаемых измеряемых выгод от взаимодействия, а также обмен ресурсами [Tsang 1998].

Во многих научных исследованиях о связи гуаньси с коррупцией подчеркивается, что гуаньси питает коррупцию и способствует ее распространению в Китае [Gold 1985; Zhan 2012]. По оценкам экспертов, до того, как Китай в последние годы расправился со «сговором между официальными лицами и бизнесом», китайские фирмы тратили в среднем 3–5% доходов на подарки для установления тесных отношений с представителями бюрократии [Luo 1997].

Сторонники такого подхода сходятся во мнении, что существует три важных свойства гуаньси, благоприятствующих коррупции:

- 1) скрытая коммуникация между участниками, гарантирующая безопасность общения по деликатным вопросам и отсутствие рисков разоблачения;
- 2) высокий уровень доверия между участниками, благодаря которому возможен надежный обмен ресурсами и услугами;
- 3) взаимность отношений, снимающая этические дилеммы для вовлеченных участников (предоставление услуги приоритетнее следования формальным нормам).

Отдельно авторы обращают внимание на двусмысленность отношений обмена, не дающую возможность четко развести гуаньси и коррупцию. Иначе говоря, маскируясь под гуаньси, стороны могут вести себя неэтично, прикрываясь этическими мотивами необходимости выполнения принятых на себя обязательств и взаимности. Достоверные мотивы поведения сторон остаются известными только участникам, они могут быть первоначально нацелены на коррупционную сделку, но в случае ее раскрытия объясняют свое поведение гуаньси, что, возможно, не должно привести к наказанию [Yang 1989].

Типичный способ осуществления гуаньси — обмен подарками, что сближает эту социальную практику с коррупцией. Л. Ли описал три аспекта успешного обмена подарками в утилитарных целях, что может быть расценено и как гуаньси, и как коррупция [Li 2011]:

- 1) при выборе подарка определяется соотношение ожидаемой ценности услуги и стоимости подарка (слишком дорогой подарок принесет убытки, если получатель не сможет ответить услугой соответствующей ценности, а от слишком дешевого подарка получатель может отказаться, посчитав его ценность недостаточной в сравнении с услугой, которую от него ожидают);
- 2) получатель подарка с высокой долей вероятности может от него отказаться, опасаясь быть обвиненным в неэтичном поведении, поэтому отправителю необходимо позаботиться о том, чтобы найти оптимальный способ вручения подарка, гарантирующий его принятие (это своего рода самообман, когда все стороны знают, что подарок является частью сделки, но никто не хочет указывать на это);
- 3) отправитель подарка должен снизить дискомфорт от его принятия получателем, приурочив его вручение к крупным праздникам, ссылаясь тем самым на обычный этикет.

Поступая таким образом, коррупционеры прикрываются гуаньси и пытаются легитимировать нарушение формальных правил, превратив свое поведение в конвенциональное и неприкаемое в обществе.

В то же время другие исследователи полагают, что все-таки гуаньси и коррупция напрямую не связаны, между ними существуют серьезные различия, позволяющие разграничить злоупотребления и практику формирования межличностных сетей. Например, И. Луо предложил следующим образом различать гуаньси и коррупцию [Luo 2002]:

- 1) гуаньси является социальной нормой, а коррупция — отклонением от нормы (гуаньси отражает важный компонент азиатской культуры, помогает преодолевать барьеры, вызванные несовершенствами действующего законодательства, а коррупция — это злоупотребление, неэтическое поведение, получение выгоды незаконным способом);
- 2) гуаньси является составной частью китайской конфуцианской культуры, а коррупция находится вне закона и наносит ущерб интересам общества;
- 3) участники гуаньси обмениваются услугами для создания и поддержания сети социальных обязательств, в том числе на эмоциональной основе, а в основе коррупционной сделки заложен утилитарный мотив и денежный обмен;
- 4) гуаньси предполагает неявную социальную взаимность, а коррупция — явную транзактивную взаимность (участник гуаньси, получающий услугу, должен ее вернуть, но это формально нигде не закреплено и не является обязательным, даритель в таком случае может продолжать поддерживать отношения в силу своей щедрости; в коррупционной сделке важно, что стороны с некоторой степенью обязательности соблюдают правила взаимности, что также нигде формально не закреплено, но вполне явно прослеживается);

- 5) гуаньси не несет в себе никаких правовых рисков, а коррупционное поведение сопряжено с серьезной опасностью разоблачения и ущерба (в случае неудачи гуаньси участник несет исключительно личные потери, а в случае вскрытия факта коррупции участникам грозит серьезное наказание);
- 6) гуаньси ориентировано на долгосрочную перспективу, коррупция — на достижение краткосрочных целей (отношения на основе гуаньси строятся и укрепляются на протяжении длительного времени, накапливаются для решения задач в отдаленной перспективе, а коррупция связана с необходимостью получения результата в конкретный момент времени, не требует длительной и заблаговременной подготовки, отношения между сторонами прерываются после разовых транзакций);
- 7) гуаньси не устанавливает сроков возврата обязательств, а для коррупции важна своевременность;
- 8) гуаньси строится на доверии, а коррупция — на обмене товарами (для гуаньси важны честность и порядочность в поведении участников, вытекающие из высокого уровня доверия друг другу, а в коррупционной сделке стороны обменивают одни товары на другие, необходимые им в данный момент времени, каждый из которых имеет свою цену);
- 9) гуаньси может передаваться, а коррупция нет (участник может передать свою сеть гуаньси другому участнику через надежного посредника, коррупция не передается в силу рискованности и ее незаконности).

Конечно, предложенное автором противопоставление гуаньси и коррупции вызывает много вопросов, и несложно найти аргументы, ставящие под сомнение наличие принципиальных различий. Тем не менее, даже если однозначные различия для стороннего наблюдателя отсутствуют, нельзя игнорировать того, что они ощутимы на социокультурном уровне участниками этих отношений, что позволяет относить гуаньси к «белой коррупции».

Заключение

Коррупция оказывает разрушающее воздействие на систему государственного управления, препятствуя в том числе экономическому росту и развитию. Социокультурный контекст в вопросах противодействия коррупции, безусловно, играет большую роль, однако он не должен быть оправданием для борьбы с практиками злоупотребления государственными служащими властными полномочиями в корыстных целях. Преодоление негативных проявлений гуаньси, как представляется, возможно не только благодаря ужесточению административного контроля за действиями чиновников и бизнесменов, но и усилению этической составляющей в деятельности бюрократии. Социокультурная установка на развитие межличностных сетей не должна противоречить установке на необходимость решения общенациональных задач. Достичь этого возможно, например, за счет публичности в освещении случаев, демонстрирующих, что дорогостоящие усилия бизнесменов по формированию отношений гуаньси с государственными служащими вскрываются и пресекаются, не дают ожидаемой отдачи, а ведут только к финансовым потерям, общественному порицанию и уголовному наказанию.

Список литературы:

- Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2004.
- Gold T. After Comradeship: Personal Relations in China since the Cultural Revolution // The China Quarterly. 1985. Vol. 104. P. 657–675.

- Gupta A. Blurred Boundaries: The Discourse of Corruption, the Culture of Politics, and the Imagined State // American Ethnologist. 1995. Vol. 22. Is. 2. P. 375–402. DOI: [10.1525/ae.1995.22.2.02a00090](https://doi.org/10.1525/ae.1995.22.2.02a00090)
- Heidenheimer A.J. Parties, Campaign Finance and Political Corruption: Tracing Long-Term Comparative Dynamics // Political Corruption: Concepts and Contexts / ed. by M. Johnston. New York: Routledge, 2002. P. 761–776.
- Jetter M., Agudelo A., Hassan A. The Effect on Democracy on Corruption: Income is Key // World Development. 2015. Vol. 74. P. 286–304. DOI: [10.1016/j.worlddev.2015.05.016](https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2015.05.016)
- Ledeneva A. Blat and Guanxi: Informal Practices in Russia and China // Comparative Studies in Society and History. 2008. Vol. 50. Is 1. P. 118–144.
- Li L. Performing Bribery in China: Guanxi-practice, Corruption with Human Face // Journal of Contemporary China. 2011. Vol. 20. Is. 68. P. 1–20. DOI: [10.1080/10670564.2011.520841](https://doi.org/10.1080/10670564.2011.520841)
- Luo Y. Guanxi and Performance of Foreign-Invested Enterprise in China. An Empirical Enquiry // Management International Review. 1997. Vol. 37. Is. 1. P. 51–70.
- Luo Y. Corruption and Organization in Asian Management System // Asia Pacific Journal of Management. 2002. Vol. 19. P. 405–422. DOI: [10.1023/A:1016252021370](https://doi.org/10.1023/A:1016252021370)
- Persson A., Rothstein D., Teorello J. Why Anticorruption Reforms Fail: Systemic Corruption as a Collective Action Problem // Governance. 2013. Vol. 26. Is. 3. P. 449–471. DOI: [10.1111/j.1468-0491.2012.01604.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-0491.2012.01604.x)
- Treisman D. The Cause of Corruption: A Cross-National Study // Journal of Public Economics. 2000. Vol. 76. Is. 3. P. 399–457.
- Tsang E. Can Guanxi be a Source of Sustained Competitive advantage for Business in China? // Academy of Management Executive. 1998. Vol. 12. Is. 2. P. 64–73.
- Weyland K. The Politics of Corruption in Latin America // Journal of Democracy. 1998. Vol. 9. Is. 2. P. 108–121.
- Yang M. The Gift Economy and State Power in China // Comparative Studies in Society and History. 1989. Vol. 31. Is. 1. P. 25–54.
- Yang M. Gifts, Favors, and Banquets: The Art of Social Relations in China. Ithaca: Cornell University Press, 1994.
- Yu O. Corruption in China's Economic Reform: A Review of Recent Observations and Explanations // Crime, Law and Social Change. 2008. Vol. 50. P. 161–176. DOI: [10.1007/s10611-008-9133-5](https://doi.org/10.1007/s10611-008-9133-5)
- Zhan J. Filling the Gap of Formal Institutions: The Effects of Guanxi Network on Corruption in Reform-Era China // Crime, Law and Social Change. 2012. Vol. 58. Is. 2. P. 93–102. DOI: [10.1007/s10611-012-9379-9](https://doi.org/10.1007/s10611-012-9379-9)
- 边燕杰. 中国城市中的关系资本与饮食社交: 理论模型与经验分析 // 开放时代. 2019. 3. 94–99. (Бянь Я. Гуаньси, капитал и застолья в городах Китая: теоретическая модель и эмпирический анализ // Открытые времена. 2019. № 3. С. 94–99).
- 王绍光, 刘欣. 信任的基础: 一种理性的解释 // 社会学研究. 2021. 3. 24–27. (Ван Ш., Лю С. Основа доверия: рациональное объяснение // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 24–27).
- 克里斯·格雷戈里, 礼物与商品. 云南大学出版社, 2019. (Грегори К. Подарки и товары. Юньнань: Издательство Юньнаньского университета, 2019).
- 塔尔科特·帕森斯. 社会行动的结构. 张明德、夏遇南、彭刚译. 译林出版社. 2022. (Парсонс Т. Структура социального действия. Нанкин: Илнпресс, 2022).
- 彭泗清. 信任的建立机制: 关系运作与法制手段 // 社会学研究. 2019. 2. 55–56 (Пэн С. Механизм установления доверия: функционирование отношений и средства верховенства права // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 55–56).

艾伦·斯玛特. 礼物、贿赂与关系:布迪厄的社会资本再思考. 2007. 24(4). URL: <https://www.docin.com/p-1581096689.html> (Смарт А. Подарки, взятки и отношения: переосмысление капитала по Бурдьё // Журнал Китайского сельскохозяйственного университета. 2007. Т. 24. № 4).

孙立平.“关系”、社会关系与社会结构 // 社会学研究. 2017. 5. 20–30 (Сунь Л. Гуаньси, социальные гуаньси и социальная структура // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 20–30).

费孝通. 乡土中国. 天津人民出版社, 2022. (Фэй С. Сельский Китай. Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное издательство, 2022).

金耀基. 中国社会与文化. 牛津大学出版社(香港), 2017. (Цзинь Я. Китайское общество и культура. Гонконг: Издательство Оксфордского университета, 2017).

杨美惠. 礼物、关系学与国家:中国人际关系与主体性构建. 赵旭东、孙珉译. 江苏人民出版社, 2022. (Ян М. Дары, отношения и государство: межличностные отношения и построение субъективности в Китае. Сучжоу: Народное издательство Цзянсу, 2022).

阎云翔. 礼物的流动——一个中国村庄中的互惠原则与社会网络. 刘放春、刘瑜译. 上海人民出版社, 2021. (Янь Ю. Поток подарков — принцип взаимности и социальные сети в китайской деревне. Шанхай: Шанхайский народный издательский дом, 2021).

References:

Fukuyama F. (2004) *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. Moscow: AST.

Gold T. (1985) After Comradeship: Personal Relations in China since the Cultural Revolution. *The China Quarterly*. Vol. 104. P. 657–675.

Gupta A. (1995) Blurred Boundaries: The Discourse of Corruption, the Culture of Politics, and the Imagined State. *American Ethnologist*. Vol. 22. Is. 2. P. 375–402. DOI: [10.1525/ae.1995.22.2.02a00090](https://doi.org/10.1525/ae.1995.22.2.02a00090)

Heidenheimer A.J. (2002) Parties, Campaign Finance and Political Corruption: Tracing Long-Term Comparative Dynamics. In: Johnston M. (ed.) *Political Corruption: Concepts and Contexts*. New York: Routledge. P. 761–776.

Jetter M., Agudelo A., Hassan A. (2015) The Effect on Democracy on Corruption: Income is Key. *World Development*. Vol. 74. P. 286–304. DOI: [10.1016/j.worlddev.2015.05.016](https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2015.05.016)

Ledeneva A. (2008) Blat and Guanxi: Informal Practices in Russia and China. *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 50. Is 1. P. 118–144.

Li L. (2011) Performing Bribery in China: Guanxi-practice, Corruption with Human Face. *Journal of Contemporary China*. Vol. 20. Is. 68. P. 1–20. DOI: [10.1080/10670564.2011.520841](https://doi.org/10.1080/10670564.2011.520841)

Luo Y. (1997) Guanxi and Performance of Foreign-Invested Enterprise in China. An Empirical Enquiry. *Management International Review*. Vol. 37. Is. 1. P. 51–70.

Luo Y. (2002) Corruption and Organization in Asian Management System. *Asia Pacific Journal of Management*. Vol. 19. P. 405–422. DOI: [10.1023/A:1016252021370](https://doi.org/10.1023/A:1016252021370)

Persson A., Rothstein D., Teorello J. (2013) Why Anticorruption Reforms Fail: Systemic Corruption as a Collective Action Problem. *Governance*. Vol. 26. Is. 3. P. 449–471. DOI: [10.1111/j.1468-0491.2012.01604.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-0491.2012.01604.x)

Treisman D. (2000) The Cause of Corruption: A Cross-National Study. *Journal of Public Economics*. Vol. 76. Is. 3. P. 399–457.

Tsang E. (1998) Can Guanxi be a Source of Sustained Competitive advantage for Business in China? *Academy of Management Executive*. Vol. 12. Is. 2. P. 64–73.

Weyland K. (1998) The Politics of Corruption in Latin America. *Journal of Democracy*. Vol. 9. Is. 2. P. 108–121.

- Yang M. (1989) The Gift Economy and State Power in China. *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 31. Is. 1. P. 25–54.
- Yang M. (1994) *Gifts, Favors, and Banquets: The Art of Social Relations in China*. Ithaca: Cornell University Press.
- Yu O. (2008) Corruption in China's Economic Reform: A Review of Recent Observations and Explanations. *Crime, Law and Social Change*. Vol. 50. P. 161–176. DOI: [10.1007/s10611-008-9133-5](https://doi.org/10.1007/s10611-008-9133-5)
- Zhan J. (2012) Filling the Gap of Formal Institutions: The Effects of Guanxi Network on Corruption in Reform-Era China. *Crime, Law and Social Change*. Vol. 58. Is. 2. P. 93–102. DOI: [10.1007/s10611-012-9379-9](https://doi.org/10.1007/s10611-012-9379-9)
- 边燕杰 (2019) 中国城市中的关系资本与饮食社交: 理论模型与经验分析. 开放时代. 3. 94–99 (Bian Y. (2019) Gifts, Favors and Banquets: The Art of Social Relationships in China. *Open Times*. No. 3. P. 94–99).
- 王绍光, 刘欣 (2021) 信任的基础: 一种理性的解释. 社会学研究. 3. 24–27 (Wang Sh., Li X. (2021) The Basis of Trust: A Rational Explanation. *Sociological Study*. No. 3. P. 24–27).
- 克里斯·格雷戈里 (2019) 礼物与商品. 云南大学出版社. (Gregory C. (2019) *Gifts and Commodities*. Yunnan: Yunnan University Press).
- 塔尔科特·帕森斯 (2022) 社会行动的结构. 张明德、夏遇南、彭刚译. 译林出版社. (Parsons T. (2022) *The Structure of Social Action*. Nanjing: Yilin Press).
- 彭泗清 (2019) 信任的建立机制: 关系运作与法制手段. 社会学研究. 2. 55–56 (Peng S. (2019) The Establishment Mechanism of Trust: Relationship Operation and Legal Means. *Sociological Study*. No. 2. P. 55–56).
- 艾伦·斯玛特 (2007) 礼物、贿赂与关系: 布迪厄的社会资本再思考. 24 (4). Available: <https://www.docin.com/p-1581096689.html> (Smart A. (2007) Gifts, Bribes, and Guanxi: A Reconsideration of Bourdieu's Social Capital. *China Agricultural University Journal of Social Sciences Edition*. Vol. 24. No. 4).
- 孙立平 (2017) “关系”、社会关系与社会结构. 社会学研究. 5. 20–30 (Sun L. (2017) Relationships, Social Relations and Social Structure. *Sociological Study*. No. 5. P. 20–30).
- 费孝通 (2022) 乡土中国. 天津人民出版社. (Fei X. (2022) *From the Soil — the Foundations of Chinese Society*. Tianjin: Tianjin People's Publishing House).
- 金耀基 (2017) 中国社会与文化. 牛津大学出版社(香港). (Jin Y. (2017) *China Society and Politics*. Hong Kong: Oxford University Press).
- 杨美惠 (2022) 礼物、关系学与国家: 中国人际关系与主体性构建. 赵旭东、孙珉译. 江苏人民出版社. (Yang M. (2022) *Gifts, Favors, and Banquets: The Art of Social Relationships in China*. Suzhou: Jiangsu People's Publishing House).
- 阎云翔 (2021) 礼物的流动——一个中国村庄中的互惠原则与社会网络. 刘放春、刘瑜译. 上海人民出版社. (Yan Y. (2021) *The Flow of Gifts Reciprocity and Social Network in A Chinese Village*. Shanghai: Shanghai People's Publishing House).

Дата поступления/Received: 07.03.2023

Стратегия цифровой экономики
Digital economy strategies

DOI: 10.24412/2070-1381-2023-98-191-206

Методические аспекты оценки цифровых проектов для ранжирования и отбора
в целях включения в стратегические документы цифровой трансформации
субъектов Российской Федерации¹

Лобкова Елена Валерьевна

Кандидат экономических наук, доцент, Институт экономики, государственного управления и финансов, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация.

E-mail: elena_valerin@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: [7877-1340](#)

ORCID ID: [0000-0003-2804-3427](#)

Аннотация

Повышение эффективности реализации стратегических документов социально-экономического развития субъектов Российской Федерации в значительной степени зависит от успешности проектов, внедряемых на территории региона. Цифровая трансформация — сложный процесс, в который вовлечены все субъекты экономики, социальной сферы и органы государственной власти как сила, стимулирующая этот процесс на благо всего общества, в том числе в целях оптимизации государственных расходов, повышения эффективности государственного управления и оказания государственных услуг. Проекты цифровой трансформации требуют особого подхода к их разработке по причине многоаспектности охватываемых процессов. Целью исследования выступает методическое сопровождение процесса оценивания, ранжирования и отбора цифровых проектов, разрабатываемых для реализации трансформационного перехода экономики, социальной сферы и государственного управления на цифровую основу. В статье предложены критерии, показатели и система оценки проектов с точки зрения их трансформационного эффекта, социально-экономических выгод и готовности (степени проработки) идеи, концепции и проектной документации. Результатом применения разработанной методики является рейтинг цифровых проектов, предлагаемых для включения в стратегические документы субъектов РФ в области цифровой трансформации, на основании которого возможно и необходимо принимать решение относительно целесообразности их дальнейшего рассмотрения и внедрения.

Ключевые слова

Стратегия цифровой трансформации, цифровой проект, трансформационный эффект, критерий оценки, ранжирование проектов, методика оценивания, сравнительное преимущество, государственное управление, информационная система.

Methodological Aspects of Evaluating Digital Projects for Their Ranking and Selection for
Inclusion in Strategic Documents of the Digital Transformation of the Subjects of
the Russian Federation²

Elena V. Lobkova

PhD, Associate Professor, Institute of Economics, Public Administration and Finance, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation.

E-mail: elena_valerin@yandex.ru

ORCID ID: [0000-0003-2804-3427](#)

Abstract

Increasing the effectiveness of implementation of the strategic documents of the socio-economic development of the Russian Federation constituent entities depends to a large extent on the success of the projects implemented in the region. Digital transformation is a complex process that involves all actors in the economy, the social sphere and public authorities as a force for stimulating this process for the benefit of the whole society in order to optimize public expenditures, improve public administration and public service delivery. Digital transformation projects require a special approach to their development due to the multidimensional nature of the processes involved. The aim of the study is the methodical support of the process of evaluation, ranking and selection of digital projects developed for the implementation of the transformational transition of the economy, social sphere and state administration on the digital basis. The article offers criteria, indicators and system for evaluating projects in terms of their transformational effect, socio-economic benefits and readiness (degree of development) of ideas, concepts and project

¹ Исследование выполнено в рамках реализации проекта № 2022030908431 «Разработка методики оценки эффективности реализации стратегических направлений цифровой трансформации ключевых отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления субъектов Российской Федерации (на примере Красноярского края)», поддержанного Красноярским краевым фондом поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках регионального конкурса «Конкурс проектов прикладных научных исследований и инновационных разработок в интересах развития Красноярского края» по приоритетным темам, представленным органами государственной власти и местного самоуправления Красноярского края.

² The study was carried out as part of the implementation of the project No. 2022030908431 «Development of methods for assessing effectiveness of realisation of strategic directions of digital transformation in key sectors of economy, social sphere and state administration of subjects of the Russian Federation (on example of the Krasnoyarsk region)» supported by the Krasnoyarsk Regional Fund for Support of Scientific and Scientific and Technical Activities in the Regional Competition «Projects of Applied Scientific Research and Innovative Development for the Development of the Krasnoyarsk Region» on priority topics, represented by the bodies of state power and local self-government of the Krasnoyarsk Region.

documentation. The result of the developed methodology is a rating of digital projects proposed for inclusion in the strategic documents of the constituent entities of the Russian Federation in the field of digital transformation, on the basis of which it is possible and necessary to decide whether to further review and implement them.

Keywords

Digital transformation strategy, digital project, transformational impact, evaluation criterion, project ranking, evaluation methodology, comparative advantage, public administration, information system.

Введение

Стратегическое управление процессами в ключевых отраслях экономики и социальной сферы, способствующее созданию условий для их инновационного развития, ориентировано на достижение долгосрочных социально-экономических эффектов: улучшение делового и инвестиционного климата; модернизацию экономики на инновационной основе и повышение ее глобальной конкурентоспособности; повышение качества и эффективности государственного управления; понижение энергоемкости экономики и повышение ее энергоэффективности; повышение уровня жизни граждан; повышение доступности для населения и качества услуг в сфере здравоохранения, образования; повышение качества предоставления жилищно-коммунальных услуг; сокращение времени оказания государственных услуг и др. Многие процессы в государственном управлении переведены в цифровую плоскость. Создание системы стратегического управления экономическим развитием региона и системы среднесрочного экономического планирования с помощью цифровых платформ и технологий является актуальной целью всех субъектов Российской Федерации и одним из аспектов процесса цифровой трансформации [Этри и др. 2020; Зеленцова, Галюта 2021].

Во всех субъектах РФ (кроме вошедших в состав Федерации в 2022 г.) с сентября 2021 г. реализуются стратегии в области цифровой трансформации экономики, социальной сферы и государственного управления. Стратегии включают федеральные проекты (рекомендованные к реализации федеральными органами власти) и региональные цифровые проекты, направленные на достижение национальных стратегических целей (по Указу Президента РФ от 21.07.2020 № 474) и способствующие созданию, развитию, модернизации и внедрению информационных систем (ИС), платформ и сервисов, инфраструктурного оборудования для целей цифровой трансформации, технологий искусственного интеллекта, «сквозных» цифровых технологий и т.д. Субъектами накоплен достойный внимания опыт практик внедрения и реализации успешных решений в области цифровой трансформации государственного управления, а также производственной сферы [Москвитина 2021].

Управление стратегическими проектами в области цифровой трансформации

Включаемые в тексты региональных стратегий проекты подлежат оценке с точки зрения полноты разработки их концепций и планов внедрения, готовности к реализации, корректности составляющих, правовых основ реализации, технологических особенностей, возможности интеграции создаваемых в их рамках продуктов (решений) с существующими системами и решениями, а также с точки зрения их трансформационного эффекта.

Наиболее важным аспектом оценки является социально-экономическая эффективность проекта — влияние результатов внедрения проекта на: рост уровня и качества жизни населения (с указанием составляющих качества: доходы населения, условия проживания, экологическая среда, показатели здоровья, образования, индикаторы охраны и защиты прав и свобод граждан и т.д.); снижение транзакционных издержек при оказании государственных и муниципальных услуг (сокращение числа промежуточных процессов, количества участников в рамках оказания услуги, исполнения функции, сокращение времени оказания услуги); снижение бюджетных расходов

в будущих периодах (после внедрения и перехода на использование новых трансформационных продуктов, суперсервисов и т.д.); снижение административного давления на экономические субъекты [Дорошенко и др. 2022; Сидоренко и др. 2019]. По результатам оценивания уполномоченным органом могут быть приняты следующие решения: социально-экономические эффекты не поддаются оценке или не выявлены; социально-экономические эффекты оценены (по показателям проекта), но признаны минимальными или несущественными; социально-экономические эффекты оценены на среднем уровне (сопоставимы с уровнем затрат на их достижение — на реализацию проекта); социально-экономические эффекты оценены на высоком уровне (превышают затраты на их достижение).

Оценка цифровых проектов с точки зрения правовых оснований их реализации может осуществляться по критерию наличия или отсутствия правового акта, устанавливающего необходимость создания (развития) информационной системы (продукта, решения) в рамках проекта: соответствующий правовой акт нормативного свойства может отсутствовать; может присутствовать на уровне субъекта РФ; может существовать на федеральном уровне (в виде закона РФ, иного нормативно-правового акта РФ) [Ефремов 2020].

Оценка технологических особенностей создаваемой (или планируемой к созданию) информационной системы (иного продукта, решения) в рамках проекта может осуществляться по критерию численности пользователей или групп бенефициаров проекта создаваемой или развиваемой системы, продукта, решения.

Интеграция создаваемой или планируемой к созданию ИС (или иного продукта, решения) в рамках проекта с иными информационными системами и решениями оценивается по возможным вариантам:

- интеграция с существующими продуктами в рамках проекта не предусмотрена;
- проект нацелен на создание возможности обмена данными (экспорт и импорт) с существующими решениями в данной области;
- проект создает возможность многостороннего взаимодействия с существующими и внедренными системами (продуктами), повышая их эффективность и обеспечивая связь между несколькими группами пользователей (бенефициарами).

Приоритетным критерием является трансформационный эффект, получаемый в результате реализации проекта:

- проект ориентирован на автоматизацию процесса (на разработку и внедрение информационной системы, базы данных или иного решения, продукта, пользователем которого является только субъект, реализующий проект);
- проект ориентирован на цифровизацию процесса, на интеграцию процесса взаимодействия субъекта проекта и пользователей (клиентов) в информационную систему (онлайн-взаимодействие, запрос и получение информации, ее предоставление через сервисы, платформы);
- проект ориентирован на цифровую трансформацию первого типа (ИС и система онлайн-взаимодействия объединены на единой платформе (суперсервисе), в систему включены третьи лица: иные участники процесса, заинтересованные лица);
- проект ориентирован на цифровую трансформацию второго типа (изменение роли участников взаимодействия, связанное с возникновением широкого круга участников, появлением заказчиков и исполнителей);
- проект ориентирован на цифровую трансформацию третьего типа (внедрение в систему взаимодействия оператора процесса, усложнение процессов, протекающих в рамках системы взаимодействия участников).

Кроме того, проекты подлежат оценке с позиции их влияния на кардинальные изменения принципов осуществления видов деятельности в государственном управлении, экономике или социальной сфере: оптимизация процессов, перестроение логики системы отношений субъектов, универсализация процессов, повышение их эффективности и т.д. [Бауэр и др. 2019; Стратегия цифровой трансформации 2021].

У стран и их органов управления, субъектов бизнеса накоплен определенный опыт управления проектами, который перманентно пополняется новыми практиками и примерами [Брюханова и др. 2021; Добролюбова 2018].

Например, в Польше органы государственной власти совместно с внутренними административными единицами (воеводствами) и по их инициативе реализуют технологию стандартизации методов управления проектами и программами в государственном управлении независимо от стратегии правительства. Для управления государственной стратегией специально разработана и внедрена модель унифицированного процесса управления проектами и программами, выполняемыми в рамках стратегии и поддерживаемыми специализированной ИТ-системой. Суть модели заключается в замене форсирования изменений сверху вниз унификацией методологий управления проектами, используемыми органами государственного управления, стимулированием упрощения процесса управления на основании ИТ-системы [Янка, Косирадская 2019].

Совершенствование процесса принятия решений и разработки государственной политики в Португалии реализуется на базе Центра компетенций по планированию, политике и прогнозированию в сфере государственного управления (PlanAPP), созданного при Президиуме Совета министров Португалии. Центр имеет широкие институциональные и административные возможности для мониторинга и анализа планирования и реализации государственной политики, разработки инструментов вмешательства и корректировки на каждом этапе, вплоть до пересмотра направлений политики. Создана сеть для обмена знаниями и межсекторального сотрудничества в области стратегического планирования, состоящая из руководителей отраслевой составляющей государственного планирования, что позволяет синхронизировать отраслевое стратегическое планирование с национальными планами. Центр располагает основанной на фактических данных информацией для разработки и переформулирования стратегий, способствует более эффективному принятию решений путем внедрения перспективных подходов, укрепляет способность государственного управления предвидеть возникающие и гипотетически возможные изменения и адаптироваться к ним [Tkach et al. 2020]³.

Цифровую трансформацию компаний как процесс глубинного изменения принципов ведения бизнеса и создания новых бизнес-моделей исследуют авторы работы [Титов, Титова 2022], формулируя характеристики управления цифровой трансформацией компании и систематизируя методы и инструменты проектного управления этим процессом.

Программных продуктов в области реализации процедуры управления проектами накоплено большое количество, которое продолжает расти, и сами решения развиваются. К наиболее распространенным решениям в пространстве управления проектами относят методы построения сбалансированной системы показателей, дорожной карты, критического пути, инструменты Scrum, AgileUP, Crystal, Feature Driven Development, Kanban, Scrumban, Waterfall и др.

³ См. также Dal Borgo R., Monteiro B. The Triple Challenge of Embedding Strategic Foresight in Government // Observatory of Public Sector Innovation [Электронный ресурс]. URL: <https://oecd-opsi.org/blog/triple-challenge-of-strategic-foresight/> (дата обращения: 20.04.2023).

Отечественным примером ИТ-системы управления проектами в государственном управлении является «[ПМ Форсайт. Госуправление](#)» (информационная система управления проектами) от ООО «Проектная ПРАКТИКА». Опыт внедрения системы наработан у нескольких субъектов РФ (Приморский край, Омская область, Ульяновская область, г. Москва, Республика Коми, Республика Саха (Якутия), Томская область, Сахалинская область и др.). Гибридным продуктом для управления проектами в условиях высокой неопределенности, как позиционируют его разработчики, является «[Парацельс ПМ](#)» от PMLogix.

По мнению аналитиков профессиональной ассоциации в области управления проектами [Project Management Institute](#) (PMI), государственные проекты более сложны по сравнению с частными по причине более широкого круга заинтересованных сторон, каждая из которых предъявляет требования и ограничения; более «открыты» по причине высокой подверженности влиянию внешних событий; более нестабильны по причине политических ограничений, частых изменений в политике и установлении коротких временных горизонтов; менее ориентированы на поиск оптимального решения и повышения эффективности по причине отсутствия конкурентного давления (доминирующее положение в соответствующей сфере); имеют более формальные процедуры принятия решений, менее гибки и менее склонны к риску⁴.

Подходы, применяемые в управлении государственными проектами, специфичны и ориентированы на достижение приоритетных целей, задаваемых органами власти (национальных целей). Многие стандартные подходы и модели, успешно применяемые для бизнес-проектов, в госуправлении могут использоваться с существенными ограничениями, что способствует формированию необходимости разработки специальных методик управления государственными проектами. Такие подходы и методы требуют совместной работы целой совокупности органов власти, процедур внутреннего согласования и утверждения в виде нормативного правового акта [Бауэр и др. 2019; Зеленцова, Галюта 2021].

Разработанная автором настоящей статьи методика оценки проектов, предлагаемых к включению в Стратегию в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Красноярского края (далее — методика), содействует достижению целей повышения качества стратегического планирования и эффективности процесса проектного управления, а также служит основой методического обеспечения организации, проведения оценки и сравнительного анализа проектов цифровой трансформации Красноярского края. Подход к оценке разработан при активном участии, содействии и в интересах органов исполнительной власти Красноярского края.

Материалы и методы

Методика применяется при ранжировании и отборе проектов цифровой трансформации, предлагаемых разработчиками проектов (далее — заявителями) к включению в Стратегию в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Красноярского края (далее — стратегия). Устанавливаются критерии оценки (предлагается три критерия), порядок расчета показателей (индикаторов оценки внутри критерия) и система оценивания (шкалы оценки, дифференцированные по показателям) проектов по критериям, используемым в целях определения сравнительных преимуществ проектов. Разработчиками проектов цифровой трансформации являются исполнительные органы власти (ОИВ) Красноярского края.

⁴ Project management in the Public Administration // TWproject [Электронный ресурс]. URL: <https://twproject.com/blog/project-management-public-administration/> (дата обращения: 20.04.2023).

Под сравнительным преимуществом проекта понимается совокупность характеристик проекта, дифференцированных по критериям оценки. Количественной мерой сравнительного преимущества проекта является коэффициент сравнения преимуществ реализации заявленного проекта цифровой трансформации, выраженный в процентах и вычисленный как отношение присвоенных проекту баллов по соответствующему критерию к максимальной (общей) сумме баллов по нему. Показатель оценки — индикатор, характеристика проекта, планируемого к реализации, детализирующая оценку заявок по соответствующему критерию. В методике установлена зависимость между значением показателя (количественным или качественным) и значением количества присваиваемых баллов. Одному значению показателя оценки соответствует одно значение количества баллов. Шкала оценки — значения количества баллов, присваиваемых определенным значениям показателя оценки на основании установленных соответствий балльных оценок количественным или качественным характеристикам проекта по показателю.

При рассмотрении заявки на включение проекта в стратегию предлагается проведение оценки сравнительных преимуществ проекта на основании следующих критериев:

- 1) трансформационный эффект проекта («цифровой проект»);
- 2) влияние проекта на процесс оказания государственных услуг исполнительными органами власти, осуществление контрольной (надзорной) деятельности;
- 3) степень проработки и готовности проекта.

Оценка проектов по критерию «трансформационный эффект реализации проекта (“цифровой проект”)»

Количественная оценка по данному критерию характеризует масштабность, широту и уникальность предлагаемого проектом решения (продукта, создаваемого или развиваемого в рамках проекта), а также характер влияния заявленного проекта на процессы взаимодействия участников отношений, использование «сквозных» цифровых технологий и трансформационный эффект от реализации проекта. Для оценки заявок по критерию «трансформационный эффект реализации проекта (“цифровой проект”)» применяется совокупность обязательных показателей, а также дополнительные показатели для проектов, в рамках которых предусмотрено создание (развитие) информационной системы. Определение необходимости применения дополнительных критериев производится уполномоченным органом, ответственным за оценку по данному критерию, и в зависимости от характеристик представленного в заявке проекта.

Для проектов, подлежащих оценке по перечню обязательных показателей, предлагаются к применению следующие показатели:

- 1) ориентация проекта на удовлетворение потребностей групп участников (бенефициаров);
- 2) масштабность использования продукта, создаваемого (развиваемого) в рамках проекта, органами власти (количество ОИВ, использующих продукт, создаваемый или развиваемый в рамках проекта);
- 3) наличие аналогичных проектов в субъектах РФ;
- 4) корректность, детализация и полнота описания процесса(-ов), на совершенствование которого(-ых) направлен проект;
- 5) характер изменения процессов взаимодействия бенефициаров проекта в результате его реализации.

Для проектов, в рамках которых предусмотрено создание (развитие) ИС, оценка производится по перечню указанных обязательных показателей, а также применяется перечень дополнительных показателей оценки:

- 1) наличие механизма взаимодействия со СМЭВ4 посредством витрин данных;
- 2) обоснованность создания новой ИС в рамках проекта;
- 3) использование «сквозных» цифровых технологий в проекте.

Для оценки сравнительного преимущества проектов по данному критерию применяются следующие показатели и соответствующая им шкала оценки (Таблица 1).

Таблица 1. Показатели и шкалы оценки цифровых проектов по критерию «трансформационный эффект реализации проекта (“цифровой проект”)»⁵

Показатель оценки по критерию	Шкала оценки
Обязательные показатели оценки проектов по критерию	
Ориентация проекта на удовлетворение потребностей групп участников (бенефициаров)	1 балл — проект направлен на удовлетворение потребностей одной группы участников (бенефициаров) (органов власти); 3 балла — проект направлен на удовлетворение потребностей двух групп участников (бенефициаров) (органов власти и населения, органов власти и субъектов бизнеса); 5 баллов — проект направлен на удовлетворение потребностей трех групп участников (бенефициаров) (органов власти, населения и субъектов бизнеса).
Масштабность использования продукта, создаваемого (развиваемого) в рамках проекта, органами власти (количество ОИВ, использующих продукт, создаваемый или развиваемый в рамках проекта)	1 балл — проект ориентирован на использование продукта одним ведомством (ОИВ); 2 балла — проект ориентирован на использование продукта двумя ведомствами (ОИВ); 3 балла — проект ориентирован на использование продукта тремя ведомствами (ОИВ); 5 баллов — ориентация проекта на использование продукта более чем тремя ведомствами (ОИВ).
Наличие аналогичных проектов в субъектах РФ ⁶	1 балл — практика реализации проекта не уникальна, аналогичные проекты реализуются в других субъектах РФ; 3 балла — практика внедрения аналогичных решений есть только в пилотных субъектах РФ; 5 баллов — уникальный проект (нет аналогов в других субъектах РФ).
Корректность, детализация и полнота описания процесса(-ов), на совершенствование которого(-ых) направлен проект	1 балл — основные процессы определены не в полном объеме; участники и владельцы процессов определены недостаточно полно и (или) некорректно; основные качественные и количественные характеристики процесса(-ов) определены некорректно; 2 балла — имеются замечания по двум из трех позиций описания процесса(-ов): полнота и детализация описания процесса(-ов); полнота и корректность определения участников и владельцев процесса(-ов); корректность определения качественных и количественных характеристик процесса(-ов); 3 балла — имеются замечания по одной из трех позиций описания процесса(-ов): полнота и детализация описания процесса(-ов); полнота и корректность определения участников и владельцев процесса(-ов); корректность определения качественных и количественных характеристик процесса(-ов); 5 баллов — основные процессы определены в полном объеме и подробно; участники и владельцы процессов определены в полном объеме и корректно; качественные и количественные характеристики процесса(-ов) определены корректно.

⁵ Разработано автором.

⁶ При оформлении заявки от функционального заказчика требуется проведение анализа опыта разработки и внедрения аналогичных проектов в субъектах РФ и заполнение соответствующего раздела.

Характер изменения процессов взаимодействия бенефициаров проекта в результате его реализации	0 баллов — изменение процессов взаимодействия бенефициаров проекта в результате его реализации не предусмотрено; 2 балла — проектом предусмотрена автоматизация процессов взаимодействия бенефициаров проекта без создания новых и (или) оптимизации текущих процессов; 3 балла — проектом предусмотрена оптимизация текущих автоматизированных процессов взаимодействия бенефициаров проекта; 5 баллов — в рамках проекта создаются новые цифровые процессы, оптимизируются существующие автоматизированные процессы взаимодействия бенефициаров проекта.
Дополнительные показатели оценки по критерию для проектов, направленных на создание (развитие, модернизацию) ИС	
Наличие механизма взаимодействия со СМЭВ4 посредством витрин данных	0 баллов — механизм взаимодействия проектом не предусмотрен; 5 баллов — механизм взаимодействия проектом предусмотрен.
Обоснованность создания новой информационной системы в рамках проекта	0 баллов — проектом предусмотрено создание новой ИС в случае наличия разработанной и потенциально адаптируемой к новым потребностям информационной системы; 5 баллов — в рамках проекта предусмотрено создание новой ИС в случае отсутствия разработанной или потенциально адаптируемой к новым потребностям информационной системы (требуется экспертное заключение уполномоченного органа — министерства цифрового развития Красноярского края — об отсутствии возможности адаптации имеющейся ИС к новым потребностям и задачам) или в рамках проекта предусмотрено развитие и модернизация (адаптация) существующей ИС.
Использование «сквозных» цифровых технологий в проекте	0 баллов — использование «сквозных» цифровых технологий в проекте не предусмотрено; 2 балла — в проекте предусмотрено использование одной «сквозной» цифровой технологии; 3 балла — в проекте предусмотрено использование двух «сквозных» цифровых технологий; 5 баллов — в проекте предусмотрено использование трех и более «сквозных» цифровых технологий.

Общая максимальная сумма баллов по критерию «трансформационный эффект реализации проекта (“цифровой проект”)» для проектов, оцениваемых по перечню обязательных показателей, составляет 25 баллов; для проектов, оцениваемых по перечню обязательных и дополнительных показателей, — 40 баллов.

Оценка проектов по критерию «влияние проекта на процесс оказания государственных услуг исполнительными органами власти, осуществление контрольной (надзорной) деятельности»

Количественная оценка по данному критерию характеризует влияние проекта на благополучие граждан через параметры качества и доступности государственных услуг, эффективности осуществления контрольной (надзорной) деятельности и лицензионной (разрешительной) деятельности. Для оценки заявок по данному критерию применяются показатели, дифференцированные в зависимости от категории проекта и его характеристик, представленных в заявке. В соответствии с настоящей методикой и в рамках данного критерия предлагаются следующие категории проектов:

- проекты, влияющие на процесс оказания государственных услуг;
- проекты, влияющие на осуществление контрольной (надзорной) деятельности;
- проекты, влияющие на осуществление лицензионной (разрешительной) деятельности.

Проекты, направленность которых по заявленным характеристикам не соответствует ни одной из указанных категорий, оценке по данному критерию не подлежат.

Для оценки сравнительного преимущества проектов по данному критерию применяются следующие показатели и соответствующая им шкала оценки (Таблица 2).

Таблица 2. Показатели и шкалы оценки цифровых проектов по критерию «влияние проекта на процесс оказания государственных услуг исполнительными органами власти, осуществление контрольной (надзорной) деятельности»⁷

Показатель оценки по критерию	Шкала оценки
Показатели оценки проектов, влияющих на процесс оказания государственных услуг	
Сокращение срока предоставления государственной услуги органом исполнительной власти (услуги учреждения)	0 баллов — проектом сокращение срока не предусмотрено, или оно составляет менее 10%; 1 балл — сокращение срока на 10–29%; 2 балла — сокращение срока на 30–49%; 3 балла — сокращение срока на 50–99%; 5 баллов — предоставление услуги в режиме реального времени.
Реализация проактивного (упреждающего) режима предоставления услуги	0 баллов — отсутствует (проактивный режим предоставления услуги может быть реализован в перспективе, но пока не предусмотрен); 3 балла — реализация проактивного (упреждающего) режима предоставления услуги предусмотрена в отношении отдельных категорий заявителей (подуслуг); 5 баллов — реализация проактивного (упреждающего) режима предоставления услуги предусмотрена в отношении всех категорий заявителей (подуслуг).
Исключение необходимости очного посещения заявителем ОИВ/МФЦ (учреждения) ⁸	0 баллов — очное обращение заявителя/получателя (услуги) в ОИВ/МФЦ (учреждение) требуется; 2 балла — очное обращение заявителя/получателя (услуги) в ОИВ/МФЦ (учреждение) не требуется при обращении за услугой; 3 балла — очное обращение заявителя/получателя (услуги) в ОИВ/МФЦ (учреждение) не требуется при получении результата; 5 баллов — очное обращение заявителя/получателя (услуги) в ОИВ/МФЦ (учреждение) не требуется при обращении и получении результата.
Сокращение количества документов, подлежащих обязательному личному предоставлению заявителем	0 баллов — сокращение количества документов не предусмотрено проектом; 1 балл — проектом предусмотрено сокращение количества документов на 10–30%; 2 балла — проектом предусмотрено сокращение количества документов на 30–50%; 3 балла — проектом предусмотрено сокращение количества документов на 50–99%; 5 баллов — реализация проекта подразумевает упразднение необходимости личного предоставления документов заявителем.
Автоматизация процессов предоставления услуги, исключая участие заявителя (роботизация)	0 баллов — автоматизация проектом не предусмотрена; 1 балл — проектом предусмотрена автоматизация регистрации обращения; 3 балла — проектом предусмотрена автоматизация регистрации и рассмотрения обращения; 5 баллов — проектом предусмотрена автоматизация регистрации, рассмотрения обращения, подготовки и направления результата.

⁷ Разработано автором.

⁸ При оценке проектов по данному показателю необходимо учитывать текущее состояние (далее — ТС) услуги; так, например, если в ТС услуги уже реализована возможность обращения за ее получением без необходимости очного посещения ОИВ, а проектом предлагается реализовать возможность получения результата без необходимости очного посещения, в таком случае по критерию выставляется значение 3 балла (при получении результата), а не 5 баллов (при обращении и получении результата), так как в ТС возможность обращения без очного взаимодействия уже реализована, а проект на такую возможность фактически не влияет.

Реализация реестровой модели учета результатов предоставления услуг (создание/доработка информационной системы реестра результатов услуг)	0 баллов — реализация реестровой модели учета результатов услуг проектом не предусмотрена; 2 балла — проектом предусмотрено получение результата в форме электронного документа; 3 балла — проектом предусмотрено получение результата в форме электронного документа, который доступен в системе межведомственного электронного взаимодействия; 5 баллов — проектом предусмотрено получение результата в форме электронного документа, который доступен в системе межведомственного электронного взаимодействия и востребован при предоставлении иных услуг.
Показатели оценки проектов, влияющих на осуществление контрольной (надзорной) деятельности	
Реализация возможности проведения контрольных (надзорных) мероприятий (инспекционных визитов, выездных проверок), профилактических визитов в дистанционном формате	3 балла — проектом предусмотрено проведение профилактических визитов в дистанционном формате; 7 баллов — проектом предусмотрено проведение отдельных контрольных (надзорных) мероприятий и профилактических визитов в дистанционном формате; 10 баллов — проектом предусмотрено проведение контрольных (надзорных) мероприятий и профилактических визитов в дистанционном формате в полном объеме.

Для проектов, влияющих на осуществление лицензионной (разрешительной) деятельности, предусматривающей и предоставление услуги при выдаче лицензии (разрешения), и осуществление контроля (надзора) за соблюдением лицензионных требований), применяется полная совокупность показателей, указанных выше по двум категориям проектов, и согласно шкалам, указанным для них.

Общая максимальная сумма баллов по критерию «влияние проекта на процесс оказания государственных услуг исполнительными органами власти, осуществление контрольной (надзорной) деятельности» для проектов, влияющих на процесс оказания государственных услуг, составляет 30 баллов; для проектов, влияющих на осуществление контрольной (надзорной) деятельности, — 10 баллов; для проектов, влияющих на осуществление лицензионной (разрешительной) деятельности, — 40 баллов.

Оценка проектов по критерию «степень проработки и готовности проекта»

Количественная оценка по данному критерию характеризует качество поданной документации: полноту, соответствие и корректность заполнения разделов проекта паспорта. Для оценки заявок по критерию «степень проработки и готовности проекта» предлагаются следующие показатели:

- 1) корректность цели и задач проекта;
- 2) корректность определения бенефициаров проекта;
- 3) корректность отобранных показателей достижения цели и решения задач (корректность показателей проекта по паспорту);
- 4) корректность отобранных результатов проекта;
- 5) степень проработанности плана реализации проекта.

Для оценки сравнительного преимущества проектов по данному критерию применяются следующие показатели и соответствующая им шкала оценки (Таблица 3).

Таблица 3. Показатели и шкалы оценки цифровых проектов по критерию «степень проработки и готовности проекта»⁹

Показатель оценки по критерию	Шкала оценки
Корректность цели и задач проекта	0 баллов — имеется неполное соответствие/несоответствие цели и задач названию и сути проекта; 1 балл — цель сформулирована корректно и соответствует сути проекта, задачи сформулированы не в полном объеме, требуют детализации, уточнения; 2 балла — точное и полное соответствие цели и задач друг другу и сути проекта; 3 балла — точное и полное соответствие цели и задач друг другу и сути проекта, соответствуют социально-экономическому направлению развития Красноярского края и (или) стратегическим направлениям, утвержденным на федеральном уровне (Президентом РФ, Правительством РФ).
Корректность определения бенефициаров проекта	0 баллов — бенефициары проекта выбраны некорректно и их перечень неполный; 1 балл — бенефициары проекта выбраны корректно, но их перечень неполный; 2 балла — перечень выбранных бенефициаров проекта является полным (указаны все необходимые позиции), но содержит некорректные позиции (содержит «лишние» позиции, которые должны быть исключены из перечня); 3 балла — бенефициары проекта выбраны корректно и их перечень полный.
Корректность отобранных показателей достижения цели и решения задач (корректность показателей проекта по паспорту)	0 баллов — по показателям невозможно/трудно оценить достижимость цели и качество решения задач проекта; 1 балл — показатели в целом соответствуют сформулированной цели проекта и поставленным задачам, но отобраны некорректно с точки зрения выбранных единиц измерения, возможности оценки по выбранным показателям уровня достижения цели и решения задач, соответствия выбранных показателей официальной статистической информации и методикам расчета, принятым международными организациями; 2 балла — показатели в полной мере соответствуют сформулированной цели проекта и поставленным задачам, отобраны корректно, но не влияют на показатели «цифровой зрелости»; 3 балла — показатели в полной мере соответствуют сформулированной цели проекта и поставленным задачам, отобраны корректно и влияют на показатели «цифровой зрелости».
Корректность отобранных результатов проекта	0 баллов — результаты сформулированы некорректно (не имеют четкой количественной/качественной оценки или по формулировке дублируют показатели проекта); 1 балл — результаты сформулированы корректно, направлены на достижение задач и показателей проекта, но их перечень неполный; 3 балла — результаты сформулированы корректно, имеют четкую количественную/качественную оценку и в полном объеме характеризуют процесс достижения задач и показателей проекта.
Степень проработанности плана реализации проекта	0 баллов — «нулевая» стадия реализации проекта: имеется идея и концепция проекта, базовые значения показателей проекта находятся на «нулевом» уровне, план реализации разработан концептуально, не детально; 1 балл — план реализации проекта включает агрегированные этапы без подробной их детализации; 3 балла — план реализации проекта строго соответствует плану достижения показателей проекта (сформулирован через индикаторы достижения показателей и решения задач) с указанием сроков мероприятий, контрольных точек и способов оценки их прохождения (документы, участники, результаты). Рекомендуемое количество контрольных точек составляет не менее 6 в год на один результат, равномерно распределенных в течение года.

Общая максимальная сумма баллов по критерию «степень проработки и готовности проекта» составляет 15 баллов.

⁹ Разработано автором.

Оценка сравнительного преимущества проекта

Оценка сравнительного преимущества проекта осуществляется на основании присвоенных баллов по показателям и критериям оценки в соответствии со шкалами оценки отдельно по каждому критерию.

Оценка сравнительного преимущества проекта (h) по критерию (i) оценки (производится в процентах по формуле (1):

$$P_i^h = \frac{\sum_{j=1}^n B_{ij}^h}{\sum_{j=1}^n B_{ij}^{\max}} \cdot 100 \% = \frac{B_i^h}{B_i^{\max}} \cdot 100 \% , \quad (1)$$

где $\sum_{j=1}^n B_{ij}^h$ — сумма присвоенных проекту (h) баллов по всем показателям (j) оценки в рамках критерия (i) оценки (присвоение баллов осуществляется на основании шкал оценки показателей, приведенных в таблицах 1–3); $\sum_{j=1}^n B_{ij}^{\max}$ — сумма максимального количества баллов по всем показателям (j) оценки в рамках критерия (i) (максимальное количество баллов по каждому показателю оценки установлено в рамках каждого отдельного критерия); — суммарная балльная оценка проекта (h) по критерию (i) оценки; — общая максимальная балльная оценка по критерию (i); i — номер критерия оценки (i = 1, 2, 3); j — номер показателя оценки (j = 1, 2, ...n); h — номер оцениваемого проекта.

Оценка сравнительных преимуществ заявленных проектов по системе критериев оценки (согласно предлагаемой методике, выделяется три критерия оценки) производится поэтапно и в зависимости от дифференциации проектов по категориям и их специфике.

Первый этап предполагает оценку сравнительных преимуществ проектов по критерию «трансформационный эффект проекта (“цифровой проект”)» с разделением на две группы проектов: проекты, оцениваемые по перечню обязательных показателей; проекты, оцениваемые по перечню обязательных и дополнительных показателей, — для проектов, в рамках которых предусмотрено создание (развитие) ИС.

В случае, если проект по критерию «трансформационный эффект реализации проекта (“цифровой проект”)» оценен на уровне 75% и выше — выше 3/4 от максимального установленного количества баллов для соответствующей группы проектов (проектов, оцениваемых по перечню обязательных показателей или оцениваемых по перечню обязательных и дополнительных показателей), он подлежит дальнейшему рассмотрению и оцениванию по критерию «влияние проекта на процесс оказания государственных услуг исполнительными органами власти, осуществление контрольной (надзорной) деятельности».

В случае, если проект по критерию «трансформационный эффект реализации проекта (“цифровой проект”)» оценен ниже 75% от максимального установленного количества баллов для соответствующей группы проектов, дальнейшая его оценка (оценка заявки на включение проекта в стратегию) не производится.

Второй этап: оценка сравнительных преимуществ проектов по критерию «влияние проекта на процесс оказания государственных услуг исполнительными органами власти, осуществление контрольной (надзорной) деятельности» с разделением на три категории проектов: проекты, влияющие на процесс оказания государственных услуг; проекты, влияющие на осуществление контрольной (надзорной) деятельности; проекты, влияющие на осуществление лицензионной (разрешительной) деятельности. Проекты, не относящиеся ни к одной из трех категорий, в рамках данного критерия не оцениваются (этап отсутствует).

Третий этап: оценка сравнительных преимуществ проектов по критерию «степень проработки и готовности проекта» (оценивание производится для всех проектов без их дифференциации).

Оценка сравнительных преимуществ заявленных проектов в рамках каждого из критериев по формуле (1) учитывает специфику проектов и их деление на группы и категории при расчете общей максимальной суммы баллов по критерию (Таблицы 4–6).

Таблица 4. Оценка сравнительного преимущества проекта по критерию «трансформационный эффект проекта (“цифровой проект”)»¹⁰

Наименование показателя оценки	Количество присвоенных проекту баллов по показателю (B_{ij}^h)	
Перечень обязательных для всех проектов показателей и дополнительных индикаторов для проектов, в рамках которых предусмотрено создание / развитие ИС (Таблица 1)	$B_{11}^h \dots B_{15}^h$ — для проектов, оцениваемых по перечню обязательных показателей; $B_{11}^h \dots B_{18}^h$ — для проектов, оцениваемых по перечню обязательных и дополнительных показателей.	
Итого сумма баллов по проекту	B_1^h	
Общая максимальная сумма баллов по критерию	B_1^{\max}	25 баллов — для проектов, оцениваемых по перечню обязательных показателей.
		40 баллов — для проектов, оцениваемых по перечню обязательных и дополнительных показателей.
Оценка сравнительного преимущества проекта по критерию, %	$P_1^h = \frac{B_1^h}{B_1^{\max}} * 100\%$	$\frac{B_1^h}{25} * 100\%$ — для проектов, оцениваемых по перечню обязательных показателей.
		$\frac{B_1^h}{40} * 100\%$ — для проектов, оцениваемых по перечню обязательных и дополнительных показателей.

Таблица 5. Оценка сравнительного преимущества проекта по критерию «влияние проекта на процесс оказания государственных услуг исполнительными органами власти, осуществление контрольной (надзорной) деятельности»¹¹

Наименование показателя оценки	Количество присвоенных проекту баллов по показателю (B_{ij}^h)	
Перечень показателей для соответствующей категории проекта (Таблица 2)	$B_{21}^h \dots B_{26}^h$ — для категории проектов, влияющих на процесс оказания государственных услуг; B_2^h — для категории проектов, влияющих на осуществление контрольной (надзорной) деятельности; $B_{21}^h \dots B_{27}^h$ — для категории проектов, влияющих на осуществление лицензионной (разрешительной) деятельности.	
Итого сумма баллов по проекту	B_2^h	
Общая максимальная сумма баллов по критерию	B_2^{\max}	30 баллов — для категории проектов, влияющих на процесс оказания государственных услуг.
		10 баллов — для категории проектов, влияющих на осуществление контрольной (надзорной) деятельности.
		40 баллов — для категории проектов, влияющих на осуществление лицензионной (разрешительной) деятельности
Оценка сравнительного преимущества проекта по критерию, %	$P_2^h = \frac{B_2^h}{B_2^{\max}} * 100\%$	$\frac{B_2^h}{30} * 100\%$ — для категории проектов, влияющих на процесс оказания государственных услуг.
		$\frac{B_2^h}{10} * 100\%$ — для категории проектов, влияющих на осуществление контрольной (надзорной) деятельности.
		$\frac{B_2^h}{40} * 100\%$ — для категории проектов, влияющих на осуществление лицензионной (разрешительной) деятельности.

¹⁰ Разработано автором.

¹¹ Разработано автором.

Проекты, направленность которых по заявленным характеристикам не соответствует ни одной из указанных категорий, оценке по данному критерию не подлежат.

Таблица 6. Оценка сравнительного преимущества проекта по критерию «степень проработки и готовности проекта»¹²

Наименование показателя оценки	Количество присвоенных проекту баллов по показателю (B_{ij}^h)	
Перечень показателей оценки по критерию (Таблица 3)	$B_{31}^h \dots B_{35}^h$	
Итого сумма баллов по проекту	B_3^h	
Общая максимальная сумма баллов по критерию	B_3^{\max}	15 баллов
Оценка сравнительного преимущества проекта по критерию, %	$P_3^h = \frac{B_3^h}{B_3^{\max}} * 100\%$	$\frac{B_3^h}{15} * 100\%$

Заключение

Количественная оценка сравнительных преимуществ проектов цифровой трансформации нацелена на повышение эффективности процесса отбора проектов, а также установление взаимосвязи стратегии с показателями национальных целей, а именно: увеличение вложений в отечественные решения в сфере информационных технологий в четыре раза по сравнению с показателем 2019 года; снижение выбросов опасных загрязняющих веществ, оказывающих наибольшее негативное воздействие на окружающую среду и здоровье человека; достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления; увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронной форме, до 95%; повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет; улучшение качества городской среды.

Для оптимизации процесса подготовки проектной документации и заявок по региональным проектам необходимым условием является разработка порядка подготовки, оформления и рассмотрения заявок, который должен включать описание процессов формирования и направления заявки для оценки проекта, форму заявки, сроки рассмотрения, регламент взаимодействия исполнительных органов власти, участвующих в оценке проекта, подготовку заключения о целесообразности включения проекта в стратегию, организацию взаимодействия органов власти — функциональных заказчиков, заявителей и уполномоченных проводить оценку.

Благодарности

Материалы статьи подготовлены при участии исполнительных органов власти Красноярского края: Министерства цифрового развития Красноярского края, Министерства экономики и регионального развития Красноярского края, Управления проектной деятельности Правительства Красноярского края, «Центра управления регионом» Красноярского края.

Автор выражает благодарность за сотрудничество и плодотворную работу, предоставленные материалы и рекомендации заместителю начальника отдела сопровождения национальных проектов управления проектной деятельности Правительства Красноярского края Гуровой Екатерине Александровне, руководителю сектора отраслевых информационных

¹² Разработано автором.

проектов Министерства цифрового развития Красноярского края Копеевой Анастасии Сергеевны, специалисту «Центра управления регионом» Майснер Дарье Владимировне, консультанту отдела мониторинга государственных услуг и регулирования деятельности государственных учреждений Министерства экономики и регионального развития Красноярского края Воронцову Михаилу Вячеславовичу.

Список литературы:

Бауэр В.П., Еремин В.В., Сильвестров С.Н., Смирнов В.В. Экономическое моделирование процессов цифровой трансформации // Журнал экономической теории. 2019. Т.16. № 3. С. 428–443. DOI: [10.31063/2073-6517/2019.16-3.11](https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-3.11)

Брюханова Н.В., Григорьева Н.С., Дынник Д.И. Внедрение межведомственных цифровых технологий в систему государственного управления: оценка бюджетной эффективности проекта // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 23–33. DOI: [10.22394/2079-1690-2021-1-4-23-33](https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-23-33)

Добролюбова Е.И. Государственное управление по результатам изменения цифрового преобразования: обзор зарубежного опыта и перспективы для России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 4. С. 70–93.

Дорошенко С.В., Макарова М.Н. Оценка адаптации населения регионов России к цифровым технологиям // Экономика региона. 2022. Т. 18. № 1. С. 296–310. DOI: [10.17059/ekon.reg.2022-1-21](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-21)

Ефремов А.А. К формированию механизма выявления и устранения системных правовых ограничений цифровизации государственного управления // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 4. С. 59–83.

Зеленцова С.Ю., Галюта О.Н. Реализация национальных проектов в части цифровизации государственного управления в субъектах РФ // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 231. № 5. С. 238–255. DOI: [10.38197/2072-2060-2021-231-5-238-255](https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-231-5-238-255)

Иванова М.В. Системы оценки цифровой трансформации государственного управления: сравнительный анализ российской и зарубежной практики // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 79. С. 246–270. DOI: [10.24411/2070-1381-2020-10058](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10058)

Москвитина Н.В. Цифровая трансформация государственного управления // Социология. 2021. № 4. С. 114–128.

Сидоренко Э.Л., Барциц И.Н., Хисамова З.И. Эффективность цифрового государственного управления: теоретические и прикладные аспекты // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 2. С. 93–114.

Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить / под ред. Е.Г. Потаповой, П.М. Потеева, М.С. Шклярук. М.: РАНХиГС, 2021.

Титов С.А., Титова Н.В. Проектное управление цифровой трансформацией компаний // Вестник университета. 2022. № 1(7). С. 22–29. DOI: [10.26425/1816-4277-2022-7-22-29](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-7-22-29)

Этри Э., Карбланк Э., Гиртен Д., Лешер М., Пилат Д., Вайкофф Э., Кейхин Б. Векторы цифровой трансформации // Вестник международных организаций. 2020. Т.15. № 3. С. 7–50. DOI: [10.17323/1996-7845-2020-03-01](https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-03-01)

Janka T., Kosieradzka A. The New Approach to the Strategic Project Management in the Polish Public Administration // Foundations of Management. 2019. Vol.11. Is.1. P.143–154. DOI: [10.2478/fman-2019-0012](https://doi.org/10.2478/fman-2019-0012)

Tkach I., Shmorgun L., Halachenko O., Hrinchenko Yu., Solomko A. Implementation of the Project Approach in Public Administration // International Journal of Management. 2020. № 11(6). P. 1532–1549. DOI: [10.34218/IJM.11.6.2020.140](https://doi.org/10.34218/IJM.11.6.2020.140)

References:

Attrey A., Carblanc E., Gierten D., Leshner M., Pilat D., Wyckoff E., Kahin B. (2020) Vectors of Digital Transformation. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*. Vol. 15. No. 3. P. 7–50. DOI: [10.17323/1996-7845-2020-03-01](https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-03-01)

Bauer V.P., Eremin V.V., Silvestrov S.N., Smirnov V.V. (2019) Economic Modeling of Digital Transformation Processes. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*. Vol. 16. No. 3. P. 428–443. DOI: [10.31063/2073-6517/2019.16-3.11](https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-3.11)

Bryukhanova N.V., Grigoryeva N.S., Dynnik D.I. (2021) Vnedreniye mezhvedomstvennykh tsifrovyykh tekhnologiy v sistemu gosudarstvennogo upravleniya: otsenka byudzhetnoy effektivnosti proyekta [Implementation of Interdepartmental Digital Technologies into the Public Administration System: Assessment of the Project Budgetary Efficiency]. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski*. No. 4. P. 23–33. DOI: [10.22394/2079-1690-2021-1-4-23-33](https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-23-33)

Dobrolyubova E.I. (2018) Performance Management in Public Administration in the Digital Era: Review of International Practices and Prospects for Russia. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. No. 4. P. 70–93.

Doroshenko S.V., Makarova M.N. (2022) Assessing the Adaptation of the Population of Russian Regions to Digital Technologies. *Ekonomika regiona*. No. 18(1). P. 296–310. DOI: [10.17059/ekon.reg.2022-1-21](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-21)

Efremov A.A. (2020) In Reference to Creating a Mechanism for Detecting Systemic Legal Limitations of the Digitalization of Public Administration. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. No. 4. P. 59–83.

Ivanova M.V. (2020) Assessment Systems for Government Digital Transformation: Comparative Analysis of Russian and International Practice. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 79. P. 246–270. DOI: [10.24411/2070-1381-2020-10058](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10058)

Janka T., Kosieradzka A. (2019) The New Approach to the Strategic Project Management in the Polish Public Administration. *Foundations of Management*. Vol. 11. Is. 1. P. 143–154. DOI: [10.2478/fman-2019-0012](https://doi.org/10.2478/fman-2019-0012)

Moskvitina N.V. (2021) Digital Transformation of Public Administration. *Sotsiologiya*. No. 4. P. 114–128.

Potapova E.G., Poteev P.M., Shklyaruk M.S. (eds.) (2021) *Strategiya tsifrovoy transformatsii: napisat', chtoby vypolnit'* [Digital transformation strategy: Write to execute]. M.: RANEPА.

Sidorenko E.L., Bartsits I.N., Khisamova Z.I. (2019) The Efficiency of Digital Public Administration Assessing: Theoretical and Applied Aspects. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. No. 2. P. 93–114.

Titov S.A., Titova N.V. (2022) Project Management of the Digital Transformation of Companies. *Vestnik universiteta*. No. 1(7). P. 22–29. DOI: [10.26425/1816-4277-2022-7-22-29](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-7-22-29)

Tkach I., Shmorgun L., Halachenko O., Hrinchenko Yu., Solomko A. (2020) Implementation of the Project Approach in Public Administration. *International Journal of Management*. No. 11(6). P. 1532–1549. DOI: [10.34218/IJM.11.6.2020.140](https://doi.org/10.34218/IJM.11.6.2020.140)

Zelentsova S.Yu., Galyuta O.N. (2021) Implementation of National Digitalization Projects State Administration in the Subjects of the Russian Federation. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*. Vol. 231. No. 5. P. 238–255. DOI: [10.38197/2072-2060-2021-231-5-238-255](https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-231-5-238-255)

Дата поступления/Received: 01.05.2023